

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДЕЛЕНИЯ ЭТНОГРАФИИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакцію Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанского

Выпускъ III и IV

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія С. Н. Худекова. Владимирскій пр., № 12.
1894.

Печатано съ разрешенія Совета Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ОТДѢЛЪ I.

Олекминские скопцы.

Историко-бытовой очеркъ.

(Окончаніе).

II.

Скопческое селеніе производить на человѣка «мира» чрезвычайно своеобразное и тяжелое впечатлѣніе. Многіе видятъ въ скопчествѣ крайнее развитіе монашеской идеи. Логически это пожалуй вѣрно; но скопческое селеніе не только своимъ виѣшнимъ видомъ не походить на монастырь, въ которомъ жизнь, за каменной оградой и подъ мрачными сводами, должна быть сосредоточена исключительно на спасеніи души—оно разнится отъ него также своимъ внутреннимъ содержаніемъ. Взглядъ на монашество, въ смыслѣ его соціальной полезности, можетъ быть отрицательный,¹⁾ но оцѣнка лицъ искренно и безкорыстно монашествующихъ не можетъ отъ этого пострадать; можно только пожалѣть потерю ихъ для себя и для общества. Монахъ человѣкъ нормальный и на извѣстной ступени общественнаго развитія онъ олицетворяетъ себѣ побѣду духа въ борьбѣ съ грубо материальными стремленіями человѣческой природы. Онъ не лишенъ страстей и желаній, но долженъ находиться въ постоянной борьбѣ съ ними, чтобы потребности духа, такъ или иначе попытая, мнимыя или истинныя, не были снесены ихъ бурей. Хотя и про-

¹⁾ Конечно можетъ быть отрицательный, но едвали справедливый: ни одинъ разумный историкъ не станетъ же отрицать великихъ заслугъ монашества на Востокѣ и Западѣ въ области просвѣщенія и гражданственности, но тотъ же историкъ не будетъ конечно скрывать и дурнаго вліянія, какое оказывало монашество при крайнемъ своемъ развитіи благодаря виѣшнему покровительству и богатствамъ монастырей *Ред.*

явлениі человѣческаго духа возможны только на почвѣ удовлетворенія материальныхъ потребностей, которыя, правда, можно довести до извѣстнаго минимума, тѣмъ не менѣе, какъ ущаися нерѣдко абсолютной, побѣда духа въ человѣкѣ надъ плотью не лишена своего рода величія. Подобные моменты скопецъ переживаетъ только разъ въ своей жизни—въ минуту, предшествующую оскопленію, но это можно сказать только относительно очень немногихъ скопцовъ, такъ какъ большая часть изъ нихъ приносится въ жертву богинѣ Цибеллѣ¹⁾ изувѣрными родителями или опекунами въ дѣтскомъ возрастѣ, слѣдовательно безъ всякой внутренней борѣбы въ самихъ жертвахъ, и неменьшая часть взрослыхъ скопить себя по глубокому невѣжеству—безъ яснаго понятія о великихъ послѣдствіяхъ и важнаго значенія оскопленія, какъ для себя, такъ и для общества; наконецъ есть выродки, давшіе себя оскопить изъ-за материальныхъ интересовъ.

Скопческое селеніе въ Якутской области обыкновенно состоитъ изъ одной длинной улицы, образуемой проѣзжей дорогой. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ напр. въ Спасскомъ селеніи, еще имѣется и боковая улица паралельная первой. Въ этомъ самомъ большомъ селеніи въ Олекминскомъ округѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ фасадъ улицы образуется непрерывной цѣпью плетней и заборовъ, за которыми тянутся огородныя гряды, парники съ посаженной то тамъ, то сямъ березкой или рабиной. Калитки въ эти огорода посторонно заперты изнутри. За огородами высится дома съ отдѣльными дворами и запертными воротами. Большая часть скопческихъ домовъ принадлежитъ къ лучшимъ постройкамъ въ округѣ. Въ то время какъ въ городѣ масса живетъ въ жалкихъ срубахъ изъ тонкаго лѣса, плохой постройки, почти безъ пазовъ, безъ внутренней и винѣнной обшивки бревенъ, съ маленькими окнами со стеклами, пузыремъ или со склеенными кусочками стекла (вместо домовъ не мало также якутскихъ юртъ)—скопческие дома за рѣдкими исключеніями построены изъ толстаго лѣсу, на хорошихъ пазахъ, они обшиты досками, снабжены большими окнами съ крашенными ставнями и рѣзными украшеніями, а нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ также 2 этажа, каковыхъ построекъ въ городѣ совсѣмъ нѣть. Дома эти съ высажимися надъ ними высокими листами съ флюгерами, съ перекинутыми черезъ канавы передъ фасадами домовъ мостиками напоминаютъ собой рядъ укрѣпленныхъ замковъ. А въ каждомъ домѣ «божихъ» воиновъ вы найдете оружіе для защиты своихъ особъ и собственности отъ нападеній

¹⁾ Сирійская богиня, жрецы которой скопились, и кульп которой перешелъ потомъ въ Грецию и Римъ.

татей и злодѣвъ. Проходишь иной разъ ночью съ самыми мирными намѣрѣніями по скопческой улицѣ—вдругъ изъ какого нибудь дома, въ трубу или во дворѣ раздается предупредительный выстрѣль.—За воротами и засовами, на внутреннемъ дворѣ, выстроены конюшни, амбары и сараи, стерегомые большими собаками на цѣпяхъ. По другую сторону дворовъ тянутся пашни или выгоны.

На улицѣ днемъ такое же безмолвіе какъ ночью. Она не оглашается звонкими голосами дѣтей; она не видѣть ихъ веселыхъ игръ и проказъ и не слышитъ ихъ горькаго плача; она не видѣть счастливыхъ матерей и заботливыхъ отцовъ, и неизвѣстны ей ни семейная радость, ни семейное горе. Веселье и слезы сведены къ одному знаменателю—безстрастному равнодушію—въ этомъ царствѣ тѣней, облеченныхъ въ плоть и покрытыхъ толстымъ слоемъ желтаго трупнаго жира. Статистика о скопцахъ лишена самой важной статьи этой науки—цифры о рожденіяхъ и вмѣсто рубрики о движениіи населенія мы имѣемъ здѣсь только «передвиженіе» его изъ одного селенія въ другое или изъ Россіи въ Якутскую область. Даже прыгающій по деревнѣ теленокъ или визжащій щенокъ являются свѣтлыми пятнами на темномъ и скучномъ скопческомъ фонѣ...

Съ этими тяжелыми мыслями вступаете въ скопческое селеніе—онъ давать вѣсъ какъ кошмаръ. Смотришь—издѣли двигается съ развалистой не твердой походкой, точно боковой качкой неодушевленного корабля, желтая безбородая фигура съ мутными безжизненными глазами и прямыми жидкими волосами въ пиджакѣ или другомъ городскомъ одѣяніи. (Надо замѣтить, что скопецъ въ ссылкѣ одѣвается по городски и иѣкоторые даже франтовато), издѣли еще иѣкоторымъ образомъ мужская фигура отвѣшиваетъ низкій поклонъ, снимаетъ картузъ и съ благочестивой миной и дѣтскимъ сопрано говорить: «Мое почтеніе, Ж.Ж.». Видъ смиренного и страдальческаго лица скопца вызываетъ въ воображеніи пройденныя имъ страданія: тюрьму, крѣпостныя работы, кандалы, туруханская тундра, страшный этапный путь, а затѣмъ борьбу съ суровой природой, наконецъ его глубокое несчастіе... Невольно тогда является состраданіе къ нему, но въ то же время, взявши протянутую желтую, холодную и влажную руку, изъ глубины души у васъ поднимается протестъ противъ всего его существа.

Живутъ скопцы обыкновенно по 3—4 и больше людей въ одномъ домѣ, который составляетъ или общую собственность, что обыкновенно бываетъ при родственныхъ связяхъ сожителей, или собственность одного или 2-хъ лицъ, а остальные живутъ на правахъ работниковъ, стряпокъ или просто жильцовъ. Каждый домъ состоитъ, за исключеніемъ домиковъ одиночекъ, не менѣе чѣмъ

изъ 3-хъ отдельныхъ компаний: передней, горницы для «братьевъ» и отдельнія для «сестрицъ». Первые и последние никогда (скажемъ мы) не сходятся вмѣстѣ, особенно при постороннихъ, отдельно ёдуть и работаютъ. «Братецъ» занимается ремесломъ, сношениемъ съ людьми, торговлей. «Сестрица» стряпаетъ, смотритъ за домашнимъ хозяйствомъ, скотомъ и никогда не отлучается изъ селенія. Особенно не отпускаютъ братцы молодыхъ сестрицъ, между которыми встречаются недурнныя, румяные лица съ огненнымъ взоромъ пылающихъ страстью глазъ, стыдливо скрываемыхъ опущенными рѣсницами. Но по большей части это пожилыя, ожирѣвшія, вялые женщины съ одутловатыми лицами, синими кругами подъ тусклыми глазами и мужской гладкой грудью. Одѣваются они тоже по мѣщански. При входѣ посторонняго мужчины въ скопческій домъ сестрица удаляется къ себѣ; когда, поздоровавшись, протянете ей руку, она закинетъ свою назадъ и скажетъ: «Извините, намъ нельзя... здравствуйте». Внутри дома все чисто, стѣны по большей части оклеены обоями, на столахъ скатерти, на окнахъ горшки съ цветами, а у богатыхъ скопцовъ вы найдете залу съ мягкой мебелью, коврами, зеркалами, гардинами и разными украшеніями. При всемъ томъ во всѣхъ ихъ домахъ ощущается непріятный специфический запахъ—можетъ быть запахъ пота, обильно льющагося во время радѣній¹⁾). Во всѣхъ домахъ вы найдете православныя иконы въ богатыхъ оправахъ и ризахъ, которымъ оказывается притворное почтеніе. Скрытность и лицемѣріе скопцовъ доходитъ до того, что при первомъ знакомствѣ съ вами они признаютъ себя вѣрными сынами православной церкви, «но, говорятъ они, молиться можно везде». Чтобы были у нихъ особыя молитвенные собранія, они решительно отрицаютъ, но разсказы скопцовъ, перешедшихъ въ православіе, опровергаютъ вполнѣ это отрицаніе, вызванное вѣковымъ преслѣдованіемъ. Только познакомившись поближе съ кѣмънибудь изъ болѣе развитыхъ скопцовъ можно начать религіозные споры. Мы не намѣрены тутъ вдаваться въ описание обрядовъ и др. сторонъ ученія скопцовъ, которое можно найти въ изслѣдованіяхъ Реутскаго, Кутепова и др. Скажемъ только, что масса скопцовъ до того невѣжественна и тупа, что рѣдко кто изъ нихъ можетъ толково объяснить и знать свое «ученіе» (только молчать и хранить «тайну» умѣютъ всѣ), хотя грамотныхъ между ними не мало²⁾ и нѣсколько человѣкъ, начитанныхъ не только по части

¹⁾ По свидѣтельству Пеликана (Судебно-медицинскія изслѣдованія скопчества) иотъ скопца становится кислымъ.

²⁾ О степени распространенія грамотности между ссыльными скопцами можно судить по слѣдующимъ даннымъ, собраннымъ нами въ Спасскѣ селеніи: изъ 204 человѣкъ, безъ грамотныхъ приходило 54%, полуграмотныхъ 28%, а вполнѣ грамотныхъ 18%. При чмъ изъ грамотныхъ 9 человѣкъ знало только по чухонски.

мистическихъ и религіозныхъ книгъ, но и по части свѣтскихъ изданій, какъ популярныя руководства къ прикладнымъ знаніямъ, а главнымъ образомъ по газетной литературѣ, которая читается по складамъ даже малограмотными скопцами. Они получаютъ всевозможныя газеты ежедневныя и еженедѣльныя; изъ послѣднихъ по большей части иллюстрированныя изданія (какъ «Нива») съ преміями, съ соблазнительными и грѣховными, въ скопческомъ смыслѣ, картинками, въ пристрастіи къ которымъ можно видѣть все людское противорѣчіе. Привычка къ чтенію и изощреніе въ немъ приобрѣтены грамотными скопцами въ тюрьмахъ и этапахъ, гдѣ они держатся отдельно, презираемые и осмѣиваемые другими арестантами. Оторванность отъ родины съ другой стороны возбуждаетъ любознательность, заключающуюся въ желаніи знать, что дѣлается на родной сторонѣ. Кроме того, нами замѣчено, что политика крайне интересуетъ скопческихъ грамотѣвъ. Они знаютъ про царей и президентовъ, про Бисмарка и Гладстона—вѣдь сами они живутъ въ чаяніи міровой политической роли скопчества по пришествіи въ міръ ихъ учителя Селиванова—по плоти царь Петръ III¹⁾, а по духу второе воплощеніе Сына Божія,—живущаго еще до сихъ поръ въ строгомъ заточеніи въ сузdalскомъ монастырѣ. Между прочимъ надо сказать, что значительная часть ссылочныхъ скопцовъ уже скептически теперь относится къ этимъ бреднямъ, но въ виду безповоротной отрѣзанности отъ общества и материальной зависимости отъ духовныхъ братьевъ, они выказываютъ лицемѣрную преданность фанатиковъ. Передъ мірянами же и послѣдніе хранять въ тайнѣ свои широкія надежды, не любя себя выставлять въ качествѣ страдальцевъ. «Мы вѣдь никого не убивали, не грабили тоже за «дело страдаемъ», сказаль намъ разъ одинъ изъ ихъ начетчиковъ. Когда начинаете разбивать ихъ, что разумѣется не трудно, на религіозной почвѣ, т. е. оспоривать извѣстныя ссылки скопцовъ на евангеліе и пророковъ, они часто прекращаютъ споръ утверждениемъ, что не всѣмъ дано постигнуть скопчество: «сія вмѣстить кто можетъ» и что великая «тайна» скопчества открывается только послѣ операциіи. Любять они также выставлять свою правоту на юридической почвѣ и, по любви сектантовъ къ виршамъ, они выражаютъ эту

¹⁾ Интересно слышанное нами преданіе скопцовъ, какъ императоръ Петръ Федоровичъ очутился Селивановыемъ. Когда Петръ III оскошился, Екатерина II пришла въ ярость, арестовала его и посадила въ Петропавловскую крѣпость. Тамъ Петръ III обратился къ часовому: «желаешь ли сослужить службу своему государю? Солдатъ отвѣтилъ: «за царя—батюшку готовъ сложить голову». Тогда Петръ III переодѣлся въ платье часоваго, а часоваго одѣлъ въ свое. Фамилия часоваго была Селивановъ, онъ и умеръ въ крѣпости, а Петръ III подъ его именемъ началъ распространять вѣру Искупленія. Дальнѣйшая настолицая история Селиванова извѣстна.

мысль следующими словами: «Кому какое дѣло до нашего тѣла». Это значитъ, что своимъ оскоплѣніемъ они не нарушили никакихъ правъ. Хотя скопческіе грамоты пользуются практическими свѣдѣніями, добытыми чтеніемъ и въ разговорѣ любятъ вставлять иностранныя словечки, но по духу своего ученія они знаніе ни во что ставятъ, ибо—пребывающій въ нихъ духъ божій выше всякаго человѣческаго знанія. За то они хватаются за всякую печатную мысль мистического характера, подыскиваютъ доказательства божественного происхождѣнія человѣческой души, ея переселеній и способности нѣкоторыхъ душъ къ непосредственному общенію съ божествомъ и къ пророчеству. Къ тѣлу же, какъ источнику всякой скверны, они относятся презрительно даже послѣ смерти и не признаютъ воскресенія мертвыхъ, въ смыслѣ возстанія предковъ, какъ вѣруютъ евреи и христіане.

Настоящее человѣчество служить соединяющимъ звѣномъ между прошедшимъ и грядущимъ. У скопцовъ нѣтъ подрастающихъ поколѣній и нѣтъ связи съ прошедшимъ. Мало того—у нихъ нѣтъ связи съ настоящимъ живущимъ человѣчествомъ. Поэтому внутренняя жизнь скопцовъ должна была бы отличаться отъ жизни «міра» особыеннымъ братствомъ. А между тѣмъ стремленіе къ исключительно духовной жизни неизбѣжно разбивается о дуализмъ человѣческой природы и ведетъ къ самому грубому матеріализму. Даже представленіе скопцовъ о жизни по пришествіи въ міръ ихъ спасителя и царя отличается земнымъ характеромъ, т. е. они сдѣлаются бессмертными, и на землѣ наступить божье царство съ радѣніями и пророчествами. Касаясь ихъ теперешней жизни, которую они ставятъ въ примѣръ будущему, прежде всего бросается въ глаза крайнее развитіе индивидуализма, страсть къ наживѣ, любовь къ деньгамъ и непомѣрная жадность. Богатые и вліятельные скопцы обдѣлаютъ бѣдныхъ, даже при распределеніи помощи отъ россійскихъ и румынскихъ братцевъ; скопцы, живущіе въ работникахъ, эксплуатируются какъ чужіе. Не лучше дѣло обстоитъ съ чревоугодіемъ, такъ порицаемымъ въ скопческомъ ученіи. Скопцы, какъ известно, не употребляютъ мяса, но страсть ко всему вкусному, а главное сладкому, по части печений рыбки, молочныхъ и растительныхъ продуктовъ, вареньца и конфектъ развита у нихъ гораздо больше, чѣмъ у мірянъ. Намъ также известны были случаи тайного отъ товарищей употребленія нѣкоторыми скопцами мяса, табаку и спиртныхъ напитковъ.

Что же касается центра тяжести скопческаго ученія о грѣховности сношенія половъ, то и въ этомъ отношеніи скопцы въ ссылкѣ не безупречны. По рассказамъ намъ скопцовъ, имъ не чуждо половое влеченіе. Оно и физиологически объяснимо. Изъ 2-хъ главныхъ видовъ оскопленія мужчинъ: лишеніе *testiculum* съ оставленіемъ самого *thymus* и отнятіе того и другого служать причиной бесплодія, не уничтожая полового влеченія, такъ оно

имѣть своимъ источникомъ первную систему, а не органъ, вырабатывающей сѣмѧ, но уничтоженіе послѣднаго отнимаетъ энергию и извращаетъ характеръ самого влеченія. Въ случаахъ только первого рода оскопленія, называемаго «малою печатью» и соitus возможно. Скопцамъ въ извѣстной мѣрѣ доступны привлекательность женской красоты, привязанность, любовь и ревность по отношенію къ «сестрицѣ»; но страсть скопца страсть не здоровая и неполная, не та страсть, которая въ періодъ возмужалости служить импульсомъ для высокихъ стремленій души къ благородной дѣятельности и къ совершенію подвигъ; не та страсть, во время которой является сознаніе долга и обязанностей по отношенію къ обществу, гордое мужество и высшая фантазія, а чисто животная похоть ¹⁾). Тѣмъ не менѣе, по рассказамъ намъ нѣкоторыхъ скопцій, отрекшихся отъ скопчества, въ душѣ скопца въ періодъ его возмужалости (особенно у лицъ не оскопленныхъ въ раннемъ дѣствѣ), въ тотъ періодъ, когда у нормального человѣка возбуждается цѣлый рядъ новыхъ ощущеній, благородныхъ чувствъ и инстинктивное сознаніе своей связи съ будущимъ по колѣніемъ, происходитъ трудно передаваемая драма—драма, достойная кисти художника-психолога.

Тяжелое томленіе и чувство одиночества, безполезности и отрѣзанности отъ общества борется съ тайнымъ влечениемъ къ другому полу, влечениемъ плохо сознаннымъ и ненормально возбуждаемымъ разстроенной фантазіей. Результатомъ этой драмы является равнодушіе ко всему остальному миру, а половой зудъ вырождается въ «грѣхи блудного мечтанія» и ведетъ къ не нормальнымъ и часто противоестественнымъ общеніямъ «братьевъ» съ «сестрицами».

Явленіе это среди сильныхъ-скопцовъ очень частое, потому что у большинства изъ нихъ, какъ мы замѣтили, вѣра пошатнулась, только несчастье остается при нихъ безвозвратно. Одинъ администраторъ намъ рассказывалъ случай, когда скопецъ, разошедшись со своей «стрипкой», обратился къ нему за рѣшеніемъ ихъ имущественного спора. При чемъ скопчиха право своего иска основывала на томъ, что «онъ» десять лѣтъ ее мучилъ...

Положеніе женщины - скопчихи съ одной стороны еще болѣе тяжелое, съ другой же не такое безнадежное, какъ положеніе скопца. Извѣстно, что

¹⁾ Извѣстный физиологъ Броунъ-Секаръ, говорить, что кастрація влечетъ за собой глубокія измѣненія въ физическомъ и нравственномъ существѣ человѣка и служить причиной слабости физической и умственной дѣятельности его, потому что testicules доставляютъ кровь, или путемъ всасыванія извѣстныхъ частей сѣмени, или же инымъ путемъ вещества, придающія энергию нервной системѣ, вѣроятно также и мускуламъ.

операциј надъ женщинами, совершаемая скопцами, бывает одного или нѣсколькихъ видовъ заразъ и заключается въ отрѣзываніи грудей и обезображеніи, срѣзываніи и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, искусственномъ срошеніи, съ оставленіемъ небольшого отверстія, наружныхъ частей половыхъ органовъ, что, какъ говоритъ Челиканъ, не только не производить измѣненія въ духовной сфере женщины, но и не уничтожаетъ способности къ брачному сожительству и дѣторожденію. Намъ дѣйствительно извѣстны не мало случаевъ выхода замужъ скопчихъ за православныхъ, но браки эти большей частью бесплодны и, какъ намъ говорили, бесплодными оказываются женщины съ отрѣзанными грудями или съ вырѣзанными молочными железами. Мы не компетентны въ объясненіи этого вопроса чисто физиологического характера, но, можно думать, что органы питания ребенка находятся въ симпатической связи съ органами его зарожденія ¹⁾). Наконецъ изъ скопческихъ дѣлъ видно, что въ 1862 году въ самомъ скопческомъ селеніи (Спасскомъ) одна скопчиха разрѣшилась отъ бремени сыномъ, къ великому огорченію и сраму ни въ чьемъ исповинныхъ скопцовъ, и къ неудовольствію мѣстныхъ властей, возбудившихъ сначала вопросъ объ отобраниіи у скопчихи ребенка во избѣженіе его оскопленія, но по рѣшенію дѣла Генераль-Губернаторомъ ребенокъ былъ оставленъ у матери подъ строгимъ надзоромъ исправника. Но надзоръ этотъ не помѣшилъ ребенку черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ рожденія перейти изъ царства живыхъ мертвцовъ къ настоящимъ.

Обращаясь теперь къ отношенію скопцовъ къ «міру» надо сказать, что оно скорѣе злобно, чѣмъ индиферентно. Это обстоятельство, какъ и вообще мелочность и эгоистичность скопца вытекаютъ прямо изъ его безпочвенной общественной организаціи, не оживляемой семейнымъ началомъ—базисомъ всякаго соціального строя, служащихъ, какъ говорить Конть, лучшей школой для развитія соціальныхъ и альтруистическихъ чувствъ. Если принципъ самосохраненія и кружковая дисциплина заставляетъ ихъ отказаться—и то не всегда, отъ конкуренціи между собой, то интересы міра для нихъ не доступны. Наоборотъ, противъ послѣдняго у нихъ составлена формальная стачка. Мы не будемъ тутъ повторять, что говорили раньше о вліяніи скопцовъ на рынокъ. Крестьяне и якуты находятся у скопцовъ въ долгу, а съ послѣдними скопцы ведутъ не безвыгодную мѣновую торговлю и не брезгаютъ тайнымъ

¹⁾ Объ одномъ только случаѣ изъ Якутскаго округа намъ рассказывали, когда безгрудая скопчиха, по выходѣ замужъ за поселенца, «родила мальчика, которого принуждена была кормить искусственнымъ образомъ. Несчастная мать была въ отчаяніи, нѣжность и любовь, которыхъ она оказывала ребенку, были постоянно буры и чрезвычайно трогательны».

корчествомъ. Наёмнымъ рабочимъ скопцы, правда, даютъ больше высокую, чѣмъ горожане или крестьяне, плату и лучшую пищу, но за то выжимаютъ изъ нихъ всѣ соки. Намъ скопческие работники изъ поселенцевъ и крестьянъ жаловались, что они никогда не высыпаются, скопецъ будить ихъ въ 2 часа утра и отпускаетъ лѣтомъ съ закатомъ, такъ что на сонъ остается менѣе 5 часовъ. А на самой работѣ хозяинъ все время понукаетъ: «то то, братиѣ, то другое», такъ что въ работу къ скопцамъ идутъ работники самые крѣпкие физически.

Вліяніе же скопцовъ на населеніе въ смыслѣ распространенія скопчества ничѣмъ необнаруживается. За все время поселенія скопцовъ въ Олекминскомъ округѣ открыть былъ одинъ случай оскопленія мальчика въ 1872 г. въ Иллюмскомъ селеніи. Якуты и обѣякученные приленскіе крестьяне слишкомъ преданы материальнымъ интересамъ и о духовныхъ потребностяхъ мнѣній или настоящихъ не имѣютъ представленія, даже монашество якутамъ не понятно, а многимъ изъ нихъ и неизвѣстно ¹⁾). Высшее счастье якута — плотно и жирно пойти. На скопцовъ же они смотрятъ съ недоумѣніемъ и наскрѣпкой. Хотя съ другой стороны якутскіе шаманскіе обряды и пляски по своимъ дѣйствіямъ и характеру очень близко подходятъ къ скопческимъ радиѣніямъ. Шаманъ подъ вліяніемъ воздѣйствія различныхъ усиленныхъ и быстрыхъ тѣлодвиженій на нервную систему приводитъ себя въ состояніе экстаза и припадковъ, когда умъ теряетъ свое значеніе контролера надъ ощущеніями и наступаетъ періодъ галлюцинацій; тоже самое бываетъ со скопческими пророками. Шаманъ, въ опьяненіи чувствъ, бесѣдуя съ духами, скопецъ вступаетъ въ обиженіе со святымъ духомъ и со всей святой троицей.

Но если скопчество, какъ религіозное ученіе не оказываетъ своего вліянія на Приленское населеніе, то оно вноситъ нѣкоторую почву въ семейную жизнь, далеко тамъ не прочную. Эти громадные скиты, въ видѣ селеній со своимъ явнымъ благочестіемъ и тайными пороками и открытый сожительства скопцовъ-отступниковъ виѣ селеній отнимаютъ у брака значенія естественнаго и благороднаго закона о продлѣніи человѣческаго рода, обращаютъ его въ акты всевозможныхъ «скверныхъ осязаній». Скопцы и скопчихи, отказывающіяся отъ своихъ заблужденій и присоединяющіяся къ православію, выходятъ изъ скопческихъ и приписываются къ крестьянскому обществу. Насъ не удивило, что такія скопчихи выходятъ замужъ за нескопцовъ, бракъ которыхъ, разумѣется, освящается церковью, но что находятся православныя жен-

¹⁾ По дорогѣ изъ Верхоянска въ Якутскъ мы разъ спросили на почтогѣ массу якутовъ, что такое монахъ? «монахъ — это монахъ». Мы объяснили имъ, что это не есть отвѣтъ. Тогда мы получили другой отвѣтъ: «Тутъ одинъ попъ проѣзжалъ — монахомъ назывался».

щины, вступающія въ сожительство съ такими скопцами, настъ поразило. Намъ извѣстенъ не одинъ случай такого сожительства. Въ одномъ изъ нихъ у сожительницы скопца были дѣти не имъ конечно прижитые, и объ одномъ ребенкѣ—горбатой дѣвочкѣ—онъ настъ увѣрялъ, что это его дѣвочка, что «это возможно». Этотъ несчастный былъ оскощенъ такъ называемый малой печатью въ самомъ цвѣтущемъ возрастѣ, испытавъ уже всѣ прелести любви ¹⁾ и этой сознательной, но близорукой ложью онъ думалъ заглушить у себя свой стыдъ и отчаяніе. Мы дѣлали видъ что вѣримъ ему.—Въ другомъ случаѣ сожительница скопца была молодая и не дурия собой крестьянка, а онъ высокій молодой человѣкъ съ довольно симпатичнымъ безкровнымъ лицомъ. По голосу или лицу онъ представлялъ нѣчто среднее лежду мужчиной и женщиной, будучи еще въ дѣтствѣ оскощенъ изувѣрнымъ отцомъ, котораго проклиналъ. Не смотря на всю неестественность, намъ казалось трогательнымъ, какъ онъ, не стѣсняясь другихъ, ее постоянно ласкалъ, обнималъ—и она, казалось, была къ нему привязана. Онъ, какъ бы законный мужъ, вошелъ въ интересы семьи своей сожительницы, выдалъ замужъ ея сестру, и крестьянъ, насколько мы замѣтили, не смущало это сожительство, хотя въ тихомолку и посмѣшивались.

III.

Скопчество, возникнувъ у настъ въ то время, когда кастрація во всемъ цивилизованномъ мірѣ съ какой бы то ни было цѣлью уже была прекращена, до сихъ поръ, въ концѣ 19-го столѣтія, продолжаетъ существовать. Явленіе это, характерное для нашей культуры, должно быть, по нашему мнѣнію, изучено независимо отъ изслѣдований о распространеніи раскола вообще. Скопчество есть по преимуществу явленіе эпидемического характера, каковыми фактами такъ богаты средніе вѣка европейской истории. Оно есть продуктъ извѣстнаго фазиса развитія духовной жизни народа, благопріятствующаго мистическому настроенію. Скопчество составляетъ теперь отвратительное пятно на нашемъ народномъ организмѣ, но, къ счастью, оно не представляетъ большой опасности въ смыслѣ широкаго распространенія, ограничиваясь жертвами въ нѣсколько тысячъ человѣкъ на сто-милліонное русское населеніе.

¹⁾ Изъ рассказа о своемъ оскощении интересенъ одинъ психіческій моментъ. Онъ городской житель, мастеровой, и согласился на оскощеніе подъ вліяніемъ религіознаго экстаза, но передъ самимъ приходомъ на мѣсто, назначенное для совершенія операции, онъ въ послѣдній разъ побывалъ въ извѣстномъ мѣстѣ.

Число скопцовъ, по Надеждину, въ 40-хъ годахъ было въ Россіи отъ 8 до 10 тысячъ человѣкъ. Юзовъ («въ Русскихъ дисидентахъ») считаетъ скопцовъ вмѣстѣ съ хлыстами въ 1881 г. въ 65 тысячъ челов., а Педиканъ считаетъ ихъ въ 1875 г. не больше 2—3 тысячъ. Послѣдняя цифра гораздо ниже дѣйствительной. Намъ неизвѣстно, сколько теперь всего скопцовъ въ Россіи, но въ одной Якутской области по даннымъ 1889 года ихъ было 1233 ¹⁾ челов., образующихъ 10 отдельныхъ селеній, изъ которыхъ въ Олекминскомъ округѣ 4 съ населеніемъ въ 344 чел. Женщины составляютъ около $\frac{1}{3}$ всего количества скопцовъ. Приведемъ здѣсь нѣсколько интересныхъ цифровыхъ данныхъ, добытыхъ нами изъ офиціальныхъ бумагъ объ олекминскихъ скопцахъ.

По сословиямъ, къ которымъ они принадлежали до суда, они такъ распределены: крестьянъ—258 чел., мѣщанъ—28 чел., солдатъ—28 ч.²), казачьяго званія—19 ч., бродягъ—6, поселенцевъ—3 ч. и купцовъ—2 ч. Изъ имѣвшихся теперь на лицо скопцовъ Олекминскаго округа судилось до 1862 г.—135 челов.; отъ 1862 до 1872 г.—98 чел.; отъ 1872 г. до 1882 г.—87 челов.; отъ 1882 до 1889 г.—44 челов. Вообще въ Якутскую область до сихъ поръ ежегодно приходило 15—20 скопцовъ. Можно ли по этимъ даннымъ судить объ уменьшениіи распространенія скопчества—мы не отваживаемся утверждать, но весьма возможно, что много случаевъ подвергаемыхъ теперь суду суть старыя оскопленія, но недавно открытыя. На эту мысль можетъ навести приложенная въ примѣчаніи таблица олекминскихъ скопцовъ по возрастамъ³), изъ которой мы видимъ, что въ 1862 году наибольшій % падалъ на возрастъ въ 30—39 лѣтъ, а въ 1889 году

¹⁾ Въ это число не входять отстуники и такъ называемые «духовные скопцы», т. е. сосланные за скопческія заблужденія, не будучи подвергнуты операциі. Они живутъ не въ скопческихъ селеніяхъ.

2) Такъ какъ теперь при всеобщей воинской повинности нѣть отдельного солдатскаго сословія, то эти 28 чл. надоѣдно прибавить къ крестьянамъ.

Отъ	16—19	гѣть	>	1.5 ⁰ /0
>	20—29	>	7.6 ⁰ /0	2.90 ⁰ /0
>	30—39	>	30.4 ⁰ /0	10.3 ⁰ /0
>	40—49	>	25 ⁰ /0	16 ⁰ /0
>	50—59	>	14.4 ⁰ /0	32 ⁰ /0
>	60—69	>	11 ⁰ /0	22.4 ⁰ /0
>	70—79	>	5.6 ⁰ /0	11.3 ⁰ /0
>	80—89	>	1.9 ⁰ /0	—
>	101	года	0.7 ⁰ /0	—
>	102	гѣть	—	0.8 ⁰ /0

онъ перешелъ на 50—59 лѣтній возрастъ, несмотря на значительную смертность тутъ скопцовъ. По мѣсту происхожденія олекминскіе скопцы падаютъ на губерніи: Бессарабскую, Киевскую, Ковенскую ¹⁾ и Костромскую по 0.3%; Каменецъ - Подольскую, Смоленскую и Тверскую по 0.6%; Саратовскую и Херсовскую по 0.8%; Оренбургскую, Пензенскую и Тамбовскую по 1.2%; Воронежскую — 1.5%; Вятскую — 1.8%; Московскую и Тульскую по 2.3%; Калужскую — 3.2%; Самарскую — 3.8%; Курскую — 4.1%; Пермскую и Уфимскую — 4.4%; Семирѣченскую область — 5%; Рязанскую — 8%; Орловскую — 9.4%; Таврическую — 12.3%; Петербургскую — 14%; на Финляндію — 0.8%; на Кавказскія губернія — 3.9%; на Сибирской губ. — 9.4%.

Что касается національностей и прежде исповѣдываемыхъ религій скопцами, то между ними мы находимъ не мало финновъ-лютеранъ Петербургской губерніи, распространеніе скопчества между которыми особенно замѣтно было въ 70 годахъ и причины котораго еще не выяснены, и бывшихъ молоканъ. Переходъ послѣдователей секты рациональной и общественной въ секту мисти-ческую, антиобщественную — явленіе очень интересное для характеристики край-нихъ блужданій человѣческаго духа ²⁾.

При описаніи поземельныхъ, имущественныхъ отношеній скопцовъ и уста-новившихъ нѣкоторыхъ юридическихъ обычаевъ внутри селеній, типомъ для послѣднихъ мы возьмемъ Спасское селеніе, самое большое и богатое въ округѣ и раскинувшееся въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ города.

Мы раньше уже замѣтили, говоря объ отношеніяхъ скопцовъ между со-бой, что владѣніе ихъ имуществомъ, богатствомъ и накопленіями носятъ узко-индивидуальный характеръ. Не имѣя кроиныхъ наслѣдниковъ, презирая плот-ское родство, какъ результатъ первороднаго грѣха (въ этомъ смыслѣ ови и понимаютъ библейское грѣхопаденіе) и проповѣдуя братство по духу и равенство во Христѣ, духовные «братцы» и «сестрицы» должны были бы въ своихъ селеніяхъ образовать нѣчто въ родѣ большихъ семей съ уничтоженіемъ терминовъ «мое» и «твое», съ общими работами и равномѣрнымъ распредѣ-леніемъ яко бы презираемыхъ ими материальныхъ благъ. Между тѣмъ капи-талъ, въ вульгарномъ ли смыслѣ — денегъ или научномъ — средство производ-

¹⁾ На Польшу и європо-западныя губ. скопчество не распространилось. Это един-ственный католикъ изъ Ковенской губерніи, приставшій къ сектѣ не на родинѣ, а будучи солдатомъ въ Архангельскѣ.

²⁾ Для дѣленія скопцовъ по національностямъ и религіямъ у насъ нѣть данныхъ для всего округа, а только для Спасскаго селенія. Изъ 210 чел. было русскихъ — 193, поля-ковъ — 1, шведъ — 1 и 15 финновъ. По прежнимъ религіямъ: 185 православныхъ, 16 люте-рантъ, 9 молоканъ и 1 католикъ.

ства, даетъ силу значеніе и земныхъ блага, насколько онъ доступны несчастнымъ скопческимъ богачамъ, только немногимъ лицамъ. Какую антипатію виупшаютъ къ себѣ старики-скошцы, одной ногой стоящіе въ могилѣ и готовые исчезнуть съ лица земли, не обезсмертивъ себя въ потомствѣ, своей жаждой къ приобрѣтеніямъ, жадностью и сквердностью!

Мы видѣли, что больше $\frac{2}{3}$ всего количества скопцовъ принадлежитъ къ крестьянскому сословію и происходятъ они главнымъ образомъ изъ губерній, въ которыхъ господствуетъ общинное землевладѣніе, каковая тенденція должна бы сохраниться у большинства крестьянъ-скопцовъ въ ссылкѣ. Между тѣмъ у нихъ не только не было стремленія къ общественной обработкѣ земли и запашкамъ, а съ самаго начала ихъ поселенія видно было стремленіе къ личной поземельной собственности съ ея неравномѣрнымъ распределеніемъ и отсутствіемъ передѣловъ. Такому положенію вещей благопріятствовало, кромѣ индивидуализма скопца, и неопределенность положенія скопческихъ селеній. Но полному обезземеленію бѣдныхъ скопцовъ и концентраціи всей земли въ рукахъ немногихъ мѣшала неотчуждаемость участка скопца, какъ поселенца, хотя, какъ увидимъ дальше, неотчуждаемость эта, въ силу установленного скопцами обычая, не распространялась на весь скопческій участокъ.

Такимъ образомъ право скопца на надѣль вытекало не изъ возвѣнія русского народа на землю и не изъ принципа общинного землевладѣнія, по которому каждый членъ общины имѣть право на временное пользованіе извѣстнымъ участкомъ, а изъ права поселенца на надѣль отъ инородческихъ обществъ въ пожизненное владѣніе.

Въ началѣ своего основавія скопческія селенія въ Олекминскомъ округѣ находились подъ вѣдѣніемъ крестьянской волости и сношемія ихъ съ властами происходили черезъ крестьянскихъ выборныхъ. Въ 1863 г. на представление Якутскаго Областнаго Правлѣвія о составленіи изъ скопцовъ, «для удобнѣшаго за ними надзора», двухъ обществъ (Якутскаго и Олекминскаго) со старостами, Совѣтъ главнаго Управлѣнія Восточной Сибири далъ заключеніе (отъ 28 авг. того же года) о неудобствѣ удовлетворенія этого ходатайства «ибо, сказано въ заключеніи, общества составляются изъ семействъ, а скопцы семействъ не имѣютъ, и потому можно только дозволять скопцамъ выбирать изъ своей среды старшинъ въ селеніяхъ». Съ тѣхъ поръ полицейское управлѣніе стало обращаться со своими предписаніями не въ крестьянскую волость, а прямо къ скопческому старшинѣ; но это все таки было еще селеніемъ поселенцевъ. До 1883 года на скопцовъ, какъ мы уже говорили, не распространяли милостей Высочайшихъ манифестовъ. Коронаціонный же манифестъ 1883 г., по разъясненію Сената, сталъ примѣняться, съ нѣкоторыми особенностями, и къ скоп-

цамъ. На этомъ основаніи отъ 1883 г. до 1889 г. очень много скопцовъ перешло изъ поселенческаго званія въ крестьянское, а самыя селенія въ 1889 году изъ скопческихъ переименованы просто въ крестьянскія, къ которымъ скопцы, не прожившіе еще законный срокъ, необходимый для приписки въ крестьяне, причислены какъ поселенцы. Такимъ образомъ землевладѣніе бывшихъ поселенческихъ селеній, ставшихъ теперь по закону крестьянскими деревнями, должно привлечь къ себѣ вниманіе администраціи, которая до сихъ поръ не интересовалась его формой, ограничиваясь только надѣленіемъ общества землею. Положеніе дѣлъ юридически теперь нѣсколько измѣнилось. Съ одной стороны селеніе, какъ крестьянская община, получаетъ въ полную собственность всѣ приписанныя къ ней земли, съ другой же стороны крестьянинъ — не поселенецъ, имущество котораго за неимѣніемъ прямыхъ наследниковъ переходитъ въ казну, а гражданинъ, имѣющій право завѣщанія. Поэтому теперь чрезвычайно важно установить принципъ землевладѣнія скопческихъ селеній — общиннаго-ли землевладѣнія съ передѣлами или частной собственности, къ которой скопцы болѣе склонны. Изъ свѣдѣній за 1862 г. мы видимъ, что уступленная скопцамъ Спасскаго селенія расчищенная земля (которой было очень немного), оказалась распределенной слѣд. образомъ: 3 артели по 3 челов. имѣли по 1 десятинѣ на артель, у одной артели въ 2 челов. было $\frac{1}{2}$ десятины, остальные же имѣли отъ 100 до 300 кв. сажень. У небольшаго числа скопцовъ ничего не было. На чёмъ основывалось подобное распределеніе — нѣть указаний, равно нѣть указаний на распределеніе нерасчищенныхъ земель, и вообще дѣйствительность этихъ данныхъ очень сомнительна. Огородной земли почти у всѣхъ было отъ 100 кв. сажень до $\frac{1}{2}$ десятины.

Въ пересмотрѣнныхъ нами скопческихъ дѣлахъ до 1889 года нѣсколько разъ упоминается о новыхъ наимѣнахъ къ Спасскому селенію различныхъ земель ¹⁾, но нигдѣ не говорится, чѣмъ руководствовалась община при дѣленіи ихъ, и наблюдала ли за этимъ администрація. Обратившись за разъясненіемъ поземельныхъ отношеній къ старостѣ Спасскаго селенія, мы получили слѣдующія свѣдѣнія: чищенные земли подѣлены ровными участками по $\frac{1}{4}$ десятины на податную душу въ пожизненное владѣніе, съ обратнымъ поступле-

¹⁾ Въ 1889 году въ Спасскомъ селеніи было земли: 20 дес. усадебной, 24 — огородной, 18 — выгонной, 44 — сѣнокосной, 380 — пахатной и 191 — еще нерасчищенной. Всего 677 десат. Кроме того въ томъ же году богатыми скопцами было арендовано земли у крестьянъ, казаковъ и якутовъ: 150 дес. пахатной и 170 дес. сѣнокосной. Вмѣстѣ это составило 977 десятинъ.

иметь въ обществѣ этихъ участковъ посль смерти временныхъ владѣльцевъ. Этими вымороочными землями надѣляются вновь приписываемые къ селеніямъ скопцы. Нечищенный земли тоже дѣлится по ровну на податныхъ скотцовъ, но, по очисткѣ ихъ, онъ поступаетъ въ полную собственность расчистившихъ¹⁾). Если участокъ расчищенъ совмѣстно двумя или тремя лицами, то по смерти одного изъ нихъ весь участокъ поступаетъ въ собственность переживающаго. За отсутствіемъ же послѣдняго, и если такой участокъ не быть проданъ владѣльцемъ до смерти, то посль нея онъ опять-таки поступаетъ въ общество, которое можетъ его продать или отдать его въ надѣль безземельному скопцу. На весь этотъ порядокъ надо смотрѣть, какъ на установленіе среди скопцовъ юридическѣ обычай, не основанные на какихъ либо законоположеніяхъ или распоряженіяхъ администраціи, хотя допускаемы и признаваемы послѣдней. Правда характеръ корчеваній таежныхъ мѣсть или осушки болотъ таковъ, что главнымъ образомъ вложенные въ землю трудъ и капиталъ обусловливаютъ ся цѣнность, а не земля сама по себѣ, такъ что участки расчищенные можно было бы сравнить съ такими участками въ великороссійскихъ деревняхъ съ общиннымъ землевладѣніемъ, которое въ силу особой интенсивности своей культуры (какъ сады, огороды и т. д.) или совсѣмъ передѣлу не подвергаются или черезъ очень долгіе сроки, или передѣль совершаются съ вознагражденіемъ нового хозяина старому за улучшенія. Но въ общемъ, какъ видитъ читатель, скопческое землевладѣніе не заключаетъ въ себѣ ни одного изъ признаковъ общинности. Неотчуждаемость же расчищенныхъ участковъ вытекаетъ тутъ не изъ правъ общинъ на землю, а безправія лица, какъ поселенца. Такимъ образомъ не описанного порядка и неодинаковости средствъ скопцовъ получилось неравнамѣрное землевладѣніе. Одни продавали свои участки, другие покупали. Тоже самое было съ землями, оставшимися послѣ смерти скопцовъ, и не всегда продажные участки были дѣйствительно пазъ тѣхъ, которые въ силу обычая могли быть продаваемы. Кроме того всѣ почти новые наработки за послѣдніе годы, были совершаемы казной не для общества, а по просьбѣ отдѣльныхъ лицъ, получившихъ землю, за ся расчистку, въ 40-лѣтніе владѣніе, т. е. для полнаго источенія. Такимъ образомъ казна сама содѣйствуетъ образованію крупной поземельной собственности среди скопцовъ. Въ настоящее время въ Спасскомъ селеніи очень много безземельныхъ скопцовъ; есть владѣющіе $\frac{1}{2}$ десятины и владѣющіе 30 и больше десятинъ одной пахатной земли, кромѣ арендныхъ земель. Что же касается до обращенія тайги и болотъ въ пашню— это, разумѣется, дѣло хореинее, но должно было бы думать, что все это было

¹⁾ Но такъ какъ за время существованія селенія скопцами расчищено болѣе 400 десятинъ, то собственно общинныхъ земель очень мало.

сделано скопческими руками. При всей своей выносливости и терпеливости, скопцы слабосильны—у нихъ не хватаетъ здоровой энергіи, они умѣютъ копаться и выжидать, но какъ только скопецъ станеть на ноги (не говоря уже о богачахъ), онъ уже обращается къ наемному труду своихъ и чужихъ ¹⁾.

Обращаясь затѣмъ къ другимъ имущественнымъ отношеніямъ скопцовъ, не касаясь капиталовъ богачей съ ихъ торговыми оборотами, для которыхъ, разумѣется, нельзя было получить точныхъ данныхъ; мы тоже видимъ бѣдность рядомъ съ зажиточностью. На 211 челов. (152 мужчинъ и 59 женщ.) было въ селеніи въ 1889 г. 91 домъ. Изъ нихъ отдельно владѣло домами 49 челов.; 35 домами владѣло по двое—70 челов., 7 домами по трое—21 челов., а 71 челов. не имѣло домовъ. Интересно, что изъ 60 женщинъ только 10 были домовладѣлицами. Изъ нихъ 4 попарно владѣли 2 домами, а 6 скопчихъ имѣли отдельные домишкі и жили продажею овощей въ городѣ, молочныхъ продуктовъ и т. д. 50 же скопчихъ не имѣли ни дома, ни доли въ немъ. Максимумъ землевладѣнія женщины въ селеніи не превышаетъ $\frac{1}{3}$ десятины земли. Вообщѣ положеніе женщины въ этомъ, въ иныхъ-то родахъ смысла, безполомъ обществѣ, очень не завидное. Законъ все таки смотритъ на работника, мужчину, представителя семьи, его облагаютъ налогами и надѣляютъ землями, а между тѣмъ у него нѣтъ юридическихъ обязанностей по отношенію къ скопчихъ, какъ къ матери, женѣ или дочери. Поэтому экономически «сестрица» вполнѣ зависитъ отъ братца, у которого или съ которымъ живетъ ²⁾.

IV.

Положеніе скопцовъ въ ссыпѣ, положеніе исключительное среди лицъ, сосланныхъ въ Сибирь по суду за другія преступленія, невольно обращаетъ

¹⁾ Изъ 152 скопцовъ Спасскаго селенія 36 челов. въ 1888 г. не имѣли земли. Изъ нихъ одни совсѣмъ не занимались земледѣліемъ, другіе жили въ качествѣ работниковъ у богатыхъ скопцовъ. Если изъ упомянутыхъ выше 997 десятинъ вычесть усадебную, огородную и выгонную земли (не расчищенныя считають, т. к. расчистка каждый годъ продолжается), то получимъ 935 дес. на 116 челов.—Годовыхъ работниковъ было въ томъ же году—11 (изъ нихъ только 5 челов. не скопцы), работница—14, мѣсячныхъ работниковъ—40 и больше, подеантцъ—50 ч., а во времена поѣзда и жатвы—150 изъ поселенцевъ и Якутовъ.

²⁾ Скота въ селеніи было въ томъ же году 86 штукъ рогатаго и 112 лошадей (для работъ еще нанимаютъ коней вѣстѣ съ работниками) и распределеніе ихъ далеко не равномерно. Мельницъ въ селеніи было 12 (9 конныхъ, 2 вѣтряныхъ и 1 водяная), 2 кирпичныхъ завода и бондарное и колесное производство. Много въ селеніи мастеровъ различныхъ ремеселъ, но не всѣ имѣютъ постоянные заказы за малочисленностью городского населения. Надо замѣтить, что скопцы свой трудъ очень дорого цѣнятъ. За помоль съ пуда берутъ 30 коп. За 1000 кирпичей 20 рублей. Изъ бумагъ видно, что скопцы-плотники часто отпускали въ разныя мѣста округа для постройки церквей и часовенъ, а въ 1872 году, по ходатайству Якутскаго городскаго головы, олекминские скопцы-плотники были отправлены въ Якутскъ для городскихъ построекъ.

шане внимание на нынѣшнее законодательство о скопцахъ. Если вообще наше законодательство о расколѣ, преслѣдует предметы вѣрованія и убѣжденія, является въ настоящее время анахронизмомъ, то постановленія о скопчествѣ, какъ сектѣ наиболѣе вредной, страдаетъ отсутствіемъ ясности и вѣкоторымъ противорѣчіемъ. Наказанія, которыми теперь скопцы подвергаются, суть слѣдующія: оскопители идутъ на 6 л. каторги, а оскопленные, если не доказано виноватіе, и самооскопители—на поселеніе, при чемъ самооскопителями признаются все скопцы, не указавшіе своихъ оскопителей. Что, спрашивается, служить въ данныхъ случаяхъ признакомъ преступленія? Извѣстны физическія поврежденія, а между тѣмъ, какъ видно изъ 6-го примѣчанія къ 201 ст. Ул. о Нак.—статья эта «преслѣдуетъ не фактъ отнятія дѣтородныхъ частей, который, отдельно взятый, представляется дѣяніемъ вовсе не наказуемымъ, а оскопление вслѣдствіе религіознаго фанатизма, возбужденнаго скопческимъ учениемъ». Изъ этого видно, что законъ нашъ въ данномъ случаѣ наказываетъ не за самое оскопленіе, а за еретическія мнѣнія, присутствіе которыхъ оскопленіе выдаетъ; законъ преслѣдуетъ не вредъ обществу и государству, причиняемый оскопленіемъ, а еретическое разногласіе съ учениемъ господствующей церкви. Если-же мы затѣмъ возьмемъ 5-е примѣчаніе къ той-же статьѣ, то увидимъ, что оно находится въ противорѣчіи съ предыдущимъ. По этому примѣчанію «оскопленіе таѣ называемой большой печатью (послѣ малой), рассматривается какъ новый актъ оскопленія», а между тѣмъ одна ужъ малая печать достаточно свидѣтельствуетъ объ извѣстномъ религіозномъ возврѣніи оскопленного. Съ другой стороны, среди скопцовъ есть не мало лицъ, оскопившихся вовсе не вслѣдствіе религіознаго фанатизма, а по причинамъ экономическимъ, стало быть они должны быть свободны отъ наказанія. Все это логическое противорѣчіе, по нашему мнѣнію, проистекаетъ изъ исключительно церковнаго взгляда законодателя на скопчество. Не желая здѣсь коснуться различныхъ взглядовъ о предѣлахъ свободы совѣсти, мы хотимъ только указать, что въ то время, когда все другія ученія крайнихъ сектъ раскола могутъ быть отнесены къ преступленіямъ противъ вѣры (разъ такія преступленія предусматриваются закономъ), скопчество должно быть рассматриваемо, какъ ученіе главнымъ образомъ вредное для благоустроеннаго общества и въ этомъ смыслѣ преслѣдуюмо, подобно запрещенію Англичанъ сожженія женъ на могилѣ мужей въ Индіи или принужденію Ашантіевъ прекратить человѣческія жертвы, освященные ихъ религіей. Дѣянія эти преслѣдуются Англичанами не какъ результаты религіозныхъ возврѣній и наказываются не самыя возврѣнія, а убийство человѣка. Правда скопецъ строго юридически не совершасть преступленія, потому что отношение человѣка къ самому себѣ не юридическое, а

иравственное, но это только такъ кажется съ первого взгляда. Подобно тому какъ членовредительство съ цѣлью уклоненія отъ воинской повинности разсматривается какъ преступленіе, потому что страдательнымъ лицомъ его является государство, точно также и скопецъ, будучи субъектомъ преступленія, въ одно и то-же время является и его объектомъ, но по отношенію къ послѣдствіямъ преступленія, добавочнымъ объектомъ его оказывается общество. Общество лишается нѣкотораго прироста народонаселенія, въ семейную жизнь общества скопцами вносится деморализація, скопчество затрагиваетъ нравственное чувство общества и нарушаетъ его благоустройство. Поэтому, оставляя въ сторонѣ оскопителей, которыхъ всякое гражданское законодательство признаетъ преступниками, и для огражденій себя отъ самобоскопителей, общество имѣть право принимать мѣры. Но примѣненіе ко всѣмъ скопцамъ безъ исключенія однихъ и тѣхъ же наказаній и ограниченій не вполнѣ согласно со справедливостью, потому что во многихъ случаяхъ, особенно въ ссылкѣ, скопцы безвредны въ смыслѣ распространенія своей рѣзни, и тогда наказаніе обращается уже въ месть. Въ 1801 году послѣдовало распоряженіе императора Александра I (по дѣлу о Калужскихъ скопцахъ) ¹⁾, комъ велѣно было «оставить ихъ отъ суда свободными, поелику они подобнымъ невѣжествомъ и вреднымъ поступкомъ сами себя уже довольно наказали». Не во всѣхъ разумѣется случаяхъ можно желать подобной свободы скопцамъ, но по скольку дѣло касается лицъ безвредныхъ въ смыслѣ распространенія физическаго уродства, не мѣшало бы и теперь вернуться къ приведеннымъ монаршимъ словамъ. Въ Якутской области есть масса скопцовъ, разувѣрившихся въ бредѣи своей секты, не говоря уже о значительномъ количествѣ перешедшихъ официально въ православіе, между тѣмъ къ нимъ примѣняются тѣ же ограниченія, какъ къ закоренѣлымъ фанатикамъ. Мы уже говорили, что до 1883 года къ скопцамъ не примѣнялись Высочайшіе манифесты, такъ что у нихъ не было надежды выйти когда либо изъ положеній безправныхъ поселенцевъ. Съ начала поселенія скопцовъ въ Якутской области имъ запрещено было отлучаться изъ селеній, заниматься въ услуженіе не къ скопцамъ, запрещено было имѣть свидѣтельства на мелочной или иной торгѣ въ самыхъ даже селеніяхъ. Изъ всѣхъ этихъ ограниченій не были изъяты въ начаѣ и скопцы, обратившіеся въ православіе, «такъ какъ, по объясненію Собрѣта Главы Упр. Восточной Сибири, изъ бывшихъ прѣмѣровъ видно, что раскаяніе этихъ сектантовъ не можетъ быть полное». Въ 1863 году Олекминскіе скопцы обратились на Высочайшее имя со всеподданѣйшей просьбой о разрѣшеніи имъ отлучекъ по округу и въ концѣ этого года Совѣтъ Главы.

¹⁾ Кутеповъ, Секты хлыстовъ и скопцовъ.

Уд. Вост. Сибири разрешилъ имъ отлучаться изъ селеній въ городъ «на необходи́мо нужный срокъ». Эта неопределеннія резолюція была только на руку скополю и користолюбію местной администраціи добраго старого времена. Только въ 1881 году разрешили скопцамъ, принимающимъ православіе, выйти изъ скопческихъ и присыпаться къ крестьянскимъ селеніямъ въ округъ съ предварительнымъ проживаніемъ отъ 1-го до 2-хъ мѣсяцевъ въ городъ для присоединенія къ православію и безъ права врати́сь отлуча́ться въ мѣстѣ прописки. (Отапъ Мин. Внутр. Дѣлъ отъ 13 дек. 1879 г.). Послѣ коронационнаго манифеста 1883 г. было всімъ скопцамъ, отбывающимъ крестійский срокъ посланія, предоставлено право переселиться въ крестьяне, но не выхoda изъ скопческихъ селеній и безъ права отлучекъ. Вскорѣ послѣ этого имъ разрешили внутри своихъ селеній брать свидѣтельства на мелочной торгу.

Мы привели здѣсь исторію скопческихъ ограниченій, чтобы яснѣѣ было, что не во всіхъ случаяхъ эти ограниченія были необходи́мы и можетъ во многихъ изъ нихъ переходъ въ православіе не состоялся, потому что онъ долженъ быть вредно отзыва́ться на материальномъ положеніи отступника. Отказавшись отъ заблуждений скопчества, скопецъ долженъ быть оставаться въ средѣ косо смотрящихъ на него сектантовъ, безъ надежды на получение материальной помоши или быть привязаннымъ къ крестьянскому обществу, чуждому и ему не сочувственному. Ремесленникъ не могъ найти въ глухой деревнѣ заработка и, иаколько мы убѣдились, материальное положеніе отступавшихъ отъ скопчества довольно печальное, да и нравственное не лучше. Отставши отъ людей, съ которыми раньше были связаны фанатизмомъ, а потому общемъ несчастьемъ, они не могутъ уже завязать узель, который содинилъ бы ихъ съ остальнымъ міромъ, артерія перерѣзана, и нельзя уже восстановить общее нравообращеніе; сердце скопца бѣется отдельно отъ міроваго сердца. Сколько разъ намъ таіе скопцы плакались, что люди относятся къ нимъ холодно, съ пренебреженіемъ, что поговорить не съ кѣмъ. Тѣмъ бѣдѣ нужно было бы имъ облегчить виѣшнія условия жизни. Всѣ худшія стороны скопческихъ вліяній и экономического давленія выступаютъ главнымъ образомъ въ массѣ, и явнымъ отступникомъ никогда не является богатый скопецъ, потому что онъ человѣкъ съ вѣсомъ въ селеніи, положеніе его во многихъ отношеніяхъ удовлетворяетъ его мелкое тщеславіе, начальникъ подаетъ ему руку и пьетъ у него чай, онъ пророчествуетъ на радѣніяхъ, у него самая красива скопчиха. Свободное передвиженіе, ограниченное извѣстнымъ райономъ (округомъ и областю) облегчило бы жизнь скопца-отступника въ нравственномъ и материальномъ отношеніи. Недовѣріе правительства къ непрѣности раскаянія скопца имѣетъ свое основаніе. Были случаи лицемѣр-

наго присоединенія къ православію по разсчету или въ выдахъ даже распространенія секты, но этимъ случалось въ Россіи при до-реформенномъ судѣ сдѣльствовала сама администрація. Въ большей части случаевъ полиція и слѣдователи бывали подкуплены скопческими капиталистами, и наиболѣе виновные избѣгали всякаго наказанія. Теперь, по нашему мнѣнію, нечего опасаться, что скопщи-отступники будуть тутъ заниматься пропагандой своего ученія, какъ по отсутствію вѣры въ себѣ, почвы въ окружающей и возможности бдительнаго надзора. Законъ наказываетъ скопца только за религіозныя воззрѣнія, даже юридическая давность начинаетъ считаться не со дня совершеннія оскопленія, а со дня отреченія отъ религіозныхъ заблужденій, а между тѣмъ какъ бы отреченіе это искренне ни было, оно не избавляетъ скопца отъ общихъ ограничений, которыхъ сопровождаютъ его до гроба только въ силу особой физической примѣты, пріобрѣтеніе которой не считается преступленіемъ само по себѣ.

Что-же касается до женщинъ, то, по нашему мнѣнію, непремѣнное поселеніе ихъ въ скопческихъ селеніяхъ препятствуетъ во многихъ случаяхъ выходу ихъ замужъ за нескопцовъ. Разъ попавъ въ скопческое селеніе, женщина становится жертвой материальной зависимости и авторитета заправиль, и ей труднѣе вырваться оттуда, чѣмъ скопцу.

Законъ въ наше время не смотритъ уже на наказаніе, какъ на месть, и поэтому оно должно обрушиться главнымъ образомъ на оскопителей и способныхъ въ будущемъ къ ихъ роли. Текущий судъ, особенно судъ приложныхъ, не долженъ уже руководствоваться формальными доказательствами, уѣжденіе его о виновности составляется также на основаніи другихъ данныхъ. Поэтому судъ теперь скорѣе можетъ определить настоящихъ виновниковъ, несмотря на всю изворотливость, лицемѣріе и притворство послѣднихъ, а скопцамъ неопаснымъ для общества должны быть предоставлены нѣкоторыя льготы.

Изгѣдователи скопчества возлагаютъ особенную отвѣтственность за его развитіе на синходитѣльное къ скопцамъ отношеніе въ царствованіи Александра I. По нашему мнѣнію, это несправедливо. Распространеніе скопчества въ своемъ основаніи имѣть болѣе глубокія и сложныя причины, главная изъ которыхъ есть народное невѣжество. Въ царствованіи Николая I скопчество еще болѣе распространяется, не смотря на суровое преслѣдованіе. Если что могло способствовать распространенію скопчества въ царствованіе Александра I, таъ это не отсутствіе жестокихъ каръ, а мистическое настроеніе высшихъ и образованныхъ классовъ. Александръ I относился сочувственно къ известному духовному союзу Татариновой, который многие изгѣдователи относятъ къ хлыстовщикамъ. Самъ министръ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ князь Голицынъ одно время участвовалъ въ бесѣдахъ и радѣніяхъ этого общества.

Книга надворного советника Пищецкаго «о скопцахъ», написанная по поручению императора для опровержения скопческаго учения, заключала въ себѣ нестолько сочувствія къ скопческимъ обрядамъ, что митрополитъ Филаретъ отказался ее распространять, такъ какъ «она заключаетъ въ себѣ много не христіанскаго» ¹⁾). Наконецъ известно, что къ скопческому богу и царю Селиванову относились тогда въ Петербургѣ съуваженіемъ не только высокопоставленныя лица, но и самъ императоръ. По неопровергнутому свидѣтельству, Александъ I удостоилъ Селиванова своимъ посвѣщеніемъ, чтобы получить предѣщаніе объ исходѣ войны съ Наполеономъ. Подобнымъ заблужденіемъ въ высшихъ классахъ теперь уже неѣтъ мѣста, съ развитіемъ здравыхъ идей въ народѣ, скопчество и въ немъ потеряетъ почву. Поэтому въ мѣстахъ, где скопчество свило себѣ гнѣздо, надо приложить особенное стараніе о правильной постановкѣ вопроса о народномъ образованіи и главное вниманіе обратить на общественный вредъ скопчества. Религіозныя мыслья скопцовъ должны быть больше дѣломъ представителей церкви, чѣмъ администраціи. Вѣдь законъ не смотритъ на скопцовъ какъ на политическихъ преступниковъ, не смотря на ихъ тайное отрицаніе «свагаго царя» и революціонныя надежды на пришествіе настоящаго цара Петра III въ лицѣ Селиванова; поэтому нелѣпыя религіозныя представленія скопцовъ, пока они не перешли въ акты вредныя для общества, должны быть предметомъ опроверженія миссіонеровъ. Въ ссылкѣ, насколько мы замѣтили, отступленіе отъ секты является дѣломъ собственнаго почина отдѣльныхъ скопцовъ, а не слѣдствіемъ миссіонерской дѣятельности православнаго духовенства.

Считаемъ не лишнимъ привести здѣсь выдержку, характеризующую откликеніе церкви къ скопцамъ, изъ донесенія архіепіоскона ²⁾ Камчатскаго отъ 27-го июля 1862 года въ Святѣйшій Правит. Синодъ: «Одинъ изъ сектаторовъ скопецъ Кокоревъ въ минувшій постъ явился къ своему духовнику на исповѣдь; но такъ какъ Кокоревъ, также и другіе скопцы вѣруютъ во 2-го Христа, въ котораго будто-бы перешелъ духъ истиннаго Христа и въ богоордину Акулину Ивановну, чистѣйшую херувимъ, какъ отъ этихъ заблужденій, и при убѣжденіяхъ Его Высокопреосвященства, не отказался, то въ исповѣди ему отказано, находя, что скопцовъ съ такими вѣрованіями не слѣдуетъ не только допускать къ какимъ-либо таинствамъ, но даже и впускать въ церковь и что равнымъ образомъ не слѣдуетъ принимать отъ нихъ никакихъ приношеній изъ церкви». На это заключеніе Высокопреосвященный

1) Кутеповъ. Секта хлыстовъ и скопцовъ.

2) Въ настоящее время Якутскій епіоскоопъ управляетъ самостоятельно епархіей, не будучи подчиненъ Камчатскому архіепіоскопу.

испрашивалъ разрѣшенія Святѣшаго Синода, который и замѣдлилъ его дать въ укатѣ свою отъ 27-го сентября 1862 г. да основаніи 6-го правилъ Даоджійскаго собора и по правилу 9 Тимофея Еписк. Александрийскаго. Указъ этотъ былъ съ подпісью объявленъ всѣмъ скопцамъ Якутской области. — Интересно также, что пріѣзжающій ежегодно изъ Иркутска въ Якутскую область дасторъ не отказываетъ въ религіозныхъ бояздахъ скопцамъ изъ бывшихъ дигорянъ.

Считаемъ не лишнимъ еще привести въ примѣчаніи 2 пропагаторскихъ письма скопца-фаталиста, адресованныхъ лицу интелегентному и образованному, но увлекавшемуся рационализмомъ нашихъ духоборцевъ и интересовавшемуся также учащемъ скопцовъ. Послѣдніе возымѣли къ нему такое добрѣ, что одинъ изъ нихъ, по своей наивной близорукости, предумѣлъ склонить его къ скопчеству. Приложенія 2 письма, какъ прудитъ скопческой пропаганды (хотя не блестящаго пропагандиста), должны, по нашему мнѣнію, представить глубокій интересъ для изслѣдователей скопчества, которымъ обыкновенно въ качествѣ материаловъ служить или завѣдомо ложныя показанія скопцовъ подъ слѣдствиемъ или не всегда правдивые, разсказы реигераторъ, а въ отягъ доказа-махъ, при всей ихъ безсмыслиности, искренно раскрываются нелѣпныя возарѣнія скопца на человѣка, міръ и божество. Мы оставляемъ въ нихъ орфографію и знаки препинанія оригинала.

I.

1) Вы знаете что мы падшіе духи за свою гордость, и за своеоліе, то мы мучаймся извѣковъ въѣка, и это когда мы помираймъ то нашъ духъ переходитъ во-мрачную плоть какъ всомѣ—либо всобаку или къ жона—и въ какую-бо то небыло плоть, и-такъ мучится во веки вековъ, Самъ господь сказалъ во всякой кропѣ есть моя душа, а какъ достичнуть царства вѣчнаго опять въ своѣ прежніе бытѣ т. е. въ прежній свой домъ, избегнуть этихъ мукарствъ поганыхъ,—то нада поткакъ, чтобы въ тиѣ воскресъ Христосъ навсегда, вы думайте онъ воскреснить тамъ, нетъ онъ всиѣмъ имено, и тогда увидишъ самъ все, какъ сказалъ господь вы Боги и внутри васъ царство, нужно его узнать воплотѣ, какъ у почелы есть матка такъ и улиден есть изземле спаситель вѣчной славы тоже чи-ловѣкъ, вѣтъ больши всего что вѣчной жизни, у настъ адамъ согрешилъ природою, то и мы па-томки изгнаны тоже, а вѣтъ мы искоренили природу плотевную, и не хатимъ шить ру-башки для иучимыхъ душъ, которой пербегаютъ изъ плоти въ плоть, нужна оброазаться и жить душевно и держать посты двѣ седмицы или дажъ три ии пить и не есть иисколько, тогда самъ увидишъ, что делается здесь; это будитъ 21 день, гос. сказ. можно получить чистатой и постомъ и молитвои, у настъ есть духовной песни какъ славить творца и про-роцства, и мы спасаймъ только сами сиѣ иибѣмъ горячію сирдечную любовь которой желають служить господу вѣрой и правдой, мысъ мы искушаймъ потому что оно есть плоть отприхотій блуда дрянь, пошаницу сенішъ, и ишъ хлѣбъ, а плоть сенішъ ишъ плоть чи-ловекъ долженъ быть разуменъ и созданъ по образу господню, крестимся мы обоми ру-ками молимся усердно даже доину и неприминно со слезами, если будишъ поступать такъ, то увидишъ какъ твой духъ будитъ гдѣ обитать вечно, закрытаво нетъ ничего это достичи тъ этого тогда не будитъ имѣть иевчечъ недостатка а все будитъ вдостаткѣ и любви и радости вѣчной, чи-ловекъ ангиль и можетъ навсегда быть лукавой и вмукн

Въ заключении нашей статьи не безцелезно будетъ привести паралель между послѣднимъ походомъ противъ плотской любви графа И. Толстого и оконческими представлениями по этому предмету. Въ то время какъ представления склоняютъ къ изъ глубокаго нерѣжества и духовной дикости, послѣдний Толстаго вытекаетъ изъ желанія видать частные уродливые случаи да общее подложеніе въ вопросѣ о физической любви. Изъ всѣхъ элементовъ, составляющихъ основаніе для сношенія подорѣ, графъ Толстой выбралъ одинъ, наиболѣе живъ и дѣланійскій таюю ѹю обособленіи его отъ всѣхъ другихъ элементовъ, изъвѣщающихъ и облагораживающихъ физическую любовь. Н. Б. Михайловскій въ одноть мѣстѣ сравниваетъ любовь со стеблемъ, извѣнющимъ физиологическіе корни и способнымъ распускать самые пыльные

быть вѣчной, много еще писать да надо мишкаѣ хратать, чтобы куда сидѣть было можно, а мы задушевныхъ братьевъ полагаемъ свои души, если весь миръ приобрѣсть, а своей душе идемъ наагубу, то какая польза будить намъ, если люди живутъ хорошо, а мы идти надо и намъ таю жить и нечего не бояться не стыда не совѣсти, а поступать только иѣбно для себя тогда и услышишь Божій глаголь сныши и ты будишъ сына Божій, мы пошли головушку сложить а дѣлъ Божіихъ не откажи.

Дорогой нашъ единодушииний и единосирдечной Восисус Христѣ NN покорнейшии
ты Ваши просимъ напишатъ намъ записку, къ точности имѣнно на чѣмъ вы основайтесь и чѣму ваше стримлѣніе, мы желаемъ отнасть знать сирдечно и верно какъ можно не оставте нашей просьбы вѣамъ. Мы вами кланеймся сердечно на всегда, любящій васъ NN.

II.

Наша основаніе въ духѣ и въ благодати и благодать находится въ любви, не въ такой любви какъ имѣнно только въ слови, а точно въ дѣлѣ и какъ прияндь спаситель быть отца сотворшаго всю вселенную, т. е. слово, отсотворшаго силу, для таво вѣрной души проскѣтии иль на землѣ въ этикъ мучимыхъ плотахъ и эти души должны сойднитися, и познать сына Божіяко, и приди въ то самое прежніе бытѣ, затемъ и посланъ духъ сотворшаго въ человечиской плоти, чтобы провѣстъ наась къ отцу къ небесному творцу, которой уѣбровали въ иѣго, и находятся въ одноть съ нимъ духи и даже не раздѣляющій ищелю, чистое совѣстю и чисто, и мы поклоняймся не нагору и не надеривъ, а въ духѣ и святому духу хоти у наась и есть скопы таюю нирсе понимаютъ такъ, какъ спасители роспинали не на кристѣ, а на адамовой головѣ, тойстъ на самой на этой чистотѣ т. е. на природѣ и иное ровно также роспинаютъ и растлеваютъ природою, мы въ тройцу по познанью вѣры истиной, отца и сына и святаго духа, какъ иѣбно сильней всего познать чей и сынъ и знали мѣни творцъ и по познаній истины пребывайтися во иѣбъ святой духѣ, а не иначе какъ прибываешь святой духъ, черезъ отца, потомъ усамъ себѣ никто не можетъ достигнуть не какою мастерствѣ, такъ и духъ святой приди че-резъ отца, хто будетъ искать тотъ смѣю найдеть а хто имѣть отца, какъ въ томъ будить прибывать святой духъ.

Противъ твои вѣры и убийденія твоево, пишими свое убийденіе и понятье, какъ мы понимаимъ, такъ и говорить писаніе, а еще мы свами будимъ беседовать о тайныхъ дарахъ послѣ дорогой мой NN откуда приходить человѣкъ и куды уходить, то ищущо, тайну передадимъ вамъ лично а не на бумаги, за твою вѣру и любовь благодаримъ мы васъ, и вы дорогой не далеко отцарста какъ сказалъ спаситель вонзрахе не находили такой истиной вѣры, такъ и мы NN, васъ Ваша понятіе исправедливо и верно, а быть можетъ что набудь нужно вамъ то еще спроситѣ, и прошу я еще написать окончательно ваше убийденіе или сойднитися дошой и сѣрцами.

психологические цветы. Это красивое образное сравнение заключает въ себѣ въ одно и тоже время всю истину по данному предмету. Очень немногихъ людей найдется, людей развращенныхъ съ рождения и дѣтства, которые не могли бы вспомнить какъ въ своей юности, такъ затѣмъ въ периодъ возмужалости, рядомъ съ раскрытиемъ, развитиемъ и расцвѣтомъ полового чувства, возникали умственныя и душевныя движения высшаго порядка и обнаруживались чувства симпатіи, вѣжливыя и возвышенныя эмоціи. Недаромъ поэзія некоторыхъ восточныхъ народовъ аллегорически изображаетъ самый высшій типъ любви, любви къ Божеству и истинѣ въ формѣ отношеній жениха къ невѣстѣ:— поэзія, заходящая въ изображеніи прелестей молодой до грубо-наивныхъ откровенностей древняго востока, подъ видомъ видимыхъ чувственныхъ образовъ, понимаетъ невидимыя отвлеченные потребности духа. Это творчество человѣчества, въ периодѣ его юности лучше всего доказываетъ инстинктивное пониманіе его общности и нераздѣльности всѣхъ человѣческихъ потребностей, чувствъ и ощущеній. Еслибы графъ Толетой пожилъ среди скопцовъ, онъ-бы убѣдился, что нельзя безнаказанно извращать одну человѣческую потребность безъ нарушения гармоніи всѣхъ остальныхъ, что именно тогда мы менѣе всего способны къ истинно духовной жизни и къ любви къ ближнему. Скопецъ послужилъ бы ему живымъ воплощеннымъ укоромъ за его послѣднюю проповѣдь. Онъ бы увидѣлъ, какъ голый, сухой и бесплодный, стебель полярной древесной флоры лишаетъ вѣтвей, листьевъ, цветовъ и не можетъ углубить своихъ корней въ морозную почву, а уродливо распространяетъ ихъ по ея поверхности, такъ и скопецъ, подъ влияніемъ душевнаго холода не въ состояніи раскрыть почекъ психологическихъ и цветовъ человѣческой натуры, противостоянно извращая и искривляя ея физиологические корни.

Если, при современномъ состояніи человѣческихъ знаній, намъ не дано постигнуть конечной цѣли нашего существованія и смысла жизни, то тѣмъ болѣе должны быть для насть священны всѣ временные цѣли и переходящія стремленія, вытекающія изъ условій нашей физической и духовной организаціи ¹⁾.

B. I—из.

¹⁾ Съ этимъ положеніемъ безъ извѣстныхъ ограничений нельзя согласиться, такъ какъ не немногія «временные цѣли и переходящія стремленія, вытекающія изъ условій нашей физической и духовной организаціи» есть мало скотскаго и вѣтрѣскаго, и потому многія временные цѣли и переходящія стремленія человѣческіе не только въ давно прошедшемъ, но и въ настоящемъ и въ будущемъ не могутъ быть не только свинскими, но и мысы и дороги человѣку. Лучшая сторона человѣческой природы вызываетъ людей на постоянную борьбу со многими изъ такихъ цѣлей и стремленій, приводить къ сознанію необходимости самовоодержанья и самообузданья. Скопчество вытекаетъ изъ слишкомъ радикального возврѣнія на эту борьбу и потому оно тупо и вредно: кривовскій медведь былъ большой радикаль, въ борьбѣ со звѣромъ вѣшнинъ. Ред.

О народныхъ пѣсняхъ Татаръ, Башкиръ и Тетярей.

1. Народные пѣсни и инициальное творчество уральскихъ мусульманъ.

Лѣтомъ 1893 г. я имѣлъ случай побывать съ этнографическими цѣлями въ Уфимской и Оренбургской губ. и собрать известное количество этнографического материала, съ частью которого я намѣренъ познакомить читателя въ предлагаемомъ очеркѣ.

Ближайшими жествомъ моей поѣздки и этнографическихъ наблюдений были г. Уфа и Верхнеуральскій уѣздъ Оренбургской губ., центръ коренной горной Башкирии.

Наблюдения свои я сосредоточилъ преимущественно на ииородческихъ племенахъ и изъ числа ихъ главнымъ образомъ на мусульманскихъ народностяхъ: Татарахъ, Тетярахъ и Башкирахъ, о бытѣ, обычаяхъ и поэтическомъ творчествѣ которыхъ и и буду исключительно распространяться. Въ составъ собранного мною этнографического материала среди мусульманскихъ народностей Урала входятъ:

- 1) Образцы книжного мусульманского творчества.
- 2) Народные лирическія пѣсни числомъ болѣе 100 и мелодіи къ нимъ.
- 3) Образцы инструментальной музыки ииородцевъ.
- 4) Нѣсколько сказаний и легендъ.
- 5) Образцы пословицъ, поговорокъ, прічтаній, заговоровъ, ворожбы и т. д.
- 6) Образцы повѣрій и описание нѣкоторыхъ ииородческихъ обычаевъ и празднествъ.

Записываніе пѣсень и мелодій я производилъ одинъ; въ собираниі другаго этнографического материала миѣ оказали содѣйствіе: народные учителя, инспекторъ народныхъ училищъ Оренбургской губ. Г. С. Рыбаковъ; директоръ народныхъ училищъ Уфимской губ. И. И. Троицкій; владѣльцы золотыхъ прісковъ и нѣкоторые изъ местныхъ жителей.

Татарскія пѣсни я записывалъ преимущественно въ гг. Уфѣ и Верхне-Уральскѣ; тентярскія — на золотомъ пріскѣ Э. И. Гана на восточномъ склонѣ Урала; башкирскія — въ самыхъ кочевыхъ Башкирѣ въ Уральскихъ горахъ.

Для собирания башкирскихъ пѣсень я перѣзжалъ изъ кочевки въ кочевку, пользуясь, гдѣ можно было, почтовыми лошадьми, а нерѣдко, за неимѣніемъ другихъ экипажей, довольствуясь просто башкирскими дорогами, которые оказывались болѣе пригодными для передвиженія по узкимъ горнымъ дорогамъ. Я вращался и вѣзилъ съ Башкирами одинъ безъ всякаго вооруженія: случалось путешествовать даже темными ночами среди пустынныхъ горъ одинъ на одинъ съ возницемъ Башкиромъ, и все обходилось безъ приключений: настолько народъ этотъ замкнутъ и спокойенъ.

Записывать пѣсни приходилось при различныхъ условіяхъ и обстановкѣ: въ полѣ, а феу въ перемежку между работами, въ деревняхъ — въ избахъ, въ кочевкахъ — вечеромъ (самое удобное время для записыванія), на открытомъ воздухѣ — за чаепитіемъ или за чтьемъ кумыса, у костровъ, которые Башкиры разводятъ по горамъ близъ кочевокъ, дожась снать иногда подъ открытымъ небомъ; вечеромъ Башкиры съ большой охотой распивали пѣсни и играли на своихъ инструментахъ, особенно если имъ предлагалось угощеніе въ видѣ чая, кумыса, закусокъ или вознагражденіе; иногда они вступали въ музыкальную состязанія, стараясь блеснуть своими голосами или искусствомъ. Инопороды близъ золотыхъ прісковъ требовали менѣе невиннаго вознагражденія въ видѣ водки, папиросъ и т. п., помимо денегъ.

Произведенія поэтическаго творчества народностей Урала, говорящихъ на татарскомъ языкахъ, могутъ быть раздѣлены на нѣсколько разрядовъ.

1-й разрядъ — стихотворенія книжнаго искусственнаго творчества, иѣчто въ родѣ поэмъ или одѣ на исторические и героические сюжеты или на злобу дня, иногда съ оттѣнкомъ поучительности, большую частью степеннаго содержанія, носящія название: *м и а ж а тъ* (обращеніе къ Богу) — религіознаго содержанія, въ которыхъ входятъ изреченія на арабскомъ языкахъ, и *б а и тъ* — стихотворенія свѣтскаго характера.

Темами для этихъ произведеній книжнаго сочинительства служать, напр., тоска по родинѣ, тяжѣсть солдатчины и военной дисциплины, просьбы къ божеству обѣ избавленія отъ неправедныхъ правителей, судей, лукавыхъ людей, сѣдѣтвій, о ниспосланіи всакихъ благъ, разсужденія на явленія повседневной жизни, напр., о чаѣ, по поводу которого въ моемъ собраніи имѣются 2 банта противоположнаго другъ другу содержанія: въ одномъ, оче-

видно, болѣе древнѣй, замѣчается настроеніе, враждебное распространенію чая; видимо, хранители старины среди Башкиръ противились распространенію новаго напитка. Вотъ его содержаніе въ русскомъ переводѣ:

«Нынѣ для бѣдствія народа
Появилась трава подъ именемъ чай,
Люди, покупая его въ долгъ,
Расплачиваются и раззоряются.
Сказавъ одинъ другому: «пойдемъ
на базарь»,
Вѣдуть Башкиры съ лѣсомъ поти-
хоньку.

«Боже мой, прости насть,
Какъ люди съ ума сходять!» {
Изреченіе
изъ духов-
никъ.
Однимъ словомъ запрагъ Башкиръ
тощую лошадь,
Самъ бѣть, а лошадь скачеть во
весь махъ,
Вѣдеть за чаемъ въ (верхнеуральскій)
магазинъ
И хоть у него нѣть достатка,
Требуетъ $\frac{1}{4}$ чаю и $\frac{1}{8}$ сахару.

Въ другомъ балтѣ, вѣроятно, болѣе поздняго происхожденія, напротивъ, восхваляются благотворныя качества чая: Башкиры успѣли уже привыкнуть къ новой травѣ и пристраститься даже къ ней. Вотъ содержаніе этого балта.

«Скажу я вамъ сказку,
Если не сочтете за глупость,
Скажу я вамъ эту сказку
Про хорошій и дурной чай.
Если пить чай утромъ,
То прибудетъ въ головѣ ума или
оживленія;

Накажетъ жена-анаѳема мужа,
Если чаю не привезетъ.
«Боже мой, прости насть,
Какъ люди съ ума сходять».
Если чай весь выйдетъ,
Жена закричитъ мужу: «давай чаю!»
Онъ, бѣднага, задыхаясь,
Во всѣ стороны побѣжитъ (искать)
.
Если есть одна жена,
Есть у Башкира и самоваръ;
А если^и зайдешь въ хлѣвъ,
Ни одной головы скота нѣть;
Если разъ въ день Башкиръ напьется
чая,
То у него уже и нужды (гори) нѣть.
«Боже мой, прости насть,
Какъ люди съ ума сходять».

Если же въ другой разъ пить этотъ чай
въ полдень,
То годень будешь на многія дѣла;
Если пить чай вечеромъ,
Не останется никакой работы въ умѣ.
Въ этой бумагѣ завернуть чай;
Напившись чаю, отдохнемъ» и т. д.

Подобныя произведенія принадлежать перу опредѣленныхъ грамотныхъ личностей, главнымъ образомъ муллъ изъ Татаръ, а также изъ Башкиръ; они назначаются къ исполненію въ солидныхъ собраніяхъ, религіозныхъ и т. п. и имѣютъ успѣхъ среди класса степенныхъ, пожилыхъ правовѣрныхъ, считаю-

щихъ непримичнымъ для себя и за грѣхъ пѣть чисто народныя лирическія пѣсни, особенно скорыя, обыкновенно игриваго содержанія, къ которымъ они относятся пренебрежительно, называя ихъ «шалтай-балтай»; стихотворенія книжного происхожденія отличаются своей длиною и имѣть каждое свою мелодію.

2-й разрядъ—пѣсни непосредственно народнаго творчества, называемыя «джерларъ». Обыкновенно кратки—въ одну строфи (въ 4 строчки), причемъ первая полустрофа большею частью не имѣть внутренней связи съ последующей второй, и соблюдается лишь вѣшняя связь—рифма во 2-й и 4-й строчкахъ. Въ большинствѣ случаевъ пѣсни поются съ припѣвомъ. Въ первой половинѣ строфы очень часто заключается какой нибудь поэтическій образъ или картина природы; изрѣдка такой образъ или картина вопреки обыкновенію имѣть органическую, подъ часъ тонкую связь съ содержаніемъ второй половины строфы, какъ аналогія, сравненіе или параллель.

Примѣръ пѣсни безъ внутренней связи между полустрофами:

1-я полустр. «Я зажегъ траву на высокой горѣ;
Огонь распространился по вершинѣ горы;
2-я полустр. Я поцѣловалъ тебя въ правую щеку,
А лѣвая осталась сиротой».

Примѣръ пѣсни, части которой связаны между собою по смыслу:

1-я полустр. «Я купилъ разныхъ цветовъ,
Чтобы посадить ихъ въ саду;
2-я полустр. Но не купишь счастья за деньги,
Если Богъ не дастъ его».

Или:

1-я полустр. «Вставши рано, я посмотрѣль:
Жаворонокъ весело поетъ;
2-я полустр. Я также попѣль бы и посмѣялся бы,
Но бѣдность рѣжетъ мою шею».

Изрѣдка народныя пѣсни пошадаются въ 2, 3 и болѣе строфы, представляя довольно большое стихотвореніе.

Пѣсни въ 2 строфы:

1-а стр. «Я держалъ въ рукахъ домбру
И проходилъ по улицѣ;
Бросилъ я домбру,
Всегда дѣвокъ въ избенку,

2-а стр. Сталъ я ихъ цѣловать,
Но меня поймали;
Вырвался я изъ бѣды,
Заплатилъ по монеткѣ».

Пѣсенные мелодіи дѣлятся по характеру своему на 2 класса:

1-й класс—протяжные, проголосные мелодіи, и по нимъ пѣсни называются **узукий** (длинная пѣсня), напримѣръ:

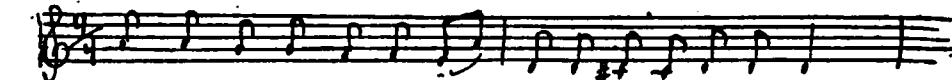

Ар - кай кай - ла ирьда(и) аи ат уй

най уй - су кай-ла ирь - да толькуй най

Припѣль.

Ай хай аб - зы бикъчи бар кашын сикирь түпе - бар

Ерлау - чи нун кунли будын кута - реб у - чеб(з)е - бар

Переводъ.

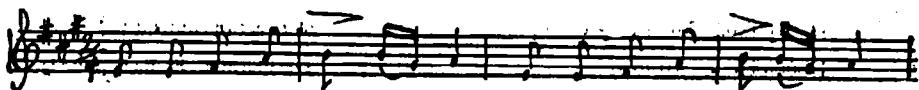
«На возвышенномъ мѣстѣ развивается лошадь,
А въ долинѣ играетъ лисица.

Припѣль: Ай, братецъ, какой ты красавецъ,
Поводи бровями.

Чтобы исполнить желаніе (развеселить) пѣвцовъ,
Вышай, поднявъ чашку».

2-й класс—скорые и короткія мелодіи плясоваго характера и пѣсни, распѣваемыя на нихъ, называются **такмакъ**, напримѣръ:

Скоро.

Ай хай аб-зы бикъ чи бяр кашин сикиръ түп(з)е-бар

Припѣвъ.

Ай яный вай яный, кашин сикиръ түп(з)е-бар.

Переводъ текста:

1. Ахъ, братецъ, какой ты красавецъ.

Поводи бровями,

Припѣвъ: Ахъ, душенька, раздушенька,

Поводи бровами.

2. Чтобы удовлетворить желанию (развеселить) нѣвцовъ,

Выпей, поднявъ чашку,

Ахъ, душенька, раздушенька,

Выпей, поднявъ чашку.

Или довольно скоро:

У - рамбуй - лай жикит ки - лай кула - рица музикан

Припѣвъ:

А - лай муз - кан, Ви - лай муз - кан

Переводъ текста:

1. Вдоль улицы идетъ холостой молодецъ,
Въ рукахъ музыка (гармоника).

Припѣвъ: И такъ музыка, и этакъ музыка.

2. Когда на этой музыкѣ играютъ,
Сердце отчего-то ностъ...

И такъ музыка, и этакъ музыка.

Что касается отношения между текстомъ и мелодіей въ инородческихъ пѣсняхъ, то существуетъ слѣдующая особенность. Текстъ и мелодія не связаны между собою настолько, чтобы неизмѣнно сопровождать другъ друга: данный текстъ можетъ распѣваться на данную мелодію, но также на всякия другія однородныя мелодіи при соблюдении въ некоторыхъ случаяхъ лишь того, чтобы протяжная, напр., мелодія — узункүй не замѣнялась скорою — такмакъ, а такой же протяжной, и наоборотъ. Эта особенность находится въ полной противоположности съ особенностью русскихъ народныхъ пѣсень, въ которыхъ данный текстъ и данная мелодія въ огромномъ большинствѣ случаевъ неуклонно сопровождаютъ другъ друга.

Впрочемъ такая особенность преимущественно проявляется въ татарскихъ пѣсняхъ; что касается Башкиръ и Тенгтиарей, то у нихъ есть много пѣсень, распѣваемыхъ на одну и ту же мелодію. Циклъ мелодій, на который распѣваются пѣсни, опредѣляется у Татаръ модой, благодаря которой въ одно время входить въ употребление одинъ мелодія, а въ другое другія.

Кромѣ того, у Башкиръ и Тенгтиарей существуетъ, насколько мнѣ удалось убѣдиться, замѣчательное явленіе смѣны поэтическаго творчества съ каждымъ новымъ поколѣніемъ. Однажды я вѣхалъ съ Башкиромъ пожилыхъ лѣтъ и разговаривалъ съ нимъ о бантахъ и народныхъ пѣсняхъ. Онъ между разговоромъ пѣлъ байтъ, а затѣмъ перешелъ къ пѣснѣ народнаго характера; я спросилъ его, что это за пѣсня; онъ отвѣтилъ мнѣ, что это старинная пѣсня, которой теперь уже не поютъ, а которую пѣли въ его молодости: «вашихъ старинныхъ пѣсень молодые парни отъ насть не перенимаютъ, а теперь отъ насть ребята не перенимаютъ, а выдумываютъ свои», — продолжалъ онъ; «отчего же?» — спросилъ я; — «да это такъ всегда бываетъ: мы отъ своихъ стариковъ не перенимали, а теперь отъ насть ребята не перенимаютъ пѣсень и сами для себя сочиняютъ; теперь иѣтъ уже нашихъ старыхъ пѣсень, а пошли все новые». Въ параллель съ тѣмъ, что старики чуждаются современныхъ народныхъ лирическихъ пѣсень, особенно скорыхъ, и называютъ ихъ «шалтай-бантай», молодежь игнорируетъ стариковскія пѣсни или пѣсни предыдущаго поколѣнія и усваиваетъ новые. Такимъ образомъ существуетъ любопытный фактъ появленія и исчезновенія съ каждымъ новымъ поколѣніемъ цѣлыхъ цикловъ пѣсень, которые, продержавшись свое время, безслѣдно исчезаютъ, чтобы замѣниться новыми. Этотъ фактъ указываетъ на значительную интенсивность творчества среди разсматриваемыхъ инородцевъ, которые не затрудняются съ каждымъ поколѣніемъ создавать новые и новые циклы пѣсень, а вмѣстѣ на отсутствіе той преемственности, которая сохраняетъ народную пѣсню отъ самыхъ отдаленныхъ временъ. Конечно, господство отмѣча-

маго факта небезусловное: извѣстная часть пѣсень, особенно легендарного, по-вѣтвовательного характера, переходитъ въ новыя поколѣнія, а что касается лирическихъ, то онъ, кажется, смѣняются съ каждымъ поколѣніемъ.

Пѣть пѣсни у инородцевъ позволительно только въ опредѣленное время: преимущественно вечерами на сборищахъ, гулянкахъ, свадьбахъ или празднествахъ, а въ другое считается неприличнымъ. При записываніи, напр., татарскихъ пѣсень въ гор. Верхнеуральскѣй я познакомился, между прочими, съ семейнымъ татариномъ Ахмадеемъ Алеевымъ, занимающимъ маклерствомъ въ городѣ, обладающимъ большимъ запасомъ пѣсень. Когда я пришелъ къ нему въ первый разъ для записыванія пѣсень, онъ сказалъ, что надо бы де намъ уйти куда нибудь пѣть пѣсни, а то здѣсь нельзя: баба дома, да и сосѣди услышать и скажутъ, что Ахмадей де закутилъ, гулянка у него. И мы отправились искать нейтрального мѣста; такимъ въ этой сплошь татарской части города оказалась портерная, гдѣ пѣть пѣсни считаются позволительнымъ сами Татары.

Въ башкирскихъ кочевкахъ считается неприличнымъ пѣть пѣсни въ теченіе дня, вечерами же предоставляется полная свобода. Когда я записывалъ пѣсни днемъ, то Башкиры-пѣвцы увлекали меня куда нибудь въ уединенное мѣсто: на поляну подальше или въ лѣсъ, гдѣ на сѣ никто не могъ ни видѣть, ни слышать. Когда я спрашивалъ, отчего надобно такъ уединяться, то получалъ отвѣтъ: «нельзя, а то скажутъ: что за дуракъ, пѣсни поеть безъ пути». Особенно стыдились пѣть молодые парни (малай) въ присутствіи пожилыхъ Башкиръ.

Женщины въ этомъ отношеніи еще болѣе стѣснены и только въ интимной средѣ подругъ онѣ обнаруживаютъ, что имъ не чуждо искусство пѣнія. Мне не случалось почти слышать женского пѣнія среди инородцевъ, и только однажды слышалъ пѣніе дѣвочекъ, одновременно и плясавшихъ: даже дѣвочки должны были уединиться въ одинъ свободный кошь и, запершись тамъ, довольно робко предавались пѣнію. Болѣе позволительны для женщинъ пляски, по крайней мѣрѣ я раза 2—3 былъ свидѣтелемъ ихъ плясокъ на виду у всѣхъ. Однажды Башкиры деревни Кабагушевой устроили родъ пикника на такъ называемый «камень» по близости въ горахъ. Среди горъ надъ глубокой лощиной обрывомъ одиноко возвышалась высокая скала довольно правильной цилиндрической формы на подобіе колонны, основаніемъ которой служила гора; вокругъ этой скалы на значительной высотѣ надъ лощиной точно пред-намѣренно сдѣланъ достаточно широкій каменный ходъ въ видѣ круговой площадки, и по ней можно было ходить кругомъ скалы и стоять надъ пропастью, отъ которой зрителя ничто не отдѣлило, какъ только широка пло-

щадки, съживавшаяся иногда до 3 — 4 четвертей. Башкиры и Башкирки ловко и смѣло бѣгали кругомъ этой естественной колонны надъ пропастью; дудочникъ игралъ пѣсни, Башкирки иногда въ своемъ кружкѣ подтагивали, а потомъ, выбравъ довольно ровное и широкое мѣстечко по уклону горы, пустились въ пляску подъ свои пѣсни; спустя немногого имъ сталъ подыгрывать дудочникъ и присоединились Башкиры въ качествѣ зрителей. Башкирки плясали въ одиночку, притаптывая ногами, прищелкивая руками и вертаясь тѣломъ. Здѣсь созерцали пляску женщинъ и мужчины, но обыкновенно для мужчинъ считается непринятымъ смотрѣть на увеселенія женщинъ, особенно среди Татаръ.

Танцы инородцевъ не отличаются особенной подвижностью: танцующій обыкновенно на одномъ мѣстѣ или на небольшомъ пространствѣ перебираетъ ногами, рѣдко дѣлая болѣе сильныя движения или скачки въ сторону и жестикоилируя руками или подбоченясь. Мило пляшутъ малайки и апайки (парни и девочки) башкирскіе. Пляски происходятъ подъ игру свирѣли (курая) или подъ пѣснѣ съ ритмическимъ аккомпанементомъ на какомъ нибудь предметѣ, напр., на деревяшкахъ, ведрѣ и т. п.; у Татаръ обыкновенно подъ игру скрипки.

Среди пѣвцовъ — инородцевъ преобладаютъ высокіе голоса — баритоны и особенно тенора, которые безъ затрудненія и естественно берутъ чрезвычайно высокія ноты, приближаясь по тѣмбру къ дѣтскимъ голосамъ (альтамъ). Пѣвцы — басы встрѣчаются рѣдко. Одной изъ особенностей исполненія пѣсень является продолжительное протягивание послѣдней ноты пѣсни съ вибраціей въ голосѣ и сосредоточеннымъ взглядомъ. Эта особенность замѣчается главнымъ образомъ при исполненіи протяжныхъ, проголосныхъ пѣсень (узункѣй).

Въ мелодіяхъ рассматриваемыхъ инородцевъ мало сказываются сложные изгибы развитаго и глубокаго чувства, нѣть того захватывающаго лиризма, какой присущъ русскимъ пѣснямъ; отъ нихъ вѣтъ больше виѣшнимъ настроениемъ, объективностью, точно онѣ отражаютъ виѣшнія явленія природы (чтѣ наѣдно сказать особенно о башкирскихъ пѣсняхъ); настоящихъ же, по крайней мѣрѣ, въ нашемъ смыслѣ, звуковъ человѣческой души онѣ пока не отразили, или, можетъ быть, онѣ отражаютъ особый строй чувствованій, который мы мало понимаемъ. Это обстоятельство, впрочемъ, не уменьшаетъ интереса къ той значительной мелодичности и оригинальности, какою отличаются напѣвы рассматриваемыхъ инородцевъ.

Переходя специально къ татарскимъ пѣснямъ и имѣя въ виду, что преимущественно среди нихъ господствуетъ фактъ независимости между текстомъ и мелодіей, и долженъ нѣсколько обстоятельнѣе коснуться этого явленія.

Но прежде надобно упомянуть, что главный источник пѣсенного творчества у Татаръ—Казань и Казанскій край. Очень значительная часть записанныхъ мною татарскихъ пѣсень сообщалась миѣ подъ названіемъ казанскихъ, и среди оренбургскихъ татаръ миѣ не удавалось, на сколько помнится, встрѣтить мѣстныхъ творцовъ пѣсень въ противоположность Башкирамъ и Тетилярамъ, у которыхъ почти въ каждой деревнѣ имѣется свой сочинитель пѣсень. Это обстоятельство надобно считать, повидимому, за доказательство меньшей силы поэтическаго творчества у Татаръ, слишкомъ занятыхъ узкими, сухими меркантильными интересами, отчего рѣдко появляются среди нихъ лица съ поэтическими способностями. Татары довольствуются тѣмъ, что перенимаютъ тотъ или другой циклъ пѣсень согласно модѣ, при чемъ считается почти неприличнымъ пѣть въ данное время какой нибудь немодный мотивъ.

Пѣсни ихъ, дѣлѣсь по характеру мелодіи на два главные класса: 1) протяжны—узункѣй и 2) скоры, плясовы—такмакъ, по строенію своему раздѣляются на два вида:

1) на простыя, не имѣющія никакихъ добавленій ни въ видѣ запѣвовъ, припѣвовъ и т. п., представляющія или частый узункѣй или только токмакъ; и 2) на сложныя, состоящія изъ соединенія протяжныхъ пѣсень со скорыми, дѣлѣщіяся обыкновенно на 2 части: 1-я часть—самостоянно пѣсня, обыкновенно узункѣй, и 2-я часть—припѣвъ, для котораго служатъ скоры пѣсни—токмаки, наряду съ самостоятельнымъ значеніемъ играющія громадную служебную роль. Такимъ образомъ 1-я часть сложной пѣсни поется на одинъ мотивъ и 2-я на другой.

Примѣръ простой пѣсни изъ класса узункѣй:

Тафтельская, не имѣющія припѣва:

Умѣренно:

Ар - кай кай - ла ирь - да ай ат уй-

на - ла ирь - су кай - ла ирь - да(и) толькуй - на - ла.

Переводъ текста:

1. На возвышеніемъ мѣстѣ рѣзвится лошадь,
А въ должнѣ играетъ лесица.

2. Юноша, если останется послѣ отца въ ранихъ лѣтахъ,
Заботится о каждомъ днѣ.

У Башкиръ я записалъ ее на другой текстъ:

«Передъ мою дверью широкая степь:
Отъ бѣлого зайца и слѣда нѣть.
Со мной смыались и играли мои друзья,
А теперь ни одного нѣть».

Эта пѣсня одна изъ самыхъ распространенныхъ какъ среди Татаръ, такъ и среди Башкиръ и Тенгрий, и будеть кстати сравнить варіанты мелодіи этой пѣсни, какіе встрѣчаются у Башкиръ, чтобы показать, насколько фантазія Башкиръ изысканіе сравнительно съ татарской, а именно два слѣдующихъ варіанта:

Со сиринки умѣренно:

Съ игры на кураѣ (самѣлѣ). Протяжно:

Послѣдній варіантъ записанъ мною въ Башкирской кочевкѣ Узунгуловой въ исполненіи на кураѣ, башкирскомъ музикальномъ инструментѣ.

Что касается происхожденія этой пѣсни, то я встрѣчалъ различныя объясненія. Башкиры въ своихъ кочевкахъ среди Урала утверждали, что пѣсня сочинена дочерью уфимскаго муфтія Тевкелева, оплакивавшею въ ней свою несчастную любовь, въ которой она была обманута.

Но по объяснению, слышанному мною въ Уфѣ отъ народнаго учителя татарина Зиновія Салимъ Гиреевича Кудашева, пѣсня возникла на свадьбѣ Кутлукая Тевкелева, племянника уфимскаго муфтія, женившагося на двоюродной сестрѣ: Башкиры на свадьбѣ пѣли эту пѣсню; во всякомъ случаѣ название свое пѣсня получила въ память свадьбы Тевкелева.

Судя по характеру мелодіи, ей скорѣе можно приписать башкирское происхожденіе.

Эта пѣсня поется и среди Русскихъ на текстъ Лермонтова «Гасбулатъ удалой, бѣдна сакля твоя».

Примѣръ простой пѣсни изъ класса токмаковъ.

Довольно скоро:

Переводъ текста:

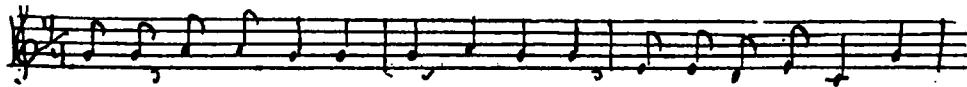
«Копѣйка денегъ—большія деньги—	Возьмемъ шапку изъ камчатскаго бобра,
Упали въ воду.	Обложимъ по краямъ позументомъ;
Душенька, цыпленочекъ, что намъ	Если предопределено на сторону не
дѣлать?	уйдемъ и пр.
Отецъ нась продаетъ чужимъ.	• • • • •

Въ трактиръ я зашелъ заложить (выпить),	Шумить, шумить,
Молодую дѣвку взять,	Дождь идеть за избой.
На грудь позументъ наложить,	Если любишь ласки утромъ,
Красный билетъ взять.	Вечеромъ поцѣлую жарко.

Куплеты другъ съ другомъ никакой связи не имѣютъ, такъ что могутъ быть замѣнены какими угодно другими или сокращены и т. п.

Въ видѣ примѣра сложной пѣсни изъ класса узункѣй можетъ служить слѣдующая пѣсня.

Умеренно:

Аркай кай-ла ирьда ай ат уй - на Уй - су кай-ла ирь-да(й)

Припевъ (немного скорѣе):

тулькуй - на. Ат да - га - сыс эре - мяс судай кумеш эре-мяс

ян ем ды - си суруп ўпкач никич янун эре-мяс.

Пѣсня состоитъ изъ главной части и припѣва, для котораго послужилъ такмакъ. Припѣвъ можетъ быть замѣненъ другимъ, и здѣсь выступаетъ новая особенность пѣсень рассматриваемыхъ инородцевъ: именно пѣсня съ припѣвомъ не связана обязательно, а можетъ быть соединяется съ различными припѣвами изъ области такмаковъ.

Однако въ видѣ исключенія есть пѣсни, соединяемыя только съ определеннымъ припѣвомъ, при чмъ надо имѣть въ виду мелодическую сторону, т. е. съ данной мелодіей соединяется постоянно одна и та же мелодія припѣва, текстъ же можетъ быть замѣняемъ, напримѣръ:

Умеренно скоро:

Припевъ.

Ар - кай кай - ла ирь-да ай ат уй-на. Ай зю-ляли, вай зюляли

бюри казан тюби - ли, Уй су кай-ла ирь-да тулькуй на.

Припевъ (переводъ):

«Ай, зюляли, вай зюляли,
Шапка котелкомъ».

Мелодія его принадлежитъ только этой пѣснѣ. Онь помѣщенъ не въ концѣ, а въ серединѣ пѣсни и раздѣляетъ ее на двѣ части.

Примѣръ сложной пѣсни изъ разряда токмаковъ.

Умѣренно, съ выражениемъ:
зашѣвъ:

Кай - дай га - нам яй - дый яд - рук Адри гу-най

Ми канда ай хад - рук 1. А-ри кара самдашкъ ибери кара

самда жек Занчай бирь - ган кумыш юзюк зань-чай бармак гыдажекъ

Переводъ текста. Зашѣвъ

Кайдай ганам яйдый ядрук
Адри гунай ми канда ай хадрук

состоять изъ набора словъ безъ смысла и исполняется передъ каждымъ изъ слѣдующихъ токмаковъ. У ииородцевъ есть обыкновеніе начинать пѣніе куплетами безъ смысла, чтобы распѣться или имѣть время припомнить текстъ.

1. Гляжу вдаль, гляжу около,
Ничего не вижу.
Возлюбленная дала мнѣ серебряное
кольцо,
А его нѣть на пальцѣ.
2. Я выбѣжалъ на большую мощеную
улицу
И увидѣлъ торговца съ яблоками:
Тебѣ хорошо торговать яблоками,
А мнѣ спать не съ кѣмъ.
3. Вода бѣжитъ изъ желоба,
А дѣвка глядѣть въ щель:
Я побѣжалъ бы, поцѣловалъ бы ее,
Да стыдно народа.
4. Въ водѣ находится бѣлая рыба,
Поймать бы одну да посолить.
Мой возлюбленный если не весною,
то осенью прибудетъ непремѣнно:
Надобно кисеть приготовить.

5. Въ водѣ плыветъ піявка:
Какъ бы ее поймать и посмотрѣть.
Если хочешь посмотрѣть,
Заплати полтора рубля.

8. У шелковаго пояса кисти съ обо-
ихъ концовъ:
Чтобы ему не износиться.
Но пусть его износится,
Лишь бы мнѣ не износиться.

6. У птицъ крылья—свои,
У людей крылья—лошади.
Если случится бѣда,
То и родныхъ не жалѣютъ.

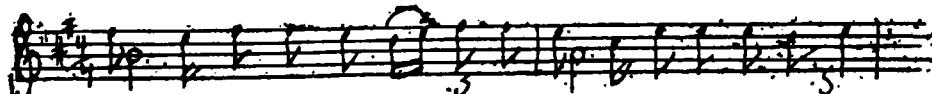
9. Вдвоемъ или втроемъ выѣхавъ,
Мы ночуемъ въ дорогѣ;
Если наши странствія будутъ сча-
стливы,
То мы не раздѣлимся, будемъ
первыми друзьями.

7. Я ходилъ по всѣмъ горамъ
И насладился всякими ароматами.
Если желаешь ко мнѣ прійти,
То приходи въ пятницу вечеромъ.

10. Красныхъ башмаковъ и бѣлыхъ
чулковъ
Что ты, дѣвка, не носишь?
Ты хороша и я хороши.
Что же ты меня не любишь?

На сюжетъ послѣднаго такмака Русскіе, желая потрунить надъ Татарами, распѣваются на ломаномъ рускомъ языцѣ (какъ говорятъ по-русски Татары) слѣдующую пѣсню:

Довольно скоро:

1. Бѣлы чулки, красна башмак Зачѣмъ нога не носишь

Молоденька русска дѣвка Зачѣмъ мене не любишь.

Далѣе идетъ текстъ вродѣ фабричныхъ или городскихъ пѣсень позд-
нѣйшей формациіи весьма невысокаго достоинства:

2. Ахъ ты, малый, работай,
На помаду денегъ дай;
—«Денегъ нѣту ни гроша,
Безъ помады хороша».

3. Я вареньце варила,
Себѣ фартучекъ спалила.
Никому я не скажу,
Что я съ дѣвочкой хожу.

4. Пойду выйду на рѣку,
Гдѣ поближе къ кабаку:
Не моя ли пьяница
Въ кабакѣ валяется.

5. Миѣ мальчишкѣ бѣдному
Пріютиться не къ кому:
Пріютился я къ одной,—
Отбиваешь братъ родной.

Мелодія записана мною съ голоса и съ игры на гармоніи (русскаго),
при чемъ игравшій непремѣнно бралъ три параллельныхъ квинты въ трехъ
сосѣднихъ тактахъ (обозначены двойными нотами въ 1, 2 и 3 тактахъ).

По характеру мелодія похожа на инородческія.

Выше было установлено какъ общее правило, что текстъ и мелодія въ
татарскихъ пѣсняхъ независимы другъ отъ друга.

Выше приведены примѣры, какъ одинъ и тотъ же текстъ исполняется
на различные мелодіи; въ добавленіе приведу на тотъ же текстъ еще одну
мелодію.

Медленно:

Аркай кайлай ирь - да(й) ай ат уй

Припѣв.

най уй су кайлай ирь - дай. Ай джаныем тюлькуйтай.

Припѣвъ: Ай, душечка, лисица,

или: Ахматъ султанъ, лисица

раздѣляетъ вторую половину строфы на 2 части. Пѣсня называется Ахматъ
Султанъ; поется спѣциально для выраженія грусти, во время одиночества и т. п.

Наоборотъ, одна и та же мелодія можетъ исполняться на различный
текстъ, напр., см. вышеупомянутую тафтельскую пѣснь или

Умѣренно; съ выраженіемъ:

1. Бакса - харда бадын (х)ай бе - тэр - ия(й)
Ар - кай кай - я ирьда ай ат уй - най

Припев

Припѣвъ (его мелодія) принадлежитъ только этой пѣсни.

Второй текстъ—одинъ изъ приведенныхъ выше. Первый текстъ—новый.
Вотъ его переводъ:

1. Среди густорастущей гвоздики

Пролетаетъ ли птица?

Припѣвъ: Пусть распространится

Слава о нась лично.

Если я съ тобой не могу говорить,

То письму не могу довѣряться.

Припѣвъ: Пусть распространится...

2. Соловей, зачѣмъ ты сталъ соловьемъ?

Если не поешь, такъ зачѣмъ спиши въ тальникѣ?

Пусть распространится...

Жизнь наша такъ не долгъ:

Зачѣмъ же ты такъ красивъ?

Пусть распространится...

3. И утромъ туманъ и вечеромъ туманъ,

Какъ будто выпавшій тонкій снѣгъ.

Пусть распространится...

Когда я ушелъ, она заплакала,

Точно табуна отдаленный шумъ.

Пусть распространится...

4. Уходя, пою я пѣсни:

Какую пѣсню тебѣ надо?

Пусть распространится...

Отъ нихъ не родится хорошій, а если родится,
не будетъ жить.

Такіе молодцы, какъ вы, рѣдки.

Пусть распространится...

5. Шобъжалъ я въ цвѣточный (фруктовый) садъ:
Покрасиѣмо, поспѣло одно яблоко.

Пусть распространится...

Теба со мной, меня съ тобой,
Не соединить ли насть Богъ?

Пусть распространится...

Но приведенное правило не безъ исключений: некоторые пѣсни или пріѣзы распѣваются только на свою мелодію или на мелодію узункүй или токмакъ, напр., слѣдующее 4-хстишіе распѣвается на мелодіи только узункүй.

Переводъ:

Красивыя лошади бывають большою частью сивы.

Гдѣ народъ трудолюбивъ, тамъ есть ремесла.

Не попадайся врагу въ руки:

Цѣнная голова твоя будетъ безцѣнна (лишится цѣны).

а 4-хстишіе:

Желтый жаворонокъ садится на болото,
Чтобы пить прохладную воду.

Красивый молодецъ ходить по ночамъ,
Чтобы цѣловать красивыхъ дѣвушекъ.

поется на мелодіи только токмакъ.

Встрѣчаются пѣсни, представляющія нечто среднее между токмакомъ и узункүемъ, напр.:

Утренію.

Кабан кү-ди тэрандер(хий) терандэ - ри тзадан

дэр ерлаб берю сэздан дэр(хий) эшбө берю бэзандэр

Переводъ:

Озеро Кабанъ очень глубоко:
Самое глубокое мѣсто по колѣно.
Мы споемъ,
Вы выпьете.

Мелодія сочинена въ Казани въ 1891 г. по случаю смерти одного купеческаго сына лѣтъ 13—14 отцомъ умершаго. Общеупотребительна для выраженія сильныхъ и противоположныхъ чувствъ: печали, веселости и пр., и сообразно съ этимъ поется въ умѣренномъ и болѣе скоромъ темпѣ.

Приведенные исключенія не уничтожаютъ однако общаго правила, что татарскія пѣсни могутъ быть исполнены на различныя мелодіи, только смотря по надобности измѣняются ударенія.

Содержаніе татарскихъ пѣсень довольно разнообразно, касаясь различныхъ сторонъ повседневной жизни; самая многочисленная часть пѣсень посвящена любовнымъ сюжетамъ, при чмъ дѣло доходитъ часто до неудобныхъ откровенности и реализма. Такъ называемые токмаки преимущественно любовнаго содержанія и сочиняются они главнымъ образомъ среди Татаръ: башкирскихъ и тентарскихъ токмаковъ встрѣчается мало.

Что касается протяжныхъ пѣсень—узункѣй, то наряду съ любовными темами въ нихъ замѣчаются и такія, какъ: краткость жизни, здоровье и цѣнность его, сиротство, тоска по родинѣ и тяжелая жизнь на чужбинѣ въ солдатскихъ пѣсняхъ, гнетущее вліяніе раздумья, горя, жалкое состояніе бѣдника, важность друзей, тѣжестъ разлуки, скоротечность времени, нелюбовь къ снохѣ и т. п.

Инструментальная мелодія у Татаръ представляютъ не столь многочисленный классъ, какъ пѣсенные. Сюда входятъ плясовыя мелодіи и мелодіи, представляющія варианты къ пѣсеннымъ.

Татары исполняютъ ихъ на скрипкѣ или гармоніи, заимствованныхъ отъ Русскихъ, такъ какъ собственныхъ инструментовъ у нихъ нѣть или они не встрѣтились мнѣ въ Оренбургской губ. Изъ плясовыхъ мелодій обращаютъ на себя вниманіе:

Казанская плясовая пѣсня:

скоро.

Касимовская пляска:
скоро.

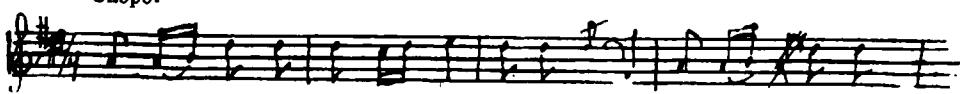

Изъ мелодій, представляющихъ варіантъ пѣсенныхъ, характерны, напр., слѣдующія:

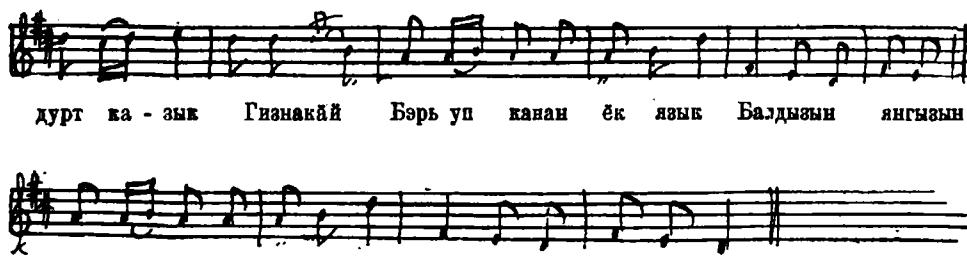
Гизнакай (зять, гулявшій со свояченицей), со скрипки:
скоро.

Параллельная ей пѣсенная мелодія слѣдующая:
Скоро.

1. Тау башніда дурт казык. Гизна - кай, Тау башніда

Переводъ текста:

1. На вершинѣ горы 4 кола, зятекъ.
Отъ одного поцѣлуя нѣть грѣха.
Припѣвъ. Своячена одинехонъка.
2. Эта спинка отчего тонка, зятекъ?
Оттого, что ласкала татарка.
Своячена одинехонъка.
3. Эти ноги отчего кривы, зятекъ?
Отъ кривыхъ валошъ.
Своячена...
4. На большой улицѣ, зятекъ,
Находится Даушева контора.
Своячена...
5. По большой улицѣ прямо пойдешь, зятекъ:
Тамъ находятся красивыя дѣвицы.
Своячена...
6. Этотъ палецъ отчего тонокъ у тебя, зятекъ?
Оттого, что надѣвали золотое кольцо.
Своячена...
7. По срединѣ улицы, зятекъ,
Съ шумомъ єдуть сани.
Своячена...
8. Когда мы проѣзжаемъ по улицѣ,
зятекъ,
Съ плачемъ остаются бѣдняки!
Своячена...
9. Богачи находятся вверху, мы—
внизу, зятекъ.
Богачи пусть внизъ лицомъ про-
валятся.
Своячена...
10. Богачи ходять въ саду, зятекъ,
Бѣдные ходать по степи.
Своячена...
11. На улицѣ ямщикъ остановился,
зятекъ,
Шлея у его лошади съ кистями.
Своячена...
12. Наши души разсердились, зятекъ,
Не знаю, оттого ли, что одни спали.
Своячена одинехонъка.

Акчарлакъ (мартышка).

Довольно скоро (съ игры на гармоніи).

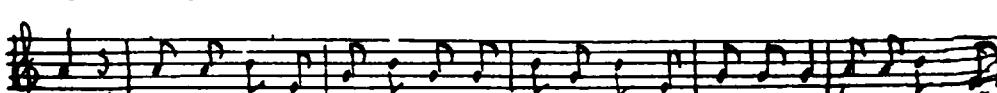

Мелодія любопытна по своему ритму, носящему характеръ большой древности, архаичности и различающемуся отъ ритма соотвѣтственной пѣсенной мелодіи:
Акчарлакъ (мартышка).

Умеренно скоро.

Припѣль скоро.

та(и) Апактылар бикмактылар Алмагаснын чысгын Юмыр дилар

юшак - тизлар кызбалалар имей - гын.

Айдэ агай аманат (женихъ увезъ тайкомъ невѣсту)

Скоро.

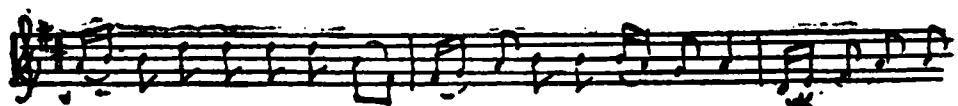
Отличается некоторой размашистостью, что редко свойственно татарскимъ ме-
лодиямъ.

Соответственная пѣсенная мелодія.

Довольно скоро.

Хайртын агай ама - нат кар' атын-га дага - лат

Хайртын агай ама - нат кар' а-тынга дага - лат хайртын сыгар-

на ны зын(ы) сыгар урлар яманат хайртын сыгарма кызын(ы)

сы - гар урлар я - ма - нат

Переводъ:

1. Хайритдинъ, дядя посыльный,
Подкуй карюю лошадь.
Хайритдинъ, не выпускай дѣвицы
(дочери):
Выйдетъ — украдутъ. Яманатъ
(имя мушкины).
2. Хайритдинъ рубиль срубъ
Не на избу, а на клѣть.
У Хайритдина дяди Хамида—
Не жена, а блядь.
3. У единственного окна избы
Висятъ занавѣски,
Гдѣ цѣмлются и ласкаются,—
Все Божіе твореніе.
4. На горѣ червякъ
Не можетъ найти воды;
Если воды найдеть, то дороги не
найдеть.
Одинокая голова не найдеть утѣхи.
5. Въ астраханскомъ саду (бакчѣ)
Выросла густая пшеница.
Если будемъ жить какъ пшеница,
То у насъ обоихъ одинъ Богъ.
6. Въ водѣ много рыбы,
А рыба шука—одна.
На свѣтѣ много красавицъ,
Но любимая одна.

7. Зайдети косу изъ пяти прядей.

Мы поѣдемъ

На дорогу вмѣсто хлѣба:

Понѣлуй въ правую щеку.

Казанская пѣсня (со скрипки).

Протяжно.

Замедлѧ.

и не лишенная выразительности и чувства.

Въ текстѣ татарскихъ пѣсень замѣчаются различные слѣды русскаго вліянія. Такъ въ припѣвахъ употребляются восклицанія въ родѣ: «ахъ люль люляй», «ай зюляли, вай зюляли», родственныя русскому «ай люли, ай люли»; или встрѣчаются цѣлые припѣвы на русскомъ ломаномъ языке, напр.:

«Алялей, зилялей
Брасна дѣвка удалой,
На Казани была ли?

Инородцы, образовавъ ломаний русскій языкъ, заставляютъ и Русскихъ усваивать его въ сношеніяхъ съ ними, при чёмъ формы и обороты такого жаргона довольно выработаны и устойчивы.

Русскіе пользуются этимъ ломаннымъ языкомъ и съ цѣлью широнизировать надъ инородцами, сочиняя пѣсни на такомъ языкѣ и мелодіи въ родѣ инородческихъ. Выше приведена одна изъ подобныхъ пѣсень:

Бѣлы чулки, красна башмакъ,
Зачѣмъ нога не носишь?
Молоденька русска дѣвка,
Зачѣмъ мѣне не любишь? и пр.

Попадаются въ текстахъ отдельные русскія слова и пр.

Русское вліяніе сказывается и въ томъ, что Татары поютъ некоторые русскія пѣсни: «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ», «Вдоль да по рѣчкѣ», и пр.

Кромѣ скрипки Татары исполняютъ свои характерныя мелодіи на гармонії, заимствованной, конечно, отъ русскихъ.

Переходя къ характеристикѣ татарскихъ мелодій, я долженъ сказать, что онѣ кажутся мнѣ въ общемъ лишенными ширы и пѣнета сравнительно, напр., съ башкирскими мелодіями; въ нихъ отсутствуетъ выдающаяся вѣшняя мелодичность; зато имъ присуща извѣстная глубина чувства и выразительность, проявляющаяся въ своеобразныхъ звукахъ.

Отсутствие неизоцедственной, не задумывающейся, такъ сказать, поэтичности обусловливается, мнѣ кажется, прозаичностью характера торгового народа, далекаго отъ природы по настроению и обстоятельствамъ, но умнаго и достаточно глубокочувствующаго.

На раду съ этимъ, татарскимъ мелодіямъ присущъ характеръ древности; если всмотрѣться въ составъ ихъ звукорядовъ, то въ послѣднихъ можно открыть присутствіе древнегреческихъ или такъ назыв. церковныхъ ладовъ, пятитонной, такъ наз. китайской гаммы, слѣды, если угодно, эпохи кварты и квинты, какія устанавливается для древне-народныхъ пѣсень Сокальскій въ соч. «Русская народная музыка» и т. п. Татарскія мелодіи вообще мало подходятъ подъ общеевропейскую гармонизацію. Съ ритмической стороны онѣ также небезъинтересны: нараду съ ровнымъ ритмомъ, который свойственъ преимущественно скорымъ плясовымъ пѣснямъ—точакамъ, не рѣдко употребляются тріоли и фіоритуры или фигуры въ родѣ: ; различные украшенія: форшлаги, трели и пр.

Тептарскія пѣсни.

Тентяри, населяющіе 12 деревень въ Тептаро-Учалинскій Волости верхнеуральскаго уѣзда Оренб. губ., пользующіеся дурной нравственной репутацией какъ воры, хищники, ничего своего неимѣющіе за душой, не лишены однако поэтическаго творчества и обладаютъ опредѣленнымъ цикломъ собственныхъ пѣсень, сказаний и пр.

Тептарскія пѣсни имѣютъ ту особенность, что въ отличіе отъ татарскихъ имѣютъ каждая свою мелодію.

Онѣ по характеру мелодіи такъ-же, какъ татарскія, дѣлятся на:

1) протяжная—узункуй, къ которымъ принадлежать также пѣсни мункуй, (мункуѣ)—печальныя, горемычныя;

2) скорая—токмакъ, по тентарски кыскакъ.

Наличность пѣсенного творчества доказывается присутствиемъ среди Тентарей пѣсельниковъ-авторовъ. Въ дер. Рысаевей (иначе Акбулатовой) я встрѣтилъ одного изъ такихъ авторовъ—Магафура Башарова, который по болѣзни глазъ не занимался работой, а обеспечивалъ себѣ существованіе своимъ искусствомъ. Онъ сочиняеть, по его словамъ, въ силу слѣдующихъ, побужденій: отъ нужды подъ вліяніемъ бѣдствій, чтобы облегчить ихъ, а также когда бываетъ весело; въ послѣдніемъ случаѣ сочиняеть еще лучше.

Пѣсни его сочинительства пользуются успѣхомъ среди соплеменниковъ, и мнѣ не разъ указывали на Башарова какъ на автора той или другой пѣсни съ прибавленіемъ, что нѣть пѣсельника, искусство его слагающаго пѣсни.

Башарову 55 лѣтъ, и у него, кажется, есть порядочный запасъ своихъ пѣсень, изъ которыхъ иныхъ онъ сочинялъ, по его словамъ, лѣтъ 25 назадъ, а иныхъ 20, 10 и 5 и даже годъ назадъ. Часть пѣсень онъ посвятилъ своему семейному горю: у него одинъ за другимъ умерли дѣти, да при томъ на чужбинѣ при отбываніи воинской повинности. Когда онъ передавалъ мнѣ эти послѣднія пѣсни, то изобильно проливалъ слезы.

Несмотря на то, что пѣсни его прививались среди мѣстного населенія, онъ не казалось мнѣ особенно интересными съ мелодической стороны.

Башаровъ не только пѣвецъ, но также и игрокъ на скрипкѣ, на которой онъ исполнялъ помимо своихъ татарскія, башкирскія и русскія пѣсни и даже кадрили изъ послѣдніхъ, такъ какъ Тентари, оказывается, умеютъ танцевать кадриль, которую усвоили отъ Русскихъ въ публичныхъ домахъ.

Пляска называется біну, плясунъ—бінусы. Башаровъ является непремѣннымъ участникомъ свадебъ, гулянокъ и пр. и представляетъ изъ себя типъ профессионального музыканта, рѣдко встрѣчающійся среди описываемыхъ инородцевъ, особенно среди Башкиръ.

Своихъ музыкальныхъ инструментовъ у Тентарей нѣть, а есть гаммированные. Отъ Башкиръ они переняли свирѣль—курай, игрокъ на которой, дудочникъ, наз. курайсы, въ парадной съ чѣмъ пѣсельникъ наз. ираусы. Отъ Русскихъ заимствовали скрипку, балалайку и гармонію.

Пѣсни распѣваются на свадьбахъ, гулянкахъ, въ вечернюю пору; на свадьбахъ поются обыкновенные,—специально свадебныхъ пѣсень не существуетъ; тентарскіе пѣсельники имѣютъ практику также на окрестныхъ золотыхъ пріискахъ, куда приглашаютъ ихъ съ цѣлью увеселенія Русскіе.

Пѣсни среди Тентарей, какъ среди Башкиръ, живутъ, по словамъ Башарова, не болѣе человѣческаго вѣка, замѣняясь съ новымъ поколѣніемъ но-

вымъ пѣсенимъ цикломъ. Но господство этого явленія ограничено исключе-
ніями.

При сочинительствѣ текста авторы руководятся, по словамъ упомянутаго
Башарова, слѣдующимъ.

При составленіи строфы они подбираютъ по двѣ пары стиховъ такъ,
чтобы между обѣими парами стиховъ было соотвѣтствіе въ риѳмѣ, которая
приходится на 2 и 4 строчки; такія двѣ пары стиховъ, иначе 2 полустрофы
съ риѳмой, называются купѣ (пара).

При записываніи Тенгтири, макъ и другіе инородцы, воспроизводили и
повторяли для меня мелодіи обыкновенно отчетливо, безъ измѣненій при по-
втореніяхъ.

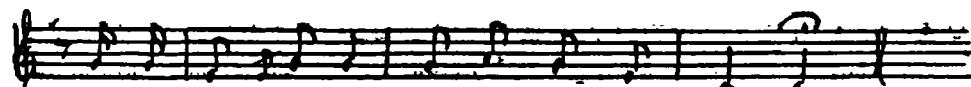
Приведу нѣсколько образцовъ тенгтирскихъ пѣсень.

Мункѣй (жалобная пѣсня).

Довольно медленно.

Саг - ра ларга - ух сым-тын да - у хай кисик - на
замедлѧ.

мунл - ла кыфрак аргандай кис - ки - на.

Текстъ и мелодію сложилъ упомянутый выше Магафуръ Башаровъ на
смерть своего сына, 21 года, умершаго при отбываніи воинской повинности.

Переводъ текста:

1. Я вышелъ на открытую степь:	3. Полевой жѣрь идеть по горѣ,
Черемуха расцвѣла цвѣтами.	Казарки (гуси) летять вдоль озера.
Что, Боже мой, случилось со мною?	Отъ большаго горя
Нужда (горе) не отходить отъ меня.	Мое сердце наполнилось жалостью.
2. Я гулять темной ночью по межѣ:	4. Я шель вдоль рѣки,
По ней не заблудишься;	Гдѣ играють чебаки.
А уйдешь изъ-за нужды на дру-
гую сторону,	«Прости теперь, батюшка», сказаль
И заблудишься.	онъ (умирающій сынъ)
	И положилъ руку на шею (обнялъ).

5. Богатые люди любятъ богатство:
Мнѣ богатства не нужно, дай Богъ
мнѣ лишь здоровья:
Здоровье мнѣ дороже богатства;
Прости меня, Господи!

7. Хуже, ч'емъ свою душу отдавать,
Оставлять на чужой сторонѣ (близкаго).
Шо улицѣ кто-то идетъ:
Шоходка точно у Абдылгахура (сына
автора).

6. Отчего у меня болит голова,
Изъ праваго и лѣваго глаза течетъ слеза?
Много будешь думать о каждомъ горѣ,
Съ ума сойдешь.

8. Теперь точно безумный я сижу:
Что со мной случилось, какое горе:
послалъ мнѣ Богъ?
— «Не плачь, мой батюшка,
Богъ велѣлъ мнѣ на этой землѣ
лечь».

9. — «Кто тебѣ сказалъ, родной батюшка,
Чтобы скорѣе пріѣхалъ?»
(Отецъ) — «Господь судить
Одному мнѣ вѣкъ прожить».

Протяжно Мункуй.

Пѣсня сложена по поводу похищенія шкатулки съ золотыми деньгами у партии русскихъ переселенцевъ тремя татарямы, которые были пойманы.

Такмакъ (тептарскій кыскакъ).

Довольно скоро.

1. Игтай агай арба - дын - да я - тыб калган
 барь иштан Адуңда залюни Ятыб калган барь иштан.

Переводъ.

1. У дади Игтай

Остались одни штаны,
Адуңда залюли,
Остались одни штаны.

Фахарница о штанахъ не думаетъ,
Очень ужъ хорошая любовница,
Адуңда залюли
Очень...

2. Игтай рубить лѣсъ

Не на избу, а на амбаръ,
Адуңда залюли,
Не на избу...

Молодуха дади Игтай

Фахарница—блядь,
Адуңда залюли
Фахарница...

3. Идутъ гуртомъ бараны,

Все бѣлые, черныхъ нѣтъ.
Адуңда залюли...

Какъ же быть Фахарницѣ?

Живеть она какъ Богъ велить,
Своей воли нѣтъ.
Адуңда залюли...

Приведу примѣръ бакалинскихъ пѣсень.

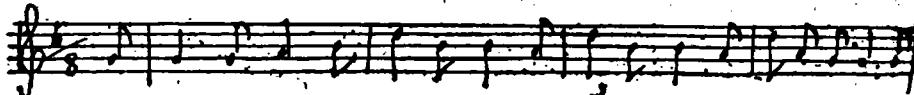
Бакалинцы (по сообщенію пѣвшаго мнѣ пѣсни бакалинца Павла Ивановича Шурупова)—Татары, крещеные при царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ во время взятія Казани; часть Татаръ скрылась, а другая была крещена. Название свое Бакалинцы получили отъ селенія Бакалы, гдѣ они жили, на р. Камѣ недалеко отъ впаденія рѣки Бѣлой; а теперь они обитаютъ въ Верхнеуральскомъ уѣздѣ Оренбургской губ.

Музыкальные инструменты, распространенные среди нихъ, русскаго происхождения: балалайка, гармонія, гусли, скрипка, а также сыбузга (чибузга), татарскій инструментъ, на которомъ играютъ молодые парни на святкахъ.

Бакалинцы усвоили многіе русскіе обычай и обряды: такъ на святкахъ парни и дѣвки, откупивъ вечеръ (т. е. помѣщеніе для вечера), въ полночь приносятъ воды съ рѣчки, опускаютъ кольца и гадаютъ.

Крещеные Татары имѣютъ и другое название: Нагайбаки отъ селенія Нагайбакъ, въ которомъ они жили (Уфимск. губ.).

Умѣренно.

Ағы - дыль кай ларнын ары бинк яби - шин монарларта та-

лыѣк Мыскинга джигит слы китты барып кы - ты - лырга малыѣк.

Переводъ:

1. На рѣкѣ Бѣлой высокій берегъ, держаться за листья нельзя: нѣтъ тальника.
Бѣдный молодецъ заплакалъ и ушелъ: дать ему нечего.
2. Когда зайдешь въ лѣсъ свисти, чтобы осиновые листья тряслись.
Тамъ, где ходишь, ходи хорошо, чтобы весь народъ дивился (любовался).
3. На бѣлой березкѣ сѣрая бѣлка: «не поддамся на выстрѣгъ», говорить
и прыгаетъ.

Бѣлую рученьку положу на шею и разстанусь съ тобою.

Башкирскія пѣсни.

Больше поэтичности, полета и вѣтшней мелодичности обнаруживаются башкирскія пѣсни.

Среди Башкиръ въ большомъ количествѣ распространены, между прочимъ, татарскія пѣсни, только ог҃ъ часто поются на башкирскія мелодіи. Поэтому то, что сказано объ особенностяхъ татарскихъ пѣсень, имѣеть отношеніе и къ Башкирамъ. Но мнѣнію Татаръ, разница между башкирскими и татарскими пѣснями болѣе въ мелодіяхъ, чѣмъ въ текстѣ, который большую частію общий. Но это не совсѣмъ такъ: у Башкиръ существуетъ огромная область собственного творчества, весьма разнообразнаго, отъ которого вѣтъ вполнѣ своеобразной, отличной отъ татарской, поэтичностью.

Башкиры дѣлать пѣсни на проголосныя—кѣйляп и скорныя—дженгиль-кѣй; если попросишь Башкира спѣть токмакъ, то онъ обыкновенно поетъ татарскую пѣсню.

Башкирамъ присущи поэтическое и музыкальное творчество повидимому въ большей степени, чѣмъ Татарамъ. Ихъ поэтическое настроеніе питается близостью съ чудной природой, какая существуетъ на Уралѣ; ихъ наивная мечтательность поддерживается тѣмъ, что они до известной степени еще дѣти природы, нравственно почти цѣльныя, не знаяшія большихъ сношеній съ другими народами, чуждые борьбы личныхъ эгоизмовъ среди той привольной обстановки, которую они располагаютъ еще.

Наличность и сила творческихъ способностей Башкиръ доказываются тѣмъ, что среди нихъ до послѣднаго времени встречаются нерѣдко пѣсельники, соединяющіе въ себѣ и даръ поетовъ и даръ композиторовъ, т. е. сочиняющіе свои пѣсни на собственныя мелодіи; затѣмъ та же творческая способность подтверждается любопытнымъ, упомянутымъ уже выше, фактомъ смѣны пѣсенного творчества съ каждымъ поколѣніемъ: это легко допустимо,

если среди народа въ изобилії появляются творцы—мъсельники. Въ кочевкѣ Узункуловой Верхнеуральского уѣзда я встрѣтилъ, напр., дудочника (курайса) Лукманова, который въ окрестномъ населеніи считался лучшимъ игрокомъ на свирѣли, а также искуснымъ стихотворцемъ, который былъ мастеръ сочинять эпиграммы на своихъ соплеменниковъ и на разные случаи.

Наряду съ пѣснями у Башкиръ развита инструментальная музыка, въ связи съ которой они имѣютъ свои собственные инструменты, главнымъ изъ которыхъ является свирѣль, такъ называемый курай, устраиваемый изъ стебля полеваго растенія, обрѣзаннаго и открытаго съ обоихъ концовъ,—на которомъ прорѣзаны 4 отверстія съ одной стороны и одно съ другой. Звуки этого инструмента, тихіе, меланхоліческіе и задушевные, достаточно хорошо воспроизводить мечтательность башкирскихъ мелодій. Игрокъ на курай называется курайсъ (дудочникъ).

Есть еще другой инструментъ—домбра, который по увѣреніямъ однихъ представляетъ видоизмѣненную балалайку въ 3 струны, а по другимъ заимствованъ отъ Киргизъ. Послѣднее вѣроятнѣе.

Такимъ образомъ башкирская музыкальность шире татарской, и музыка Башкиръ явственнѣе дѣлится на 2 отдѣла: 1) на музыку инструментальную и 2) музыку вокальную.

Первая чутъ ли не преобладаетъ надъ послѣднею: по крайней мѣрѣ мнѣ удалось записать болѣе инструментальныхъ мелодій, чѣмъ вокальныхъ, или во всякомъ случаѣ въ параллель съ почти каждой пѣсенной мелодіей имѣется инструментальная, какъ свободная ея варіація.

Музыкальное исполненіе у Башкиръ имѣть иѣкоторыя характерныя особенности. Въ виду преобладанія среди нихъ высокихъ голосовъ, они поютъ пѣсни въ высокихъ регистрахъ; въ связи съ особенностями пѣсентъ: ихъ размашистостью и пріятной мелодичностью, слушатель какъ бы уносится въ какую-то далекую высь, тогда какъ татарскія пѣсни лишены широты и точно привязаны къ одному мѣсту.

Игру на свирѣли—курай Башкиры почти постоянно сопровождаютъ неизмѣннымъ горловымъ звукомъ гнусящаго характера, точно органнымъ пунктомъ или педалью.

Такое добавленіе кажется для европейскаго уха непріятнымъ, совсѣмъ лишнимъ, нарушающимъ обаяніе мелодичности мотивовъ. Но Башкирамъ это обыкновеніе, вѣроятно, нравится, если судить по общераспространенности его.

Относительное богатство фантазіи Башкиръ подтверждается еще тѣмъ, что по поводу почти каждой инструментальной мелодіи, по крайней мѣрѣ въ моей практикѣ, они сообщали какое нибудь сказаніе или легенду, такъ что

у нихъ по всемъ вѣроятіемъ можно было бы найти большой циклъ всевозможныхъ сказаний и миѳовъ. Среди инструментальныхъ мелодій встречаются плясовые и пріуроченные къ поэтическимъ сюжетамъ.

Образцы плясовыхъ мелодій:

Скоро.

Сукмюль (густая черемуха).

Скоро.

Первое колѣно исполняется одинъ разъ, а второе и третье повторяются въ продолженіе всей пляски. Среднее колѣно по характеру напоминаетъ русскія народныя пѣсни, а послѣднее напоминается на сближеніе съ персидскимъ хоромъ изъ «Руслана». Второе колѣно исполняется октавой выше.

Другія инструментальныя мелодіи пріурочиваются къ различнымъ поэтическимъ сюжетамъ и сказаніямъ. Напр., одна изъ нихъ называется Калматай — по имени храбраго воина, дворянина башкирскаго, отличившагося во французскую войну (вѣр. 1812—13 г.г.).

Не очень скоро.

Мелодія любопытна въ ритмическомъ отношеніи, легко дѣлится на такты въ 3 и 5 четвертей, кончается на доминантѣ, чтобы перейти къ началу.

Другая мелодія называется Кинъ жавай — по имени богатаго Башкира въ дер. Кабагушевой Верхнеуральскаго уѣзда, который обѣднѣлъ и въ горости нанялъ дудочника сочинить для него пѣсню.

Не очень скоро.

*) Въ седьмомъ тактѣ послѣ ноты *p* не достаетъ ноты *do* (осьмушки), а въ 12-мъ послѣ *do-so-la* слѣдуетъ опять *do*.

Мелодія по характеру похожа на европейскія.

Далѣе

Будимгансъ.

Не скоро.

Есть мелодія, воспѣвающія красоты природы, напр., рѣки, горы. Такъ мелодія

Артылышъ составлена въ честь крутой горы на уфимскомъ трактѣ

— Артылышъ:

отличается своеобразностью и шириной интерваловъ, черезъ рядъ немногихъ нотъ двигаясь въ области цѣлой дуodeцимы.

Или мелодія

Курташъ — прославляетъ другую гору, довольно высокую, въ Верхнеуральскомъ уѣздѣ, Оренбургской губ. близъ дер. Казаккуловой.

Умѣренно скоро.

Эта же самая мелодия поется на следующий текст:

Ирта ля бардым курташка
Кистә ля бардым курташка
Ябышиб менэрь талы ёк

Сысамъ курташ башни.
Индэм барымам кашнина
Индэм барымам кашнина.

Широкие, размашистые интервалы: ионы, децимы, дуодекими и пр. вообще свойственные башкирским мелодиям, какъ видно изъ следующихъ мелодій.

Сухумская

Довольно скоро.

Эту мелодию выдавали мнѣ за татарскую, но она имѣеть явные характерные признаки башкирскихъ мелодій: подвижность, огромные интервалы, какъ бы нащупъ вводный тонъ, не разрѣшающійся вверхъ, разбитыя трезвучія въ частяхъ мелодій, что очень свойственно башкирскимъ пѣснямъ; поэтому мнѣ кажется, что это башкирская мелодія. Примѣръ подобной же размашистости даетъ мелодія, съ которой связано имя

Ваёкъ — это былъ нѣкогда плугъ, дважды бѣжавшій изъ тюрьмы и приговоренный къ повѣшенню. Передъ повѣшеннемъ онъ попросилъ позволенія сыграть эту мелодію.

Довольно скоро.

Особенностью инструментальных мелодий Башкиръ является то, что въ началѣ мелодіи выдерживается довольно продолжительно опредѣленная нота какъ бы подъ фермато, къ которой игрокъ подыскиваетъ голосомъ квинту и этимъ какъ бы устанавливается строй мелодіи. Въ вокальныхъ же выдерживается послѣдняя нота съ своеобразной вибраціей въ голосѣ.

Подъ вліяніемъ военной службы, наслышавшись военныхъ маршей, Башкиры сочиняютъ собственные марши.

Слѣдующая мелодія называется Перовскій маршъ (иначе «Какъ брали Казань»).

Умѣренно скоро.

По словамъ Башкиръ, этимъ маршемъ они встрѣчали на своихъ народныхъ инструментахъ оренбургскаго генералъ-губернатора Перовскаго въ Уральскихъ горахъ. По другимъ свѣдѣніямъ этотъ маршъ относится къ эпохѣ 1812—13 г.г., когда Башкиры принимали участіе въ кампаніи противъ Наполеона, и очень можетъ быть, русскаго происхожденія.

Помимо своихъ народныхъ мелодій Башкиры играютъ на вураяхъ и русскія пѣсни, напр., «чижикъ», «якъ за гаемъ гаемъ», «вдолъ да по рѣчкѣ» и др., что указываетъ на проникновеніе русскаго вліянія и въ среду горныхъ Башкиръ, но въ меньшей степени, чѣмъ степныхъ Башкиръ въ Уфимской губ.

Для болѣйшей полноты впечатлѣнія приведу еще иѣсколько мелодій.

Ганъемалъ (имя дѣвицы).

Умеренно.

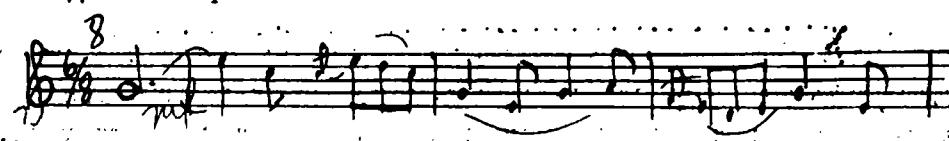
Куватовъ.

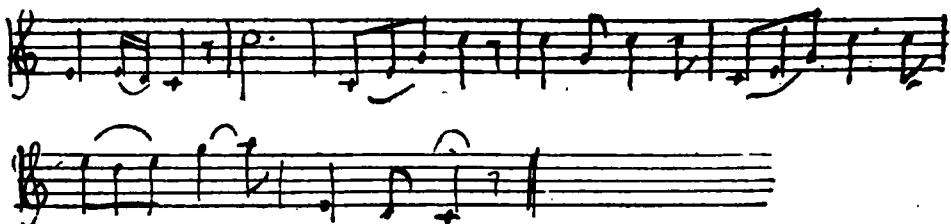
Довольно скоро.

Юлты-каракъ.

Довольно скоро.

Въ области вокальной музыки, т. е. пѣсень, Башкиры даютъ не менѣе любопытные образцы. Башкирскими пѣснами свойственно, какъ я уже упомянуль, дѣление на проголосные—кўйлап и скорыя—дженгиль-куй.

Съ мелодической стороны башкирскія пѣсни длиниѣ татарскихъ и часто бывають безъ припѣва.

Башкиры такъ же, какъ и Татары, имѣютъ обыкновеніе начинать пѣніе запѣвомъ на куплеты, лишенные смысла. На подобный текстъ записана мною слѣдующая мелодія, представляющая образецъ проголосныхъ башкирскихъ пѣсень, не имѣющая припѣва:

Умѣренно.

Гали - изу гна ми - кан дук Галилау гнай им-
дук, вай хай лай, хай Галилай гна им-
дук ай хадрай ганам, хадрырай ганам
ай вай хай - дук.

Пѣть Башкиры любятъ особенно по вечерамъ, въ лунные ночи, но не затягиваются этого удовольствія слишкомъ долго, отходя ко сну значительно раньше полуночи, и только въ исключительныхъ случаяхъ на празднествахъ,

свадьбахъ и т. п. ихъ бодрствование и пѣніе продолжается за полночь, и изъ кошѣй далеко по горамъ разносится полные мечтательности, стремлений къ чему то далекому звуки башкирскихъ пѣсень, прерываемыхъ инструментальной музыкой на кураяхъ.

Иногда Башкиры соединяютъ пѣніе съ игрой на инструментахъ. Башкиры, какъ и другие инородцы, поютъ больше въ одиночку: хоровое пѣніе, говорить, бываетъ у нихъ чаще зимою на вечеринкахъ, свадьбахъ и т. п.

Что касается содержания башкирскихъ пѣсень, то въ нихъ встрѣчаются приблизительно слѣдующія темы: случаи изъ жизни—смерть или убійство; дѣвицы—отрѣзанный ломоть, смотрѣть на сторону; сердце горячо въ свое время, а какъ пройдетъ время,—никуда не годится; счастье отъ Бога, а не отъ денегъ и не отъ ума; значеніе судьбы: предопредѣленія ея отвратить нельзя, раньше времени не умрешь; мытарства человѣка при жизни; гнѣтъ бѣдности, которая уничтожаетъ радости и веселье; любовь къ родинѣ и тоска по ней на чужбинѣ; хорошая жизнь богачей и т. п.

Есть много пѣсень и на любовные сюжеты, но они отличаются большей сдержанностью, чѣмъ татарскія любовныя. Въ общемъ въ содержаніи башкирскихъ пѣсень замѣтенъ элементъ житейской философіи, склонность къ философскимъ взглядамъ на вещи.

Характеръ башкирскихъ мелодій, какъ я уже имѣлъ случай упоминать, значительно отличается отъ характера татарскихъ.

Прежде всего онѣ виѣшне болѣе мелодичны и эффектны и дышать каждой-то особенной ширью и размашистостью, которая зависитъ не единственно отъ употребленія широкихъ интерваловъ; иногда вѣтеть отъ нихъ своеобразной прелестью, чувствуется стремленіе къ чему-то неопределенному, мечтательному, хотя имѣ не достаетъ пожалуй глубины настроенія.

Характерная особенность этихъ мелодій, преимущественно инструментальныхъ, состоитъ въ употребленіи необычныхъ широкихъ интерваловъ: сектъ, септимъ, nonъ; звукоряды ихъ обыкновенно очень большие, переходя за предѣлы дуодецимъ.

Повидимому, башкирскимъ мелодіямъ менѣе свойственны, насколько я могу судить по своему сборнику, украшенія въ восточномъ вкусѣ; ихъ ритмъ отличается болѣе ровностью, чѣмъ въ извѣстной части татарскихъ пѣсень, и не очень отличается отъ ритма европейскихъ мелодій.

Отъ нихъ остается впечатлѣніе вообще болѣе новизны, чѣмъ отъ татарскихъ, и оазъ легче допускаютъ обычную гармонизацію. Я не хочу этимъ сказать, что представленные образцы башкирскихъ пѣсень—продуктъ новѣйшихъ европейскихъ вліяній. Но такъ или иначе, характеръ новизны въ из-

вѣстной степени присущъ башкирскимъ мелодіямъ, хотя это не исключаетъ многихъ свойственныхъ имъ оригинальныхъ чертъ.

Сравнивая житейские шаги этого народа съ его поэтическою дѣятельностью, приходится признать, что въ первомъ отношеніи онъ ушелъ весьма недалеко и, наоборотъ, даетъ сравнительно прекрасныя доказательства успѣховъ во второмъ, если принять къ тому же во вниманіе большой циклъ сказокъ, басенъ, легендъ, пословицъ, поговорокъ и т. п., который имѣется у него и образцы котораго я представлю въ слѣдующихъ книжкахъ Ж. Ст. Общій выводъ относительно рассматриваемаго нами народа тотъ, что это— народъ болѣе художникъ, чѣмъ жизненный практикъ, въ извѣстной степени чувствующій и думающій, чуткій къ поэзіи окружающей его природы Урала, но не дѣлающій жизненныхъ успѣховъ и не способный отстаивать собственное благополучіе.

C. Рыбаковъ.

Якутская свадьба.

Въ якутской свадьбѣ всего болѣе поражаетъ наблюдателя ничтожное участіе въ ея обрядахъ жениха и невѣсты. Онъ съ кнутомъ въ рукахъ, въ дорожномъ платьи, низко нахлобучивъ мѣховую шапку на глаза, сидѣть за спинами сородичей на право отъ входа, въ углу, гдѣ обыкновенно привыкаютъ телить, повернувшись лицомъ къ стѣнѣ, молчаливый и приижненный. Она, на лѣво отъ входа, въ такомъ-же мало почтѣномъ мѣстѣ, за камелькомъ, на лавкѣ, гдѣ въ старину спали рабыни, а теперь спать слуги, спрятана за ровдужной занавѣской, куда заглядывать смѣютъ только знакомыя дѣвушки и женщины. Невѣста также одѣта въ дорожное, мѣховое платье, въ шапку и рукавицы,—На нихъ обоихъ стараются обращать возможно мало вниманія, они не участвуютъ въ общей трапезѣ, — имъ даютъ быть отдельно и ихъ далеко не всѣ изъ ширующихъ видятъ.

Собственно героеемъ на якутской свадьбѣ является родъ. А такъ какъ вступающіе въ бракъ по обычаю принадлежать къ различнымъ родамъ, то и свадьба распадается на два одинаковые празднества, раздѣленные иногда промежуткомъ въ нѣсколько лѣтъ; на первомъ, когда женихъ пріѣзжаетъ впервые съ частью калыма въ домъ невѣсты, хозяиномъ является родъ невѣсты, на второмъ, когда невѣсту приводятъ въ домъ жениха,—родъ послѣдняго.

Обѣ эти церемоніи, за исключеніемъ небольшихъ деталей, тождественны. Онѣ состоятъ главнымъ образомъ въ обмѣнѣ подарками и угощеніи. Обмѣнъ подарками—обычное выраженіе дружбы у Якутовъ. У нихъ есть слово «до-горъ» для обозначенія вообще пріятельскихъ, доброжелательныхъ отношеній, но кромѣ того есть и специальное слово «атасъ» равно-значущее—«побрратимъ», употреблявшееся въ старину, въ личныхъ обращеніяхъ, воинами одного отряда, и служащее для обозначенія особенно близкихъ и нѣжныхъ отношеній у людей одного пола и приблизительно одного положенія. Слово «атасъ» происходитъ отъ того-же корня, что «атаста» — обмѣнъ. Обмѣняться въ знакъ дружбы можно чѣмъ угодно, но свадебные подарки, главнымъ образомъ, сводятся къ обмѣну пищей, мясомъ и живымъ скотомъ.

Въ этомъ отношеніи якутская свадьба черезвычайно близко подходитъ къ древней якутской мировой, которой нерѣдко кончались ихъ кровавыя распри и родовая месть. И тутъ и тамъ центромъ обряда является обѣдъ,

во время которого двѣ различныя группы обмѣниваются подарками, состоящими изъ мяса и жира. Сходство усиливается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что и тутъ и тамъ въ обмѣнъ входятъ, какъ неизбѣжный аксессуаръ, и е-разрублѣнныя голени животныхъ.

«Какъ вы водкой, такъ мы скотскимъ мясомъ и цѣлыми костями дѣлимся въ знакъ дружбы и родства», объясняли мнѣ Якуты

Кромѣ того есть еще много другихъ, второстепенныхъ подробностей, сближающихъ якутскую свадьбу съ враждебнымъ нашествиемъ и вслѣдъ затѣмъ заключенiemъ мировой. Отношения обоихъ встрѣчающихся на ней родовъ полны вначалѣ какъ-бы недовѣрія и соревнованія. Нѣкогда впереди поѣзжанъ высыпались три отборные «батыра» (воина), называемые «сватами высмотрщиками» (тюнгюрь корѣччи). Они являлись въ домъ невѣсты въ походномъ платьи и полномъ вооруженія. Спрощенные, что имъ нужно, отвѣчали: «неугасимый огонь зажечь, мѣдный столбъ ставить, новую юрту строить». Тогда подавали имъ три большихъ кубка съ кумысомъ, и такие-же сосуды брали три отборные воина изъ рода невѣсты. Ставъ на колѣни одинъ за другимъ и другъ противъ друга, шили одновременно напитокъ; кто поперхнулся или не въ состояніи былъ выпить, тотъ терялъ «счастіе». Соревнованіе по преданіямъ, доходило до того, что въ кумысъ пріѣзжимъ подмѣнивали мелко рубленный конский волосъ.

Болѣе или менѣе мирный состязанія продолжаются во всѣ три свадебныхъ дня.

Еще недавно былъ обычай, что во время дѣлежа мяса мѣстный родъ выставлялъ борца, который, ухвативши по серединѣ скотскую голень, скользкую и очищенную отъ мяса, подымалъ ее ввѣрхъ и высакивалъ на ровную площадку двора съ крикомъ «кюресы!»—Молодежь пріѣхавшаго рода бросалась на него, стараясь отнять кость. Родъ заполучившій ее бралъ «счастіе». Подниманіе тяжестей, проба силы, скачки, стрѣльба изъ лука до сихъ поръ въ большомъ ходу на якутскихъ свадьбахъ, и всегда родъ мѣстный и роды пріѣзжие выступаютъ соперниками.

Приближеніе поѣзжанъ до сихъ поръ стерегутъ особые, поставленные на крышахъ, караульные. Они рѣзкимъ крикомъ даютъ знать, и тогда изъ дома мчится на встрѣчу єдущимъ верховой. Поѣзжане тоже летятъ къ дому въ скачь; поровнявшись съ ними верховой поворачиваетъ назадъ; тогда кто нибудь изъ єдущихъ, старается опередить его. Кто опередить, тотъ беретъ «счастіе».—Словомъ «джоль»—счастіе, Якуты обозначаютъ всякую добычу, всякую удачу, будь это даже «удача въ кражѣ».

Многіе изъ этихъ обычаевъ уже исчезаютъ; якутская свадьба русѣеть.

«Помялись столы да вилки, водка да рюмки» — жаловались ми́р правовѣрные Якуты. Я имѣлъ возможность наблюдать въ Колымской старинной свадьбу и вкратцѣ ее опишу.

Вызвали насъ на эту свадьбу за сто верстъ особынь нарочинъ: моего хозяина, какъ влиятельного и богатаго родича невѣсты, меня въ качествѣ почетнаго гостя. Когда пѣваки, послѣ того какъ продѣлали церемонію съ кысланиемъ противъ нихъ вѣдникомъ, вѣхали уже шагомъ во дворъ юрты, изъ встрѣтили родичи невѣсты у дверей, выстроившись въ двѣ шеренги: на право мужчины, на лѣво женщины. Коня и стремя у каждого изъ побѣжанъ поддерживали соответственной почетности родовичъ невѣсты; затѣмъ всѣ, исключая жениха, вошли въ юрту. Здѣсь они усѣлись на скамьяхъ вдоль стѣнъ на право отъ входа. Напротивъ входа, примыкая къ нимъ подъ угломъ, усѣлись отецъ невѣсты, шаманъ, мой хозяинъ и такъ дальние другіе почетные сородичи дома. Всѣмъ сейчасъ же подали бокалы съ кумысомъ; поддержавъ ихъ немнога, они возвратили прислужнику, для изліяній на огонь. Затѣмъ, отшивали немнога, передавали въ кругъ и получали бокалы взамѣнъ отъ сосѣдей. Когда кумысъ былъ выпитъ и подарки, состоящіе изъ стейкъ мяса, внесены въ домъ, самый младшій изъ побѣжанъ пошелъ за женихомъ, который одинъ одинѣнечекъ стоялъ въ полѣ и глядя на востокъ усердно крестился. Дѣло было зимою въ ноябрѣ. Посланий, взавинъ его за плѣтку, повѣль въ юрту. Здѣсь молодой сталъ на колѣни у мѣшка, гдѣ завязана была вареная кобылья голова, отколупалъ ножемъ у нея изъ подъ глазъ три кусочка жира и бросилъ въ три приема на огонь.

Затѣмъ голову положили на красномъ мѣстѣ среди побѣжанъ, а жениха повели въ уголь; невѣста давно уже была спрятана за каминомъ. Больше молодые не участвовали въ свадебныхъ обрядахъ; на первое мѣсто выдвинулись родители и сородичи. Обряды впрочемъ были очень несложные, хотя и длились три дня. Въ старину, говорятъ, пѣлись пѣсни, дѣлались заклинанія и совершались церемоніи, изъ которыхъ замѣчательны, напримѣръ, символическое разведеніе невѣстой огня въ домѣ мужа (утѣ сардахъ), затѣмъ пріобщеніе приведенного скота къ стадамъ (харамни юрюлахъ), съ явными слѣдами культа огня, какъ очекуна дома. Въ настоящее время все это исчезаетъ, остается только самое существенное: угощеніе рода и обмѣнъ подарками.

Сейчасъ же послѣ входа въ домъ жениха бывать скотъ, обыкновенно кобылу и корову, варять ихъ мясо и внутренности тутъ-же на глазахъ пирующихъ въ огромныхъ котлахъ; затѣмъ на полу разстилаются шкуры свѣжеубитыхъ животныхъ, мездрой вверхъ и на ней раскладываютъ передъ каждымъ изъ гостей кучки предназначеннаго ему мяса. «Таковъ столъ древнихъ

якутовъ», объясняли мнѣ замѣну деревянныхъ столовъ кожей. Тутъ-то начиналась сцена совершенно похожая на обряды якутской мировой. Сѣвъ немнога, подымался съ своего мѣста «старшій сватъ», обыкновенно старшій дядя, пріѣхавшій во главѣ свадебнаго поѣзда и занимающій первое въ немъ мѣсто, бралъ лучшій кусокъ изъ выдѣленной ему порціи и съ праличной рѣчью подносилъ его отцу или опекуну невѣсты. За нимъ тоже продѣлывали остальные поѣзжане. Въ свою очередь одаренные отвѣчали тѣмъ-же; подъ конецъ торжественность церемоніи нарушалась, начиналась суета, рѣчи прекращались, только мелькали въ воздухѣ дымящіеся куски мяса и раздавались отдѣльные окрики: «сватъ такой-то возьми! сватъ такая-то бери!.. Причемъ сватъ, сватъ, кумъ, деверь, свекровь, невѣстка... всѣ эти названія родства, возникающія вмѣстѣ съ бракомъ, произносились особенно отчетливо и часто, какъ-бы для закрѣпленія ихъ въ памяти присутствующихъ. Въ рѣчахъ звучали все тѣ же фразы: «вотъ мы теперь породнились, будемъ жить въ мирѣ и согласіи!» Такіе обѣды повторялись ежедневно два раза утромъ и вечеромъ. Все время поѣзжане и ближайшіе родные невѣсты сидѣли неотлучно на своихъ мѣстахъ, все время, не смотря на жару и духоту, не снимали шапокъ, рукавицъ и походнаго костюма. Разъ только на второй день уѣхали инородные гости въ сосѣднюю юрту на нѣсколько часовъ; въ это время вскрыли привезенные ими тюки съ подарками и раздѣлили ихъ между всѣми присутствующими. Болѣе почетными давали больше, менѣе почетными—меньше, но давали всѣмъ безъ исключенія. Подарки состояли изъ варенаго и сырого мяса. На третій день, свадебный поѣздъ верхами троекратно обвелъ по солнцу кругомъ столбовъ коновязи, и затѣмъ тѣ вскачъ удалились. Во главѣ поѣзда, какъ и раньше,ѣхалъ «старшій сватъ», въ концѣ—женихъ.

Первая половина свадьбы считалась законченной. Затѣмъ слѣдуетъ періодъ болѣе или менѣе продолжительный, отъ года до пяти лѣтъ, во время котораго выплачивается калымъ и когда мужъ можетъ видѣть жену только приведши часть скота и проживя по этому случаю нѣсколько дней въ домѣ я родителей. Въ заключеніе мужъ увозилъ жену домой; ей неизбѣжно сопутствуютъ сородичи, дяди, тетки, братья, почетные избранные лица рода; они везутъ приданое невѣсты (энне). Въ домѣ жениха опять три дня они сидѣть чинно по мѣстамъ, пирутъ и обмѣниваются подарками. Бракъ вслѣдъ за тѣмъ считается завершеннымъ и жизнь вступаетъ въ обычную колею.

Конечно этотъ блѣдный абрисъ якутской свадьбы слабое только о ней даетъ представление. Она бѣдна обрядами, но богата мелкими событиями, ничего незначущими фразами, пересудами, оскорблѣніями и вынужденной вѣжливостью идержанностью, которая никогда не забываетъ, всѣми подмѣчается и создаются

известныя отношения. Нужно близко сжиться съ якутской родовой жизнью, чтобы понять, на сколько якутская свадьба полна еще родовыхъ традиций, родового духа и какая близкая между ними существуетъ связь. Нужно повидать свадьбы въ различныхъ мѣстностяхъ, съ различной интенсивностью родовыхъ инстинктовъ, чтобы подмѣтить, какъ семейные интересы стремятся оттеснить родовые на второй планъ и какимъ путемъ они этого достигаютъ.

У родовыхъ традиций въ настоящее время только одинъ защитникъ — общественное мнѣніе. Законъ признаетъ только права семьи. Тѣмъ не менѣе до сихъ порь «курумъ» — та часть калыма, которая идетъ исключительно на угощеніе и подарки присутствующимъ родичамъ, составляетъ крупную часть платы за невѣсту. У бѣдняковъ, ради нея убивающихъ единственную скотину, она составляетъ все, у болѣе богатыхъ она составляетъ $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{3}$, уменьшаясь пропорционально, но не абсолютно. На свадьбахъ богачей, гдѣ собирается по нѣскольку сотъ человѣкъ, она достигаетъ двухъ десятковъ штукъ крупнаго скота. «Въ старину было на свадьбѣ десять обѣдовъ, и на каждый убивали двѣ или одну штуку скота. Кромѣ того много уходило на подарки. «Курумъ», говорить преданіе, и есть собственно плата за невѣсту, а его до сихъ порь получаетъ родъ. Принимать въ соображеніе тѣ незначительные куски мяса, которые поступаютъ у него въ собственность членовъ семьи, наврядъ ли можно въ сравненіи съ тѣмъ огромнымъ количествомъ, которое поѣдаются и разбираются сородичи. Замѣчательно также, что угощеніе на обоихъ празднествахъ, какъ въ домѣ жениха, такъ и невѣсты, идетъ за счетъ виновника жениха. «Курумъ» есть та часть «калыма», которая не возвращается, даже въ случаѣ неожиданной смерти жениха, тѣжбы и проч., только побѣгъ и несогласіе невѣсты дѣлаетъ вопросъ спорнымъ, но имъ обязанъ воспрепятствовать родъ и родовая власть. Другія части калыма, какъ «сулу», «харамни» возвращаются со временемъ жениху, видѣ приданаго невѣсты; подарки ея роднымъ, въ видѣ специальныхъ отарковъ — тѣ рѣютъ, даже плата «за поцѣлуй» (усь асаръ) подлежитъ возврату въ исключительныхъ случаяхъ и только «курумъ» возврату не подлежитъ. Это плата роду за обиду, за посягательство на его права, за утрату члена. «Курумъ» всецѣло ложится на семью жениха, но такъ какъ семья невѣсты тоже небольшую изъ него извлекаетъ пользу, то естественно обѣ онъ стремятся уменьшить его долю. Народъ защищаетъ «курумъ», и скучая свадьба богача вызываетъ нареканія, даже публичную ругань. Тамъ, гдѣ родовая отношенія еще сильно отражаются на хозяйственныхъ дѣлахъ, рѣдкое осмѣливаются не считаться съ этимъ недовольствомъ. На ширу, во время раздачи мяса родичи ведутъ себя совсѣмъ свободно и зорко смотрятъ, чтобы ихъ не обѣлили. На сѣверѣ «курумъ» составляетъ болѣе

крупную часть калмыка, чѣмъ на югѣ. «Курумъ» былъ несомнѣнно жерарчною, самой древнею частью калмыка, другія зародились и разрослись въ послѣдствіи. Жалобы на калмыка, насколько я замѣтилъ, имѣютъ въ виду теперь только эту часть его; вообще же калмыкъ среди якутовъ находить ярыхъ защитниковъ. «Кто же станетъ отдавать даромъ человѣка!..» возмущались они, когда я настойчиво распрашивалъ ихъ, за что берутъ плату, желая уяснить себѣ основы обычая. Наврядъ ли возможно объяснить происхожденіе калмыка вознагражденіемъ за воспитаніе, за уходъ, и т. д., какъ это объясняютъ сами якуты. Часто калмыкъ получаютъ люди, совершенно не принимавшіе участія въ воспитаніи невѣсты: братья, оненуны, дaddы, наконецъ хеззера за своихъ работницъ, если у нихъ неѣть никого. Понятіе о калмыкѣ, какъ о ненѣжномъ атрибутѣ брака, до того сильно внѣдрено въ сознаніе народа, что якутская дѣвушка была-бы глубоко огорчена, если бы не нашлось человѣка, который согласился бы потребовать за неѣтъ хоть рубль. Отъ съ глубокимъ презрѣніемъ отзывались о русскихъ женщинахъ, которыхъ «сами платить, чтобы ихъ только взяли».— Калмыкъ въ общей сложности достигаетъ иногда 2000 руб. Самый мѣньшій, какой я записалъ, былъ рублей въ 10.

Если якутская свадьба напоминаетъ отчасти нападеніе, отчасти «мировую», а калмыкъ въ основѣ своей скрываетъ вибу, то якутское сватовство (кельтегань) совершенно похоже на военную разѣйку. Три бравыхъ сородича молодаго, иногда безъ него, иногда вмѣстѣ съ вимъ, отправляются гостить по сосѣдамъ. Тамъ, гдѣ имъ дѣвушка приглянулась, остаются дольше, до трехъ дній. Ничего же дѣлая, молча, сидѣть они подъ образами и зорко присматриваются къ домашнему обиходу, къ дѣвушкѣ, которая все это время прачется старательно за перегородкой, и является только, подавая пищу. Смотрѣть, какъ вымазанъ комедекъ, какъ содержится посуда, какъ сшита и подвязана обувь молодой. Уходя на третій день, оставляютъ на столѣ лисицъ, деньги или водку, смотря по мѣстности. Они совершенно готовы въ отѣзду: кони ихъ осѣданы, постели утючены, сами они одѣты и вооружены. Они дожидаются отѣзда на дворѣ. Въ это время въ юртѣ семья совѣтуется. Иногда спрашиваютъ и дѣвушку. Если позванные сваты увидятъ подарокъ свой на столѣ не тронутъ, то молча забираютъ его и уходятъ; въ противномъ случаѣ начинаются переговоры о времени свадьбы, калмыкъ, при чемъ старательно опредѣляются размѣры его разныхъ частей и порядокъ уплаты. Въ большинствѣ случаевъ женить молодыхъ родственники и родители за глаза; въ старину женили даже маленькихъ дѣтей, а женитьба въ 8—10 лѣтъ до недавна была дѣло обычное... Впрочемъ сватовству предворяется иногда и «высмотрѣ». Собирающійся жениться молодой якутъ, юдеть уже совершенно таин-

ственю, прикрывая свое посещение разысками потерянного стада или промысломъ. Такого высмотрщика мѣстные парни встречаютъ обыкновенно не особенно дружелюбно, а дѣвушки вонючими; я же вспомнилъ видѣнныя мною высмотрщиковъ, когда записывалъ вносядствіи слѣдующее преданіе:

«Ходи, блуждая по лѣсу, если увидѣши гдѣ красивую женщину, выматривали, гдѣ ся братья, гдѣ мужъ ходить, промышляютъ. Тамъ нападали на нихъ и убивали, а женщину уводили. Если налья было заполучить ей съ лой, брали обманомъ. Переодѣнутся въ платье убитаго и, подойдя къ юртѣ ночью, чтобы ихъ не могли видѣть, говорить: «эхъ! добычи не въ силахъ иринаести. Выходи, женщина, помоги!» Когда та за ними уходила въ лѣсъ, скавтывали. Если сопротивлялась, прокалывали руку певынне кисти я, продѣвши ремень, уводили насильно!»

Отмѣчу, что такимъ же образомъ по преданію, записанному въ другомъ мѣстѣ, известный якутскій разбойникъ началъ текущаго столѣтія «Манъчары», увелъ въ лѣсъ свою любовницу, жену известнаго князя. Въ сказкахъ часто разсказывается о похищении женщинъ ради женитьбы, а большинство былинъ основано на поискахъ на чужбинѣ невѣсты или защиты родной сестры передъ подобной напастью.

Не можетъ быть сомнѣнія, что началомъ современаго якутскаго экзогамического брака было похищеніе. Языкъ сохранилъ интересную въ этомъ отношеніи потребность; именно: приданое называется по якутски «энче», но «энче» въ старину собственно значило: «пощада жизни». Это слово произносилъ воинъ побѣжденный, но пожелавшій сохранить жизнь; послѣ чего онъ превращался въ раба и назывался «энче куулутъ». Воинъ въ предѣлахъ одного и того-же рода не бывало; жениться въ предѣлахъ одного и того-же рода строго воспрещаетъ обычай; даже въ чужомъ родѣ, но на живущихъ вблизи, жениться считается предосудительнымъ. «Дѣвушка, выходящая замужъ на родинѣ не бываетъ счастлива»; «хорошо, если вода близко, а родня жены (уру) далекъ», говорятъ поговорки. — Богатые якуты обыкновенно берутъ женъ изъ дали, изъ за нѣсколькихъ сотъ верстъ. Всё это понятно, если приимемъ во вниманіе, что сородичи кочевали вмѣстѣ вблизи.

Подробное изученіе якутскаго брака обещаетъ дать богатый материалъ для теоріи происхожденія экзогаміи. Краткость сообщенія не позволяетъ мнѣ ближе разсмотрѣть многія частности. Позволю себѣ только добавить, что якуты до недавна были полигамисты, и что въ «Сборнику обычного права», составленномъ въ 20-хъ годахъ текущаго столѣтія самими инородцами по порученію правительства, они максимумъ своихъ женъ опредѣляютъ такъ: «большине пяти въ одно время не имѣмъ».

Затѣмъ укажу на тѣ слѣды еще болѣе древняго уже эндогамического брака, на которые наткнулся я, собирая другія общія свѣдѣнія.

«Когда Онохой прибылъ съ юга», говорится въ преданіи о южномъ про-исходеніи якутовъ, «якуты брали въ жѣны собственныхъ сестрѣ, такъ какъ постороннихъ женщинъ не было». «Нѣкогда въ старину еще до Тигина якуты женились такъ: если изъ двухъ братьевъ одинъ имѣлъ сына, а другой дочь, то дѣти ихъ вступали въ бракъ». «Въ старину, когда юноша—могъ натя-нуть лукъ, бралъ въ жены одну изъ младшихъ сестрѣ и уходилъ!..» Всѣ эти показанія и многія другія изъ записанныхъ мною указываютъ какъ-бы на сводный бракъ, между братьями и сестрами. Тоже самое подтверждаетъ обще-распространенное среди якутовъ преданіе о первомъ человѣкѣ, у которого было 7 дочерей и 8 сыновей. Онѣ вступили между собой въ бракъ, исключая одного. Тѣмъ не менѣе я воздержусь до болѣе точныхъ свѣдѣній отъ какихъ-либо за-ключеній о формахъ этого прастараго якутскаго брака. Если родственныя названія суть тѣтъ оттискъ, который намъ въ наслѣдіе оставили формы исчезнувшаго брака, то изученіе якутскихъ родственныя названій прежде всего укажетъ на от-сутствіе у нихъ въ этомъ прошломъ точнаго понятія братъ и сестра. У нихъ есть названія для старшаго брата, старшой сестры, младшаго брата, младшой сестры, но названія просто братъ и сестра у нихъ нѣтъ. Къ тому же имя «убей», «бій» значить не только старшій братъ, но старшій дядя, старшій двоюродный братъ, старшій племянникъ; вообще всакій въ родѣ, родившійся раньше, какъ это въ обыденной рѣчи до сихъ поръ принято говорить, хотя бы въ Колымскѣ. Такъ зовутъ только родовичей; неродовичей зовутъ «до-горъ»—пріятель. Относительно «эджій»—старшая сестра, «ини»—младшій братъ, «балысь»—младшая сестра можно сказать тоже самое; прежде всего якуты бакъ будто оттѣняютъ разницу въ возрастѣ, а затѣмъ уже стремятся путемъ всякихъ оговорокъ обозначить кровную близость. Это не результатъ бѣдности языка; онъ въ иныхъ случаяхъ проявляется даже излишнее богатство; тѣль нашр.: младшаго брата мѣщанина зоветъ «ини» или «ого», а женщина—зоветъ «сурджа»; иначе зоветъ женщина невѣstu брата а нача—мѣщанина; есть у яку-товъ название для самыхъ отдаленныхъ степеней родства, и пр.: сы, которое стопъ уже на предѣлахъ рода, и которое невозможно перевести по русски; есть у нихъ, наконецъ, богатая и совершенно отличная система для обозначенія род-ства, пріобрѣтеннаго путемъ нынѣ существующаго брака.

Такую же неясность, какъ братъ и сестра, встрѣчаемъ въ названіяхъ «сынъ», «дочь», «дитя». Ихъ нѣтъ, а есть только: вообще мальчикъ— «уль» и вообще—дѣвоочка «кысъ», наконецъ вообще ребенокъ «ого».— Словомъ мальчики, парни—во множественномъ числѣ «уолларь» назывались въ

старину все младые люди рода, его военный отрядъ; словомъ девочки «киргыттерь» — все девушки племени — они же прислужницы; словомъ «ого» ребенокъ принято было называть всѣхъ родившихся послѣ, всѣхъ младшихъ рода. — Все это сильно затрудняетъ пониманіе: преданій и былинъ, поскольку они касаются родственныхъ связей. Когда тамъ сказано «женился на младшей сестрѣ», то это можетъ значить также на женщинѣ «родившейся послѣ». Одно несомнѣнно — бракъ происходилъ въ старину внутри рода.

Относительно различенія дѣтей отмѣчу, что только понятіе мать обозначено у якутовъ специальнымъ словомъ «іэ», имѣющимъ такой же физиологический корень, какъ и у насъ; слово же отецъ «ага», которое теперь употребляется ими, значило въ старину «старшій» и теперь еще употребляется въ томъ смыслѣ въ специальныхъ оборотахъ. Когда при составленіи таблицъ родства я спрашивалъ — названія, мнѣ всегда ставили вопросъ, старшій или младшій «ага ду балысъ ду»? даже безъ различія къ полу. Все это заставляетъ насъ полагать, что эндогамический якутскій бракъ имѣлъ крайне неопределенные формы, что былъ моментъ, когда дѣти принадлежали всему племени, и что счисленіе родства велось въ началѣ по всей вѣроятности въ материнской линіи. Изслѣдованія якутской семьи и рода подтверждаютъ это. Подтверждаетъ это также отсутствіе специального названія для мужа, который зовется просто «эрэ» — мушчина, между тѣмъ, какъ для понятія — жена есть специальное слово «оjoхъ»: подтверждаетъ также название семьи, соотвѣтствующей римской «фамилія», именно: она зовется «іэ - уса» материнскій родъ въ отличіе отъ настоящаго рода отчаго — «ага уса».

Очеркъ будетъ не полнымъ, если я, хоть слегка, не коснусь роли, какую играетъ въ якутскомъ бракѣ его первоисточникъ — любовь. Я упомянулъ уже, что вступающіе въ бракъ часто не знаютъ другъ друга и не видѣлись до момента, когда стали мужемъ и женою и говорилъ, что якуты нерѣдко женили маленькихъ дѣтей, что все дѣло сводилось къ договору старшихъ, къ волѣ родителей. Наблюдатели, подмѣтившіе только это, выражали не разъ даже печатно мнѣніе, что якуты не знаютъ любви, что они живутъ и женятся и обходятся безъ нея. Это не вѣрно. Правда, экзогамія и порабощеніе женщины на долго устранили возможность выбора; матеріальная сторона брака, необходимость выкупа, зависимость вслѣдствіе этого отъ родителей, лишили въ значительной мѣрѣ этого — даже мушчину; но любовь не умерла. Она принуждена была только принять незаконныя формы.

У якутовъ, какъ и у насъ, встречаются въ изобиліи семейныя драмы: измѣна, ревность, побѣги, сумасшествіе, самоубійства, имѣющіе въ основѣ вражду мужа и жены и порабощеніе чувства. Въ старину было тоже; преданія

нерѣдко описываютъ, какъ жены въ трудныя минуты принимали сторону враговъ, какъ перерѣзывали тетивы луковъ, чтобы братьямъ доставить побѣду надъ мужьями. Тамъ-же указывается на любовь, на свободу выбора, какъ на исходъ.

Путемъ жестокой борьбы и страданий элементъ чувства опять отвоевываетъ себѣ въ якутскомъ бракѣ все возрастающее влияніе; обычай спрашивать молодыѣ распространяется все больше, даже закоренѣлые старики якуты признаютъ его пользу. Борьба придала только особый блескъ и остроту этому на время подавленному чувству.

Чтобы дать понятіе о характерѣ его, позволю себѣ, въ заключеніе моего доклада, прочесть импровизацію якутской дѣвушки, записанную Худяковымъ. Я читалъ ее въ тюркскомъ текстѣ: она действительно прекрасна, это—стихи сложенная пѣсня; русскій переводъ прозаической, но очень точный и мѣткій.

Импровизація дѣвушки-якутки

Ахъ, ребята! голову-мысли мои вскружили ловкіе (верткіе) мужчины, стом-кружась, света своимъ блескомъ, покрывалъ свой внутренний обманъ, околовозывалъ удачностью своихъ выражений (словъ), заставляя завидовать на свое добро (богатства и добрыя качества), проникая взоромъ мое сердце и печень...

Ахъ, ребята! Еслибы полюбивши этого человѣка, обнявши его на два или на сколько часовъ, поцѣловавши-понюхавши, приблизивши къ своему сердцу, хотя и расталась-бы я (ст. ины), то я, худая собою, посѣгъ, когда тѣмъ мое жило, какъ вода, когда стану я старухой хрупкой, какъ гнилое дерево, постарѣю, развѣ скажу я, что въ молодости я не была счастлива? Эгай, 2.

Ахъ! Русскій молодецъ сидиши ты, слушая — думая, чего хорошаго скажетъ, что можетъ сказать женщина-дѣвушка съ такою недальнею (короткою) мыслью, съ такою узкою памятью, съ жесткими (грубыми, невыразимыми) платьемъ? Эгай, 2.

Мужчины-люди, вы думаете, что лучшая изъ женщинъ, дѣвицы, не имѣютъ сердца, способного любить? Еслибы знала я, что замѣтъ мой, рѣчь, голосъ моего горла, можетъ расшевелить ваше сердце, заставить его разрываться отъ жалости, можетъ заставить васъ хорошо думать обо мнѣ — пѣла-бы я, ребята, безостановочно; воспѣвала-бы я ребята. Обратившись отголоскомъ голоса, украшеніемъ выраженій, я разжалобила-бы ваши сердца, размягчила-бы каменную вашу мысль, развязавъ, растопивъ вашу ледяную память, сдѣлала-бы я васъ столь безжалѣнными, какъ маленькое дитя, только что начинаяшее сидѣть; заплакала-бы васъ такъ, чтобы вы не могли ни встать, ни пошевелиться.

Ахъ! Имѣющіе голосъ пѣвчей птички (камарейки), платье подобное наружной сторонѣ крыльевъ чирка, поясъ подобный радугѣ, туда-сюда развѣдотесь вы далеко, свѣта, какъ падающая звѣзда, расчеркнаго небо, блестѣ какъ молния, заставляя зариться¹), полюбить себя. Только, ребята, я, худа взадъ и впередъ, видя во снѣ, удерживая въ памяти, иѣжа сердце-печень, думая (о васъ), считалась за счастливую, одна на землѣ, буду ходить несчастною. Эй! Ахъ, нариши ахъ, хорошие люди! Вы подумаете, разсердитесь, осуждая (меня): «Эдакая страшная осмѣялась посмотреть на насъ! Чѣмъ я спасусь отъ этого, ребята? Развѣ обманю ваше доброе? Развѣ обманю вашу хорошую сторону? Ахъ, досада моя! Быть-бы мнѣ лучшей-посточной и вскружить ваши мысли. Ахъ, досада моя! Значить вы уйдете, оскорбившись и осердившись. И хорошие и худые смотрѣть глазами на (мое) ласковое блестящее солнце, (развѣ оно) оскорблется этимъ, что ли?

Ахъ, ребята! Говорить на томъ свѣтѣ есть господинъ, списывающій хорошее и худое, грѣхъ и чистое (темный лѣмъ). Тотъ господинъ, поставить-ли мнѣ въ вину эти сказанные мною слова, за то, что я осмѣялась любящими глазами посмотреть на лучшихъ себѣ, думая, что всеѣ должны быть разны мнѣ? и внесетъ (ли) онъ ребята (эти слова) въ черное письмо?

Ахъ, досадные! Улыбнувшись, какъ тѣни, вы уѣжаете такъ, какъ огнь заходящаго солнца уменьшается, выйдеть на гору, удаляется-удаляется и исчезаетъ! Но все-таки, какъ отъ солнца остается по горамъ солнечный отблескъ, такъ въ памяти и мысли я буду носить (о васъ воспоминаніе). Эгай, 2.

B. Сѣрошевскій.

¹) Зариться—завидовать; «ибирскій провинциализмъ».

Объ обычаяхъ и обрядахъ при родахъ ино- родческихъ женщинъ въ Сибири и Сред- ней Азии.

Актъ, имѣющій для каждой женщины серьезное значеніе, и нерѣдко со-
ставляющій для жизни ея критический моментъ, актъ, непосредственно пред-
шествующій и сопровождающій появленіе новой особи, нового человѣка,—актъ
этотъ, роды, при всемъ различіи обстановки, обрядности и положенія роже-
ницы, при которыхъ они происходятъ у женщинъ Сибирскихъ инородцевъ,
все-таки отличаются одной общей для нихъ всѣхъ особенностью—а именно
легкостью. Эта особенность родового акта у сибирскихъ инородческихъ жен-
щинъ отмѣчена всѣми наблюдателями, — путешественниками и врачами. Въ
то время какъ по казачьимъ станицамъ въ Сибири значительная смертность
отъ родовъ, по словамъ Усова, явленіе весьма обыкновенное ¹), у инород-
цевъ, наоборотъ, смертность отъ родовъ незначительна. То, что у нась со-
ставляетъ большую рѣдкость, и о чѣмъ всѣ говорятъ, какъ о курьезѣ, тамъ
составляетъ обычное явленіе. Напр., чтобы женщина тотчасъ послѣ родовъ
сѣла верхомъ на лошадь съ новорожденнымъ и продолжала свой начатый
путь,—этого у нась, вообще у цивилизованныхъ народовъ, почти не слыхать.

У инородческихъ же женщинъ въ Сибири это не рѣдкость. Только что
съ вами сидѣла въ юртѣ Киргизка, или въ чумѣ Остячка, или Гилячка,
вдругъ ее не стало: она ушла, исчезла, и уже черезъ какихъ-нибудь 15 минутъ
вы узнаете, что она подарила свое племя новымъ «вѣнцомъ созданія», съ
которымъ она продолжаетъ путь далѣе, какъ и въ чѣмъ не бывало. Такую
поразительную легкость, такую по истинѣ завидную и счастливую особенность
родового акта нѣкоторые авторы объясняютъ различно.

Такъ Meuergson объясняетъ легкіе роды у Калмычекъ открытымъ и
подвижнымъ тазомъ, который получается, во-первыхъ, отъ того, что дѣтей,
следовательно и дѣвочекъ, носятъ на спинѣ, при чѣмъ ребята обыкновенно
растягиваютъ ноги по обѣ стороны материнской спины; во-вторыхъ, отъ

¹) Статист. описание Сибир. войска. Сост. Усовъ. Сиб. 1879 г. Стр. 166.

ранней ъзды верхомъ, и въ-третихъ, отъ того, что инородцы эти съ дѣтства имѣютъ обыкновеніе сидѣть по-азіатски, съ подобраными ногами, при чмъ тазовая кости, отъ тажести тѣла расходятся (Ploss). Д-ръ Колбасенко объясняетъ легкость родовъ у Киргизокъ также тѣмъ, что киргизскія дѣти (и дѣвочки) начинаютъ съ раннаго дѣтства ъзду верхомъ, а верховая ъзда, вѣроятно, измѣняетъ конфигурацію таза, и послѣдній становится особенно вы-годнымъ для родового акта ¹⁾). Кромѣ измѣненій конфигурацій и вы-годныхъ размѣровъ таза, Колбасенко объясняетъ легкость родовъ у Киргизокъ еще и нѣкоторыми другими условіями: дѣторожденіемъ въ молодомъ возрастѣ (съ 17 до 30 лѣтъ) въ слѣдствіе раннаго замужства, и хорошими гигієническими условіями жизни (главнымъ образомъ постоянными движеніями на воздухѣ и, въ большинствѣ случаевъ, питательной пищей, молокомъ, мясомъ и жирами ²⁾).

Д-ръ Колбасенко, какъ и до него еще Мейерсонъ совершенно правы въ своихъ объясненіяхъ. Тазовые размѣры у Киргизокъ дѣйствительно нѣсколько увеличены, чего ужъ никакъ нельзя объяснить одними общими гигієническими условіями. Но кромѣ благопріятныхъ условій, представляющихъ со стороны таза, со стороны нѣсколько увеличенныхъ размѣровъ костныхъ родовыхъ путей, на легкость и благопріятный исходъ родовъ вліяютъ еще нѣкоторыя физиологіческія особенности организма, свойственные не только инородцамъ Сибири, но и всѣмъ вообще не цивилизованнымъ народамъ. На эти особенности организма, какъ на моменты, благопріятствующіе родамъ, указалъ въ томъ же засѣданіи акушерского гинекологического общества въ Киевѣ ³⁾ проф. Рейнъ, который во время преній о причинахъ легкости родовъ у Киргизокъ спра-ведливо замѣтилъ, что «сопротивляемость тканей организма вреднымъ влія-ніямъ вообще и дѣйствію микробовъ въ частности бываетъ различно, чѣмъ и объясняются тѣ, почти невѣроятные, случаи благопріятнаго теченія болѣзней и родовъ и исходовъ операций, о которыхъ порой встѣрѣчаются сообщенія...» Но еще раньше Зеландъ объяснялъ легкость, благополучное теченіе и исходъ родовъ у инородцевъ «замѣчательной жизненностью тканей», которая между прочимъ оказывается при раненіяхъ: «значительные раны, говорить онъ, даже черепные, часто протекаютъ у Киргизовъ безъ лихорадки». А еще раньше указывалъ на эти условія Топинаръ. Онъ говорить: «легкость родовъ, не смо-тря на отсутствіе самого элементарнаго ухода, наблюдалася у дикихъ наро-

¹⁾ Прот. Зас. Ак.-Гинек. Общ. въ Киевѣ. Семирѣченская Киргизка въ акушерскомъ отношеніи; плодовитость ея и дѣтская смертность. П. С. Колбасенко. Стр. 121. Киевъ. 1891 г.

²⁾ I. с., стр. 125.

³⁾ Прот. Стр. 45. Киевъ. 1891 г.

довъ, зависить какъ отъ анатомическихъ и физиологическихъ особенностей организма, такъ и отъ степени выносливости боли ¹). На высшую жизненность тканей, о которой говорить Зеландъ, какъ на моментъ, играющій такую важную роль при томъ или другомъ кризисѣ, переживаемомъ организмомъ нецивилизованныхъ народовъ, указываютъ и другие ученые. Такъ Вейсъ приводить много примѣровъ, доказывающихъ, что «цѣлебная сила природы у народовъ нецивилизованныхъ значительна, чѣмъ у цивилизованныхъ» ²). Такимъ образомъ мы видимъ, что при объясненіи легкости родовъ у женщинъ Сибирскихъ инородцевъ должны приниматься во вниманіе не только анатомическая особенности, не только выгодные размѣры таза, но еще и физиологическая особенности всего организма: сопротивляемость и жизненность тканей, выносливость боли и т. д. До чего легко рожаютъ Камчадалки, видно изъ словъ графа F. de Gramont, который передаетъ Витковскій ³). На Камчаткѣ, поѣтствуетъ Gramont, женщина работаетъ себѣ по хозяйству, вы ничего не замѣчаете, и глядь, черезъ 15 минутъ она уже появляется съ новорожденнымъ на рукахъ. При такихъ родахъ присутствовалъ Штеллеръ: женщина удалилась изъ хижины и черезъ четверть часа явилась съ новорожденнымъ, какъ ни въ чёмъ не бывало. Родить же Камчадалки на колѣняхъ въ присутствіи всѣхъ обитателей, безъ различія пола и возраста ⁴). Для облегченія ихъ родовъ имъ даютъ какихъ-то настоекъ и настоекъ ⁵).

Часто приходится инородческой женщинѣ разрѣваться отъ бремени при ужаснѣйшей обстановкѣ, либо одиноко въ тайгѣ, либо на трескучемъ морозѣ, либо прямо на ходу. При такихъ условіяхъ, понятно, иногда гибнутъ и несчастныя матери, и безмолвные младенцы. Женщины восточныхъ инородцевъ часто разрѣшаются отъ беременности на морозѣ у костра. Несчастная мать должна согрѣвать новорожденного на своей холодной груди и кормить его на открытомъ воздухѣ, имѣющемъ градусовъ 45 мороза ⁶). У Гиляковъ, говорить Зеландъ, какъ и у некоторыхъ другихъ инородцевъ, существуетъ обычай выводить женщину, готовящуюся родить, изъ избы въ отдельно-стоящей ша-

¹) Топинаръ, I. с., стр. 358.

²) Теодоръ Вейсъ. Антропологія первоб. народовъ. Москва. 1867, стр. 119. Д-ръ Зачеку приходилось накладывать щипцы въ хлѣбу на извозѣ, вообще приходилось наблюдать и самому испытывать въ своей многолѣтней практикѣ ужаснѣйшую обстановку, между тѣмъ роженицы Финки всегда быстро поправлялись безъ всякой реакціи (личное сообщеніе д-ра Зачека).

³) Witkovski. Histoire des accouchements chez tous les peuples. Стр. 561.

⁴) Witkovski, I. с. стр. 384. Финки также рожаютъ, стоя на колѣняхъ и упираясь руками о какой либо предметъ.

⁵) Witkovski, I. с., стр. 207.

⁶) И. М. Ядринцевъ. Сибирские инородцы. Спб. 1891 г., ср. 77.

лашь, гдѣ она живеть дней 10. Такъ какъ время года при этомъ отнюдь не принимается въ разсчетъ, то мать и новорожденный принуждены проходить эти мытарства даже въ трескучій морозъ и пургу. Единственнымъ средствомъ согрѣванія служить горацій въ берестяномъ шалашѣ и небольшой костеръ да одежда матери. Бываютъ случаи, присовокупляется Зеландъ, что днѣта замерзаетъ. То-же самое разсказывается о Гилакахъ и Деникеръ ¹⁾). А Угрюмовъ въ «Тобольскихъ Губ. Вѣд.», описывая племя Гиляковъ, говоритъ между прочимъ слѣдующее: Племя Гиляковъ быстро вымираетъ, чему способствуетъ вмѣстѣ съ пьянствомъ и сифилисомъ варварскій обычай при дѣторожденіяхъ. Какъ только женщина почувствуетъ приближеніе родовъ, ей дѣлаютъ наскоро особый сарай, увозятъ туда и тамъ до разрѣшенія оставляютъ рѣшительно одну. Лѣтомъ рожденія совершаются еще благополучно; не то бываетъ зимой, въ шалящіе морозы. При зимнихъ родахъ или мать умираетъ, или ребенокъ, а то и оба вмѣстѣ. Тунгузка, рожающая обыкновенно очень легко и уже на второй день послѣ родовъ щѣздащая верхомъ на оленѣ, чувствуя приближеніе родовъ, также удаляется изъ юрты и разрѣшается безъ всякой посторонней помощи въ лѣсу ²⁾). Впрочемъ, это относится только къ лѣснымъ Тунгузамъ; у степныхъ же Тунгузокъ (Тунгузы, раздѣляются на лѣсныхъ и степныхъ) имѣются бабки, какъ равно и у Бурятокъ.

Самоѣдки переносить роды молча и терпѣливо, почти безъ болей ³⁾). Имъ приходится часто рожать въ пути, во время перекочевокъ и переходовъ съ мѣста на мѣсто. Хотя Самоѣды возятъ съ собою и чумы и разбиваютъ ихъ на каждомъ привалѣ и ночлегѣ, но женщины никогда въ нихъ не рожаютъ. Обыкновенно онѣ выходятъ въ это время изъ чума и зимою рожаютъ на снѣгу, который въ первыи минуты существованія новорожденнаго служить ему постелью и баню. Дѣти эти, если остаются живы, выростаютъ на томъ-же снѣгу, подъ выюго и морозомъ ⁴⁾), и начинаютъ свою жизнь точно такъ же, какъ полярныя лисицы и песцы. Если-жъ роды не застигаютъ Самоѣдку въ пути, то она отправляется въ особенную, употребляемую только для этой цѣли, маленьку палатку, наз. Самайма или Мадико. Помогаетъ во время родовъ старая женщина.

Если роды трудные, то у Самоѣдовъ, какъ и у Остяковъ, существуетъ оригинальный обычай, исполненіе котораго имѣетъ цѣлью облегчить роды.

¹⁾ Ploss II. Стр. 42.

²⁾ Mordwinov, «St.-Petersburg Zeitung». 1851. № 203 и 204. Так же Dr. G. I. Engelmann

³⁾ Witkovski, I. c., стр. 559.

⁴⁾ «Тобол. Губ. Вѣд.» 1861 г. № 29.

Обычай этот слѣдующій. Какъ только приближается время родовъ, роженица съ бабкою, — бабка по-остяцки «Тушангъ-агны», — роль которой исполняетъ старуха, удаляется въ отдѣльную юрту, исключительно для этой цѣли пред-назначенную и считающуюся не чистой. Юрта эта стоитъ неподалеку отъ чума и строится изъ бересты или изъ оленыхъ шкуръ. Въ этомъ-то шалашѣ про-исходять роды, даже и зимою при 40° морозѣ. Бабка собирается вокругъ этого шалаша всѣхъ осѣдлыхъ остаточекъ, не исключая и дѣвочекъ. Затѣмъ бабка начинаетъ допрашивать роженицу, не нарушила-ли она съ кѣмъ либо супружеской вѣрности и если та сознается въ винѣ своей, то ее спрашиваютъ, съ кѣмъ именно она имѣла связь. Будучи съ малолѣтства увѣрена, что при утайкѣ роды будутъ весьма трудны, жена разсказываетъ всю правду. Шалась говорить, что «однако отъ этого жены не должны опасаться никакихъ дур-ныхъ послѣдствій, ибо мужъ принудить только того, на кого указала жена, къ небольшому вознагражденію. Если-жъ это былъ какой-нибудь ближайшій сродникъ, то роженица умалчиваетъ одно только имя, и мужъ потому знаетъ уже, съ кѣмъ надобно вѣдаться». Послѣ того какъ роженица выдала бабкѣ имя обольстителя, бабка призываетъ и на сторонѣ допрашивается виновника въ преступлѣніи (разумѣется, если онъ въ тѣхъ же юртахъ) и требуетъ, чтобы онъ сознался. Въ случаѣ сознанія виновный долженъ самъ идти къ роженицѣ, или же снять съ себя поясъ и послать его ей. Если роженица невинна, но все-таки не можетъ разрѣшиться, то спрашиваютъ ея мужа, не нарушила-ли онъ супружеской вѣрности; получивши сознаніе, спрашиваютъ соучастнику его преступлѣнія, если она находится тутъ-же. Затѣмъ спрашиваютъ виновниковъ, сколько разъ они согрѣшили. Если они въ этомъ не хотятъ сознаться на словахъ, то дѣлаютъ на поясѣ такое число узловъ, сколько разъ согрѣшили.

Этотъ методъ акушерской помощи, дѣйствительность котораго не испытана еще ни одна акушерская школа (вѣроятно, по причинамъ деликатности), считается у Остяковъ и у Самоѣдовъ необходимымъ при трудныхъ родахъ; они отъ души вѣрятъ, что только та женщина можетъ родить легко, кото-рая сама невинна, и мужъ которой соблюдаетъ супружескую вѣрность. Соби-раютъ-же всѣхъ Остячекъ къ роженицѣ для того, чтобы, видя страданія по-слѣдней, женщины опасались нарушенія супружеской вѣрности ¹).

¹) Невѣроятнымъ всѣмъ покажется слѣдующій эпизодъ. Въ Петропавловскѣ въ мое время проживала одна русская семья изъ Москвы. Представитель этой семьи былъ довѣ-ренный отъ одной крупной московской фирмы. Во времена родовъ жены его, очень красивой, но обездоленной женщины, къ ней всегда ходила свекровь и донымывалась, съ кѣмъ она имѣетъ грѣхъ. «Сознайся, съ кѣмъ грѣшила, легче родишь; кайся во грѣхѣ своемъ». Но практикуется-ли этотъ обычай гдѣ-либо еще въ Великороссіи?

У Алтайцевъ рождение дѣтей происходит при стечении народа, женщины въ юртѣ, а мужчины за юртой. Въ случаѣ трудныхъ родовъ, толпа начинаетъ шумѣть, кричать и насвистывать. Мужчины производить ружейную пальбу. Роженицу начинаютъ давить по животу, сажаютъ ей ротъ и носъ, душать подушками, все для того, чтобы она, употребляя и напрягая всѣ свои послѣднія силы, скорѣе разрѣшилась отъ бремени ¹⁾). У Калмыковъ Хорошевского улуса, по словамъ Павла Небольсина ²⁾), роды происходятъ такъ: Женщина, почувствовавшая, что она готовится сдѣлаться матерью, объявляетъ о своей радости мужу; съ этой минуты супруги не раздѣляютъ ложа вмѣстѣ.

При исходѣ беременности супруги, если они зажиточны, на всякий случай, приглашаютъ къ себѣ бабку и медика — гелюнга.

Въ минуту, когда настаютъ первые потуги, мужъ уѣзжаетъ въ табунъ въ гости, или куда случится, такъ какъ во время родовъ онъ дома не бываетъ.

Если роды очень трудны, то бабка и гелюнгъ призываютъ постороннихъ мужчинъ, соглашающихся подать родильницѣ помощь. Помощь эта заключается въ томъ, что роженицу, сидящую на коврѣ, приглашенные мужчины, обхватываютъ сзади ниже пояса и сжимаютъ ее руками, сколько силь хватить. У Калмыковъ, говоритъ Небольсинъ, славящихся атлетическимъ сложеніемъ и тѣлесную силу считающихъ за особенный талантъ, ходить повѣрье, что помощь роженицѣ совершенно и навсегда истощаетъ силы мужчины и что Калмыкъ, какой-бы онъ силы ни быть, теряетъ эту способность на всегда. Всѣдѣствіи такого предразсудка, Калмыки съ чрезвычайнымъ уваженіемъ смотрятъ на людей, вызывающихъ помочь женщинѣ при родахъ и почитаютъ ихъ, какъ истинныхъ спасителей человѣческой жизни.

Отъятіе пуповины у младенца совершается особо-приготовленнымъ для этого случая и весьма тщательно-наточеннымъ простымъ калмыцкимъ пояснымъ ножемъ; мать бережетъ послѣ этого ножъ въ завѣтномъ своемъ сундукѣ, какъ святыню. Для каждого родовъ приготавлиаютъ особый ножничъ.

Ребенка сейчасъ-же обмываютъ теплой водой и обвертываютъ его, лѣтомъ въ холстину, а зимой — въ саксакъ, т. е. въ молодую овчину съ нѣжною и длинною шерстью, кладутъ на лубокъ и, въ ожиданіи появленія у матери молока, даютъ ему кусочекъ полусваренного бараньяго курдюка отрѣзанного въ такомъ видѣ, чтобы ребенку легко было его сосать.

Въ другихъ улусахъ Калмычки рожаютъ, стоя на колѣниахъ, при чѣмъ

¹⁾ Radloff. Вербицкій, 1. с. стр. 172.

²⁾ Очеркъ быта Калмыковъ Хорошевского улуса, составлены Павломъ Небольсиномъ Спб. 1852 г., стр. 84.

шовитуха энергично поглаживает живот сверху внизъ. Если же роды трудны, то мужъ разстилаетъ вокругъ юрты сѣть, бѣгаетъ вругомъ и хлещетъ на гайкой по воздуху направо и налево, воображая, что лупить злого духа, которого гонить крикомъ: гар тъ чатки ръ! (вонъ, дьяволъ!). У зажиточныхъ Калмыковъ приглашаются всѣ живущія вблизи духовныя лица, которыхъ уже однимъ своимъ присутствиемъ отгоняютъ нечистую силу. А то еще поступаютъ такъ, какъ это описано у Небольсина, т. е. здоровый мужчина бѣреть роженицу къ себѣ на колѣни и сдавливаетъ ей животъ ¹).

У Сартанокъ, отличающихся особенной плодовитостью (отъ одной жены Сарты имѣютъ иногда по 15 человѣкъ живыхъ дѣтей, такъ что у тѣхъ, которые женаты на нѣсколькихъ женахъ, образуется огромное семейство, состоящее иногда изъ 30 душъ), младенцевъ принимаютъ бабки (мама).

В. Наливкинъ говорить, что у Сартанокъ случаи смерти во время родовъ не рѣдкость; причину этого онъ видитъ не въ природной узкости таза, который напротивъ какъ у полныхъ, такъ равно и сухощавыхъ субъектовъ—широкій, а въ неудовлетворительныхъ гигіеническихъ условіяхъ, какъ беременной, такъ и роженицы. Думаетъ онъ это потому что, во первыхъ, очень не рѣдки случаи, когда смерть наступаетъ не во время родовъ, а вслѣдъ за ихъ окончаніемъ, и во вторыхъ, о случаяхъ этого рода приходится слышать главнымъ образомъ, зимою. (В. Наливкинъ и М. Наливкина. Очеркъ быта женщины туземнаго населенія Ферганы. Казань, 1886., стр. 89).

По обычаю, въ первое время младенца скрываютъ отъ родильницы для того, чтобы не изволновать чувства матери, въ особенности, если рождается сынъ. Бабка, обманувъ родильницу, что родилась дочь, идетъ къ отцу съ поздравленіемъ и получаетъ подарки. Давъ укрѣпиться здоровью матери, къ ней приносить младенца. Отецъ читаетъ молитву и даетъ имя, и затѣмъ уже мать свободно отдается своей радости. Узнавъ о рождении младенца—мальчика, со-сѣди согѣшатъ съ поздравленьями, богатые даже съ музыкой и пляской ²).

Разѣшившись первымъ ребенкомъ, Сартанка изъ пяти косъ (бишъ-ка-куль) заплетаетъ уже только двѣ (джуонъ) ³).

Въ Туркестанѣ туземная женщина родить всегда или у себя дома, или у своей матери, къ которой она переселяется въ этомъ случаѣ заблаговременно. При родахъ присутствуютъ мать, старшія замужнія сестры или другія

¹) Говорить, что у Калмыковъ при трудныхъ родахъ женщинъ дѣлали ужъ давно поворотъ, а что у Сангаровъ врачи (Енча) дѣлали эмбриотомію (Krebel).

²) Оборинъ статей, касающихся Туркестанскаго края: А. П. Хорошкінъ СПБ. 1876 стр. 119.

³) А. П. Хорошкінъ 1. с. В. Наливкинъ. 1. с. стр. 170.

какъ ея, такъ и мужинны родственницы; мужъ, по желанию, можетъ присутствовать при родахъ, но дѣти, въ особенности подростки, всегда удаляются изъ дома на время родовъ. Повитухи, этимъ специально занимающіяся, имѣются по большей части только въ городахъ. Родить сарганики всегда или стоя на колѣняхъ, или сидя на корточкахъ; такое положеніе роженицы предпочтается всѣмъ другимъ, такъ какъ, по мнѣнію туземныхъ женщинъ, оно способствуетъ наиболѣе быстрому окончанію родовъ. (Есть примѣта, что у женщинъ дурнаго, тяжелаго характера роды всегда бываютъ относительно трудные).

Во все время потугъ родильница держится за одну изъ присутствующихъ руками и въ тоже время спиной упирается въ грудь другой изъ находящихся при ней женщинъ; послѣдняя обнимаетъ родильницу обѣими руками выше живота и прижимаетъ ее къ себѣ каждый разъ, какъ только замѣтить начало потугъ. Если роды затягиваются, то обыкновенно перемѣняютъ нѣсколько повитухъ, при чёмъ кромѣ того прибѣгаютъ еще и къ другимъ средствамъ болѣе или менѣе кабалистического характера. Такъ напр. въ той-же комнатѣ, где происходить роды, сжигаютъ кусочекъ конскаго юшты или даютъ роженицѣ пить изъ чашки, на внутреннихъ стѣнкахъ которой тушью пишется какая нибудь молитва.

Появившагося на свѣтъ ребенка береть, моетъ и обертываетъ въ мягкія старыя и далеко не всегда чистыя трапки или повитуха, или одна изъ присутствующихъ родственницъ родильницы.

Пуповина перерѣзывается или ножницами или бритвой; перевязывается (ниткой) только тотъ ея конецъ, который остается при ребенкѣ; послѣдній конецъ не перевязывается, но за то всегда почти привязывается къ ногѣ родильницы, изъ опасенія, чтобы онъ не ушелъ назадъ. Въ случаѣ слишкомъ долгаго задержанія послѣда, въ нѣкоторыхъ мѣстностахъ, есть обычай стрѣлить около той комнаты, въ которой лежитъ роженица. Вслѣдъ за рожденіемъ ребенка религія предписываетъ прочесть надъ нимъ нѣкоторыя молитвы, и правило это не вездѣ или, вѣрѣ, не всѣми соблюдается. По окончаніи родовъ, вслѣдъ за выходомъ послѣда, родильница обмывается и всегда сама, такъ какъ религія воспрещаетъ видѣть чужой аврѣтъ, и тогда только, омывшись уже, ложится въ постель; около нея-же, съ правой ея стороны, кладутъ и новорожденаго. Лежить роженица обыкновенно 6—7 дней, рѣже она ограничивается трехдневнымъ срокомъ. Въ это-же время пища родильницы состоять по преимуществу изъ разнаго рода болтушекъ безъ мяса, по возможности съ катыкомъ (холодная пища), а ухаживаетъ за ней одна изъ ближайшихъ родственницъ. Не только въ первые дни родовъ, но и въ теченіи цѣлыхъ шести недѣль родильницу стараются отнюдь не оставлять одну

изъ боязни, чтобы надъ ней и надъ ребенкомъ не учинила какого либо зла нечистая сила, желтоволосая адънида. Не рѣдко случается, что, не желая огорчать отца извѣстіемъ о рождениіи дочери, ему сообщаютъ сначала, что родился сынъ и потомъ уже, черезъ два три дни, постепенно подготовивъ, сообщаютъ помириться на дочери. Разъ въ Наманганѣ былъ такой курьезный случай. У одного состоятельный человѣка родился ребенокъ. Присутствовавшая при родахъ женщины, не желая огорчить отца, объявили ему, что родился сынъ. Этотъ воображаемый сынъ должны были быть первымъ, такъ какъ старшимъ ребенкомъ была дочь. По всѣмъ знакомымъ полетѣли гонцы съ радостнымъ извѣстіемъ и съ приглашеніемъ пожаловать на другой день на торжество. По частнымъ слухамъ извѣстно было, что кромѣ палѣу и другихъ угощений, гости должны будуть раздаваться и халаты. Собравшіеся на другой день на наружномъ дворѣ гости мужчины застали очень скромное угощеніе и очень огорченного хозяина отца, объяснившаго имъ, что произошла ошибка, что вместо сына, какъ его увѣрили, у него родилась дочь, а потому никакихъ особенныхъ торжествъ не будетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ тотъ-же день было рѣшено, что надо взять вторую жену, которая родила-бы сына.

По благополучномъ окончаніи родовъ и то либо изъ родственниковъ или родственницъ родильницы идетъ по родственникамъ-же и наиболѣе близкимъ знакомымъ съ сущи чи (радостной вѣстью) о благополучномъ разрѣшеніи отъ бремени, за что отъ каждого изъ поздравляемыхъ получаетъ вознагражденіе въ размѣрѣ нѣсколькихъ копѣекъ. На другой-же день послѣ родовъ приходить родные и знакомые поздравить съ новорожденнымъ родильницу и ее мужа. Иногда посѣщенія эти продолжаются въ теченіи нѣсколькихъ дней. Каждая приходящая женщина приносить палѣу, лепешки или пирожки. Всѣ эти гости приходить по большей части цѣльными компаніями, и всегда почти съ дѣтьми, шумятъ и тараторятъ, при чемъ никогда не имѣется въ виду того, что все это не только можетъ утомить больную, но даже быть ей и прямо-таки вреднымъ.

Рожденіе дочери празднуется гораздо скромнѣе. Самое большее, что рѣжется баранъ и на палѣу приглашается нѣсколько родственниковъ, родственницъ и знакомыхъ. Иногда угощеніе это дѣлается не на дому, а на ближайшемъ маздрѣ, при чемъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ нерѣдко издержки по такому угощенію береть на себя не отецъ, а одинъ изъ его младшихъ братьевъ, съ которыми онъ наиболѣе друженъ.

У Башкировъ помогаютъ роженицѣ старыя повитухи, которыхъ башкирки, какъ и наши простолюдинки, предпочитаютъ врачамъ. Къ врачу баш-

киры врядъ ли обратятся. Въ Петропавловскѣ умерла дочь башкира отъ родовъ. Не смотря на всѣ настоятельный требованія родственниковъ татаръ, пригласить врача, башкиръ отказалъ на отрѣзъ. Ploss приводить по этому поводу слова одного французскаго автора: «Une femme enceinte prѣfere toucher en couches plutot que de recourir à un mѣdecin, lors-m me que celui-ci lui donnerait gratuitement ses soins».

У Киргизовъ роды (по киргизски: туганъ дарь, или правильнѣе туганъ-ларь, туганъ значить родила, а ларь, лерь приставка для обозначенія множественнаго числа) обыкновенно происходить такъ: женщина принимаетъ такое же положеніе, какъ калмычка, т. е. на колѣнахъ съ наклоненнымъ туловищемъ впередъ. Въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ мнѣ приходилось присутствовать при родахъ, роженица садилась на корточкахъ въ громадный мѣдный тазъ, въ которомъ помѣщалось немного теплой воды. Руками роженица держится либо за повитуху,—по киргизски: «кэмпиръ» также: «кучинамъ»—и другихъ присутствующихъ женщинъ, либо за какой-нибудь неподвижный предметъ, большую частью за протянутую черезъ юрту веревку.

Въ классическомъ сочиненіи Радлова (Proben der Volkslitteratur der n rdlichen Türkischen St mme)¹⁾ въ описаніи родовъ у княжеской дочери Каникэи поется: Проходили дни за днами, у княжны, у Каникэи ужъ беременность достигала десять лунныхъ мѣсяцевъ, мѣдный шесть съ златою вилой водрузивши, Каникэи начала рожать въ боляхъ.

Этотъ мѣдный шесть съ златою вилой (переведено мою со словъ: stellt den Kupfer-Pfahl mit gold'ner Gabel) есть подобіе тѣхъ желѣзныхъ вилообразно развѣтвляющихся и серебромъ отдѣланныхъ шестовъ, которые употребляются у богатыхъ киргизовъ какъ вѣшалки. При этомъ Радловъ въ примѣчаніи поясняетъ, что по обычаю киргизовъ, женщины рожаютъ, стоя на колѣнахъ и держась поднятыми руками за поперечную жердь. Судя же по вышеприведеннымъ словамъ княжна Каникэи, какъ вѣроятно и другія киргизки въ старину, рожала, держась за металлический шесть, воткнутый нижнимъ концомъ въ землю, а вилообразной верхушкой подпиравшій кошомъный сводъ юрты.

При трудныхъ родахъ киргизки большей частью рожаютъ, стоя, при-

¹⁾ У Айсаровъ на Кавказѣ роженица тоже хватается за веревку, привязанную къ пологу. (Сборникъ Матер. для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Выпукъ 4, Тифлисъ 1884, стр. 318 и далъше.

²⁾ Proben der Volkslitteratur der n rdlichen Türkischen St mme. W. Radloff. V Theil. S.-Petersburg. 1885 s. 100.

чемъ повитуха уговариваетъ роженицу, грозить, кричить на неё, руководить всѣмъ ходомъ родовъ. А присутствующіе или сидѣть кругомъ, подобравши подъ себя ноги, вздыхаютъ и восклицаютъ: Алла! —или же шумятъ и суетятся: это готовить теплую воду для младенца, кто выбѣгаєтъ изъ юрты и что-то кричитъ толпѣ; изъ толпы выдѣляется сильный джигитъ, снимаетъ съ себя верхній бишметъ и становится близъ юрты въ какомъ-то ожиданіи. Кэмпуръ, повитуха, еще разъ тщательно моетъ свои руки и вводить пальцы въ родовой каналъ; она, повидимому, убѣждается, что роды трудные, — это видно по ея лицу, по качанію головой, это понятно изъ звучныхъ щелчковъ языкомъ, выражаютъщихъ недоумѣніе и ужасъ. Кэмпуръ что-то долго шарить пальцами. Мужчины за юртой въ беспокойствѣ. Поставивши на землю бишметы или коврики, они становятся на колѣни и начинаютъ молиться. Мужъ, богатый киргизъ, даритъ одному бѣднику барана, другому худую лошадь. Бѣдники эти начинаютъ громче всѣхъ молиться.

Одна киргизка погружаетъ въ воду тумаръ (амулетъ) и даетъ роженицѣ испить этой воды (въ Малороссіи баба снимаетъ икону, обмываетъ ее и этой воды даетъ пить больной) ¹⁾). Затѣмъ повитуха занимаетъ мѣсто позади роженицы, упирается въ ея поясницу колѣномъ, а самое ее обхватываетъ руками и вачинаетъ надавливать животъ сверху внизъ, уговаривая роженицу имѣть терпѣніе, не бояться, не кричать: «тимэ, джалашай» — молчи, не плачи! Но вотъ повитуха устаетъ. Она, сидя позади больной, киваетъ глазомъ одной киргизкѣ; эта незамѣтно выходитъ изъ юрты и тихонько что-то шепчетъ толпѣ. Раньше приведенный и приготовившійся высокій, здоровый и черно-смуглый киргизъ съ шумомъ врывается въ юрту, толпа мгновенно поднимаетъ неистовый крикъ, роженица вскрикиваетъ и рожаетъ, — до того сильно на нее вліяетъ внезапный гвалтъ, а главное, появленіе смуглаго, страшнаго мужчины въ то время, когда она голая сидѣть надъ мѣднымъ тазомъ. Стоны роженицы: Уай Алла, Уай Алла! крики и возгласы женщинъ, галденіе всей толпы; джигиты кудато помчались верхомъ, какъ стрѣлы изъ лука, — вѣроятно, распространить новость по всѣмъ ауламъ, — все это производить на непривычнаго сильное впечатлѣніе. Меня же, даргыра, бывшаго нѣмымъ свидѣтелемъ родового акта, допустили бы къ активной роли, какъ мнѣ объяснили потомъ, въ самомъ крайнемъ случаѣ.

Часто же при трудныхъ родахъ поступаютъ, какъ разсказывали мнѣ и какъ описываютъ, приблизительно такъ: протягиваютъ черезъ юрту веревку

¹⁾ Труды этнogr. стат. экспед. въ западно-русскій край. Юго-запад. отд. Мат., собр. И. П. Чубинскимъ. Т. IV, Спб. 1877.

и велять роженицъ держаться за нее руками; затѣмъ ее подхватываютъ подъ мышки и приподнимаютъ ее за веревку подъ самый тюплюкъ (верхнее круглое отверстіе въ юртѣ). Буде это окажеть слабое дѣйствіе, то роженицу обхватываетъ сильный киргизъ и давить ей животъ; этого киргиза обхватываетъ другой, другого третій и т. д., и другъ друга они танутъ со всей силы. А несчастная роженица, болтаясь въ воздухѣ, употребляетъ послѣднія силы, чтобы удержаться руками за веревку. Приходящіе въ юрту должны ударить роженицу полою платы трижды съ крикомъ: джур! (выходи!) разумѣя нечистую силу, поселившуюся въ роженицѣ и задерживающую младенца въ утробѣ. Съ цѣлью воздействовать на шайтана, начинаютъ кричать, колотить и хлопать по юртѣ, а иногда и по роженицѣ, хотя на нее только замахиваются сильно, чтобъ испугать, а бьютъ легонько. Поселеніе въ женщины шайтана ставится виѣ всякаго сомнѣнія, когда у роженицы дѣлается пріпадокъ эклампсіи. Тогда зовутъ баксу, который начинаетъ наигрывать на кобзѣ пріятныя для киргизовъ мелодіи, коими онъ думаетъ выманить плодъ изъ утробы на свѣтъ Божій. Когда плодъ обнаруживаетъ отсутствіе музыкального вкуса и все-таки не выходитъ, то приглашаютъ еще другого баксу. Оба они становятся на колѣни близъ разведенаго среди юрты огня, около которого помѣщается и больная и, покачивая головами вправо и влѣво, начинаютъ тихохонько побренѣкивать на кобзахъ, время отъ времени потряхивая ими, при чемъ разные металлическіе привѣски на ней дребезжать и позваниваютъ. Затѣмъ они начинаютъ дрожащимъ голосомъ и въ носъ пѣть—импровизировать. Поютъ они обо всемъ: и о больной, и о кашгырѣ (волкѣ) и обѣ аю (медвѣдѣ) и о куль (озерѣ), и о степи съ березовыми рощами, и о высокихъ горахъ съ вершинами въ туманѣ, и о беркутѣ подъ облаками.. Баксы поютъ, и поютъ все тише да тише, наконецъ затихаютъ, но только на мгновеніе. Вдругъ они вскакиваютъ съ сверкающими глазами, съ искаженными лицами, мечутся, кружатся вокругъ больной и юрты, приходить въ настоящее изступленіе, кувыркаются, падаютъ, подпрыгиваютъ, хватаютъ и рвутъ зубами все, попадающееся имъ подъ руки, бросаются другъ на друга, грызутся, кусаются, кидаютъ другъ на друга головы, пока наконецъ болѣе слабый изъ нихъ въ изнеможеніи падаетъ, послѣ чего вся эта странная церемонія кончается.

Иногда же стремятся запугать шайтана беркутомъ или соловѣемъ, которыхъ-де боится шайтантъ. Если и это не помогаетъ, то роженицу сажаютъ на коня, ее держать сидящій на томъ же конѣ крѣпкій киргизъ, и они мчатся по степи въ карьеръ. И здѣсь-то случается большей частью, что на конѣ дѣйствительно прекращаются всѣ страданія роженицы—вмѣстѣ съ ея жизнью!

Къ счастью этого степного народа, на сотни верстъ разыпаннаго отъ города я отъ единственнаго на весь громадный уѣздъ уѣзднаго врача, который при огромномъ жалованыи отъ казны (1800 р. кромѣ пятилѣтнихъ прибавокъ и проч.) оставляетъ свою городскую практику и выѣзжаетъ въ уѣздъ только для вскрытия мертвыхъ, къ счастью, говорю я, этого народа, далекаго и отъ единственнай на весь уѣздъ повивальной бабки, трудные роды слушаются у нихъ крайне рѣдко! Мнеъ, за мою бытность въ степи, не приходилось слышать, чтобы какая нибудь киргизна умерла отъ родовъ. По словамъ Колбасенка, полусуточная продолжительность родовъ есть нормальная продолжительность родового акта у Киргизовъ. Легкихъ родовъ (менѣе сутокъ) онъ вычислилъ 70.⁵%, а трудныхъ (болѣе сутокъ) 17.⁵%. Если бъ не легкие роды, сколько было бы у нихъ смертныхъ случаевъ отъ всстрахиваній, давленій и бѣшеной скачки верхомъ!

Тотчасъ послѣ появленія младенца на свѣтъ, бабушки управляются съ пуповиной. У Калмыковъ бабка перевязываетъ пуповину сурою ниткой и перерѣзаетъ ее на дощечкѣ ножомъ, который остается ея собственностью. Оставшаяся потомъ пуповина сохраняется матерями. У Киргизовъ, какъ только рождается младенецъ, поступаютъ двояко: или ждутъ сначала выхода послѣда и потомъ перевязываютъ пуповину, или же перевязываютъ и перерѣзаютъ раньше пуповину, потомъ ждутъ послѣда. Перевязку дѣлаютъ сурою ниткой близко къ животу младенца, а перерѣзываютъ пуповину ножомъ или ножницами. Въ Семирѣченской области пуповину помѣщаютъ въ тѣсто, приготовленное изъ скобленнаго мыла, смѣшаннаго съ мелко изрубленными бараньими железами, пуповина отъ этого отпадаетъ на 3-й день. Язву, по отпаденіи пуповины, присыпаютъ золой отъ сожженного войлока. Если мѣсто (по киргизски: «джумдасть») замедляетъ выходомъ, то бабушка вынимаетъ или выжимаетъ его рукой, вводя послѣднюю, въ случаѣ надобности, въ матку (по киргизски «джатыръ»). Объ описанныхъ у Ploss'a¹⁾ пріемахъ удаленія послѣда, которые практикуются будто бы у Семипалатинскихъ Киргизовъ, я не слыхалъ. Пріемъ этотъ основанъ на суевѣріи, будто бы послѣдъ задерживается въ утробѣ нечистой силой. Приглашается «бакса», который продѣлываетъ разные *hocus-pocus'ы*, оплеушить роженицу, тычеть ей въ ротъ раскаленное желѣзо, за что она должна благодарить словами: «тайръ-джелгасенъ кокулдукъ» и т. д. Удаляютъ послѣдъ еще и такъ: роженица садится на корточки, а повитуха помѣщается сзади, упирается колѣномъ въ крестецъ роженицы, а руками выжимаетъ послѣдъ сверху внизъ

(Колбасенко). Въ Петропавловскѣ я наблюдалъ, что киргизскія и татарскія (да и русскія женщины) для изгнанія послѣда привязываютъ къ половыми органамъ вѣнки, пьютъ порохъ и пр. Съ вышедшимъ послѣдомъ поступаютъ и нороды различно. Большею частью все они закапываютъ его въ землю тутъ же въ юртѣ или кибиткѣ (Калмыки, Биргизы и друг.). У Якутовъ же по Gmelin'у ¹⁾ существовалъ отвратительный обычай — тотчасъ послѣ родовъ сварить послѣдъ и съѣсть его въ кругу друзей. С. Hickisch ²⁾ говоритъ по этому поводу: Georgi berichtet über einen seltsamen, in höchsten Grade ekelhaften Gebrauch bei den Tungusen, nämlich die Placenta entblödeter Wochnerin, zu essen.

Этотъ обычай поѣдать послѣдъ существуетъ якобы еще и у Ительменовъ. Middendorf же этого обычая не нашелъ нигдѣ; можетъ быть, потому, полагаетъ Hickisch, что этотъ обычай скрываютъ.

Послѣродовыя кровотеченія останавливаютъ въ Семирѣченской области у Киргизовъ слѣдующимъ образомъ: кусокъ чистой кошмы (войлока) смазываютъ обильно жиромъ и нагрѣваютъ сильно надъ огнемъ; родильницу сажаютъ на нагрѣтую кошму такъ, чтобы наружные половыя части подвергались вліянію сильнаго жара. Внутрь при этомъ даютъ пить растопленный горячій жиръ. Высокая температура дѣйствуетъ, вѣроятно, рефлекторно на сокращеніе матки (Колбасенко).

Послѣ родовъ женщина считается у всѣхъ и нородовъ нечистой в продолженіи большаго или меньшаго времени. У Остяковъ, Самоѣдовъ время это опредѣлено пятью недѣлями. Объ останцкихъ женщинахъ мы по этому поводу читаемъ между прочимъ у Sontmier слѣдующее: «in certe epoche vengano allontanata dalla capanna perch si considerano come impure, e dopo i parti devono stare separate dalla famiglie per un tempo determinato».

Но это правило, продолжаетъ онъ, мы встрѣчаемъ и въ законѣ Моисея, гдѣ сказано: «если женщина родить мальчика, она нечиста въ теченіи 7 дней, послѣ нихъ же очищается въ продолженіи 33 дней: если родить дѣвочку, она нечиста двѣ недѣли и затѣмъ очищается въ теченіи 66 дней». И дальше сказано: во время выдѣленій женщина не чиста, и если она соединится съ мужемъ, то оба повинны понести смертное наказаніе ³⁾). У Мусульманъ также, по шариату, женщина, одержимая «срочнымъ кровотеченіемъ» считается не чистой, больной. «Это у нихъ, гласить ст. 222 глав. 2, время

1) Vitkovski, l. c., стр. 560.

2) С. Hickisch. Die Tungusen. St. Petersburg. 1879, стр. 84.

3) Лев. гл. XII.

недуга, а потому удалайтесь отъ женъ во время кровотечения, и не сближайтесь съ ними, покуда онъ не будуть чисты. И когда онъ очистятся, входите къ нимъ такъ, какъ повелѣлъ вамъ Богъ».

У Кореликовъ, Тунгузовъ и Богуловъ родильница считается нечистой также до 6 недѣль. Въ это время родильница остается изолированной отъ всѣхъ, за исключениемъ одной старой бабки. У Калмыковъ родильница считается нечистой до 3 недѣль. У Калмыковъ Хорошевского улуса родильница, какъ только пуповина отпадетъ, а у ней появится первое молоко, является къ мужу и подносить ему изъ своихъ рукъ, чашку арзы: обычай этотъ называется «юсунъ-арза»; первое молоко, «уурувъ», сначала обыкновенно нѣсколько спустившееся, мать тутъ же даетъ ребенку. Ребенокъ, какъ замѣчаютъ Калмыки, съ жадностью принимаетъ эту питательную пищу, и эта примѣта послужила къ тому, что известная брань, въ которой говорится объ материнскомъ молокѣ, считается у Калмыковъ самымъ обиднымъ ругательствомъ. Нѣть обиднѣе браны для Калмыка, какъ сказать ему: «уурувъ-тантъ-злѣ цадыксынъ ель-мыръ», т. е. ты жаденъ, не насытился даже грудью матери ¹⁾.

У Киргизовъ родильница признается чистой уже спустя 3—4 дня послѣ родовъ и можетъ готовить и подавать пищу своему мужу. Вступить же въ супружескія сношенія она, по шариату, можетъ только по прошествіи 40 дней послѣ родовъ, иначе говоря, послѣ первой менструаціи.

Какъ Киргизки, такъ и Калмычки встаютъ обыкновенно на 3-й день. Случается, что онъ уже на третій день скачутъ верхомъ.

Тотчасъ послѣ родовъ Кораки даютъ родильницѣ немнога оленины и оленевой крови изъ оленя, заколотаго въ пологѣ, гдѣ спать, и принесенного въ жертву мужемъ во время родовъ съ цѣлью умилостивить злыхъ духовъ земли, чтобы поберегли новорожденного,—«жизнь за жизнь». А у Киргизовъ родильницѣ вскорѣ послѣ родовъ даютъ выпить немнога горячаго масла или сала, затѣмъ колютъ въ первый же день барана, котого варятъ, но, конечно, не для нея одной.

Кромѣ этого ей не даютъ ничего, такъ какъ у обыкновенныхъ Киргизовъ кромѣ тамака, состоящаго изъ мяса «итъ» и супа «сарпа», рѣдко водится другое кушанье. У Татаръ родильница получаетъ чай изъ ромашки.

Очищаются женщины инородцевъ также различно. Остяцкая женщина разводитъ огонь и бросаетъ въ него древесную губку, или бобровую струю,

¹⁾ Очерки быта Калмыковъ Хорошевского улуса, составленные Павломъ Небольшимъ. Спб. 1852, стр. 85.

или же, за неимѣніемъ онай, кусочекъ бобровой шкурки, тражды перескакиваетъ черезъ огонь, окуривается и возвращается къ мужу.

Бромъ того, отецъ или мать новорожденаго дарять послѣ родовъ бабку (по-остацки: тупангъ-аиги, т. е. пупная мать); бѣдные дарять ее—песчомъ, богатые—лисицей, даютъ ей кусочекъ мыла, ножикъ, которымъ она рѣзала пуповину, и платокъ.

Младенецъ считается нечистымъ впродолженіи десяти дней.

Татарки послѣ родовъ тотчасъ идутъ въ баню (въ каждомъ почти дворѣ своя баня), гдѣ ихъ бабушки моютъ и правятъ.

У Киргизовъ же бань нѣть, за весьма рѣдкими исключеніями, и потому они ограничиваются тѣмъ, что бабушки подмываютъ родильницу, ежедневно въ теченіи трехъ дней. Какъ у Татаръ, такъ и у Киргизовъ, родильницѣ бинтуютъ животъ бинтами или полотенцами. Подъ голову родильницѣ кладутъ Коранъ, на стѣнахъ развѣшиваются краткія молитвы, иногда въ рамкахъ¹⁾. Иной разъ вы видите въ такой рамкѣ одну только громадную дугообразную черную линію съ крупной точкой на золотистомъ фонѣ; но линія эта, если ближе всмотрѣться, состоить изъ мельчайшихъ буквъ, составляющихъ молитву.

Какъ инородцы встрѣчаютъ нового гражданина или гражданку, какими заботами они окружаютъ ихъ, какъ совершаютъ нареченіе имъ именъ и т. д.—объ этомъ, если позволите, я сдѣлаю сообщеніе въ слѣдующій разъ.

Докторъ А. К. Бѣликовскій.

¹⁾ Евреи оберегаютъ роженицу и новорожденаго отъ нечистой силы молитвами, написанными на бумагахъ, которыхъ развѣшиваются по стѣнамъ и на которыхъ вмѣсто заголовка имѣется шестиконечная звѣзда. У Айсаровъ на Кавказѣ ограждаются родильницы и новорожденные крестообразными линіями, которые проводятся книжалами. Книжалы эти вмѣстѣ съ Евангелиемъ лежатъ до 7 дней подъ подушкой родильницы. (Сборникъ мат. для описания мѣстностей и племенъ Кавказа. Выпускъ 4-й. Тифлисъ 1884 г., стр. 317.)

**Опытъ выясненія этническаго состава киргизъ-казаковъ большой орды
и каракиргизовъ на основаніи родословныхъ сказаний и свѣдѣній о
существующихъ родовыхъ дѣленіяхъ и о родовыхъ тамгахъ, а
также историческихъ данныхъ и начинаяющихся антропологическихъ
изслѣдований.**

I. Этническій составъ большой орды.

1) Фаза соціологической эволюціи, въ которой находятся тюркскіе
кочевники. Народныя генеалогическія представлія.

Многіе соціологи полагаютъ, что первичныя человѣческія общества не
знали семьи и личной собственности и что женщины, дѣти и имущество составляли
общую принадлежность всей общины, всѣхъ мужчинъ. Въ слѣдующей фазѣ
соціального развитія господство перешло къ женщинамъ и наступилъ вѣкъ
гинекократіи. Третья (патріархальная) фаза характеризуется бракомъ, съ
властью отца надъ имуществомъ и членами семьи. За нею слѣдуетъ фаза
нынѣшнихъ цивилизованныхъ обществъ, въ которыхъ преобладаніе кровныхъ
узъ замѣнено новыми началами права личности и права политической націо-
нальности ¹).

Но нѣкоторыя обезьяны живутъ моногамно и самцы млекопитающихъ
вообще обнаруживаютъ чувство ревности, стремясь къ исключительному обладанію
своими самками. Поэтому приведенную характеристику первичной фазы
приходится исправить въ томъ смыслѣ, что въ отношеніяхъ къ женщинамъ въ
первобытныхъ обществахъ господствуетъ гетеризмъ, т. е. непрочные, легко
расторгаемые моногамные союзы. Замѣчаютъ затѣмъ, что гинекократія и па-
тріархализмъ суть «двѣ параллельныя вѣтви, выросшія изъ одного и того же
ствола, изъ первобытнаго гетеризма, слѣдовательно дальнѣйшее развитіе одной
изъ этихъ системъ въ другую невозможно: онѣ исключаютъ другъ друга» ²).

¹) См. напр. *Le régime patriarchal et le droit coutumier des Kirghiz d'apr s l' tude entreprise sous les auspices du gouvernement russe par le g n ral N. I. Grodekoff, par Victor Dingelstedt*, Paris, 1891 (Extrait de la Revue g n rale du droit), p. p. III et IV.

²) Каутскій, «Возникновеніе брачныхъ союзовъ», въ «Сѣв. Вѣстникѣ», 1891 г.,
сентябрь и октябрь.

Можно думать, что гинекократія не составляет необходгмой фазы развитія всѣхъ человѣческихъ расъ и племенъ, а была удѣломъ лишь нѣкоторой ихъ части, и что факты и явленія, которыя систематизируются подъ именемъ материнскаго права, суть принадлежности первичнаго общества и являются результатомъ неизвѣстности отцовъ, почему родственныя отношенія опредѣляются по женской линіи вслѣдствіе необходимости.

Тюрки выступили на историческую почву кочевниками—скотоводами съ патріархальнымъ или родовымъ бытомъ. Древнійшія о нихъ извѣстія встречаются въ «Шы-цзи», «Историческихъ запискахъ», составленныхъ за столѣтіе до Р. Х. Описывая бытъ ханыуней и хуньюѣвъ (первымъ именемъ, по китайскимъ комментаторамъ, назывались хуны во времена императора Яо, за 2357 лѣтъ до Р. Х., и вторымъ—тѣ же хуны при династіи Чжеу, 1122—223 г.г. до Р. Х.), Сыма Цань говоритъ: «Обитая за сѣверными предѣлами Китая, переходятъ со своимъ скотомъ съ однихъ пастбищъ на другія... Не имѣютъ ни городовъ, ни осѣдлости, ни земледѣлія, но у каждого ¹⁾ есть отдельный участокъ земли... Начиная съ владѣтелей, всѣ питаются мясомъ домашнаго скота, одѣваются кожами его, приврываются шерстянымъ и мѣховымъ одѣяніемъ. Сильные ёдятъ жирное и лучшее; устарѣвшіе питаются остатками послѣ нихъ. Молодыхъ и крѣпкихъ уважаютъ, устарѣвшихъ и слабыхъ мало почитаютъ. По смерти отца женятся на мачехѣ; по смерти братьевъ женятся на невѣсткахъ ²⁾). Почти таковъ же былъ въ VI вѣкѣ послѣ Р. Х., по современнымъ китайскимъ описаніямъ, бытъ тюрковъ (тукю), которыхъ китайские историки считаютъ потомками хунновъ, упоминая между прочимъ слѣдующую характерную для организаціи семьи и брака черту: «По смерти отца, старшихъ братьевъ и дядей по отцѣ, женятся на мачехахъ, невѣсткахъ и теткахъ» ³⁾). Основы быта киргизъ-казаковъ и кара-киргизовъ тѣ же самыя въ главныхъ чертахъ и въ настоящее время.

У оставшихся такимъ образомъ въ родовомъ бытѣ, въ продолженіи по крайней мѣрѣ четырехъ тысячелѣтій, народовъ кровныя отношенія, принадлежность къ родамъ и ихъ дѣленія естественно должны были всегда имѣть важное значеніе. И дѣйствительно, родовыя дѣленія и имена, вмѣстѣ съ таимгами (тавро или мѣта скота) и уранами (военные клики), и народные обычай и преданія составляютъ у неимѣвшихъ литературы кочевниковъ почти все, что они сохранили въ качествѣ памятниковъ своего прошлаго.

¹⁾ Родъ конечно, а не лица или семьи.

²⁾ «Собрание срѣдній о народахъ, обитавшихъ въ средней Азіи въ древнія времена» монаха Іакинфа, Спб., 1851 г., часть 1, стр. 2 и 3.

³⁾ Тамъ же, стр. 270.

Отсюда понятна важность изучения родовых дѣлений для истории и этнографии тюркскихъ народовъ. Между тѣмъ, по замѣчанію Вамбери, немногіе предметы въ этнографии тюрковъ представляютъ болѣшія трудности, чѣмъ точное выраженіе главныхъ и послѣдующихъ родовыхъ дѣлений¹). Въ самомъ дѣлѣ, будучи въ первоначальной основѣ своей результатомъ естественного размноженія людей въ первичныхъ общественныхъ группахъ, роды, вслѣдствіе продолжающагося естественного нарожденія новыхъ членовъ въ составляющихъ ихъ семьяхъ и увеличенія количества этихъ послѣднихъ, должны неминуемо дробиться на части, изъ которыхъ каждая даеть также свои подраздѣленія и т. д. Но одновременно и не менѣе могущественно, чѣмъ естественное нарожденіе, вліяютъ на образование новыхъ родовыхъ частей и на иное группирование существующихъ—экономические и политические факторы: недостатокъ настѣнъ вслѣдствіе умноженія скота, борьба за эти настѣнъ, происходящая отсюда и изъ другихъ причинъ внутреннія смуты и раздоры, наконецъ внѣшнія нашествія и войны,—все это также вліяетъ на группировки родовъ и ихъ частей, вызывая образование новыхъ родовыхъ единицъ и союзовъ. Во времена происходящихъ вслѣдствіе разнообразныхъ причинъ броженій и смутъ, весьма часто играютъ выдающуюся роль сильные и удачливые вожди, подъ властью которыхъ собираются не только ближайшіе ихъ родственники, но и отдаленные по крови части родовъ, и даже иноплеменники. Возникающіе такимъ образомъ на ряду съ родовыми дѣлениями кровнаго происхожденія, а потомъ и замѣняющіе ихъ частію, родовые союзы народы мѣръ сознаніемъ приравниваются къ родовымъ единицамъ кровнаго происхожденія, хотя въ составъ ихъ входятъ нерѣдко части разныхъ родовъ и даже семьи и группы иноплеменниковъ. Такъ какъ процессы образованія новыхъ родовыхъ единицъ и группъ, исчезновенія ихъ и созданія новыхъ родовыхъ союзовъ дѣлятся все время существованія тюркскихъ кочевниковъ, т. е. тысячелѣтія, то слѣдовало бы ожидать, что киргизъ-казаки, при своемъ сборномъ составѣ изъ разныхъ подплеменъ, если не изъ разныхъ племенъ и народовъ, представляютъ собою въ настоящее время необъяснимый конгломератъ родовыхъ союзовъ и что роды у нихъ утратили всякую между собою истинную кровную связь и соотношенія. Въ дѣйствительности однако оказывается, что роды и ихъ подраздѣленія у тюрковъ-кочевниковъ находятся между собою въ опредѣленныхъ, имѣющихъ частію фильтровъ, частію истинный кровно-родовой характеръ соотношеніяхъ. Произошло это безъ сомнѣнія вслѣдствіе могучаго вліянія родового быта, въ которомъ кочевники эти продолжаютъ пребывать. Въ немъ же коренится причина об-

¹⁾ Das Turkenvolk etc., 1865, s. 181.

лечения, въ народномъ сознаніи, отношеній между родами исключительно въ форму кровно-родовую, генеалогическую. Утрачивая черезъ два-три поколѣнія ясныя воспоминанія объ историческихъ событіяхъ, между прочимъ и объ обстоятельствахъ образованія родовыхъ союзовъ, ихъ видоизмѣненій и распаденій, тюрки-кочевники всегда представляли себѣ происхожденіе своихъ родовъ или общественныхъ единицъ и ихъ подраздѣленій такимъ же, какъ совершающееся вслѣдствіе естественнаго размноженія людей образованіе новыхъ родовыхъ дѣленій ¹). Таково именно содержаніе тюркскихъ родословныхъ преданій, первый сохранившійся до насъ образчикъ которыхъ записанъ китайцами въ VI вѣкѣ послѣ Р. Х., а пѣкоторыя изъ позднѣйшихъ изложены въ «Исторіи монголовъ» Рашидъ-эддина и повторены въ сочиненіи Абдуль-гази-багадуръ-хана, назвавшаго свою исторію «Родословною тюрковъ», устныя же существуютъ и созидаются и понынѣ у тюрковъ, сохранившихъ кочевой образъ жизни и родовой бытъ.

У киргизъ-казаковъ такія родословныя встрѣчаются нерѣдко даже въ письменномъ изложеніи. Разъ такая родословная попадалась мнѣ въ одномъ изъ рукописныхъ сборниковъ, которые ходятъ по рукамъ у грамотѣвъ, самими ими составляются и содержать, иногда рядомъ съ молитвами, сказанія романического характера о Тимурѣ и Чингизъ-ханѣ, сказки о богатыряхъ, загадки и пр. Родословныя эти отличаются большими разнообразіемъ въ зависимости отъ части степи и отъ рода, гдѣ они встрѣчаются. Я приведу здѣсь одну такую родословную, составленную біемъ рода ботпай Дикамбай-батыремъ, умершими въ 1876 году; источники ея мнѣ неизвѣстны. Начинается она съ Адама и поименовываетъ 54 колѣна до Абуль-хайра ²). У Абуль-хайра по-

¹) Въ родовыхъ общественныхъ группахъ связующимъ цементомъ служить «представление о происхождении отъ общаго родоначальника мужчины и культу этого родоначальника» («Первобытное право» професс. М. Ковалевскаго, вып. I, Москва, 1886 года, стр. 85). У раджпутовъ «чистокровные роды сравнительно рѣдки. Большинство родовъ состоялось не изъ однихъ единокровныхъ; къ древнѣйшему стволу дѣйствительныхъ родственниковъ присоединились съ течениемъ времени выходцы изъ другихъ родовъ. Раздоры, несогласія, гнѣвъ общественного мнѣнія сплошь и рядомъ побуждали, какъ отдельныхъ лицъ, такъ и цѣлые группы соплеменій вступать въ составъ чуждыхъ имъ родовыхъ обществъ... Не одно усыновленіе родовъ чужеродцевъ, но и добровольное соединеніе мѣсколькихъ чуждыхъ другъ другу по крови общественныхъ группъ подъ предводительствомъ общаго вождя, ведетъ къ возникновенію на сѣверѣ Индіи такъ называемыхъ смѣшанныхъ родовъ... По прошествію одного или двухъ поколѣній, развивается новое, болѣе или менѣе сказочное генеалогическое дрово... Проходить несолько поколѣній, и стихиизвается самая память о позднѣйшемъ восполненіи рода новыми пришельцами» (тамъ же, стр. 18 и 19).

²) Адамъ, Шишъ, Нуши, Испинъ, Магдамъ, Ярыкъ, Уаху, Идрисъ, Агынукъ, Мать-ушакъ, Маликъ, Нухъ, Япый (Яфетъ), Арпакшадъ, Салыкъ, Хабыръ, Балкы, Аргынъ, Ашракъ, Тахраръ, Такракъ, Хазаръ, Ибрагимъ Халиль-улла, Исхакъ, Джакыбъ-Пайтамъ.

казано три сына: Байчура (родоначальникъ большой орды), Джанчура (предокъ средней орды) и Каракура (родоначальникъ меньшой орды) ¹). У Байчуры значится сынъ Джуманбай, у него Кейкибай, далѣе Тюбей. У послѣдняго четыре сына: Майы, Когамъ, Коюлдуръ и Мекрайль. У Майы также четыре: Бахтиаръ, Кангла, Кыркъ-джузъ, Мин-джузъ. У Бахтиара сыновья Уйсунъ и Сергеле. У Уйсуна Аксакалъ (абакъ-тамга) и Джансакалт (таракъ-тамга) ²). У Аксакала сынъ Карака-бай, у него Байлибекъ. У Байлибека отъ старшей жены Сары-байбиче сынъ Сары-уйсунъ; отъ второй жены, по имени Зорибъ, сынъ Джолмамбетъ, у которого отъ старшей жены Мапрашъ былъ сынъ Чапрашлы, отъ второй (стришки) сынъ Сты и отъ третьей (сестра ея) Ушакты; отъ третьей жены Байлибека, по имени Дамалакъ, былъ сынъ Джаркычакъ, а у него сыновья Абданъ, Дулатъ, Суанъ. У Дулата четыре сына: Ботпай ³),

беръ, Юсуппай, Джагуда, Дайнаръ, Азганъ, Узбекъ, Сагды-вакказъ, Маликъ, Абдиль-мажнунъ, Сагитъ, Керъбага, Мухаммедь, Абдурахманъ, Абдукарымъ, Абдуль-газисъ, Салыкъ, Сальманъ, Джумартъ, Узюбекъ, Ямкенъ, Альменъ, Керниль, Туйгашъ, Куренбай, Джалинтузъ, Баба-касымъ, Ерь-булантай, Сабазъ-батыръ, Ерь-джомартъ, Алишесекъ, Абуль-хайръ. Часть начальныхъ имён повидимому взята изъ перешедшей въ коранъ библейской родословной. Остальные кажутся пока наборомъ арабскихъ, персидскихъ и тюркскихъ имён. Странно совпаденіе имени Абуль-хайра съ историческимъ Абуль-хайръ-ханомъ, при которомъ дѣйствительно положено начало союзу родовъ, образовавшихъ киргизъ-казачій народъ. Неужели сохранилось обѣ это мъ въ народѣ смутное воспоминаніе, выразившееся въ помѣщеніи въ родословную Абуль-хайра съ тремя сыновьями—родоначальниками трехъ казачьихъ ордъ?

¹) По сказаніямъ киргизъ-казаковъ сыръ-дарынскій области (Н. И. Гродековъ, «Киргизы и кара-киризы сыръ-дарынскій области», Ташкентъ, 1889 года, стр. 2), у отца киргизъ-казаковъ Алаша были три сына: Байшуря, Джаншуря (родоны средней орды) и Каражуря (меньшой орды). По преданіямъ въ средней ордѣ (Г. Н. Потанинъ «Очерки сѣверо-западной Монголіи», вып. 4, Спб., 1883 года, стр. 14, по бумагамъ Мусы Черманова), у предка всего киргизскаго народа Котана было три сына: Акджоль (средняя орда), Альчинъ (меньшая) и Юсунъ. Муса Чермановъ, родившійся въ 1818 году и умершій въ 1884 г., рода суюндука, былъ долго старшимъ султаномъ баянъ-аульскаго округа; см. его составленную Д. Путинцевымъ біографію въ «Акмолинскихъ обл. вѣдомостяхъ» 1885 г. № 38 и 39.

²) По «родословной таблицѣ», написанной Ю. Д. Южаковымъ («Отечеств. записки», 1867 года, томъ 171), со словъ чимкентскихъ киргизъ-казаковъ, у Бахтиара были сыновья Абакъ и Таракъ и пріемышъ Кангла; по словамъ однихъ рассказчиковъ, Бахтиаръ усыновилъ безроднаго Катагана, отъ которого и произошли канги и чаншки, по именію же другихъ чаншки «чужой, неизвѣстный народъ, присоединившійся къ кангамъ». У Абака, по той же таблицѣ, показанъ сынъ Джалаиръ, а у Тарака Ойсулъ (опечатка вместо Уйсунъ), Дулатъ, Адманъ и Суакъ (Суанъ): тутъ путаница, ибо у джалаировъ тамга таракъ, такъ что они всѣми родословными производятся отъ родоначальника съ таракъ-тамгою.

³) По спискамъ алатаускаго окружнаго управления 1865 года, родъ ботпай состоялъ изъ двухъ отдельностей—худайкуль (отдѣленія бишъ-турсукъ 315 киб., алимъ-джанысъ 221 к., худайкуль и сирчы 207 к., всего 743 киб.) и чагатай (отдѣленія исенбай 275 к., джанъ-конысъ 330 к., асанъ-тайликъ 537 к., акча и коджай 385 к., бійдасъ 80 к. и курагашъ 115 к., всего 1722 к.).

Чимыръ¹⁾, Сейкымъ²⁾ и Джанысъ. Этими кончается составленная Ди-камбай-батыремъ родословная.

Въ «Родословной таблицѣ» г. Южакова Ошакты, и Чапрашты показаны сыновьями Суака (Суана), но онъ поясняетъ, что по другимъ разсказамъ «Исты (или Сты), Чапрашты и Ошакты происходятъ отъ Юйсюя, отъ младшей жены, тогда какъ Дулать, Адманъ и Суанъ отъ старшей». Въ той же таблицѣ у Уйсуга значатся сыновья Сергелы (у него означены восемь сыновей: Байджигитъ, Карабатыръ, Батырларъ, Учъ-тамгалы, Илибай, Джакабай, Айтъ-бузумъ, Турт-тамгалы) и Исты (съ сыновьями Тиликъ и Юкъ³⁾).

На основаніи устныхъ сообщеній разныхъ біевъ большой орды⁴⁾ можно дополнить родословную Ди-камбай-батыря слѣдующимъ:

У Сары-Уйсуга было два сына: Кальча и Джакубъ.

У Чапрашлы было пять сыновей: Икей (родъ этого имени составляеть нынѣ узунъ-агачскую волость върененского уѣзда), Исходжа (нынѣ часть кастекской, мало-алматинской и больше-алматинской волостей), Асылъ (въ тургенской и куртинской волостяхъ), Чибылъ (два аула куртинской волости) и Айкымъ (карғалинская волость того же уѣзда)⁵⁾.

У Джаныса были сыновья: Джарылгамысъ, Джанту, Джанташъ, Джас-

¹⁾ По г. Южакову, у Чейыра показаны сыновья Чинходжа (у него Темиръ и Чокай) и Бекбулатъ (съ сыновьями Клы, Чильмамбетомъ и Бок-кайнатомъ). По алатаускому спискамъ 1865 года, въ волости чимыръ означены три отдѣленія (кунту, самбеть и кукрекъ) со многими подъотдѣленіями, всего 580 киб.

²⁾ По «Род. таблицѣ» г. Южакова названы сыновьями Сейкыма Куйсерекъ, Чудакъ, Тугатай, Бурасъ. По спискамъ алатаускаго округа 1865 г., въ родѣ сейкымъ значились отдѣленія кара-кайлы (150 к.), акъ-кайлы (180 к.), кусіркай (215 к.) и чуудакъ (625 к.).

³⁾ По спискамъ алатаускаго управленія 1865 года, въ родѣ исты отмѣчены отдѣленія ишимъ (180 к.), малай (170 к.), катты-кулакъ (100 к.), алнамбеть (60 к.). куданчи (100 к.), всего 610 к.; одно изъ подъотдѣленій названо суюндуку (30 к.).

⁴⁾ Варіантовъ существуетъ и вновь появляется множество. Я приведу только съписанное отъ людей толковыхъ и свѣдущихъ въ народной старинѣ.—По А. Н. Краснову («Очеркъ быта семиреченскаго киргизовъ» въ «Извѣстіяхъ И. р. географического общества», 1887 года, стр. 437 и 438) «киргизы дулатовской волости производятъ себя отъ Дулата, сына Абакъ-Терека, сына Уссуна»... По его же словамъ, казаки большой орды считаютъ себя въ близкому родствѣ съ казаками малой и средней орды «и потомками рыж-волосаго Уссуна, брата родоначальниковъ двухъ вышеупомянутыхъ ордъ и сына Лудуза (?). По другимъ толкованіямъ, Уссунъ былъ сынъ Каракозы, брата Джангоза, родоначальника кара-киргизовъ. Это второе толкованіе, разсказанное мнѣ въ долинѣ Иссыкъ-куля (замѣчаю авторъ), еще подложить впрочемъ повѣркѣ».

⁵⁾ По спискамъ алатаускаго округа 1865 года, двѣ волости чапрашты, въ которыхъ значились 1001 и 1014 кибитокъ, имѣли въ своемъ составѣ отдѣлы этихъ самыхъ именъ; изъ числа отдѣлений упомянуты кочкаръ и кучукъ.

ынысъ, Бансъ, Караманъ, Карапъ, Утемисъ, Тюртъ-кара, Чегыръ¹). У Банса: Джолсейтъ и Джарты. У Джантана—Ирюбай. У Джарылгамыса — Каскарау, а у него: Сарынбетъ, Баба, Кулбұлды, Султандельды, Букенъ².

Адбайу приписываютъ двухъ сыновей: Чибыль и Сары. У первого два сына — Кызылъ-буркъ и Конуръ-буркъ; у второго (Сары) — Айтъ, Бузумъ, Сегизъ-сары, Курманъ, Альджанъ; отъ дѣвушки иначе рода Айтъ родился сынъ Кыстыкъ³.

У Сувана полагаютъ двухъ сыновей Байтюгей и Тогурустанъ⁴).

Джалаир, сыну Джансакала (тарақъ-тамга), даютъ двухъ сыновей: Сыр-манакъ и Чу-манакъ. Отъ Чу-манака пошло семь родовъ: андасъ, мурза, кара-чапанъ, уракты, акъ-бюмъ, кальпе и сунатай; отъ Сыр-манака пять: арыкъ-тинымъ, байчигыръ, сирчи, балгали и кайчили. Есть еще тринадцатый родъ кучукъ, который появился позже всѣхъ и присоединился къ балгали⁵.

¹) У г. Юдакова названы ошо Богожали, Акнай-худакъ, Джанбай, Ольджанкуль, Утебай-тудо. По алатавскимъ спискамъ значились въ родѣ джанисъ отдельенія джолсейтъ, джарты (семь подъотдѣленій), кыбрай (пять подъотдѣл.) и худайкуль (семь подъотдѣл., въ томъ числѣ каша и кубуль). Всего джанисъ числилось въ двухъ волостяхъ 1516 киб.

²) По спискамъ алат. округа 1865 г., кашкаруа состояло изъ отдельной баба (подъ-отдельенія байсулу 275 киб., күнисуду 225 к.), күлбұлды (130 киб.), инемъ-баласы (130 к.), ирюбай (130 к.), башть-калимакъ, сарынбетъ (со многими подъотдѣленіями, въ томъ числѣ султандельды и букеңъ, всего 766 киб.), всего въ двухъ волостяхъ 1689 киб.

³) По Мусѣ Черманову (Потанинъ, «Очерки», вып. 4, стр. 14), у Адбана, сына Абака, было пять сыновей, изъ которыхъ записаны имена Сары и Чабила; у Сары два сына — Альджанъ и Сегизъ-сары, у второго же: Айтъ, Бузумъ, Кастынъ, Кызылбуркъ, Конурбуркъ. — По спискамъ алатавского окружного управления 1865 года значились адбаниновскіе роды: кызылбуркъ, 1016 киб. въ 9 отдельеніяхъ, въ томъ числѣ кирей-куль, сакау, чокаманъ, шайманбай, далѣе конурбуркъ 450 киб. въ 10 отдельеніяхъ, сегизъ-сары 1090 киб. изъ отдельной чаганъ (пять подъотдѣленій), хедка-мамбетъ (четыре подъотдѣленія) и джарты (четыре подъотдѣленія, имена которыхъ не тѣ, что у джарты въ родѣ джанисъ), потомъ айтъ въ числѣ 1070 киб. (пять отдельній, въ томъ числѣ суюндукъ и особый отдельній кыстыкъ изъ пяти же отдельній), бузумъ 1240 киб. (изъ тринадцати отдельній, въ томъ числѣ курманъ 300 к. и баба 140 к.) и альджанъ 1200 киб. изъ отдельній сарынбетъ, чагыръ, аламанъ и чаджа.

⁴) По Мусѣ Черманову, Байтюгей и Тогурустанъ. По спискамъ алатавского окружного управления 1865 года, сувановская волость состояла изъ 1025 киб. въ 16 отдельеніяхъ, въ томъ числѣ кочкаръ 100 к., урусь 180 к. и едигерь 30 к.

⁵) Абрамовъ въ «Запискахъ И. р. географического общества», томъ I, 1867 года, стр. 271—273, и списки алатавского окружного управления 1865 года. Ихъ отдельній нужно упомянуть въ родѣ андасъ — кыргыздарь, кочкаръ и танатъ, въ родѣ сунатай — альмарка и кара-марка, въ родѣ кучукъ — суюндукъ, въ родѣ балгали — угутъ, чагыръ, кулумъ, въ родѣ сирчи — банибетъ, иксимбетъ, кытазарь, тюленгутъ.

2) Главные родовые дѣленія большой орды, занимаемыя ими земли и численность ихъ.

Отмѣченныя въ приведенныхъ родословныхъ курсивомъ имена суть названія существующихъ родовыхъ дѣленій большой орды. Нынѣ она состоить изъ одиннадцати главныхъ подраздѣленій, колынъ или поколѣній: дулатъ, адбанъ, суванъ, чапрашты, исты, ушакты, сары-уйсунъ, джалаиръ, канглы, чаншкы и сергелы.—Многочисленнѣйшее и преобладающее изъ нихъ поколѣніе дулатъ слагается изъ родовъ ботнай, чимыръ, сейкымъ и джанысъ. Родъ ботнай обитаетъ въ вѣрненскомъ, аульеатинскомъ (въ 1867 г., по Макшееву, 1100 кибитокъ) и чимкентскомъ (по Гродекову 274 киб.) уѣздахъ; родъ чимыръ—въ вѣрненскомъ, аульеатинскомъ (по Макшееву 3500 к.), чимкентскомъ (по Гродекову 3334 к.) и (по Смирнову) въ ташкентскомъ уѣздахъ; родъ сейкымъ—въ вѣрненскомъ, аульеатинскомъ (по Макшееву 1500 к.) и чимкентскомъ (по Гродекову 4570 к.) уѣздахъ; наконецъ родъ джанысъ—въ вѣрненскомъ, аульеатинскомъ (по Макшееву 700 к.), чимкентскомъ (по Гродекову 3374 к.), а также (по Смирнову) въ ташкентскомъ и первовскомъ уѣздахъ. Въ общемъ, въ поколѣніи дулатъ, распространяющемся вдоль западнаго Тяньшана, отъ р. Или до Сырь-Дарьи и Чирчика, можно считать приблизительно 40 т. кибитокъ.—Адбани занимаются въ вѣрненскомъ и джаркентскомъ уѣздахъ, въ числѣ, въ 1889 году, 15426 киб., земли отъ р. Тургена и прохода Санташъ до р. Или и до китайской границы.—Суваны, въ 1889 г., въ числѣ 3632 киб., помѣщаются въ джаркентскомъ уѣздѣ на правомъ берегу р. Или.—Чапрашты находятся главнымъ образомъ въ вѣрненскомъ уѣздѣ, приблизительно всего въ числѣ 7 т. киб.—Исты встрѣчаются въ вѣрненскомъ уѣздѣ, въ низовьяхъ р. Или (въ 1885 году—нижне-илійская волость—1564 киб.) и въ чимкентскомъ (по Гродекову 3521 к.).—Ушакты малоочисленны и имѣются въ чимкентскомъ (по Гродекову 527 к.), а также (по Смирнову) въ аульеатинскомъ и ташкентскомъ уѣздахъ.—Сары-уйсуны имѣются въ вѣрненскомъ уѣздѣ (въ 1885 г. 1187 киб.), а также (по Смирнову) въ небольшомъ количествѣ въ аульеатинскомъ, чимкентскомъ и ташкентскомъ уѣздахъ.—Джалаиры занимаютъ земли между р. Карагаломъ и р. Или въ копальскомъ уѣздѣ, въ числѣ, въ 1889 году, 16098 киб., и встрѣчаются (по Смирнову) въ аульеатинскомъ, чимкентскомъ и ташкентскомъ уѣздахъ.—Канглы и чаншкы имѣются въ небольшомъ количествѣ около р. Тургена въ вѣрненскомъ уѣздѣ, въ аульеатинскомъ (по Макшееву—350 киб. кангловъ) и чимкентскомъ (по

Гродекову 478 киб.), но главнымъ образомъ въ ташкентскомъ уѣздѣ, гдѣ по Макшееву считалось кандловъ 1650 киб. и чаншкы 2000 киб.—Сергелы обитаютъ въ чимкентскомъ уѣздѣ (по Гродекову 4871 киб.) и въ ташкентскомъ (по Макшееву 1410 киб.) уѣздахъ и встречаются также (по Смирнову) въ аульеатинскомъ ¹⁾.

Въ общей сложности киргизъ-казаковъ большой орды считается:

Въ семирѣченской области (1889 г.):	Въ сырь-дарынской:
въ копальскомъ уѣздѣ 16,098 киб.	въ аульеатинскомъ . . 13,640 к. ³⁾
» джаркентскомъ » 13,452 »	» чимкентскомъ . . 21,686 » ⁴⁾
» вѣренскомъ » 30,504 »	» ташкентскомъ . . 14,000 » ⁵⁾
Итого. . . . 60,054 киб. ²⁾	Итого. . . . 49,326 к.

¹⁾ Свѣдѣнія Макшеева были основаны на современныхъ официальныхъ данныхъ о числѣ кибитокъ и помѣщены въ статьѣ его «Географические, этнографические и статистические материалы о Туркестанскомъ краѣ», напечатанной въ «Запискахъ И. р. географического общества, по отдѣленію статистики» и отдѣльно (Спб., 1867 г.); по этой же статьѣ показано было въ ташкентскомъ уѣздѣ родовъ бешъ-тамгали 330 киб., душать 380 к., конграть 890 к., аргынъ 359 к., найманъ 115 к., кипчакъ 100 к., рамаданъ 610 к., всего же въ уѣздѣ 7835 киб. Цифры эти были далеко ниже дѣйствительныхъ, потому что въ 1868 году, при организаціи волостей, число киргизъ въ кураминскомъ уѣздѣ опредѣлилось въ 20,710 кибитокъ и дворовъ; киргизы занимаютъ всю сѣверную часть уѣзда и долину Келеса и составляютъ большинство въ при-чирчикскихъ волостяхъ; за Чирчикъ переходить только родъ чаншкы; на Ангренѣ киргизъ уже неѣтъ и въ бассейнѣ его обитаютъ кураминцы (11,043 киб. и дворовъ); на Ангренѣ же встречается 341 семейство рода кара-китай; сартовъ въ уѣздѣ 9948 дворовъ и таджиковъ 1662 двора—все по свѣдѣніямъ 1868 года (см. М. А. Терентьевъ «Статистические очерки средне-азиатской Россіи», въ «Запискахъ И. р. географического общества, по отдѣленію статистики», т. 4, 1874 года, стр. 73 и 79).—Цифры, приписываемыя Н. И. Гродекову, извлечены изъ стр. 17—20 книги его «Киргизы и кара-киргизы сырь-дарынской области», Ташкентъ, 1889 года, и относятся къ 1867—1884 г. г. Свѣдѣнія, показанныя принадлежащими г. Смирнову, взяты изъ книги «Сырь-дарынская область», Спб., 1887 года, где на стр. 318—322 помѣщено перечисленіе родовъ, обитавшихъ въ области въ 1885 году, съ указаніемъ уѣзовъ, но безъ свѣдѣній о числѣ кибитокъ или душъ.

²⁾ Цифры эти извлечены изъ губернаторскаго «Обзора» за 1889 годъ.

³⁾ По выше указанной книгѣ г. Е. Смирнова въ аульеатинскомъ уѣздѣ всего киргизъ 116000 душъ обоего пола; вычитая 47,800 душъ кара-киргизовъ, получимъ 68,200 л. киргизъ-казаковъ или (по принятому въ сырь-дарынской области счету въ 5 душъ на 1 кибитку) 13640 кибитокъ киргизъ-казаковъ.

⁴⁾ Гродековъ, «Киргизы» и пр., стр. 17—20.

⁵⁾ По г. Смирнову, въ кураминскомъ уѣздѣ въ 1885 году считалось 186 т. душъ об. п., а за вычетомъ курамы (80 т. душъ) 107,000 душъ киргизъ-казаковъ, что соотвѣтствуетъ 21400 киб. Изъ этой цифры на роды большой орды приближательно надо считать, по преобладанію надъ родами средней и малой орды въ этой мѣстности, не менѣе 14 т. к.

А всего 109,380 кибитокъ или круглымъ счетомъ около 110 т. киб., что составить, по 4 души на кибитку ¹⁾), около 440 т. душъ обоего пола.

По поколѣніямъ общее число кибитокъ можетъ быть приблизительно распределено такъ:

дулатъ	40,000	киб.	үшакты	2000	киб.
адбанъ	15,500	"	сары-үйсунъ	1500	"
суванъ	4000	"	джалаиръ	17,000	"
чамрашты	7000	"	канглы и чаниклы .	10,000	"
исты	6000	"	сергелы	7000	"

3) Историческая известія о главныхъ родовыхъ группахъ или поколѣніяхъ большой орды и составъ ихъ на основаніи этихъ известій и именъ родовыхъ подраздѣленій.

О главномъ по численности родѣ или колѣнѣ большой орды имѣются хотя скучные, но все же достаточные, чтобы намѣтить его существованіе въ теченіе многихъ уже вѣковъ, историческая известія.

Такъ, на основаніи данныхъ Именика болгарскихъ князей и другихъ обстоятельствъ, можно полагать, что родѣ дулу вѣроятно существовалъ до Р.Х., ибо часть его во II столѣтіи послѣ христіанской эры укочевала вмѣстѣ съ хуннами отъ предѣловъ Китая, изъ нынѣшней западной Монголіи, въ киргизскую степь и затѣмъ раздѣляла судьбы гунновъ, послѣ же распаденія царства Аттилы вожди дулу стали во главѣ той части болгаръ (союза гуннскихъ и отуреченныхъ уgro-финскихъ родовъ), которая основала болгарское царство за Дунаемъ. Въ V вѣкѣ оставшаяся въ западной Монголіи, между Танышанемъ и монгольскимъ Алтаемъ, часть тѣхъ же дулу упоминается китайскими историками въ числѣ гаогюйскихъ поколѣній, подъ именемъ тулу. Такъ какъ въ VII вѣкѣ занимавшіе эту самую страну пять аймаковъ подвластныхъ западнымъ тюркскимъ ханамъ кочевниковъ именовались аймаками дулу, то надо думать, что родѣ дулу первенствовалъ между мѣстными тюркскими родами и занималъ такое же положеніе и ранѣе въ тюркской странѣ Юебани. По китайскимъ известіямъ, владѣніе Юебань основано было во времена ухода гунновъ на западъ и имѣло сношенія съ Китаемъ до половины V вѣка. Прекращеніе известій о Юебани совпадаетъ съ движениемъ

¹⁾ Счетъ по 4 души обоего пола на кибитку ближе къ дѣйствительности, какъ убѣдился я при многихъ точныхъ повѣркахъ въ семирѣческой области.

гаогюйцевъ, во второй половинѣ того же столѣтія, на западѣ, гдѣ они должны были подчинить юебаньцевъ, которые затѣмъ и значатся у китайскихъ историковъ подъ именемъ гаогюйского поколѣнія тулу. Китайцы сохранили имена родовъ, обитавшихъ между Тяньшанемъ и Алтаемъ въ VII вѣкѣ: чу-юе, чу-ми, чу-мугуй, чу-бань и пр. Вѣроятно эти роды, образовавшіе, повидимому, особую чу'йскую группу, составляли ранѣе населеніе Юебані, имѣя во главѣ дулу. Они же, во всякомъ случаѣ, входили въ составъ аймаковъ дулу, въ названіяхъ которыхъ, кромѣ чу-мугуй, встрѣчается шуинин-чубань. Въ этомъ именіи можно узнать нынѣшній дулатовскій родъ джанысъ, имя же чу-бань даетъ основаніе полагать, что почитаемыя киргизъ-казаками за близко родственныя дулатамъ колѣна ад-бань и су-бань (суванъ) были родами чу'йцевъ и быть можетъ находились въ составѣ аймаковъ дулу подъ именемъ чу-бань.

Съ прекращеніемъ съ половины VIII вѣка подобныхъ китайскихъ извѣстій о западныхъ тюркахъ пресекаются и свѣдѣнія о дулу. Мусульманскіе писатели даютъ въ IX—XII вѣкахъ свѣдѣнія, и то крайне скучные, лишь о господствующемъ въ каждомъ изъ сосѣднихъ съ землями магометанъ тюркскихъ владѣній племени, но не сообщаютъ никакихъ извѣстій о подчиненныхъ родахъ. Поэтому извѣстія о дулахъ отсутствуютъ за все время владычества карлыковъ и киданей, а потомъ и монголовъ. Только въ описаніяхъ войнъ Тимура съ джагатаидами проскальзываютъ иѣкоторые данные о родахъ, изъ которыхъ состояло кочевое населеніе владѣній современныхъ джагатаидовъ. Главнымъ изъ нихъ оказывается родъ дуглатъ, т. е. дулу, старѣшины котораго наследственно пользуются высшимъ въ ханствѣ званіемъ улусъбека и править Кашгарію, а одинъ изъ нихъ (Камер-эддинъ) даже самъ овладѣваетъ ханской властью, истребивъ почти весь родъ мѣстныхъ джагатаидовъ. Спустя столѣтіе, когда окончательно пала власть джагатаидовъ на сѣверѣ Тяньшана, предъ стремлениемъ родовъ къ самостоятельности, дулаты должны были, въ числѣ остальныхъ родовъ Моголистана, войти въ составъ киргизъ-казачьяго союза. Надо думать, что стремленіе къ самостоятельности и раздробленію не ограничилось освобожденіемъ родовъ отъ ханской власти, но сопровождалось распаденіемъ и самыхъ родовъ на части, и что желаніе найти защиту и опору противъ сильныхъ родовъ было одною изъ главныхъ причинъ вступленія бывшихъ джагатаидовъ въ составъ киргизъ-казачьяго союза. При крайней скучности свѣдѣній о киргизъ-казакахъ въ XVI и XVII столѣтияхъ легче объяснимо отсутствіе упоминаній и о дулахъ. Часть дулатовскихъ родовъ вѣроятно была подчинена во второй половинѣ XVII вѣка цзунгарами и значится въ числѣ зунгартскихъ аймаковъ подъ

именами долотъ или дологотъ (4 т. кибитокъ). Около 1723 года по-корены были калмаками и остальные дулаты, отхлынувшіе вмѣстѣ съ другими родами большой орды къ Ташкенту и Туркестану. Въ первыхъ обстоятельныхъ свѣдѣніяхъ о большой ордѣ, относящихся къ второй четверти XVIII столѣтія (разумѣю оренбургскія исторію и топографію Рычкова), она значится состоящею изъ дулатовскихъ родовъ джанисъ, сейкымъ и чимыръ, изъ родовъ сары-уйсунъ, канглы, чаншкы, адбанъ, суванъ и чапрашты. Около 1785 г., по капитану Андрееву, вдоль китайской границы между Алакулемъ и р. Или находились роды суванъ, адбанъ, чапрашты, джалаиръ, кашкару, джанисъ, канглы и чаншкы, а между Таласомъ и Сырь-дарьею роды джанисъ, чимыръ, чаншкы и сергелы; не названы имъ роды ботпай и сары-уйсунъ, которые съ частями другихъ родовъ вѣроятно занимали земли между Или и Таласомъ, обѣ обитателяхъ которыхъ Андреевъ умалчиваетъ ¹⁾). Въ началѣ XIX вѣка, по Спасскому, большая орда состояла изъ кочевавшихъ по китайской границѣ и распространявшихся до Сырь-дары дулатовского рода, въ четырехъ отдѣленіяхъ, и сары-юсунъ-джалаировскаго, изъ занимавшаго земли между Туркестаномъ, Сары-су и Акъ-мечетью рода сергамъ (конечно это сергелы) и наконецъ изъ обитавшихъ на Сырь-дарѣ къ Ташкенту родовъ канглы и чаншкы. По свѣдѣніямъ Левшина (до 1832 года), «большая орда въ началѣ составилась изъ поколѣній уйсунъ или усунъ, тулатай и саргамъ; въ послѣдствіи времени, отъ средней орды отдѣлилось къ сей послѣдней поколѣніе конкратъ или кункратъ. I. Изъ первыхъ произошли роды: ботбой, чимыръ, джанисъ или янышъ, сикъ-амъ, абдай-суванъ, сары-сулы (?), чанычъ-кылы, канкы или канлы, джалаиръ и пр. II. Конкратскіе поколѣніе составили слѣдующіе роды: байларъ-джанджаръ, уразъ-гельды, кульджагачъ, бочманъ, токъ-булать, яманъ-бай, кура-куся (кара-кисекъ?), этимляръ, куюшъ-саксызъ» ²⁾). По В. В. Радлову (1869 г.), восточное крыло большой орды, общее родовое имя которой есть юсунъ, образуютъ роды суванъ и адбанъ съ подраздѣленіями: бозунъ, айтъ-кыстыкъ, кызыль-

¹⁾ Источники и подробности приводимыхъ въ настоящемъ изслѣдованіи историческихъ извѣстій указаны и изложены въ особомъ трудѣ моемъ, содержащемъ очерки исторіи и древней географіи Западнаго Тянъшана со временемъ усуней. Имѣю надежду, что трудъ этотъ будетъ напечатанъ, и потому не повторюю помѣщенаго въ немъ, такъ какъ это потребовало бы здесь слишкомъ много места.

²⁾ «Описаніе киргизъ-казачьихъ ордъ и степей», часть 3, стр. 9 и 10. Вамбери (Das Tarkenvolk, 1885, с. 286) повторяетъ Левшина. По В. В. Радлову (Aus Sibirien, I, с. 237), колѣнъ конкратъ раздѣляется на 12 родовъ, изъ которыхъ шесть считаются алты-ата-кѣктын-улы (шесть сыновей отца Кѣкѣ), а остальные шесть—алты-ата-кѣктоң-чу (шесть отцовъ Кѣкѣнчу).

пюрюкъ, конгуръ-пюрюкъ, сегизъ-сары, альджанъ и тулать, а западное: синхымъ около Чемкента, джамысъ, темиръ, шымыръ, ботпай около Аульеата, куръ-улусъ (народъ Идеге-бія), бешъ-тэнъ-бала (пять похожихъ дѣтей), сиргели, исты, отакчи (ошакты?), джалайръ, шашпашъ около Ташкента; султанскими крѣпостными были: кара-калпаки, тюрюкены, канды и теленгуты¹).

Канглы являются не менѣе древнимъ тюркскимъ племенемъ, чѣмъ дулаты. Вѣроятно именно они упоминались въ Авестѣ и Магабаратѣ подъ вменемъ Канка. Китайцы за полтора вѣка до Р. Х. нашли на Сыръ-Дарѣ обширное владѣніе Кангюй, которому подчинялись мелкія осѣдлые владѣнія на Зеравшайѣ и въ нижнемъ течении Аму-Дары. Въ эпоху младшихъ Ханей (25—221 г.г.) кангюйцы или канглы покорили алановъ между Аральскимъ и Каспийскимъ морями. Въ 568 г. византійскій посолъ Зимархъ щѣхалъ къ тюркскому хану Дизавулу и обратно землями подвластныхъ въ это время уже тюрокамъ кангловъ, именуя ихъ холатами (канли=холи). Если сами сельджукиды, завоевавшіе въ XI вѣкѣ Мавераннахъ и Западную Азію, и не были родомъ канглы, какъ утверждаетъ Рашидъ-эддинъ, тѣмъ не менѣе основная часть ихъ арміи состояла вѣроятно изъ кангловъ. Послѣдній карлыкскій илекъ Бедасагуна на р. Чу призвалъ къ себѣ кара-киданьскаго турхана, во второй четверти XII вѣка, для защиты отъ набѣговъ кангловъ. Въ войскахъ Султанъ-Мухаммеда Хорезмъ-шаха служили десятки тысячъ кангловъ, перешедшихъ къ нему на службу съ Таласа, гдѣ кочевали ихъ родичи. Въ 1220 году гиньскій посолъ Вукусунъ упоминаетъ въ числѣ встрѣченныхъ имъ на пути къ Чингизъ-хану въ Мавераннахъ племенъ кангловъ. Плано Карпини, послѣ Команіи (земли половцевъ), слѣдовалъ по странѣ кангитовъ. Рубрукъ въ 1253 г. также проѣзжалъ чрезъ земли кангловъ (cangle). Во время Тимура канглы продолжали занимать правый берегъ Сыръ-Дары, но численность ихъ была уже не велика. Выдѣляя изъ себя въ продолженіи вѣковъ значительныя массы на югъ и на западъ, ибо вторгавшіяся въ Европу полчища гунновъ, печенѣговъ, половцевъ и кипчаковъ увлекали съ собою части кангловъ, кангюйцы постепенно уменьшались въ численности, утрачивали преобладаніе въ исконныхъ своихъ земляхъ и вытѣснялись изъ нихъ,

¹) Aus Sibirien, I, ss. 235, 236. Тулать попала въ число сувановскихъ и адбановскихъ подраздѣлений конечно вслѣдствіе опечатки. Вместо куръ-улусъ обыкновенно употребляютъ имя кураласъ или курашть. По Макшееву, родъ кураласъ имѣлся въ 1867 г. въ аульеатинскомъ уѣздѣ въ количествѣ 1050 кибитокъ. Вместо бешъ-тэнъ-бала у Макшеева бешъ-тамгали въ туркестанскомъ (2000 киб.) и ташкентскомъ (330 к.) уѣздахъ, и едва ли не правильнѣе это послѣдніе имя. Темиръ по «Родословной таблицѣ» г. Южакова выходитъ подъотдѣленіемъ чемировскаго отдѣленія чиноложа. Отакчи вѣроятно опечатка вместо ошакты. Шашпашъ едва ли не джаппасъ менѣйшой орды.

съ востока дулатами и съ съвера кипчаками, въ самыи борегамъ Сырь-Дарьи въ среднемъ ся течениі. Въ составъ киргизъ-казачьяго союза канглы вступили уже въ качествѣ немногочисленнаго рода, значительная часть кото-раго притомъ же ушла въ Мавераннагръ съ щейбанидами. Поставляя глав-ный контингентъ состава личныхъ, придворныхъ войскъ или дружинъ (ти-ленгутовъ) киргизъ-казачьихъ хановъ и султановъ, канглы разъялись съ ними по всей киргизъ-казачьей степи и въ настоящее время, въ видѣ самостоятель-ныхъ родовыхъ группъ, встрѣчаются только въ таинентскомъ уѣздѣ.

Имена кангловъ и дулатовъ кажутся алтайскаго, подобно большинству именъ главныхъ тюркскихъ племенъ и родовъ, происхожденія (отъ р. Канъ, праваго притока р. Чарыша, и отъ рѣки Тулаты, лѣваго притока той же рѣки) и свидѣтельствуютъ о первоначальномъ близкомъ ихъ родствѣ. Поэтому больше-ордынскія родословныя правильно считаютъ оба колѣна близко родственными. Не осталось также въ родословныхъ неотмѣченнымъ гораздо болѣе раннее появление кангловъ на земляхъ будущей большой орды. Дѣйствительно, канглы ушли изъ Алтая на западъ и заняли степи при Таласѣ и Сырь-Дарьѣ за многіе вѣка ранѣе появленія въ степахъ, прилегающихъ къ западному Тянь-шаню, дулатовъ, которые перешли р. Или едва ли главнымъ образомъ не въ XIII сто-лѣтіи. Въ генеалогической формѣ это выражено помѣщеніемъ Канглы въ братья Бах-тиару, отъ кото-раго четырьма колѣнами ниже произошли Дулать, Адбанъ и Суванъ.

Правильность указаній родословныхъ преданій относительно двухъ глав-ныхъ колѣнъ даетъ основанія полагать, что справедливы указанія тѣхъ же родословныхъ и на взаимныя отношенія другихъ родовъ, въ особенности тѣхъ, относительно которыхъ нѣть историческихъ и иныхъ данныхъ. Можно поэтому считать вѣроятнымъ, что поколѣніе сергелы, предокъ кото-раго показывается родословными сыномъ Бахтиара, состоять въ болѣе близкомъ родствѣ съ канглами, чѣмъ съ дулатами, и пришло къ западному Тяньшаню ранѣе дулатовъ. На томъ же основаніи чаирасты, исты и ушакты, происходящіе, по родословнымъ, отъ братьевъ отца Дулата, рожденныхъ отъ млад-ниихъ или незаконныхъ женъ¹), вѣроятно прибыли въ земли большой орды

¹) По средне-ордынскимъ родословнымъ сказаніямъ (Потанина «Очерки съверо-за-падной Монголіи», вып. 4, Спб., 1883 года, стр. 14), рожденные отъ незаконной жены родо-начальника средней орды Абджола четыре сына Кирой, Уакъ, Тараклы и Тюлонгутъ (все это на самомъ дѣлѣ колѣна средней орды, отличного отъ главныхъ колѣнъ этой орды происхожденія и по виду къ нимъ присоединившіяся) должны были прислуживать четы-ремъ сыновьямъ законной жены (Кипчакъ, Аргынъ, Найманъ и Конгратъ); одинъ маль-юрту, почему у него тамгою чиликъ (моз), второй обязанъ былъ ставить юрту, за что получилъ въ тамгу баканъ (подпорка для чаргана—верхнаго круга остова юрты); тре-тій чистиль лошадей, почему у него тамга таракъ (гребень), четвертый же пасъ лошад-ной съ пикой въ рукѣ, почему у него тамгой наиза (низа).

райе дулатовъ и должны были имѣть отличія отъ нихъ въ проиходженіи. Ниже мы увидимъ, что тамги этихъ колѣнъ указываютъ на происхожденіе исты отъ кангловъ, а чапрашты и чаниклы отъ кангловъ и дулатовъ, тамга же колѣна ошакты особая, такъ что ошакты кажутся чуждаго и кангламъ, и дулатамъ происхожденія.

На родину чаниклы въ Алтай намекаетъ существованіе между кумандицами на р. Лебеди, притокѣ Біи, востя шашкылы или чаккылы¹⁾ и рѣчка Чайглы-булакъ, притокъ р. Кальджарапа, истока озера Марка²⁾. Вышеприведенное сказание о происхожденіи канглы и чаниклы отъ Катагана, пріемыши Бахтиара, даетъ основаніе думать, что чаниклы очень давніе пришельцы съ Алтая, приставши къ кангламъ и жившіе съ ними до настоящаго времени, ибо и теперь канглы и чаниклы встречаются часто вмѣстѣ. О катаганахъ упоминается Абуль-гази, который говорить, что во время пребыванія его у казаковъ въ Ташкентѣ, около 1632 года, казацкій Ишимъ-ханъ погубилъ владѣвшаго Ташкентомъ казацкаго же Турсунъ-хана и раззорилъ и подвергъ преслѣдованіямъ катгановъ (qatghans). Онъ же производить этихъ катгановъ отъ Букумъ-катгана, старшаго сына Алунъ-гоа³⁾. У Рашидъ-эддина этотъ родъ наруновъ именуется хатакинъ и ведется отъ старшаго сына Алунъ-гоа Бугунъ-хатаки⁴⁾. Надо полагать, въ виду этого, что катаганы появились въ Туркестанѣ лишь во время Чингизъ-хана, въ составѣ «полка» Джагатая и на службѣ у джагатандовъ. Конечно численность ихъ была не велика и родъ катаганъ составился на Сыръ-Дарѣ изъ мѣстныхъ кангловъ, чаникловъ и пр., соединившихся подъ главенствомъ и защитою какого нибудь влиятельнаго бека изъ катгановъ, принасъ имя послѣднихъ. Съ распаденіемъ союза, вслѣдствіе гоненій Ишимъ-хана и т. п., исчезъ на правой сторонѣ Сыръ-Дары и родъ катаганъ, части котораго вошли въ другія группы или возвратились въ своей особности⁵⁾.

¹⁾ Г. Н. Потанинъ, «Очерки южно-западной Монголіи», вып. 4, Спб., 1883 года, стр. 939.

²⁾ «Записки И. р. географического общества, по общей географіи», 1867 года, томъ I, стр. 399.

³⁾ *Histoire des Mongols et des Tatars*, tr. Dosmeisons, 1874, p. p 328, 79.

⁴⁾ «Исторія монголовъ. Введеніе», Спб., 1858 года, стр. 179, и «Исторія Чингизъ-хана до восшествія его на престолъ», 1868 г., стр. 10.

⁵⁾ Значительная часть катгановъ должна была уйти въ Мавераннахръ съ шайбанидами, потому что есть катаганы на Зеравшанѣ и въ другихъ мѣстахъ (Гребенкинъ, «Узбеки» въ «Турк. Вѣдомостахъ», 1871 года, № 39). Г. Смирновъ упоминаетъ родъ катаганъ въ аулыатинскомъ уѣздѣ («Сыръ-дарьинская область», Спб., 1887 года, приложеніе № 3). Макшевъ въ 1867 году показывалъ въ аулыатинскомъ уѣздѣ 1050 киб. рода кураласъ, который у г. Смирнова не упоминается. Это долженъ быть союзъ изъ родовъ дулатовъ и

Можно также имя чаншиклы отожествлять съ именемъ монгольского рода чаншиутъ или чаншикитъ, упоминаемаго въ «Юань-чао-ми-ши», которое проф. Березинъ считаетъ соотвѣтствующимъ имени дженинкутъ, отрасли кыпотовъ, по Рашидъ-эддину ¹⁾). Въ такомъ случаѣ приходится предполагать, что поколѣніе чаншиклы образовалось въ джагатаидское время изъ мѣстныхъ родовъ, всего вѣроятнѣе кангловъ, въ видѣ союза, получившаго имя отъ главы изъ рода чаншиутъ или чаншиклы, изъ джагатаидскихъ монголовъ.

О джалаирахъ не имѣется упоминаній до временъ монгольскихъ. Въ числѣ начальниковъ четырехъ тысячъ, данныхъ Чингизъ-ханомъ Джагатаю, упоминается Мука-нойонъ изъ рода джалаиръ, а потому можно полагать, что часть «полка» Джагатая состояла изъ джалаировъ и что съ того времени джалаиры и появились въ странахъ при-таньшаньскихъ. Численность ихъ была конечно не велика, если и присоединились къ нимъ искать счастія на службѣ джагатаидамъ родичи изъ Монголіи. По положенію своему въ монгольской гвардіи и при дворѣ, многіе джалаиры были беками и занимали важныя мѣста въ управлении улусомъ джагатаевымъ, какъ въ Моголистанѣ, такъ и въ Мавераннагрѣ. О нѣкоторыхъ изъ нихъ упоминается въ исторіяхъ Тимура. По смерти Беграмъ-джалаира Тимуръ отдалъ «джалаировскую орду» сыну его Адиль-шаху ²⁾). Вѣроятно, съ раздѣленіемъ джагатаидовъ на двѣ вѣтви, ханствовавшія одна въ Моголистанѣ, другая въ Мавераннагрѣ, подѣлилась на двѣ части и ихъ монгольская гвардія, а съ нею и джалаиры. Въ данномъ случаѣ шла рѣчь о джалаирахъ, оставшихся въ Мавераннагрѣ, гдѣ потомки ихъ теперь встрѣчаются небольшими группами, считаясь однимъ изъ родовъ узбековъ. Конечно и моголистанскіе джалаиры были немногочисленны, такъ что нынѣшнѣе колѣнно джалаиръ въ копальскомъ уѣздѣ, численностью болѣе 16 т. кибитокъ, нельзя считать кровнымъ потомствомъ джагатаидскихъ джалаировъ. Развѣ только роды балгали и кальчили являются кровными

кангловъ, подобный катагановскому и джалаировскому, именовавшійся по главѣ изъ рода джагатаидскихъ монголовъ куралась (у Рашидъ-эддина, по чтенію Березина, «Введеніе», стр. 154, хорласъ, по д'Оссону, р. 426, курлассъ). У В. В. Радлова, какъ приведено выше, родъ куралась значится, повидимому, подъ именемъ куръ-улусъ, «народъ Идеге-бія»— поясняетъ онъ. Исторіческий Идеге былъ современникомъ Тимура и родоначальникомъ ногайскихъ мурзъ. Такъ какъ присоединеніе къ большой ордѣ части отдаленныхъ мангутовъ сомнительно и нуждается, во всякомъ случаѣ, въ доказательствахъ, то вѣроятнѣе произношеніе куралась, куралашъ и происхожденіе отъ имени монгольского джагатаидскаго рода. Имя катаганъ едва-ли не саинскаго происхожденія: отъ рѣки Хатага, притока р. Уды.

¹⁾ «Исторія Чингизъ-хана до восшествія его на престолъ» («Труды восточного отдѣленія и. р. археологическаго общества», часть тринадцатая), Спб., 1868 года, стр. 245, 246, 249.

²⁾ *Histoire de Timur-bec, trad. par Pétis de la Croix. Paris, 1722, t. I, p. 252.*

джалаирами, потому что на эти же роды дѣлятся джалаиры, обитающіе въ долинѣ Зеравшана въ катты-курганскомъ уѣздѣ¹⁾). Изъ остальныхъ родовъ кучукъ и арыкъ-тынамъ повидимому кара-киргизскаго происхожденія, потому что кости кучукъ и арыкъ принадлежать, какъ увидимъ, къ древнимъ кара-киргизскимъ родамъ. Далѣе, въ джалаировскихъ родахъ встрѣчаются и частич дулатовскихъ (сравн. сіирчи въ родѣ ботпай и отд. чигыръ въ родѣ джанысъ, соотвѣтствующее байчигыръ у джалаировъ) и адбановскихъ (отдѣленіе сарымбетъ, кочкаръ) родовъ. Въ родѣ андасъ есть кара-киргизы (отдѣленіе кыргызларъ), вѣроятно попавшіе въ его составъ сравнительно въ недавнѣе время. Отдѣленія джалаировскаго рода супатай акъ-марка и кара-марка напоминаютъ именемъ своимъ алтайское озеро Марка и побуждаютъ предполагать, что они суть остатки одного изъ родовъ карлыковъ, носившаго это имя: карлыки пришли къ западному Тяньшаню изъ юго-западнаго Алтая и могли занести сюда полученное въ Алтай отъ озера Марка имя²⁾). Въ числѣ отдѣленій джалаировскаго рода мурза значились, по спискамъ алатавскаго окружнаго управленія 1865 года, отдѣленія ходжа-назарь-майда и ходжа-назарь-апшакъ: можетъ быть это потомство проповѣдниковъ ислама въ средѣ джагатаидскихъ тюрковъ, кочевавшее при ордѣ джагатаидовъ въ качествѣ придворнаго духовенства, по удаленіи же сыновей Юнусъ-хана въ восточный Туркестанъ оставшееся въ Моголистанѣ и примкнувшее къ джалаирамъ. Вообще джалаировское колѣно большой орды есть союзъ частей родовъ разнаго происхожденія, образовавшійся первоначально подъ главенствомъ какого нибудь вождя изъ рода джалаиръ и успѣвшій, подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ, окрѣпнуть и образовать прочное цѣлое, хотя истинныхъ джалаировъ было въ немъ и первоначально немного³⁾.

¹⁾ О нихъ есть свѣдѣнія къ статьѣ Гребенкина «Уабеки» («Туркест. вѣдомости» 1871 года, № 42), по которой обитаютъ они въ 24 кишлакахъ, занимаются земледѣліемъ и числятся въ количествѣ до 3500 д.; они посому-то считаютъ себя родственниками туркменовъ.

²⁾ Одинъ изъ трехъ отдѣловъ западной части карлыковъ носилъ въ VII вѣкѣ имя мэуло (mou-lo) или мэули (mou-la), какъ значится въ «Танъ-шу» («Собрание свѣдѣній» и пр., о. Іакинфа, часть I, стр. 437): нѣкоторое, хотя и отдаленное, сходство съ Марка. Имя другаго рода карлыковъ можно, пожалуй предполагать въ ба ба (отдѣленіе у адбановскихъ бузумовъ и у дулатовскихъ кашкару) и въ ба па кара-киргизовъ, потому что у карлыковъ, по китайскимъ свѣдѣніямъ было отдѣль пофу (po-rosh).

³⁾ По Н. И. Гродскому («Киргизы и кара-киргизы сыръ-дарынскай области», 1889 года, стр. 7 и 8), «родъ джалаиръ считается нынѣ старшимъ. На пирахъ, при подачѣ кушаньеъ, спрашиваютъ: есть ли на лицо старшій изъ родовъ, джалаиръ? Когда джалаировъ нѣть, то по почету слѣдуетъ родъ ошакты. Киргизъ-казаки этого послѣднаго рода утверждаютъ, что Ошакты старше Джалаира, хотя и незаконный сынъ, родившійся не отъ мужа, а отъ похоти: «матъ всѣхъ родовъ великой орды Юпарь-байиче, отъ похоти, за

4) Ураны и тамги большой орды и указанія ихъ на родовой
и племенной составъ этой орды.

Обратимся теперь къ указаніямъ на родовой составъ большой орды, которые могутъ дать ураны и тамги.

Ураны или употребляемые въ болѣ, при барантахъ, на байгахъ клики, будучи именами храбрѣйшихъ вождей или особенно памятныхъ родоначальниковъ, должны были подвергаться нерѣдкимъ перемѣнамъ, ибо имя позднѣйшаго храбраго и счастливаго предводителя или долго правившаго родоначальника могло вытѣснить старый уранъ. Такъ какъ свѣдѣнія наши о прошломъ отдѣльныхъ родовъ болѣе чѣмъ скучны и о батыряхъ ихъ и родоначальникахъ мы знаемъ еще менѣе, то имена урановъ вообще могутъ выяснить намъ немногое, тѣмъ болѣе, что и свѣдѣній объ уранахъ большой орды собрано или напечатано еще мало. Находимъ ихъ лишь у Н. И. Гродекова ¹⁾), по которому общий уранъ большой орды, а также уранъ джалаировъ и дулатовъ есть Бахттаръ; у канглы и чаншѣлы, по одному уранъ — Айримазъ, по другимъ канглы кричать Байтерекъ; у чирапшты — Карасай, у сиргелы — Туганазъ, у исты Яуатаръ; у чымыръ — Чимыръ, а на байгѣ Койгельды; у сейкымъ — Сейкимъ, на байгѣ Ирсебекъ; у ботпай — Ботпай, на байгѣ — Саментъ; у джанысовъ — Джанысъ, на байгѣ же Туле ²⁾). Судя по уранамъ можно опредѣлить — къ какому каждое

родившемся при видѣ одного проходившаго мимо мужчины, имѣла, бѣль сношенія съ илнъ, ребенка. Она сууила его въ очагъ (ошак), отчего нашедшю его люди дали ему имя Ошакты. Послѣ него она имѣла законнаго сына Джалаира». — Такой почетъ джалаирамъ составляется, кажется, особенность прибрежья средней части Сырь-Дарьи, гдѣ, на разграни и между двумя половинами джагатаева улуса, джалаиры монгольской гвардіи начальствовали войсками и пользовались большими значеніемъ. Сомнительно также, чтобы ошакты имѣли съ джалаирами что-либо общее по походженію. — У Рашидъ-Эддина значатся имена десяти родовъ джалаировъ, но ни одно изъ нихъ не имѣть сходства съ именами родовъ и отдѣлений иныхъ джалаировъ. Привожу ихъ по чтенію проф. Березина, поѣзда въ скобкахъ чтенію д'Оссона («Исторія монголовъ, Введеніе», Спб., 1858 года стр. 83, и *Histoire des Mongols etc.*, Т. I, р. 7): джаларь (чать), кункаутъ (бакассагъ), унть (унть), куркинъ (кугерь), тури (бури), тукраутъ (тукараутъ), кумеаутъ (кункассаутъ), илкинъ, туланкитъ (туланкитъ), санкуутъ (шанкуутъ). Авторъ «Сборника этнографіи», напечатанаго во 2 томѣ «Библіотека восточныхъ историковъ», издававшегося проф. Березинымъ (Казань, 1854 года), былъ «джалаирецъ изъ рода гробно-тамговаго», служившій при касимовскомъ царѣ Уразъ-Мукаммодѣ (убитъ въ 1610 году), изъ киргизъ-казацкихъ сultановъ, внукъ Шигай-хана (Вольяниновъ-Зерновъ, «Изслѣдованіе о касимовскихъ царяхъ и царевичахъ», часть 2, Спб., 1864 года, стр. 487).

1) «Киргизы и кара-киргизы сирь-даринской области», 1889 г., стр. 2 и 3, приложениія.

2) По поводу кликовъ духатовскихъ родовъ на байгахъ, бѣль Султанъ сообщилъ, что когда калмыки вытѣснили киргизовъ за Сырь-Дарью, къ Бухарѣ, то четверо сильныхъ бісѣль-батырей Туле, Койгельды, Чинатъ и Саментъ, собравъ ополченіе, противали имъ и возвратили имѣстя, «гдѣ теперь живутъ киргизы» (тамъ же). На самомъ дѣлѣ Туле были многое годы, до разрушенія цзувгарскаго государства китайцами, подданными калмыковъ и править есть имена цзувгаровъ Тамжентомъ.

колъиу принадлежать отдельения или роды, которыхъ колъиа у г. Гродекова не указаны. Такъ родъ сулгатай, по урану Яуатаръ, долженъ принадлежать къ колъиу исти; родъ бураасъ есть вѣроятно часть сейкымовъ, ибо уранъ у него Ирбекъ; роды курникъ, санграу и балыкъ должны быть канги или чанышлы, ибо уранъ у нихъ Шеншикылы; родъ тиликъ, по урану Яуатаръ, принадлежить къ исти. У не встрѣчавшихся мнѣ болѣе родовъ косаръ и тогатай уранами служать у первого—Кабланъ и у втораго—Бозмоюнъ.

Большихъ разъясненій, чѣмъ отъ урановъ, можно ожидать отъ родовыхъ тамгъ, ибо по своему назначению и важности въ бытѣ скотоводчъ тамги должны пользоваться значительной прочностью и неизмѣнностью. По Левиншу, «тамги или знаки, употребляемые киргизъ-казаками вмѣсто подпись и клеймъ», «занимствованы киргизами у монголовъ, которые распространили ихъ не только въ средней Азіи, но вѣроятно и въ Индіи» ¹⁾. «Родамъ, для различія,—говорить Илья Казанцевъ,—даны Чингизъ-ханомъ особыя прозвища (урамы) и знаки (тамги), которыми киргизы означаютъ свои вещи, скотъ и которыя служать имъ для рукоприкладства» ²⁾. По Мейеру, «тамги—знаки для клеймленія скота»—далъ киргизскимъ родамъ ханъ Тавка ³⁾, Въ распространенномъ между киргизами (при Сырь-Дарѣ) спискѣ 92 узбекскихъ родовъ, первоначально составленномъ по желанію одного изъ бухарскихъ эмировъ, «сказано, что когда 92 брата разбогатѣли, то скотъ ихъ сталъ смыкаться; чтобы отмѣтить принадлежность скотинъ, братья, по совѣщаніи между собою, избрѣли 92 знака, тамги.—Древность тамгъ подтверждается тѣмъ, что многія названія родовъ, а чаше колъи (отдѣленій), происходятъ отъ названій начертаній тамгъ... Нахожденіе въ извѣстномъ мѣстѣ родовой тамги на могилѣ или другомъ памятнику можетъ доказать, что тамъ никогда кочевалъ такой-то родъ». «Тамга накладывается преимущественно на лошадяхъ и верблюдахъ, притомъ съ лѣвой стороны (съ которой садятся на лошадь). Часть тѣла, гдѣ выжигается тамга, разисткуетъ у различныхъ родовъ» ⁴⁾.

Сами тюрки и монголы уже шесть вѣковъ тому назадъ относили существованіе тамгъ къ легендарнымъ временамъ. По крайней мѣрѣ у Рашидъ-

¹⁾ «Описание киргизъ-казачьихъ ордъ и степей» 1832 г., ч. 3, стр. 135.

²⁾ «Описание киргизъ-хайсакъ», Спб. 1867 года, стр. 30.

³⁾ «Киргизская степь оренбургскаго вѣдомства», Спб., 1865 года, стр. 5.

⁴⁾ Гродековъ, «Киргизы и кара-киргизы сирь-даринской области», Ташкентъ, 1889 годъ, стр. 3. На носторіанскихъ кладбищахъ въ долинѣ р. Чу «кромѣ крестовъ оказываются на мѣстахъ камняхъ изображенія предметовъ: кувшины, столицъ, та и ги» («Археологическая известія и санктыки, издаваемыи мѣ археологическимъ обществомъ», 1894 года, стр. 141 и 142).

Эддина (1247—1318 г.г.) ¹⁾ значится, что тамги «опредѣлены и утверждены» при Кунь-ханѣ, сынѣ и наследникѣ миѳического Угузъ-хана, чтобы ими «нарочно обозначались указы, сокровищницы, табунъ и стадо, во избѣжаніе отъ кого бы то ни было ссоры или сопротивленія у одного съ другимъ»... Древность тамгъ видна между прочимъ изъ изображенія тамги тюркскихъ хановъ на памятникѣ Кюль-тегину 732 г. и на другихъ, частію болѣе древнихъ, камняхъ и плитахъ на Орхонѣ ²⁾, но еще большая древность существованія тюркскихъ родовыхъ тамгъ доказывается тѣмъ, что, какъ увидимъ ниже, знаки тюркскаго алфавита, которымъ сдѣланы надписи на памятникѣ Кюль-тегину и другихъ на Орхонѣ и Енисѣй, суть родовые тамги, употребляемыя большою частію и понынѣ у киргизъ-казаковъ. В. В. Радловъ слово тамга переводить чрезъ *Eigenthumszeichen* ³⁾ совершенно правильно и мнѣніе А. Н. Харузина, полагающаго, что «тамга не есть знакъ собственности, а знакъ родовой» ⁴⁾, справедливо лишь въ томъ отношеніи, что тамга есть знакъ собственности родовой. И это значеніе слова тамга указывается на чрезвычайную древность употребленія тамгъ, на времена, когда личной и семейной собственности не существовало, а была только собственность родовая и сознавалась необходимость въ очевидномъ и прочномъ признакѣ принадлежности скота только известному роду ⁵⁾.

Въ самомъ дѣлѣ потребность въ мѣтахъ для скота, какъ въ средствѣ для вѣрнаго и скораго опредѣленія принадлежности скота и для предупрежденія поводовъ къ столкновеніямъ и враждѣ между родами должна была очень рано выясниться въ скотоводческихъ обществахъ или родахъ ⁶⁾. Въ формѣ-ли

¹⁾ «Сборникъ лѣтописей. Исторія монголовъ. Введение. О турецкихъ и монгольскихъ племенахъ», пер. Верезина, Сиб., 1858 г., стр. 24.

²⁾ «Атласъ древностей Монголіи» В. В. Радлова, Сиб., 1892 г., и «Сборникъ трудовъ орхонской экспедиціи», вып. I, Сиб., 1892 г.

³⁾ *Aus. Sibirien*, B. I, s. 455.

⁴⁾ «Киргизы букоевской орды», вып. I, 1889 г., стр. 148.

⁵⁾ М. Иванинъ («Внутренняя или букоевская орда», въ журналь «Эпохѣ», 1864 года № 12) высказалъ предположеніе (какъ приводить согласный съ нимъ А. Н. Харузинъ въ своемъ труда «Киргизы букоевской орды», вып. I, стр. 153), что тамги выражали или родъ оружія, которымъ были вооружены полки или отряды хановъ потомства Чингизъ-хана, или родъ службы и занятій различныхъ киргизскихъ племенъ. Но, во-первыхъ, тамги существовали за многое вѣка до Чингизъ-хана, во-вторыхъ, развѣ только прямая черта, служащая тамго у кангловъ и кипчаковъ, и я—тамга (лукъ) случайно напоминаютъ пику и лукъ, остальныхъ же, весьма многочисленныхъ, тамги казачьихъ родовъ никакого сходства съ какимъ либо оружіемъ и никакого отношенія къ занятіямъ и орудіямъ ихъ вообще не имѣютъ.

⁶⁾ По г. П. Ефименко (въ статьяхъ «Юридические знаки», помещенныхъ въ «Журналѣ миц. народнаго просвѣщенія», 1874 г., №№ 10, 11 и 12, и составляющихъ, сколько известно, первое всестороннѣе научное изслѣдованіе по этому предмету), первобытные

вырѣзанія на шкурѣ животнаго острѣмъ орудіемъ или выжиганія, которое вытѣснило первый способъ, изображеніе клеймъ должно было имѣть, для достижения цѣли, ясное и вмѣстѣ съ тѣмъ несложное, простое и легкое для самыхъ неискусныхъ рукъ начертаніе. Этимъ условіямъ удовлетворяютъ только самые простѣйшіе знаки—прямая черта ¹⁾ и кругъ, а также ихъ удвоенія и сочетанія ²⁾, но отнюдь не слишкомъ сложныя, потому что, при выжиганіи на кожѣ животнаго и на ограниченномъ пространствѣ, сложныя начертанія должны сливаться и дѣлаться неясными. По этой же причинѣ непригодны для тавра различныя кривыя, кромѣ круга и полукруга, такъ какъ они не могутъ имѣть на шкурѣ съ шерстью ясныхъ формъ, выходя похожими на прямыя или на кругъ и его части, или, наконецъ, принимая смутныя и разнообразныя очертанія, ибо у разныхъ хозяевъ сложныя тавры выйдутъ несходными. Родовыя тамги киргизъ-казаковъ, кара-киргизовъ, алтайцевъ, монголовъ и калмыковъ ³⁾ вообще вы-

родовыя знаки «состоали по большей части изъ изображеній животныхъ, рѣдко другихъ предметовъ, которымъ покланялись племена», носа ихъ имена; во второмъ періодѣ эволюціи знаковъ, роды получаютъ особыя наименованія, по большей части отъ имени своего родоначальника, или мѣстности кочевокъ, символами же или знаками дѣлаются предметы домашней жизни, неизвѣстные въ бродячемъ быту; въ третьемъ періодѣ, знаки собственности теряютъ свои названія, почти всѣ состоять изъ рубежей, т. е. прямыхъ линій, и дѣлаются чисто условными знаками; «наконецъ въ четвертой фазѣ资料а своего развитія, клейма являются въ совершенно новой формѣ, въ видѣ начальныхъ буквъ и фамилій своихъ владыцѣвъ» («Журналъ мин. нар. просвѣщенія», 1874 года, № 12, стр. 286—288). Согласно этой теоріи, тюркскія тамги принадлежать уже второму періоду эволюціи знаковъ или переходной ступени отъ втораго періода къ третьему, остатками же первичной фазы представляется часть знаковъ остыковъ и другихъ звѣроловческихъ племенъ сѣвера. Конечно въ этой теоріи правильно главнымъ образомъ лишь примѣненіе научного начала эволюціи, детали же подлежатъ измѣненію сообразно съ накопленіемъ фактовъ, что авторъ и предвидѣлъ.

¹⁾ Подобныя соображенія были много хѣтъ тому назадъ высказываемы академикомъ А. А. Куниковъ, который считалъ фигуры на монетахъ великаго князя Владимира и его сыновей родовыми знаками и писалъ: «Такія родовыя знамена нерѣдко возникали изъ знаковъ собственности. Послѣдніе были «во всеобщемъ употреблѣніи преимущественно у народовъ, которые не имѣли еще азбуки или у которыхъ не была еще распространена грамотность. Для того, чтобы обладатель такого знака могъ пользоваться имъ, т. с. вырѣзывать его на деревѣ и т. п., онъ долженъ быть быть несложнымъ. Поэтому, какъ думаютъ, эти знаки у европейскихъ народовъ были первоначально составлены изъ прямыхъ, большою частью вертикальныхъ линій, и только съ течениемъ времени отдѣльныя линіи закрутились, и вся фигура становилась вычурѣе, или же искажалась ея первоначальная форма» («Археологическія извѣстія и замѣтки, издаваемыя и. московскимъ археологическимъ обществомъ», 1894 года, № 10, стр. 302 и 303).

²⁾ Таковы и тамги арабовъ, приведенные по рисункамъ Вециштейна, у Вамбера (Das Turkenvolk, 1885, с. 37).

³⁾ Рисунки киргизъ-казачьихъ тамгъ помѣщены въ трудахъ Левшина («Описаніе киргизъ-казачьихъ ордъ и степей», 1832 г., часть 3, между стр. 134 и 135), Мейера («Киргизская степь орекбургскаго вѣдомства», 1885 года, стр. 89—92), Казаццева («Описаніе киргизъ-кайсакъ», 1867 г., стр. 213), Потанина («Очерки сѣверо-западной Монголіи», вып. 2,

Количество изображенныхъ тамгъ, действительно существующихъ у киргизъ-казаковъ, болѣе трехъ десятковъ, но было бы, при тѣхъ же фигурахъ, несравненно большими, если бы положеніе фигуры принималось въ соображеніе, напр. //, =, //, и // . По справедливому замѣчанію А. Н. Харузина, киргизы на положеніе фигуры вниманія не обращаютъ. Происходитъ это безъ сомнѣнія оттого, что при наложеніи тавра на шкурѣ живой лошади знакъ выжигается въ различныхъ положеніяхъ, да и на тѣлѣ животнаго онъ при движеніяхъ принимаетъ на вѣкоторыхъ частяхъ различныхъ положенія. Поэтому разныя положенія знака не создаютъ другихъ или особыхъ тамгъ.

Къ числу необходимыхъ условий, съ которыми сопряжено употребление тамгъ у кочевниковъ-скотоводовъ, принадлежитъ ихъ прочность или неизмѣнность ¹⁾). Далѣе надо имѣть въ виду, что для опредѣленія принадлежности скота внутри рода вообще нѣтъ нужды въ особыхъ тамгахъ, пока родъ не слишкомъ многолюденъ и не разбросанъ на слишкомъ большихъ пространствахъ, потому что родовиchi знаютъ по мастьямъ и другимъ признакамъ почти каждую скотину въ стадахъ своего рода. Но когда родъ становится многочисленнымъ и дѣлится вслѣдствіе этого на постоянныя родовыя части, то съ

1881 года, табл. XXVI, и вып. 4, 1883 года, табл. 1), Гродекова («Киргизы и кара-киргизы сыръ-дарынсской области», 1889 года, приложение, стр. 4—8), Харуцкна («Киргизы букеевской орды», 1889 г., вып. I, стр. 151, и II. Ефименко («Юридические знаки» въ «Журналь мин. народного просвещенія», 1874 года, № 12, стр. 275 и приложение). Тамги кара-киргизскихъ родовъ приведены у Радлова (Aus Sibirien, I, с. 534) и Гродекова (въ указанной книгѣ). Приводя изображенія тамгъ, я буду указывать авторовъ, у которыхъ они помещены, начальными буквами фамилий.

¹⁾ Поэтому однокровость тамги всегда считалась доказательством единства происхождения, близкаго родства. Такъ у Рашидъ-Эддина (*«Исторія монголовъ. Введеніе»*, переводъ Берзинага, 1858 года, стр. 76) читаемъ: «Это племя (курлуты) было близко и соединено съ племенемъ хонкидатъ, съджисъ и баргутъ, и тамга у всѣхъ одна».. и др.

течениемъ времени обнаруживается необходимость отличать скотъ каждой родовой части путемъ тамги. Самый простой и ближайшій для достижения цѣли способъ представляется естественно въ добавкѣ дополнительного знака въ основной родовой тамгѣ. Можно думать, что именно такъ и совершилось вообще образование тамгъ у родовыхъ подраздѣлений¹), благодаря чему изучение тамгъ можетъ опредѣлять происхожденіе родовъ.

Такимъ органическимъ путемъ²) произошло по крайней мѣрѣ, кажется не-

¹) По словамъ П. М. Сорокина, статистика вятского губернского земства, «вотское племя раздѣляется на иѣсколько десятковъ родовъ (до 70), живущихъ нынѣ переселенію... Каждый родъ имѣть одинъ своеобразный знакъ собственности—п у съ (пермское и бесерменское п а съ). Такъ у рода бояня такій знакъ была скоба для ношения топора на поясъ—тир у х о нъ, у рода поппье—крестъ, кечать, у рода пурги—вины, с а н и къ, у рода ворчи—куриная нога, куречъ-кукъ, и т. д. «Этотъ родовой знакъ составлялъ основу знаковъ у отдельныхъ хозяйствъ, разнообразясь въ частныхъ случаяхъ прибавками... . Напр., дѣдъ изъ рода егра имѣть чусомъ основный знакъ въ видѣ двухъ соединяющихся подъ угломъ линій; его отѣлившійся сынъ прибавилъ къ одной изъ линій зарубку; этотъ путь достался тому изъ его сыновей, который остался въ отцовскомъ домѣ; второй братъ, отѣлившійся ранѣе, прибавилъ еще зарубку, а третій, отѣлившійся позднѣе, прибавилъ еще одну зарубку; такимъ образомъ получился сложный знакъ, служацій доказательствомъ его позднѣшаго происхожденія» («Археологический извѣстіи и замѣтки, издаваемыи и. и. археологическимъ обществомъ», 1894 года, стр. 306—308). Такимъ же образомъ происходитъ измѣненіе клейма посредствомъ прибавокъ къ основному знаку,—такъ что по клейму «могло узнатъ отъ какого семейства отошелъ крестьянинъ»,—у крестьянъ архангельской губерніи (П. Ефименко «Юридические знаки» въ «Журналѣ мин. нар. просвѣщенія», 1874 года, № 10, стр. 69) и у вотяковъ и крестьянъ сарапульского уѣзда вятской губерніи (Михаилъ Харулинъ «Очерки юридического быта у народностей сарапульского уѣзда» въ «Юридическомъ вѣстнике», 1883 года, № 2, стр. 289). У вотяковъ вятской губерніи «каждый родъ имѣть издавна свой знакъ—тамги и имѣть въ древности духа-покровителя; тамги и имя духа-покровителя, даже съ переселеніемъ извѣстной линіи рода на другое мѣсто, сохранились въ этой родовой линіи. Такъ вотяки глазовского уѣзда, прѣхавшіе по торговымъ дѣламъ въ бугульминский уѣздъ (самарской губерніи), где они случайно встрѣтили своихъ земляковъ, по родовымъ знакамъ донскались, что эти вотяки переселились изъ извѣстной деревни глазовского уѣзда, хотя и старики изъ нихъ забыли уже о времени переселенія въ самарскую губернію. Перехода изъ рода въ рода, тамги усложняются, т. с. къ первоначальному простому знаку прибавляются новые черты, но внимательное изученіе тамги тѣмъ не менѣе можетъ привести къ важнымъ результатамъ». Въ числѣ имѣнъ духовъ-покровителей есть имя Чубъ (Д. Островского «Вотяки казанской губерніи» въ «Трудахъ общества естествоиспытателей при казанскомъ университѣтѣ», томъ 4, № 1, Казань, 1874 года. стр. 11). Въ старыхъ тамгахъ русскихъ лопарей «характерной чертой является то, что онѣ, имѣя въ основѣ своей одинъ рисунокъ, общій для всѣхъ членовъ рода, видоизмѣняются по семилиць, причемъ къ основному рисунку прибавляется или отбавляется та или другая черта, или самая тамга, съ прибавленіемъ или отбавленіемъ черты, изображается въ другомъ направленіи» (Николая Харулина «Русскій лопаръ» въ «Извѣстіяхъ и. общества любителей естествоиспытания и пр. при м. університетѣ», томъ 66, 1890 года, стр. 250).

²) Что киргизъ-казачьи тамги не даны родамъ какимъ-нибудь властелиномъ и не изобрѣтены какимъ-нибудь однимъ лицомъ или собраніемъ, а есть историческо-органический продуктъ народной жизни скотоводческаго народа,—въ этомъ можно убѣдиться между прочимъ, сличая существующія тамги съ помѣщческими у Рашидъ-здана и въ

сомнѣнно, образованіе тамгъ у развѣтленій главнаго колѣна большой орды дулатовъ:

Тамга всего поколѣнія дулатъ (Гродековъ) есть О дунгелектъ (т. е. кругъ). Тамгами у ближайшихъ къ нему поколѣній, быть можетъ нѣкогда даже родовъ его, адбанъ и суванъ (по Г.) оказываются у первого ♂ и у втораго ♂'. Изъ собственно дулатовскихъ родовъ ботрай (Г.) имѣть тамги ♂' и ♀, а родъ сейкымъ (Г.) ♀¹). Но тамга дулатовскаго рода чимыръ (Г.) ♂ и тамга четвертаго дулатовскаго рода джанысь (Г.) >. Относительно тамги рода чимыръ, которую источникъ нашъ называетъ ятамга, необходимо замѣтить, что по В. В. Радлову ²) я-тамга значить лукъ-тамга и у алтайцевъ изображается ⌂. Такъ какъ, во первыхъ, приведенная тамга рода чимыръ названію своему не соответствуетъ и такъ какъ, во вторыхъ, чимыровское (на основаніи родословной таблицы г. Южакова) отдѣленіе чинходжа (Г.) имѣть тамгу ♀, т. е. производную отъ дулатовъ

Теварихи-Али-Сельджукъ (см. у Ванбери въ Das Türgenvolk, с. с. 4—6) тамгами Куньхана. Сочинители этихъ 24 тамгъ для Рашидъ-эддина (изъ которого ониъ заимствованы въ Теварихи-Али-Сельджукъ) или его источника были конечно люди, нѣсколько знакомые съ тамгами гулагидскихъ монголовъ и тюрковъ. Поэтому значительная часть 24 изображений суть действительныя тамги, но многія видимо изобрѣтены для данного случая, при чмѣ составители упустили условія, необходимыя для возможности действительного употребленія сочиненныхъ тамгъ. Такъ 19 и 21 тамги ⌂ и ⌂ не пригодны для примѣненія на дѣлѣ, потому что это одна и также тамга. При выжиганіи неизбѣжно было бы въ

большинствѣ случаевъ смѣщеніе 11 тамги ⌂ съ 24-й тамгой ⌂ и т. д. Не трудно также замѣтить, что между двадцатью четырьмя тамгами нѣть никакихъ взаимныхъ соотношеній и каждая изъ нихъ является или безсвязнымъ отрывкомъ жизненной дѣйствительности (настоящія тамга), или произвольнымъ вымысломъ. Къ числу же вымысленныхъ большей частью принадлежать приводимыя капитаномъ Андреевымъ (рукопись географического общества «Описание средней орды» и пр., 1785 года, листъ 3 на оборотѣ и 4) тамги, будто бы даныя Чингизъ-ханомъ: 1) Водостъ кіять-агай, ачамай ⌂, 2) Кунратъ-бій ⌂, 3) Майкибай ⌂, 4) Урдасъ-бій ⌂, птицы и ребра, 5) Тамканъ-бій ⌂, 6) Кипчакъ ⌂, таракъ, по русски гребень, 7) Чурматли-бій у, селякъ, по русски вила, 8) Кирееть-бій ⌂, а сбuriюкъ (?) 9) Мунтанъ-бій ⌂, 10) Мерчанъ-бій ⌂, 11) Буртанъ-бій ⌂, тишиза, 12) Матай *, 13) Хандарь-бій ⌂, чумичъ, 14) Салчутъ-бій ⌂, 15) самово жъ ево, Чингизъ-хана, была тамга ⌂. 1, 8, 9 и 10 тамги изображены въ рукописи неясно, затѣйливыми кривыми, которыхъ нельзя воспроизвести обыкновенными типографскими средствами, почему адѣль и не помѣщены.

¹) Кромѣ этой тамги, у Гродекова, показана у сейкымовъ тамга ⌂ | «кезентамга». Но на стр. 3 у того же автора читаемъ: «у овцѣ и рогатаго скота не выжигаютъ тамгъ, а нарѣзываютъ ухо, правое или лѣвое. Эта зарубка называется эн, кѣз». Не изображаетъ ли кезентамга зарубки у овцѣ и рогатаго скота, а не тамгу?

²) Aus Sibirien, I, с. 279.

ской, то надо полагать, что въ изображеніи тамги чимыровъ въ свѣдѣніяхъ нашего источника произошла ошибка или недоразумѣніе, потому что естественно ожидать, что дулатовскій родъ чимыръ имѣть дулатовскую же и тамгу, особенно, когда отдѣленіе этого самаго рода обладаетъ тамгою именно дулатовскаго типа, какъ и другое отдѣленіе того же чимыровскаго рода самбетъ имѣть тамгу (Г.) также дулатовскаго типа \textcircled{F}' ¹⁾. Что касается тамги рода джанысъ, принадлежащей къ типу рода найманъ средней орды и повидимому даже совершенно съ тамгой послѣдняго одинаковой, то и тутъ вѣроятнѣе ошибочность источниковъ Г. Гродекова, ибо предполагать у джанысовъ найманское происхожденіе нѣтъ пока никакихъ основаній. Весьма постому желательно собраніе подробныхъ свѣдѣній о тамгахъ родовъ чимыръ и джанысъ и ихъ отдѣленій ²⁾.

У колѣна канглы тамга (Г.) | кусеу, кочерга ³⁾), а потому колѣно исты (Г.), у которого, какъ и у родовъ его тиликъ и уикъ (Г.), та же тамга, должно происходить отъ кангловъ.

Тамги родовъ чаишкы (Г.) \textcircled{L} и \textcircled{N} , кол тамга (рука-тамга) и ча-прашты (Г.) \textcircled{T} , состоя изъ сочетанія прямой черты и полуокруга, кажутся указывающими на происхожденіе отъ кангловъ и можетъ быть дулатовъ.

Имя чаишкы можетъ казаться имѣющимъ соотношеніе съ Чапна, именемъ одного изъ 24 внуковъ легендарнаго Угузъ-хана, тамга же Чапна, по Рашидъ-эддину ⁴⁾, та же, что у чаишкы. Преданія объ Угузѣ взяты персидскимъ историкомъ, между прочимъ, вѣроятно у туркменовъ, которыхъ онъ производить отъ 24 внуковъ Угуза ⁵⁾, туркмены же на самомъ дѣлѣ суть потомки кангловъ, или родственнаго имъ колѣна, перешедшаго за Сырь-Дарью въ глубокой древности. Имя Чапна Березинъ производить отъ ча-пак, рубить ⁶⁾. Чапна значится въ числѣ 12 внуковъ Угуза, принадлежавшихъ къ лѣвому крылу и носившихъ имя уч-ук (три стрѣлы): не имѣть ли это имя связи съ именемъ загадочнаго колѣна большой орды у ча-кты, ошакты? Въ числѣ подраздѣленій отдѣленія шерифджуки туркменскихъ

¹⁾ Сходная же съ этой тамга \textcircled{F} приводится Г. у рода бистерекъ (вѣроятно это отдѣленіе одного изъ дулатовскихъ родовъ).

²⁾ У рода бекбулатъ (должно быть это отдѣленіе чимыровъ бекбулатъ «Родосл. таблицы»), по Г., тамга \textcircled{E} .

³⁾ По Низову (1!), у кангловъ тамга \textcircled{F} шиширъ (чумбуръ).

⁴⁾ «Исторія монголовъ. Введеніе», переводъ Березина, 1858 г., стр. 28.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 21.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 225. Вамбери, въ Таварихи-Али-Сельджукъ, читаетъ Чини и изображаетъ тамгу |— (Das Türenvolk, s. 5).

іомудовъ, въ Хивѣ, есть ушакъ¹⁾. У ошакты тамга (Г.) \triangle тумар, амулетъ. Такая же тамга у бактыбаевскаго подъотдѣленія рода нагай букеевской орды, и близкая у рода бершь (М.) малой орды.

Третье загадочное колѣно большой орды сирголы имѣть тамгу (Г.) \triangle сирге, «приборъ изъ дерева, привязываемый на морду жеребятъ, для того, чтобы они не сосали мать». Но В. В. Радлову, сирге значить сорьги (Ohrringen)²⁾. Но Гродекову же, у сирголы есть еще три тамги: $\frac{II}{II}$, $+$ и $\frac{III}{II}$, изъ которыхъ послѣдняя именуется курей тамга. Киргизы называютъ курай всѣ вообще высокорослыхъ травы, употребляемыхъ для топлива. Приведенные тамги сирголы, въ особенности первая, родовая, указываются на ихъ родство съ канглами, кипчаками и даже съ киреями.

У джалаировъ тамга (Г.) $\square\square$ (или $\square\square\square$), таракъ, гребень, вѣроятно то же самое, что тамга у колѣна средней орды таракты (Г.) $\square\square\square$ или $\square\square$. Казанцевъ дасть тамги $\square\square$ и $\square\square\square$ роду табынъ и тамгу $\square\square$ роду тама; тамгу $\square\square\square$ у рода табынъ показываютъ также Левшинъ и Мейеръ. У Потанина тамга рода таракты изображена $\square\square\square\square\square$, но такія частыя черты едва ли возможны въ таврахъ, потому что при выжиганіи должны сливаться. Сходны съ тамгою таракъ сultanскія (Г.) $\square\square$ и $\square\square\square$, у Потанина $\square\square\square$, у Харузина \mathcal{M} и $\square\square$.

Я думалъ было, для сравненій съ тамгами большой орды и кара-киргизскими, привести всѣ извѣстныя тамги родовыхъ дѣлений киргизъ-казаковъ средней и малой орды, а также родовыхъ тамги алтайцевъ³⁾ кундровскихъ и юртовскихъ татаръ и астраханскихъ туркменовъ⁴⁾, и затѣмъ тамги калмыковъ и монголовъ⁵⁾, —которыя между прочимъ подтверждаютъ, какъ и

¹⁾ Vambery—Das Turkenvolk, s. 393.

²⁾ Aus Sibirien, I, s. 226.

³⁾ По акад. Радлову—Aus Sibirien, 1884. I, s. 279, и Г. Н. Потанину—«Очерки сѣверо-западной Монголіи», вып. 2, 1881, таблица XXVI, и вып. 4, 1883 г., таблица I. Къ сожалѣнію оба автора не могли указать костей или родовъ приведенныхъ ими тамгъ.

⁴⁾ Небольсина «Волжское низовье» въ «Журналѣ мин. ви. дѣль», 1852 г., и «Отчѣтъ о путешествіи въ Оренбургскій и Астраханскій краѣ» въ «Вѣстникѣ и. р. геогр. общества», 1852 г., часть 2, стр. 5 и 6. Интересны приводимыя у Палласа (Observations faites dans un voyage entrepris dans les gouvernements m ridianaux de l'Empire de Russie dans les ann es 1793 et 1794 par P. S. Pallas, trad. de l'allemand, t. I, Leipzig, 1799, p. p. 336 et XXIX) тавры абазинъ и кабардинцевъ, которыя имѣются въ тюркскими родовыми тамгами, указывающими на древне-туркское происхожденіе горскаго владѣтельнаго класса.

⁵⁾ «Калмыцкая степь Астраханской губерніи, по изслѣдованіямъ кумо-манычской экспедиціи», Спб., 1868 г., стр. 167—172. У Г. Н. Потанина (см. выше) приведены иѣкоторыя тамги халхасовъ, торгоутовъ, дюрбютовъ, блетовъ, урянхайцевъ, мингатовъ.

имена родовъ и костей, нахожденіе въ составѣ калмыцкихъ и монгольскихъ аймаковъ омонголенныхъ частей почти всѣхъ нынѣшихъ киргизъ-казацкихъ поколѣній,—но отказался отъ исполненія этого предположенія, отчасти вслѣдствіе типографскихъ затрудненій, главнымъ же образомъ по причинѣ недостаточности имѣющихихъ свѣдѣній о тамгахъ средне-ордынскихъ и алтайскихъ по родовымъ подраздѣленіямъ, а также по скучности свѣдѣній о тамгахъ самихъ больше-ордынцевъ и кара-киргизовъ.

Въ родовыхъ тамгахъ малой орды, свѣдѣнія о которыхъ довольно обильны, преобладаютъ производныя отъ прямой черты, образуемыя приставками одной или двухъ прямыхъ подъ острыми углами. Это указываетъ на происхожденіе составныхъ частей малой орды (и отдѣлившейся отъ нея букеевской) отъ кангловъ, тамгою которыхъ служить прямая черта. Дѣйствительно, и по историческимъ даннымъ, кипчаки, изъ потомковъ которыхъ состоитъ главнымъ образомъ малая орда, кажутся отвѣтвленіями или близкими родичами кангловъ, имѣя и тамгу послѣдніхъ или ея удвоеніе. Встрѣчающіяся въ гораздо меньшемъ количествѣ тамги найманскаго и киреевскаго типовъ, а также производныя отъ круга, т. е. дулатовскія, составляютъ безъ сомнѣнія результатъ вступленія въ составъ кипчакскихъ родовыхъ союзовъ частей найманскихъ и киреевскихъ родовъ, вытѣсненныхъ изъ Монголіи въ эпоху Чингизъ-хана и позднѣе; дулатовскія примѣси и тамги могли попасть въ страну кипчаковъ и ранѣе, во времена передвиженій гунновъ, тѣлесцевъ и тюкюесцевъ.

Въ средней ордѣ, занимающей восточную часть страны кипчаковъ, естественно находятся родовые союзы кипчаковъ и позднѣйшихъ пришельцевъ изъ Монголіи наймановъ съ тамгою (Л.) \vee , аргыновъ—тамга (Л. I¹). $\circ\circ$, киреевъ—тамга (Л.) $+$ и (Г.) \times , и конгратовъ съ тамгою (Г.) Γ . Роды башчаковъ, по свѣдѣніямъ Гродекона, для отличія одинъ отъ другаго, накладываютъ общую кипчакскую тамгу на разныя, опредѣленныя для каждого рода, части тѣла животныхъ, напр. родъ торы на шею, родъ узунъ на переднія ноги, и т. д. О тамгахъ отдѣльныхъ аргыновскихъ отвѣтвленій свѣдѣній не встрѣчается. Свѣдѣнія о родовыхъ тамгахъ наймановскихъ и киреевскихъ скучны, о конгратовскихъ почти отсутствуютъ. Между тѣмъ для выясненія этническаго состава киргизъ-казаковъ и монголовъ и ихъ исторіи могутъ быть весьма полезны подробнѣйшія свѣдѣнія о родовыхъ тамгахъ. Значительный и разносторонній интересъ могутъ также представлять для науки родовые тамги якутскія, енисейскихъ татаръ, узбекскихъ родовъ, башкирскія и т. д.

По словамъ перепечатанной въ № 187 «Правительственного Вѣстника»

1894 года изъ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостей статьи «Древніе обитатели Уфимской губерніи», у башкиръ, «при сдѣлкахъ и договорахъ, клеймѣніи граничныхъ деревьевъ, тавреніи скота и вещей примѣнялись особыя, клино- и дуго-образнаго вида, родовыя и семейныя тамги», которые «несомнѣнно принадлежать къ роду звуковыхъ письменъ». Справедливо скорѣе обратное¹⁾: существовавшія съ глубочайшей древности родовыя тамги были позднѣе употреблены въ качествѣ буквъ въ орхонско-туркскомъ алфавитѣ.

Еще Сиасскій (*Inscriptiones sibiriacae*, 1820) указывалъ на сходство знаковъ надписей на Енисѣѣ и въ Алтайѣ съ употребляемыми и нынѣ у сибирскихъ кочевниковъ тамгами или таврами. Напоминая объ этомъ, Вамбери высказалъ предположеніе, что надписи близъ Минусинска, на берегу притока р. Иртыша Смолянки и другія подобныя этимъ суть исчисленія или реестры тѣхъ родовъ, которымъ принадлежитъ право пользоваться пастбищами въ прилежащихъ мѣстностяхъ²⁾). Сличеніе тюркскаго алфавита орхонскихъ надписей не оставляетъ кажется сомнѣнія, что большая часть его буквъ суть тамги, ионыѣ существующія въ киргизъ-казачьихъ родахъ. Такъ, если ограничиться даже тѣми формами, какія имѣютъ употребленные В. В. Радловымъ для напечатанія надписи на памятниѣ Кюль-тегина знаки тюркскаго алфавита³⁾), то окажется, что 29 изъ 38 знаковъ тюрко-орхонскаго алфавита сходны съ нынѣ существующими родовыми тамгами или близки къ нимъ, при чёмъ некоторые знаки представляютъ собою одну и ту же тамгу, только

¹⁾ По мнѣнію г. П. Ефименко («Юридическіе знаки» въ «Журналѣ мин. нар. пропаганды», 1874 года, № 11, стр. 167—169), письмена вообще происходить изъ родовыхъ знаковъ, и таково было между прочимъ происхожденіе тѣхъ чертъ и рѣсовъ, посредствомъ которыхъ читали и считали, по словамъ Черноризца Храбра, «словѣни, поганы суще», т. е. до принятія христіанства. «Чтобы отрицать это, нужно доказать, что вообще родовые знаки возникли послѣ искусства письма и что самыя простыя изъ открываемыхъ надписей обходятся безъ клеймъ. Нагльно, позднѣйшія изысканія и сравненія древнѣйшихъ родовыхъ и домовыхъ знаковъ, открываемыхъ напр. на днахъ жертвенныхъ горшковъ, съ славянскими рунами показываютъ, что многія изъ знаковъ первого рода вошли въ составъ нашихъ рунъ... По словамъ Шафарика, буквы у славянъ назывались мѣтами или мѣтками».—Почти всеѣ знаки составленной Св. Стефаномъ зырянскій азбуки (см. се въ «Исторіи государства россійскаго» Карамзина, томъ 5, 1819 года, примѣчаніе 125) суть тамги, существующія и теперь у тюркскихъ, монгольскихъ и угро-финскихъ племенъ, а потому надо полагать, что означеннія азбуки составлены изъ родовыхъ тамгъ зырянъ и пермяковъ.

²⁾ Das Türkenvolk, 1885, с. 356.—Кастренъ (см. статью академика Шифнера «Объ этнографической важности знаковъ собственности» въ «Ученыхъ запискахъ Академіи наукъ по 1 и 3 отдѣлкѣніямъ», 1855 года, томъ 3, стр. 605) расположены были приписывать начертанія на скалахъ Енисея киргизамъ, «но онъ прибавляетъ догадку, что эти начертанія, какъ и многія другія фигуры на камняхъ, были въ старину знаками и собственности. Эта догадка основана частію на преданіи у татаръ, частію же на томъ, что эти начертанія встрѣчаются на камняхъ, находимыхъ на древнихъ курганахъ».

³⁾ Die alttürkischon Inschriften der Mongolei, St. Petersburg, 1894.

въ разныхъ положеніяхъ; остальные 9 знаковъ, по формамъ своимъ, могли имѣть происхожденіе также отъ тамгъ, хотя именно такихъ изображеній въ числѣ нынѣ известныхъ тюркскихъ и вообще урало-алтайскихъ родовыхъ тамгъ пока не встрѣчается ¹⁾.

Сходство многихъ знаковъ тюрко-орхонского алфавита съ знаками алфавитовъ финикийского, фригійского, ликійского, хитійского ²⁾, — при малой вѣроятности занесенія послѣднихъ съ береговъ Средиземнаго моря въ Монголію ³⁾, —

¹⁾ Нѣть ихъ также въ родовыхъ знакахъ индійскихъ племенъ Америки, сколько можно судить по обширному изслѣдованию (822 страницы, 54 таблицы и 1290 рисунковъ въ текстѣ) *Picture - writing of the American Indians* by Garrick Mallery, помѣщенному въ *Tenth Annual Report of the Bureau of Ethnology to the Secretary of the Smithsonian Institute 1888 — 1889*, Washington, 1893. Въ изображеніяхъ на скалахъ и камняхъ западной части Сѣверной Америки довольно обильны знаки, совершенно сходные съ тюркскими, монгольскими, остатками и т. д. тамгами и клеймами. Такъ много ихъ въ таблицахъ I — XI, на которыхъ помѣщены рисунки изображеній на скалахъ и валунахъ Калифорніи; встрѣчается нѣсколько сходныхъ знаковъ и въ Южной Америкѣ (напр. р. 158). Авторъ находитъ большое сходство изображеній, принадлежащихъ индійскому племени Ojibwa, съ знаками на скалахъ въ Сибири и говорить: *this coincidence is more suggestive from the reason that the totem or dodaim, which often is the subject of those drawings, is a designation which is used by both the Ojibwa and the Tatar with substantially the same sound and significance* (р. 188). Мнѣ кажется допустимымъ посвященіе американскими племенами отъ восточныхъ вѣтвей древней азиатской расы, къ которой принадлежали династии. Существование сношеній сѣверо-восточной Азіи съ сѣверо-западомъ Америки подтверждается китайскими извѣстіями о «стягиванныхъ тѣлахъ» (очен-chin), народѣ, который обиталъ болѣе чѣмъ въ 7 т. ли на сѣверо-востокѣ отъ Японіи и сдѣлалъ известными китайцамъ въ VI вѣкѣ посѣтъ Р. X. (*Ethnographie des peuples étrangers à la Chine*, ouvrage composé au XIII siècle par Ma-touan-lin, traduit du chinois par marquis d'Horvoy de Saint-Denys, t. I, Genévo, 1876, р. 405). Хотя проф. Шлегель полагаѣтъ, что страна татуированныхъ людей (*Wen-chin*) соответствуетъ острову Урупъ изъ числа Курильскихъ острововъ (*Les peuples étrangers chez les historiens chinois*, Leide, 1893, р. 14, extrait du Toung-pao, vol. III, № 14) но, при неопредѣлѣнности китайскихъ извѣстій, пріуроченіе это едва-ли безспорно.

²⁾ См. письмена эти нынѣ въ книгѣ Маспера *Histoire ancienne des peuples de l'Orient*, deuxièmme édition, Paris, 1876, р. р. 600—608.

³⁾ Можно полагать, что тюрко-орхонский алфавитъ составленъ около второй половины VII вѣка посѣтъ Р. X. Такую дату вывожу я изъ двухъ кажущихся на первый взглядъ противорѣчивыхъ китайскихъ извѣстій о письменности у тукюсцевъ: по одному, они «письмены не имѣютъ» («Собрание свѣдѣній» и пр., I, стр. 269), по другому-же, «буквы письма ихъ походить на буквы народа ху», т. е. какихъ-то варваровъ (тамъ-же, стр. 271). Противорѣчіе, по моему мнѣнію, объясняется тѣмъ, что первое извѣстіе взято изъ «Суй-шу», которая составлена между 627 и 643 г.г. знаменитыми учеными и государственными людьми, современниками династіи Суй (581—618 г.г.), имѣвшими достовѣрные источники, почему надо полагать, что у тукюсцевъ въ 581—618 г.г. письма дѣйствительно не существовало и что явилось ею позже, во время династіи Тань (съ 618 г.). Второе извѣстіе взято изъ «Бай-ши». Составлявшіе эту «исторію сѣверныхъ дворовъ» ученые жили во время династіи Тань; окончилъ ее Ли Янь-шеу, началь-же писать еще отецъ его («Собрание свѣдѣній» и пр., I, стр. XVII); если она окончена позже «Суй-шу» (точныхъ свѣдѣній я не нашелъ), то свѣдѣніе о письменахъ у тукюе могло быть помѣщено въ нее составителями на основаніи дошедшіхъ до нихъ свѣдѣній о существованіи письменности у тукюсцевъ ихъ времія.

может служить доказательствомъ самостоятельного составленія съ одной стороны мало - азійскихъ и съ другой — орхонско - тюркскаго алфавитовъ одинаково изъ скотоводческихъ влѣмъ или тамгъ, которая у всѣхъ скотоводческихъ народовъ имѣютъ большее или меньшее сходство, ибо должны удовлетворять, какъ выше сказано, общимъ необходимымъ условіямъ. Изъ числа упомянутыхъ древнихъ письменъ отличаются особою многочисленностью сходныхъ съ тюрко-орхонскимъ алфавитомъ знаковъ хитійскія ¹⁾). Если подтверждится предположеніе о туранскомъ происхожденіи хитійцевъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ станетъ вѣроятнымъ составленіе хитійскихъ письменъ не вообще изъ скотоводческихъ, а именно изъ тюркскихъ родовыхъ тамгъ ²⁾).

Отсутствие въ разматриваемомъ алфавитѣ знаковъ, образованныхъ изъ круга и добавочныхъ прямыхъ чертъ, указываетъ, что онъ составлялся не въ западной Монголіи, не въ средѣ обитавшихъ тамъ тюркскихъ родовъ съ дулатами во главѣ, у которыхъ въ тамгахъ преобладали кругъ съ производными отъ него, а въ восточной Монголіи, на Орхонѣ, откуда найдены и кири, потомки современныхъ алфавиту тукюескихъ и гаогюйскихъ родовъ, вынесли впослѣдствіи въ сѣверную, среднюю и западную части киргизь-казачьей степи тѣ тамги, которая за много вѣковъ раньше послужили материаломъ для письменъ тюркскаго алфавита. Во всякомъ случаѣ, если названія нѣкоторыхъ тамгъ (какъ напр. кульджа-тамга для одной изъ формъ буквы к) или имена родовъ, которымъ они принадлежали, соотвѣтствовали своими на-

¹⁾ См. двѣ таблицы хитійскихъ знаковъ, составленныя майоромъ Conder (On Canaanites въ Journal of the Transactions of the Victoria Institute, v. XXIV, London, 1889) и перепечатанныя въ Tenth Annual Report of the Bureau of Ethnologie, Washington 1893, p. p. 662—664.

²⁾ Хити прибыли въ Каппадокію и отсюда распространяли свою власть на сѣверную Сирію и Киликію тысячи за двѣ лѣтъ до Р. Х. Первые египетскіе фараоны, продрившіе походы въ Сирію между 1800 и 1600 г.г., встрѣтили отпоръ только отъ хити. Договоръ Рамзеса II съ царемъ хити обѣ оборонительномъ и наступательномъ союзѣ есть самый древній известный дипломатическій актъ. «Вмѣсто историческихъ хроникъ, хити оставили намъ беочисленные памятники своихъ побѣдъ... Всѣдѣ (отъ горъ Киликіи до Эгейскаго моря), гдѣ только находились какіе-нибудь стратегическіе пункты, для наблюдения-ли за ущельями и дорогами, или для прикрытия крѣпостей, — хити вытравировывали на окружающихъ скалахъ фигуры своихъ царей и боговъ, сопровождаемыя часто надписями». Хити постепенно ослабѣли, но упоминанія о нихъ и о столицѣ ихъ Гаргамышѣ на Евфратѣ прекратились лишь вѣка за два до новаго вторженія скифовъ въ западную Азію въ 634—627 г.г. до Р. Х., когда они проникали до Египта (Масперо «Древняя история народовъ востока», Москва, 1895 года, стр. 247, 178, 179 и пр.). Conder думаетъ (Hittite Ethnologie въ Journal of the Anthropological Institute of Great Britain, 1888, vol. XVII, p. 155), что финикийскій алфавитъ очевидно происходитъ отъ хитійскихъ іероглифовъ. — Имя х и т и (Khita, какъ пишутъ нѣкоторые англійскіе ученые) напоминаетъ загадочное имя рода малой орды к и т э, хита, китинскаго, съ тамгою въ видѣ креста или знака умно-женія, которые оба встречаются въ хитійскихъ іероглифахъ.

чальными звуками звуковому значению вошедшихъ въ алфавитъ знаковъ— тамгъ, это отнюдь не было общимъ правиломъ, ибо некоторые тамги употреблены въ этомъ алфавитѣ для означения нѣсколькихъ звуковъ, отличаясь только своимъ положеніемъ, тогда какъ тамга, въ какомъ бы положеніи на животное ни накладывалась, называлася и значенія своего не измѣняла.

5) Степень перемѣшанности родовъ большой орды между собою и съ родами другихъ ордъ.

Въ общемъ, разсмотрѣніе киргизъ-казачьихъ родовыхъ тамгъ, изображенія которыхъ не удалось мнѣ привести здѣсь въ желательной подробности и полнотѣ, подтверждаетъ, что тамги родовыхъ подраздѣленій получались посредствомъ добавокъ и видоизмѣненій основной тамги коренного рода или колѣна. Кажется также яснымъ, что изъ такихъ основныхъ тамгъ кругъ съ его производными составлялъ особый типъ тамгъ дулатовъ съ родственными и происходящими отъ нихъ родами, а прямая черта и ся производная, при помощи приставокъ изъ прямыхъ же линій, были типомъ тамгъ кангловъ и кипчаковъ съ происходящими отъ нихъ родами. Къ основнымъ же типамъ тамгъ, вѣроятно, принадлежали уголь наймановъ и прямоугольный четырехугольникъ, а также крестъ, встрѣчающійся у киреевъ.

То же разсмотрѣніе тамгъ показываетъ, что киргизъ-казачи колѣна и роды болѣе или менѣе значительно перемѣшаны, ибо тамги разныхъ типовъ и ихъ производныхъ нерѣдко встречаются въ одномъ и томъ же колѣнѣ, родѣ и даже отдѣленіи въ разныхъ подраздѣленіяхъ.

По приведеннымъ выше тамгамъ, за исключеніемъ сергелы, смѣшанность родовъ въ колѣнахъ и частяхъ большой орды не особенно замѣтна, но это можетъ быть объясняемо малой извѣстностью тамгъ большой орды, которыхъ собраны, и то конечно не вполнѣ, лишь въ предѣлахъ сыръ-дарынской области. Но существование смѣшанности обнаруживаютъ имена родовыхъ частей. Такъ, на основаніи данныхъ, приведенныхъ выше изъ списковъ родовъ большой орды алматинского округа 1865 года, родъ джарты встречается въ качествѣ отдельнѣй у адбановъ (въ родѣ сегизъ-сары) и дулатовъ (въ родѣ джанысъ), баба у адбановъ (бузумъ) и дулатовъ (кашкарау), танатъ у адбановъ (кыстыкъ), дулатовъ (джанысъ) и джалайровъ (андасъ), туреу и т. у адбановъ и сувановъ, кочкаръ у сувановъ, чапрашты и джалайровъ (андасъ), сарымбетъ у адбановъ (альджантъ), дулатовъ (кашкарау) и джалайровъ (сирчи), сирчи у дулатовъ (ботпай) и джалайровъ, кучукъ у

джалаировъ (супотай), чапрашты (исходжа) и дулатовъ (джанысь-выбрай); на примѣси изъ другихъ ордъ указываютъ с юндукъ (изъ аргыновъ средней орды), у адбановъ (айтъ), джалаировъ (кучукъ), чапрашты (исходжа) и у дулатовъ (исты), кирей, кирейкуль и найманбай у адбановъ (кызылбуркъ), джумартъ (наймановскаго колѣна) у джалаировъ (андасъ), джумукъ (колѣна кирей) у адбановъ (бузумъ), тами (малой орды) у адбановъ (конурбуркъ), тазъ и карасакалъ (малой орды) у джалаировъ (кучукъ). Однако приведенные имена не составляютъ и 10% болѣе, чѣмъ двухъ сотенъ именъ родовыхъ подраздѣлений, помѣщенныхъ въ спискахъ, такъ что перемѣшанность родовъ большой орды между собою не велика, а съ родами другихъ ордъ и совсѣмъ незначительна ¹⁾.

6) Поколѣніе сары-уйсунъ и относящіяся къ его происхождѣнію свѣдѣнія.

Сары-уйсуны по тамгѣ оказываются не имѣющими ничего общаго съ дулатами и ихъ родичами, а также съ канглами и прочими киргизъ-казачьими родами (кромѣ киреевъ). Значить они должны быть особаго происхожденія.

Въ спискахъ алатаускаго окружнаго управления 1865 года, въ родѣ сары-уйсунъ показаны слѣдующія отдѣленія: кутлумбетъ (100 киб.), джанай (100 киб.), джулай-танай (100 киб.), джанъ-досай (200 киб.) и кулюкъ и крыкъ (въ обоихъ вмѣстѣ 200 киб.), всего 700 киб. Этихъ именъ не встрѣчается въ родовыхъ дѣленіяхъ дулатовъ и прочихъ частей большой орды,

¹⁾ Цифровое понятіе о степени смѣшанности родовъ большой орды могутъ дать свѣдѣнія о составѣ волостей чимкентскаго уѣзда, помѣщенные на стр. 17—20 книги Н. Н. Гродекова «Киргизы» и пр. (1889 г., Ташкентъ), хотя въ этомъ уѣзда роды, въ силу историческихъ причинъ, наиболѣе, послѣ ташкентскаго, перемѣшаны. Оказывается, что въ составѣ административныхъ волостей преобладаетъ численно одинъ, большую частью, какой-либо родъ. Такъ соймы (всего 4570 кибитокъ) преобладаютъ въ трехъ волостяхъ, но встрѣчаются еще въ четырехъ въ числѣ 93 к., 139 к., 8 к. и 50 к. Подобнымъ-же образомъ распределены джанысы (преобладаетъ въ трехъ волостяхъ) въ числѣ всего 3372 к., чимырь 8334 к., спргелы 4871 к., исты 8521 к. Родъ конгратъ, 4091 к., составляютъ три особыя волости, въ которыхъ только 36 к. чужеродцевъ (аргыны и киреи). Затѣмъ распределены въ волостяхъ, состоящихъ изъ преобладающаго большинства иныхъ родовъ, слѣдующіе больше-ордынскіе роды, чапрашты 94 к., ботшай 274 к., ошакты 527 к., сары-юйсунъ 40 к., ссуванъ (суванъ?) 38 к., адбанъ 239 к., канглы и чанышлы 509 к., джалаиръ 296 к., всего 2017 к. на 19670 к. поименованныхъ родовъ большой орды. Кроме конгратцевъ къ другимъ родамъ принадлежать: къ малой—джагалбайлы 218 к., къ средней—аргынъ 297 к., найманъ 705 к., кычакъ 152 к., кирей 17 к., да сверхъ того кара-киргизъ 20 к. и ходжай 154 к. Выходитъ, что, за исключеніемъ конгратцевъ съ ихъ примѣсью (4127 к.), изъ остальныхъ 23214 к. только 1527 к. иноордынцевъ и иночлененниковъ.

но слово *крыкъ*, иначе *кыркъ* (крк) служить у кара-киргизовъ для означения самого низшаго изъ родовыхъ дѣлений—отдѣлениія или подъотдѣлениія, состоящаго непосредственно изъ семействъ. Такое названіе одного изъ дѣлений рода сары-уйсунъ указываетъ на родственное кара-киргизамъ происхожденіе сары-уйсуновъ или части ихъ. Имя же *кыркъ* однако носить также одинъ изъ узбекскихъ родовъ, обитающій вмѣстѣ съ родомъ *юзъ* (сто, а *кыркъ*—сорокъ) между Ходжентомъ и Яныкурганомъ и южнѣе Пянджекента; отдѣлениія этого рода: *кара-кайлы*, *карача*, *кара-сиракъ*, *чашанашлы*¹⁾. Но вѣроятнѣе не то, что частица узбекскаго рода попала къ сары-уйсунамъ, а то, что и у сары-уйсуновъ, и у узбековъ родъ *кыркъ* одинаково кара-киргизскаго происхожденія, или что сары-уйсунское отдѣлениѣ *кыркъ* находилось въ сборныхъ дружинахъ шейбанидовъ, завоевавшихъ Мавераннагръ подъ именемъ узбековъ, или наконецъ, что названіе рода *кыркъ* лишь случайно сходно съ именемъ отдѣлениія сары-уйсуновъ и произошло отъ слова *кыркъ*, сорокъ, какъ имя союзного съ нимъ рода отъ *юзъ*, сто, безъ всякаго соотношенія къ сары-уйсунамъ и кара-киргизамъ.

Но приведенной мною выше родословной всѣ роды большой орды, кроме *канглы* и *сергелы*, производятся отъ Уйсуна, сына Бахтиара, и затѣмъ также всѣ, за исключеніемъ еще *Джалайра*, ведутъ свое начало отъ правнука Уйсуна *Байлибека*. Сары-уйсуны специально считаются потомками сына *Байлибека* Сары-уйсуна, прочие же роды производятся отъ его братьевъ и племянниковъ. Такое содержаніе представляющей собою выраженіе народныхъ преданій родословной, а также именованіе большой орды *юсуновскою* или *уйсуновскою*²⁾, объясняются всего естественнѣе сохранившимся въ народѣ смутной памятью о томъ, что земли большой орды въ древности были заняты народомъ, носившимъ имя *усунъ*, и что поколѣніе сары-уйсунъ есть прямое потомство этого древняго народа.

Въ настоящее время сары-уйсуны, въ числѣ около 1200 кибитокъ, составляютъ сарытукумовскую волость върененскаго уѣзда семирѣченской области и кочуютъ на лѣвомъ берегу р. Или, отъ р. Курту на сѣверъ до урочища

¹⁾ Aus Sibirien, I, a. s. 225, 226.

²⁾ Хотя названіе это не встрѣчается въ историческихъ источникахъ раньше настоящаго столѣтія, но нѣть причинъ, по которымъ можно было бы отрицать его болѣе раннєе существование. Въ «Описаніи средней орды» капитана Андреева (1785 года) западная часть большой орды называется *у сю н с к о й* волостью, по именамъ же родовъ оказывается состоявшую изъ дулатовскихъ сейкимовъ, джанисовъ и чимыровъ, изъ сергелы, чанчики и пр.

Кара-турангы, въ мѣстности Сары-тау-кумъ¹⁾). Есть еще немногого сары-уйсуновъ въ аульеатинскомъ уѣздѣ сыръ-даринской области и еще менѣе въ чимкентскомъ.

На Зеравшанѣ есть узбекскій родъ уйшунъ, о которомъ г. Гребенкинъ сообщаетъ слѣдующія, между прочимъ, свѣдѣнія: Уйшуновъ въ округѣ (зеравшанскомъ) весьма мало, не больше 500 душъ обоего пола. Всегда ли ихъ было въ немъ такъ мало и какимъ образомъ они очутились въ округѣ— эти уйшуны не могутъ объяснить. По ихъ преданію, они пришли въ округъ еще въ то отдаленное время, когда Самаркандъ брали 92 узбекскихъ племени... Они говорятъ, что кромѣ зеравшанскаго бассейна ихъ нигдѣ больше неѣть. Уйшуны раздѣляются на три отдѣленія: 1) учаклы, 2) кузтамгы и 3) ирганаклы... Пѣсни уйшуновъ и языки ихъ—чисто киргизскіе²⁾).—Учаклы можетъ быть тоже, что ушакты, но кузтамга есть тамга аргыновъ средней орды и ирганаклы или ергенекты есть родъ тоже средней орды. Поэтому съ сары-уйсунами эти уйшуны ничего общаго повидимому не имѣютъ и кажутся прибывшимъ въ дружинахъ шейбанидовъ союзомъ изъ частей родовъ средней орды, образовавшимся подъ главенствомъ какого-нибудь влиятельнаго бека изъ рода уйшинъ. Такой монгольскій родъ, изъ числа дурлигиновъ, упоминается Рашидъ-эддиномъ, по которому въ улусѣ Джучи и въ Персіи были беки изъ этого рода³⁾). Въ «Шейбаніадѣ» говорится объ Али-

1) Въ спискахъ алатаускаго окружнаго управліенія 1855 г. о сары-уйсуновской волости замѣчено: «Родъ этотъ постоянно и весь коочуетъ по правую сторону рѣки Илъ; зимовки имѣть въ горахъ Кюнчузъ, Чуркъ и Ачу-таелы, лѣтомъ же коочуть по долинѣ Терсѣ-акканъ (притокъ р. Кокеу) и по южному склону (горы) Кутуркесъ, мѣшаясь съ другими родами». Перебрались сары-уйсуны на лѣвый берегъ Или въ 1858 году, послѣ учрежденія туркестанскаго генераль-губернаторства, когда р. Или сдѣлалась границею вѣрненскаго и копальскаго уѣздовъ, сары-уйсуны же, считающіеся родичами дулатовъ, не по желали оставаться въ копальскомъ уѣздѣ, гдѣ дулатовъ не было, и перешли на лѣвый берегъ Или въ вѣрненскій уѣздъ, чтобы жить съ дулатами. Кочевки сары-уйсуновъ расположены въ пескахъ (Сары-тау-кумъ значить «желтыхъ песчаныхъ горы»), отличающихся безводицемъ и скучной растительностью, и удобны только для разведенія барановъ и отчасти верблюдовъ; земель для пашень почти неѣть. Поэтому, по свѣдѣніямъ 1885 года, вся волость сѣла только 89 четвертей проса и пшеницы; скота считалось: верблюдовъ 1633, лошадей 2204, барановъ 28239 и рогатаго скота только 188. Число грамотныхъ въ волости наименьшее изъ волостей уѣзда, въ чемъ она сходится только съ кара-киргизскими волостями: 6 человѣкъ на 3483 д. об. пола.

2) «Туркестанскія вѣдомости», 1871 года, № 39.

3) «Исторія монголовъ. Введеніе», 1858 года, стр. 166, 88, 9, 167. Професс. Березинъ замѣчаетъ (тамъ-же): «Племя уйшинъ у Саананъ Сацзана называется укушинъ или уйшинъ... Можетъ быть это имя состоять въ связи съ монгольскимъ укукъ, связка прутьевъ». Одинъ изъ семи хошуновъ, на которые раздѣляется Ордосье, называется ушинъ. «Въ хошунѣ ушинъ мнѣ были названы омохи (роды): уйгурчинъ, ихи-хирсень, бага-хирсень, хархатанъ, хаджируть, тангутуть, харачинъ, тубутуть, харлутуть, актышинъ, солонгосъ, уругъ, онусъ, чжахарь, июкутенъ, хатачинъ, хатычинеръ, бухасъ» (Г. Н. Потанинъ «Тангутско-тибетская окраина» и пр., томъ I, стр. 103).

марданъ изъ рода уйшунъ, а въ «Шейбани-намэ» въ войскахъ Шейбанихана поминается родъ ушунъ¹), такъ что приходъ уйшуновъ съ узеками несомнѣнъ, а это дѣлаетъ вѣроятнымъ и сдѣланное мною предположеніе объ образованіи этого рода изъ мѣстныхъ родовъ въ Дештѣ-кипчакѣ.

Есть еще усыны или (по Я. В. Ханыкову)² уйсыны въ родѣ ногай, букеевской орды³). Тамга ихъ кипчакскаго типа. Вѣроятно и это слѣдъ монгольского рода уйшинъ.

Выясненіе отношеній сары-уйсуновъ къ кара-киргизамъ удобнѣе отложить до разсмотрѣнія родового состава кыргызовъ, въ связи съ происхожденіемъ енисейскихъ кыргызовъ и родственныхъ имъ кара-киргизовъ отъ смѣшнія тюроковъ съ древними обитателями Монголіи и южной Сибири—динлинами, отличающимися свѣтлою окраскою волосъ и глазъ, за которую тюрки именовали потомковъ ихъ, вытѣсненныхъ за Саяны, но сохранившихъ свой языкъ, «пѣгимъ» или нестрѣмъ народомъ, по тюркски ала, у китайцевъ по ма. Здѣсь же считаю не лишнимъ упомянуть о нѣкоторыхъ киргизъ-казачьихъ легендахъ, наводящихъ на мысль о происхожденіи отъ смѣшнія тюроковъ съ динлинами или племенами ихъ расы не только кыргызовъ, но и нѣкоторыхъ киргизъ-казачьихъ племенъ и родовъ.

Такъ какъ по больше-ордынскимъ сказаніямъ у Сары-уйсуна былъ сынъ по имени Калча, то ближайшее отношеніе къ сары-уйсунамъ имѣть приводимое Илью Казанцевымъ сказаніе о происхожденіи киргизъ-казаковъ отъ Калча-Кадыра: Калча-Кадыръ былъ однимъ изъ военачальниковъ проходившей черезъ киргизскую степь арміи какого-то завоевателя; вслѣдствіе изнуренія отъ жажды и голода онъ отсталъ отъ войска и близокъ былъ къ смерти, но его спасла спустившаяся съ неба бѣлая гусыня (каз-акъ); она оказалась доброй пери и сочеталась съ Калча-Кадыромъ; потомки ихъ стали носить имя казакъ⁴). Кромѣ имени Калча сказка эта не обращаетъ ничѣмъ вниманія.

Весьма распространенный между киргизъ-казаками легенды связываютъ происхожденіе народа и ордъ съ именемъ Алаша или Алача⁵). По варианту, приводимому Казанцевымъ же, во владѣніяхъ хана Алача или Алачена стали рождаться «пѣгіе или чубарые люди, называемые (должно быть отъ

¹) Das Türkenvolk, 1885, 8. a. 348, 349.

²) «Записки и. р. географического общества», 1847 года, книжка 2, стр. 37.

³) А. Н. Харузина «Киргизы букеевской орды», вып. I, 1889 года, стр. 37 и 38.

⁴) «Описаніе киргизъ-казакъ». Сиб., 1867 года, стр. 2 и 3.

⁵) Левшинъ, «Описаніе киргизъ-казачьихъ ордъ и степей», часть 2, стр. 28, и Гродековъ «Киргизы» и пр., 1889 года, стр. 2.

осы) ченчакъ (рябые). Ханъ повелѣть лишать жизни матерей, у которыхъ явятся такія дѣти, но и у любимѣйшей жены его родился пѣгій сынъ; ханъ даровалъ ей жизнь, но велѣть выпроводить ее вмѣстѣ съ сыномъ въ степь, «давъ ему въ утѣшеніе кирк-гызъ, т. е. сорокъ дѣвъ», отъ которыхъ «произошло потомство и народъ киргизы» ¹⁾). Этотъ варіантъ интересенъ и происхожденіемъ киргизъ-казаковъ отъ «пѣгаго» человѣка (з а), и указаніемъ на образованіе названія малой орды алчинъ чрезъ сокращеніе имени ала-ченъ, ала-чинъ. Такое же, какъ у послѣдняго, образованіе именъ истрѣчается въ именахъ людей татарскихъ родовъ, по Рашидъ-эддину, который говоритъ, что «всякій индивидуумъ, происходящій изъ этого племени (тутукульютъ), если онъ будетъ мужскаго рода, называется тутукултай, а если женскаго пола, называется тутукуличинъ, изъ племени анчи-татаръ-анчидай и анчинъ» и пр. ²⁾). Еще яснѣе обнаруживается связь имени Алачинъ съ динлинами и пома въ сказаніи Абуль-гази о городѣ или странѣ Алаакчинъ. Приведя узбекскую (туркскую) пословицу—«есть страна, гдѣ всѣ лошади пѣгія, а очаги золотые», Абуль-гази говоритъ, что страна эта находится на устьѣ Енисея (Ангара-муранъ), гдѣ на берегу моря есть большой городъ, въ сѣдѣствѣ котораго водятся высокорослые лошади исключительно пестраго цвѣта и неподалеку находятся серебряные рудники; когда по смерти Чингизъ-хана, страна кыргизовъ «и всѣ тѣ, которыхъ ее окружали», достались Тули-хану и его потомству, то старшая вдова Тули-хана послыала къ Алаакчину отрядъ въ 1 т. войска на судахъ; отрядъ этотъ потерялъ много людей отъ необыкновенныхъ жаровъ въ той странѣ, но подтвердилъ разсказы о необычайномъ обиліи въ ней серебра, котораго не привезъ однако съ собою, потому что суда съ грузомъ не могли плыть противъ теченія на обратномъ пути ³⁾). Дѣйствительно «пѣгій народъ» ⁴⁾), потомки динлиновъ, обитали на Енисеѣ, къ сѣверу отъ кыргизовъ, а потомки пома, енисейскіе остатки, и теперь еще уцѣлѣли въ небольшомъ числѣ на нижнемъ Енисѣѣ. Китайцы упоминали о двухъ владѣніяхъ Динлинъ ⁵⁾): не происходятъ ли старѣшіе роды

¹⁾ «Описаніе киргиз-кайсакъ», стр. 1.

²⁾ «Исторія монголовъ. Введеніе», 1858 года, стр. 51 и 52. По проф. Березину (тамъ-же, стр. 238) ч и нъ есть монгольское окончаніе, означающее женскій родъ въ прилагательныхъ именахъ.

³⁾ *Histoire des Mongols et des Tatares, trad. par Desmaisons, 1874. p.p. 44, 45.*

⁴⁾ По «Танъ-шу», «пѣгій народъ», гю нъ ма у о. Іакинфа, ро-ша и kiao-ма у европейскихъ китайстовъ, иначе назывался ѣ ло чи (Іакинфъ «Собрание свѣдѣній», I, стр. 442) или, по транскрипціи Visdelou, gho-lo-tchi; и то и другое есть очевидно алчинъ на китайской ладѣ.

⁵⁾ *Histoire des Huns etc., Paris, 1756, t. 1, partie 2, p.p. LXXVI, LXXVII.* Одно изъ владѣній Динлинъ лежало на сѣверѣ отъ Кангюя, т. е. отъ земель кангюевъ, а другое на сѣверѣ отъ Уйгуріи, т. е. соответствовало бассейну Енисея.

мадой орды (къ числѣ ея родовъ есть адачъ или адашъ) отъ помѣси тюрковъ съ западными динлинами¹), какъ кыргызы явились продуктомъ метисаціи тюрковъ съ енисейскими динлинами?

На еще болѣе восточную помѣсь съ динлинами намекаетъ приводимое Г. Н. Шотанинымъ киреевское преданіе, по которому киреи происходить отъ Сары-усуна, у которого былъ сынъ Кара-бій, внукъ Абакъ и правнукъ Кирей, а у послѣдняго 12 сыновей, отъ которыхъ пошли 12 родовъ абакъ-киреевъ²). Въ 12 именахъ ихъ нѣтъ ничего сходнаго съ именами родовыхъ дѣлений большой орды и кара-киргизовъ кромѣ имени Чаймоинъ, которое близко къ киргизской кости шимоинъ. Въ именахъ родовъ керайтовъ у Рашидъ-эддина³) значится Сахыять, имя близкое къ имени сагайцевъ на Енисѣѣ и якутовъ (саха). Откуда взялось у киреевъ сказаніе о происхожденіи ихъ отъ Сары-усуна? Какъ попасть къ киреитамъ близкій енисейскому киргизамъ родъ сагай и какимъ образомъ, съ другой стороны, въ XVII вѣкѣ оказывался на Енисѣѣ, между киргизами, родъ керайтовъ, керетцевъ или керельцевъ?

Все это заставляетъ подозрѣвать, что между киреями и кыргызами существовало какое-то родство, по происхожденію ли тѣхъ и другихъ отъ динлиновъ⁴), или по происхожденію части киреевъ отъ кыргызскаго поколѣнія сары-усунъ или ему близко родственнаго, какъ указываютъ и тамги сары-усуней и киреевъ и .

II. Роды и кости кара-киргизовъ.

1) Народныя сказанія о родахъ и происхожденіи кара-киргизовъ.

И у кара-киргизовъ встрѣчаются попытки систематизировать ихъ родо-вѣя дѣленія въ видѣ генеалогическихъ сказаний.

¹) По приводимымъ г. Бретшнейдеромъ (Notices of the Mediaeval Geographic and History of Central and Western Asia etc. London, 1876, p. 174) китайскимъ известіемъ XIII вѣка, книжаки (kin-ch'a) имѣли голубые глаза и рыжіе волосы. Надо думать, что свѣтлая окраска эта была слѣдствіемъ помѣси тюрковъ съ динлинами и финнами.

²) «Очерки сѣверо-западной Монголіи», вып. 2, 1881 года, стр. 3, и примѣчаній, стр. I. Саръ-усунъ по монгольски летучая мышь (тамъ-же), а сары-юсунъ, тоже по монгольски, десять рыжихъ (вып. 4, 1883 года, стр. 670).

³) «Исторія монголовъ. Введеніе», 1858 года, стр. 95.

⁴) Въ числѣ правыхъ притоковъ р. Уды, берущей начало въ хребтѣ Ергизъ-Таргакъ-тайга, есть двѣ рѣчки Кирей (Н. Ф. Катановъ «Побѣзка къ карагасамъ въ 1890 г.», стр. 197 и 200). Не отъ нея-ли имѣ киреевъ, киряитовъ? Приводимое у Рашидъ-эддина («Труды вост. отд.», часть 5, стр. 96) имя керайтскаго рода добутъ указываетъ на примѣсъ самоѣдовъ—туба.

По одному изъ такихъ сказаний, приводимому Воронинымъ и Нирафильевымъ въ «Свѣдѣніяхъ о дико-каменныхъ киргизахъ» конца сороковыхъ годовъ, общимъ родоначальникомъ кыргызовъ принимается, конечно, Кыргызбай, а у него предполагается два сына: Атыгень, занявшій земли въ верховьяхъ Аму-дары и Сыръ-дары, и Тогай, овладѣвшій «окрестностями озера Иссык-куля» ¹⁾.

По легендамъ, сообщеннымъ Голубеву (1859 г.), кыргызы происходятъ отъ ханского сына Кыргыза, бѣжавшаго въ Андижанъ и имѣвшаго двухъ сыновей, которые именовались Аблъ и Кобль; отъ первого пошло крыло онъ изъ поколѣній богу, сарыбагышъ, султъ, черикъ, саякъ, чонбагышъ и джадигеръ, отъ второго—крыло солъ: поколѣнія сару, кокчѣ, мундузъ и китай ²⁾.

По Чокану Валиханову (1856—1859),—который генеалогическая прѣданія киргизъ-казаковъ и кара-киргизовъ признавалъ важными, такъ какъ онъ «представляютъ составъ и образованіе народа»,—изъ «генеалогіи бурутовъ слѣдуетъ, что главную массу ихъ народа составляетъ турецкое племя киргизъ, къ которому присоединились впослѣдствіи два чуждыхъ отдѣла. Одинъ изъ этихъ чуждыхъ отдѣловъ составляютъ роды кипчакъ, найманъ и китай; права ихъ на киргизскую народность въ генеалогической формѣ выражены тѣмъ, что имъ данъ общий родоначальникъ, который поставленъ сыномъ Киргизбая. Другой чуждый отдѣлъ иччиликъ, хотя считаетъ своего родоначальника также сыномъ Киргизбая, но не признается другими родами. Третій отдѣлъ составляютъ настоящіе киргизы, раздѣленные на два крыла—онъ и солъ». Крыло онъ дѣлится на два отдѣла—адгэне и тагай; послѣдній состоитъ изъ семи родовъ: бугу, сарыбагышъ, султу, саякъ, черикъ, чонбагышъ и бассызъ; отдѣлъ адгэне лѣтъ проводить въ горахъ отъ Оша до Кокана; лѣвое крыло состоитъ изъ трехъ маленькихъ племенъ, которые кочуютъ по Таласу: сару, копчи и мундузъ. Найманы, кипчаки и китай, племена, присоединившія къ кыргызскому народу впослѣдствіи, кочуютъ отъ Оша по памирскому плоско-

¹⁾ «Записки и. р. географического общества», 1851 года, стр. 140.

²⁾ «Записки и. р. географического Общества», 1861 года, книга 3, стр. 114. Замѣчая, что дѣленіе на два крыла имѣть соотношеніе къ движніямъ народа, какъ завоевательной арміи, Голубевъ полагалъ, что кыргызы не могли идти на свои нынѣшнія кочевки съ сѣвера, потому что въ такомъ случаѣ ихъ правое крыло (онъ) было бы на западѣ, а не на востокѣ, какъ оно оказывается; поэтому онъ приходитъ къ заключенію, что кыргызы не пришли съ истоковъ Енисея, а «искови составляли особый народъ тюркскаго языка, обитавшій въ мѣстѣ, где и понынѣ кочуетъ» (тамъ-же, стр. 115). Но усунь-киргызы могли прійти въ западный Тань-шань съ юга, чрезъ Юлдузы. Сверхъ того расположение отдѣловъ народа могло меняться вслѣдствіе внутреннихъ и вѣнчанихъ событий и передвиженій.

юрою до Бадахшана; съ ними же кочуют и чкилики и некоторые роды изъ племени адгэне; родъ турайгырь - кипчакъ, подчиняющійся Китаю, кочуетъ въ окрестностяхъ кашгарскаго города Ташъ-малыга. Исчисленные роды раздѣляются на множество поколѣній, каждое изъ поколѣній еще на поколѣнія и т. д. ¹⁾.

По сказаніямъ, слышаннымъ М. И. Венюковымъ (1860), дочь какого-то хана съ сорокой дѣвицами, по возвращеніи домой съ прогулки, нашла свой ауль совершенно разграбленнымъ, и «одно только живое существо встрѣтилось ей—красная собака (кызыль-тайганъ). Отъ нея, по словамъ преданія, забеременѣли всѣ подруги, въ память которыхъ потомство и усвоило себѣ имя кырк-гызъ... Эта легенда пополняется и иногда замѣняется разсказомъ, что царевна и ея подруги забеременѣли отъ пѣни взволнованнаго озера, которую попробовали, послѣ чего родные прогнали всѣхъ преступницъ изъ дома. Долгое время дѣвицы скитались въ пустынѣ съ своей царевной, но наконецъ возстали на нее, какъ на виновницу несчастья, и прогнали за (р.) Чу. Здѣсь бѣдную ханскую дочь нашелъ родоначальникъ всѣхъ киргизовъ и взялъ ее себѣ въ жены, вскорѣ послѣ чего она и родила сына Киргизъ-бая... Онъ много терпѣлъ сначала отъ своихъ братьевъ, которые укоряли его неизвѣстнымъ происхожденіемъ, обѣденъ ими по смерти отца, но наконецъ явился торжествующимъ, когда удалось ему украсть изъ юрты матери колотушку для кумыса и узду—символы первенства... У Киргизъ-бая было два внука: Аблъ и Ковльъ, которые и дали начало родамъ кара-киргизовъ ²⁾.

По разсказамъ аульятинскихъ кара-киргизовъ, «отецъ кара-киргизовъ произошелъ отъ миража (сагымъ). Онъ воцарился между киргизами и женился на одной ихъ дѣвицѣ, отъ которой родилась у него единственная дочь. Отецъ приставилъ къ ней 40 прислужницъ. Однажды ханская дочь вышла съ 40 прислужницами къ большой рѣкѣ, гдѣ замѣтила плывущую пѣну. Созерцая пѣну, дѣвицы услышали слова, исходившія изъ нея: «ты правъ и я правъ» (анталхак менде ак; форма этихъ словъ правильнѣе въ Исторіи коканскаго ханства В. П. Наливкина, стр. 15: ана эльхак мана эльхак — и то истина, и это истина). Дѣвицы изъ любопытства, обмакнувъ пальцы въ пѣну, облизали ихъ, и вскорѣ оказалось, что всѣ ониъ забеременѣли. Хантъ Сагымъ выгналъ ихъ на высокія горы, ибо не хотѣлъ убивать ихъ. Найдя пропитаніе въ горахъ, ониъ родили 40 сыновей и 40 дочерей,

¹⁾ «Очерки Джувгарія» въ тѣхъ-же «Запискахъ», 1861 г., кн. 2, стр. 49, 50, 54.

²⁾ «Путешествія по окраинамъ русской Азіи и записки о нихъ», Спб., 1868 года, стр. 155 и 156. Въ исчисленіи родовъ къ названнымъ у Голубева добавлены быгылъ, монахдаръ и тунгатаръ.

а всего 80 человѣкъ потомства. Эти дѣти, когда выросли, переженились между собою. Народъ, отъ нихъ образовавшійся, сталъ называться кыргызъ (кыркъ-кызъ, 40 дѣвицъ). Кара-киргизы остались жить въ горахъ, а киргизы въ долинѣ. Съ течеіемъ времени, нѣкоторые изъ кара-киргизовъ прославились и оставили по себѣ роды, другіе измѣльчали и, не образовавъ родовъ, исчезли. Имя одного родоначальника было Унгъ (правый), имя другаго Соль (лѣвый). Первый произошелъ отъ дочери хана, а другой отъ дочери визира. Отъ обоихъ произошли кара-киргизскіе роды¹⁾.

По Г. С. Загряжскому, сказаніе о происхожденіи кара-киргизовъ отъ сорока дѣвицъ и рѣжей собаки принадлежитъ казакамъ большой орды; сами кыргизы говорятъ, что происходятъ отъ сорока дѣвицъ, купленныхъ на югѣ для одного богатаго султана и забеременѣвшихъ отъ пѣнъ при купаніи въ какой-то большой рѣкѣ²⁾.

Вообще приведенные легенды о происхожденіи кара-киргизскаго народа представляютъ собою вариаціи на тему сорока дѣвицъ, слѣдя сходству народнаго имени съ словами кыркъ кызъ, сорокъ дѣвицъ, значить на тему, которая истрѣчается уже въ «Юань-ши», китайской исторіи монгольской династіи: «нѣкогда сорокъ дѣвицъ изъ Китая (?) сочетались бракомъ (съ такимъ же числомъ) мужчинъ народа У-сы (U-sze) и такимъ образомъ получили бытіе первые кыргизы³⁾. Къ этой, имѣющей источникъ въ сомнительной этимологіи⁴⁾,

¹⁾ Н. И. Гродековъ, «Киргизы и кара-киргизы сыръ-дарынской области», Ташкентъ, 1869 г., стр. 4. Источникъ сказанія не указанъ, но такъ какъ описание обычаевъ и сказанія, приводимы въ книгѣ, относительно кара-киргизовъ основаны на разспросахъ аулецкихъ кыргизовъ, то надо полагать, что и данная легенда почерпнута у нихъ-же.

²⁾ «Туркестанская вѣдомость», 1874 года, № 41.

³⁾ Schott, Über die achtten Kirgisen, 1865, a. 432.

⁴⁾ Народное имя (какъ указывалъ еще русскій путешественникъ конца прошлаго вѣка Ефремовъ, изобразившій это произношеніе въ формѣ къ и гызъ) выговаривается киргызъ (такъ и по Валиханову, по которому имя свое кара-киргизы «сами произносятъ киргызъ», см. стр. 45 «Очеркъ Джуңгаріи»), а не киркъ, такъ что слово кызъ едва-ли входить въ его составъ. В. В. Радловъ, по поводу узбекскаго рода кыркъ-мен-юзъ, обитающаго между Ходжентомъ и Яны-курганомъ и состоящаго изъ родовъ кыркъ и юзъ, указываетъ на роль юзъ между чернѣвыми татарами въ Алтай и замѣчаетъ, что составъ имени кыргызъ изъ кыркъ и юзъ былъ бы согласенъ съ звуковыми законами тюркскаго языка (Aus Sibirien, I, s. 226). Вамбери (Das Türkenvolk, 1885, s. 261) производить слово кыргызъ отъ кыр (поле, степь) и гызъ (странистовать бродить), такъ что значеніе выходитъ степной кочевникъ (Feldwanderer). По Броневскому («Отечественные записки», 1830 года, часть 41, стр. 400), который, оказывается, заимствовалъ это изъ «Описанія средней орды» капитана Андреева (л. 1 рукописи геогр. общества), — «слово киргизъ-кайсакъ значить въ переводе: ки ръ — степь, гызъ — человекъ, ка я — кто, сакъ — осторожность». Въ дневникѣ Сперанского («Въ память графа Сперанского», Спб., 1872 года, стр. 78) записано: «Ки ръ — степь, гызъ — обитатель. Кыръ — гызъ (такъ обыкновенно говорять на мѣстѣ) есть степной житель. Казакъ есть испорченное ка-

темъ ¹⁾ пристегнуты постороннія и случайныя вставки изъ области восточного фольклора. Только вариантъ о рыжей собакѣ, быть можетъ, имѣть нѣкоторое отношеніе къ кыргызамъ, если видѣть въ этой рыжей собакѣ намекъ на рыжихъ усуней и предковъ ихъ динлиновъ, свѣтлая окраска которыхъ такъ рѣзко отличалась отъ тюркской, что тюрки, подобно китайцамъ, могли ставить ее усунамъ и потомкамъ ихъ въ упрекъ ²⁾).

Однако эти народныя сказанія, какъ и киргизъ-казачыи родословныя, интересны по своимъ указаніямъ на племенной и родовой составъ кара-киргизовъ. По нимъ оказывается, что кыргызы состоятъ изъ родовъ, почитаемыхъ собственно кыргызскими и группирующимися въ два крыла онъ и соль, и изъ четырехъ родовъ или волѣнъ, имѣющихъ чуждое происхожденіе, казакы китай, кипчакъ, найманъ, ичклиекъ.

2) Иноплеменные примѣси. Поколѣніе ичклиекъ.

Родъ китай, кытай, хытай, ктай встрѣчается главнымъ образомъ въ крылѣ соль, на Таласѣ, составляя часть слова караталь подъ именемъ ктай, изъ шести отдѣленій: кейра, тунтугуръ, кара-ктай, турдешъ, актунды и бу-

зы къ—колъ, на коемъ утверждается юрта. Кырь-тызы называютъ себя обыкновенно казакъ, т. е. человѣкъ бездомовой, живущій въ колъяхъ или юртахъ». Г. Н. Потанинъ («Очерки Монголіи», вып. 2, 1881 года, стр. 79, примѣчанія), по аналогіи съ другими названіями костей, окончаніе ыз (въ имени кыргыз) считаетъ не существеннымъ, такъ что имя кости собственно будетъ кыркъ.

¹⁾ Котоны (омонголенные потомки «пашенныхъ бухарцевъ», т. е. сартовъ и таранчей забранныхъ въ волѣнъ калмыцкими князьями) разсказываютъ, что произошли отъ ханской дочери, которая съ 40 дѣвицами находилась въ полѣ и выпила воды съ струйкою крови, отчего забеременѣла, какъ и послѣдовавшая ея примѣръ дѣвушки (Г. Н. Потанинъ «Очерки сѣверо-западной Монголіи», вып. I, 1881 года, стр. 162).

²⁾ По японскому сказанию, айны произошли отъ царской дочери, сосланной съ собакой на островъ Иессо. По китайскимъ исторіямъ, юго-западные инородцы мани произошли отъ собаки и императорской дочери: императоръ Гаосиньши (2435—2375 г.г.) объявилъ, что доставившему голову предводителю гуань-жуновъ, сдѣлавшихъ губительный набѣгъ на его владѣнія, онъ пожалуетъ 1 т. слитковъ золота, городъ съ 10 т. домовъ и свою младшую дочь въ замужество; голову эту принесла, держа въ зубахъ, пятицвѣтная собака Пань-ху; по прошествіи трехъ лѣтъ дочь Гаосиньши родила въ пещерѣ, куда ее унесла собака, 6 сыновей и 6 дочерей, которыхъ сдѣлались предками маней (А. Ивановскій «Матеріали для исторіи инородцевъ юго-западнаго Китая», т. I, ч. I, Спб., 1887 г., стр. ХII, 1—3).—Во всѣхъ трехъ сказаніяхъ собака олицетворяетъ чуждую расу. Въ японской легенды собакѣ соответствуетъ немонгольская длинноголовая сѣверно-азіатская раса, сочетаніе которой съ монгольской обнаруживаютъ въ айнахъ антропологическія и краинологическія изслѣдованія; между тѣмъ динлины, отъ симѣшнія которыхъ съ тюрками произошли кыргызы, принадлежали вѣроятно къ той-же длинноголовой расѣ, какъ айны. Тангуты также производились отъ собаки, ибо въ 725 г. тююсскій Могилянъ-ханъ говорилъ китайскому послу: «Туфанъ отъ собакъ происходитъ» («Собрание свѣдѣній» и пр., I, стр. 336).

геджинъ¹); затѣмъ есть кытай въ наманганскомъ² и андижанскомъ уѣздахъ³ и въ колѣнѣ султу⁴). Самое помѣщеніе ктаевъ въ Александровскомъ хребтѣ указываетъ—откуда они пришли: изъ прилегающихъ къ этому хребту долинъ рѣкъ Чу и Таласа, имя же удостовѣряетъ, что это часть киданей, нашедшихъ убѣжище у кара-киргизовъ послѣ паденія киданьскаго государства въ началѣ XIII столѣтія. Тюрки, какъ извѣстно, именовали киданей китай (въ надписи на памятнике Кюль-тегину 732 г. на Орхонѣ, китай) и это имя перенесли на завоеванныя киданями владѣнія Тановъ; имя Китай для срединной имперіи перешло отъ тюрковъ въ Персію и восточную Европу и утвердилось, между прочимъ, и у насъ. По словамъ гинѣскаго посланника Вукусуя (1220 г.), остатки кара-киданей «приняли обычай и одежду хуй-хэ'севъ»⁵), т. е. осѣдлого населенія средней Азіи. Эта большая часть кара-киданей должна была раздѣлять участъ осѣдлого населенія долинъ Чу и Таласа до второй четверти XIV вѣка, когда оно было истреблено и разсѣяно. Въ это время кидань могли или присоединиться къ мѣстнымъ кочевникамъ (кара-киргизы и канглы), или переселиться за Сырь-дарью съ удалившимися туда сартами и таджиками. Потомками послѣдней части киданей можетъ быть почитаемъ родъ кытай⁶), обитающій на Зеравшанѣ отъ Самарканда до Катырши и на сѣверѣ до Чилека (отдѣленія: сары-кытай, отарчи, канджигалы, вошъ-тамгалы, тараклы, балгалы), будучи перемѣшанъ съ родомъ кипчакъ (отдѣленія: тюртъ-тамгалы, сары-кипчакъ, тогузбай)⁷) и считаясь узбекскимъ.

Кипчаки и найманы прибыли въ Фергану главнымъ образомъ въ XVI

¹) Е. Смирнова «Сырь-Даргинская область», Спб., 1887 года, стр. 324.

²) По словамъ г. Наливкина («Туркестанскія вѣдомости», 1881 г., № 20), въ наманганскомъ уѣздахъ, кроме родовъ багышъ и сару, которые зовутъ себя первый уин и второй суль, «есть еще маленький родъ хытай или, вѣрнѣе (?), кутай (отъ кутъ—задъ, этотъ родъ пришелъ послѣ другихъ), но онъ во всѣхъ отношеніяхъ, въ административномъ и экономическомъ, слился съ отдѣленіями багышскаго рода кутукуз-сандъ и чичарь».

³) Распросный рукописный перечень кара-киргизскихъ родовъ ферганской области, 1891 года, сообщенный мнѣ О. А. Павликовскимъ.

⁴) Aus Sibirien, I, 2. 231.

⁵) «Записки о посольствѣ на западъ», переведенные г. Бретшинейдеромъ въ его Mediaeval Researches, London, 1888, v. I, p. 25—34.

⁶) Не отвергамъ впрочемъ возможности и того, что кидань, по крайней мѣрѣ частію, пришли на Зеравшань гораздо позади, въ узбекскихъ дружинахъ шейбанидовъ, а до того времени кочевали съ канглами и кипчаками. Нижеприводимыя, по В. В. Радлову, имена отдѣленій зеравшанскихъ кытаевъ показываютъ, что составъ ихъ очень смѣшанный: ясно, что къ киданямъ присоединилось много тюрковъ разныхъ родовъ.

⁷) Aus Sibirien, I, 2. 225.

въѣхъ въ ополченіяхъ шайбанидовъ ¹⁾), въ числѣ другихъ узбековъ, но часть наймановъ могла проникнуть въ горы Ферганы еще въ началѣ XIII вѣка, когда войска Кучлука, состоявшія главнымъ образомъ изъ его наймановъ, должны были искать спасенія отъ преслѣдовавшихъ Кучлука монголовъ въ Ферганѣ и окружающихъ ее горахъ. Какъ остальные узбеки Ферганы и Мавераннагра, кипчаки и найманы давно уже, въ болѣшей своей части, ведутъ жизнь полуосѣдлую, въ настоящее же время окончательно обращаются къ осѣдлости. Къ кочевникамъ кара-киргизамъ примыкала только малая часть наймановъ и кипчаковъ, остававшаяся кочевою.

По наиболѣе обстоятельнымъ, изъ имѣющихся пока, свѣдѣніямъ объ алайскихъ кара-киргизахъ Костенка, члена «военно-ученой экспедиціи на Алай», 1876 года, найманы упоминаются только въ числѣ отдѣленій рода и чиликъ. По его словамъ, въ верхней части Алай зимовокъ не бываетъ, лѣтуютъ же кара-киргизы родовъ адыгине и монгушъ. Въ нижней части Алай имѣютъ лѣтовки «ичкилики», зимовки которыхъ находятся въ маргеланскомъ уѣздѣ между Учъ-курганомъ и Мынъ-тюбе. Впрочемъ часть иччиликовъ, именно отдѣленія найманъ и таитъ, зимуетъ около Дараутъ-кургана, по ущелью Алтынъ-дара, въ ущельи Боксу и на Маломъ Алайѣ. Иччилики состоять изъ 20 отдѣленій, изъ которыхъ главнѣйшия: кадырша, канды, найманъ, таитъ, кесекъ, оро, тудусъ (толось?), кара-тейтъ, чал-тейтъ, бостонъ, казыкъ-акъ, кара-саадакъ ²⁾.—Изъ отдѣленій иччиликовъ очень распространены тайты, ибо Гордонъ (1874 г.) называетъ кыргизовъ, кочующихъ въ Сарыколѣ, принадлежащими къ роду тайтъ ³⁾, т. е. таитъ или тейтъ; затѣмъ, по Кушакевичу, въ числѣ 13 отдѣленій кыргизъ ходжентскаго уѣзда рода кисакъ (всего 661 киб.) есть отдѣленіе тейтъ, т. е.

¹⁾ Если и считать горы Аидаханъ кипчакскихъ биографій «Юань-ши» за андижанскія горы, это однако не даетъ основанія полагать Алай отечествомъ кипчаковъ, ибо оттуда, по «Юань-ши», происходила только владѣтельная фамилія, а не народъ кипчакскій.

²⁾ «Военный сборникъ», 1877 года, апрѣль, стр. 372. По кн. А. Волконскому («Отъ Нового Маргелана до г. Бухары», путевые замѣтки, въ «Вѣстникѣ Европы», 1894 года, юль, стр. 133), «зимою глубокій снѣгъ покрываетъ сплошными саванами мертвую долину (Алай). Только въ низовыхъ ея жизнь продолжается круглый годъ: въ боковыхъ ущельяхъ (верстъ на 20 по обѣ стороны отъ Дараутъ-кургана) разбросаны жалкія сакли, въ которыхъ укрывается на зиму отъ непогоды около 150 семействъ колѣна наайманъ вмѣстѣ со своими стадами».

³⁾ Миннель, «Сѣдѣнія о странахъ по верховьямъ Аму-дары», Спб., 1879 года, стр. 151. Троттеръ упоминаетъ о 100 палаткахъ кыргизъ племени сюкъ или саръ въ долинѣ Тагарма въ томъ же Сарыколѣ (тамъ же); это вѣроятно сѣкъ (родъ, вѣтвь) сары кыргизъ.

тейтъ¹⁾; въ Карагинѣ, по г. Ошанину, находятся кара-киргизы родовъ каратаитъ, тупчакъ и кадырша²⁾. Изъ названийъ Костенкомъ отдѣленій ичкиликовъ бостонъ есть родъ басто «Си-юй-ту-чжи»³⁾, въ которомъ считалось, по китайскимъ свѣдѣніямъ, въ 1759 году, 1300 кибитокъ. По тому же источнику, одинъ изъ старшинъ западныхъ бурутовъ заявлялъ китайцамъ о желаніи привести въ подданство бодыхану «200 т. людей орды бурутовъ, разсѣянныхъ отъ Бухары до Востока»: оказывается, что ичкилики, обитающіе частью въ ходжентскомъ уѣздѣ, и теперь распространяются почти до Зеравшана, да и численность всѣхъ кара-киргизовъ вѣроятно была близка къ показанной въ этихъ словахъ Аджи-бія. Кажется, родъ же бостонъ значится въ «Описаніи средней орды» капитана Андреева, 1785 года (рукопись географического общества), подъ именемъ бостумакской волости съ старшиною Ташибекъ-біемъ. По свѣдѣніямъ Костенка, ичкилики своею численностью превосходить втрое число адигине (3145 киб.) и монгушей (1225 киб.)⁴⁾.

Отсутствіе въ именахъ извѣстныхъ подраздѣленій ичкиликовъ имѣть кара-киргизскихъ родовъ и костей удостовѣряетъ ихъ иноплеменность, непринадлежность по происхожденію къ кара-киргизамъ. Наличность родовъ найманъ и кисекъ показываетъ, что составъ ичкиликовъ смѣшанный, ибо найманы принадлежать средней ордѣ, а родъ кара-кисекъ имѣется въ колѣнѣ аргынѣ той-же орды и въ алимуллинскомъ отдѣлѣ малой орды. Возможно, что кисеки пришли въ числѣ шейбанидскихъ узбековъ, какъ найманы. За исключеніемъ наймановъ, кисековъ и небольшаго количества кипчаковъ, о которыхъ будеть сказано ниже, въ именахъ дѣленій ичкиликовъ нѣть извѣстныхъ тюркскихъ племенныхъ и родовыхъ имѣнъ. Поэтому можно съ вѣроятностью полагать,

¹⁾ «Очерки ходжентского уѣзда» въ «Туркестанскихъ вѣдомостяхъ» 1872 года, № 11. Остальные 12 отдѣленій названы: муджай, калиръ, кузылъ-аикъ (у Костенка казыкъ-аикъ, но не будетъ ли и обоихъ случаяхъ кызылъ-аикъ, т. е. красногое), будай-сары, сары-гусаинъ, чукуръ-лакъ, бокса, тагайберды, имъ-кара, ачтычи, чючюкъ и кара-мулла. У Кушакевича приведены затѣмъ имена 5 отдѣленій второго рода ходжентскихъ киргизовъ чапъ-кулукъ и замѣчено вообще, что каждое изъ отдѣленій раздѣляется на множество подъотдѣленій, которые, какъ у кочующихъ узбековъ, носятъ названія по разнымъ родовачальникамъ и измѣняются постоянно. Въ «Сборникѣ материаловъ для статистики самаркандской области за 1887 и 1888 года», Самаркандъ, 1890 г., число кибитокъ рода байкескъ показано 635, рода бикасы барге 617 и чашкудукъ 514.

²⁾ «Карагинъ и Дарвазъ» въ «Извѣстіяхъ и. р. географического общества» 1881 г. стр. 49. Г. Арендаренко («Военный сборникъ», 1878 года, май, стр. 120) относитъ кара-киргизовъ Карагина къ родамъ кисекъ, кисесары, авгатъ.

³⁾ Относящаяся до кара-киргизовъ мѣста этого описанія западнаго края, изданныаго въ 1763 году, переведены Imbault Huart въ его *Documents sur l'Asie centrale etc.*, Paris, 1881.

⁴⁾ «Военный сборникъ», 1877 г., апрѣль, стр. 373.

ЧТО ИЧКИЛИКИ составились изъ сброда разныхъ прѣшельцевъ, не сохранившихъ своихъ народныхъ и родовыхъ именований. Очень можетъ быть, что въ составѣ ичкиликовъ имѣются потомки сейцовъ (вѣроятно самовъ), составлявшихъ населеніе существовавшаго на нынѣ занимаемыхъ ичкиликами и адгене земляхъ владѣвица ханьскихъ временъ Хюсюни, выходцы изъ арійского населенія верховій Аму-дары и Ферганы, а также частицы тибетцевъ, которые нѣкогда распространялись до Памировъ, какъ свидѣтельствуютъ отуреченные остатки ихъ на Керія-дарьѣ (Полу). По Загрижскому, ходжентскіе кара-киргизы въ одѣждѣ и обычаяхъ подверглись сильному вліянію осѣдлыхъ мусульманъ¹). Вѣроятно это вліяніе замѣтно, въ менѣшей степени, и на остальныхъ ичкиликахъ, уже вслѣдствіе нахожденія въ ихъ составѣ сартовъ и гальча. Относительно имени ичкиликъ можно замѣтить, что если оно происходит отъ ичке, коза, то оно оказывается подходящимъ для горцевъ, живущихъ по трудно проходимымъ ущельямъ и въ весьма высокихъ долинахъ, но «ичкиликъ-су» значить «вода для питья»²). Родовое имя и чки встрѣчается нѣсколько разъ въ «Шейбаниадѣ»³), а потому возможно происхожденіе имени союза или группы ичкиликъ отъ имени какого-нибудь вождя изъ рода ички.

Хотя располагавшій возможностью имѣть вѣрнѣйшія свѣдѣнія, Костенко не показываетъ кипчаковъ въ составѣ ичкиликовъ и вообще въ числѣ алайскихъ кара-киргизовъ, но небольшое количество кипчаковъ новидимому есть на Алай и Памирѣ. Такъ, по А. Романову⁴), на Алай зимуетъ 400 кибитокъ родовъ найманъ, таитъ и кипчакъ⁵); по его словамъ, кара-киргизы кипчакскаго рода подъотдѣленій чиля, юру (должно быть это жору Форсита и джуро Костенка, показываемые ими, какъ увидимъ ниже, въ составѣ адгена) и кульчакъ имѣютъ зимовки на уроцищахъ (нижнаго Алая) Еканды и Карамукъ, лѣтовки-же ихъ лежать въ горахъ къ сѣверу отъ Кызыль-су на уроцищахъ Бохвичъ, Кульдукъ и Шиве; подъотдѣленія рода таитъ барги, кизильбашъ, зариѳ-наурузъ и хадыръ-ша (барги есть

¹) «Туркестанскія вѣдомости», 1874 года, стр. 162.

²) «Земледѣліе въ наиманганскомъ уѣздѣ», въ «Турк. вѣд.», 1880 г., № 24.

³) «Библіотека восточныхъ историковъ», изд. И. Березинскаго, т. I, 1849 года, Казань, стр. LIV: «изъ ички Айминъ-хходжа и Сафарь-хходжа, сражавшися у казаковъ, были причиной, что онъ приобрѣлъ власть... Сражавшися у казаковъ: изъ ички — Ягкубъ-хходжа... См. также стр. LXII и LXV.

⁴) «Нижній Алай» въ «Туркестанскихъ вѣдомостяхъ» 1882 года, № 20, стр. 78.

⁵) По свѣдѣніямъ А. П. Федченка, бывшаго на Алай въ 1871 году, («Въ коканскомъ ханствѣ», 1875 года, стр. 149), тамъ «остаются на зиму киргизы рода таитъ и киргизъ-кипчакъ; нынѣ же на Алай кочевали кыдырча, которые теперь откочевали въ шугнанскія горы».

часть адегене, какъ увидимъ ниже) зимуютъ на р. Коксу и въ среднемъ Алай. Онъ-же упоминаетъ, что въ верхнемъ и среднемъ Алай лѣтомъ ко- чуютъ «богатыя семейства родовъ кара-найманъ и канглы и оттузъ-огулы изъ ошскаго уѣзда». — Въ книгѣ *The Pamirs by the Earl of Dunmore* (London, 1893), содержащей описание путешествія на Памиръ, есть глава XXX (vol 2, p.p. 113—122), которая, по заглавію, предназначена для изложенія «исторіи кыргызовъ памирской страны». Тутъ, между прочимъ, помѣщены не лишенныя интереса свѣдѣнія о родахъ памирскихъ кыргызовъ и ихъ воевояхъ: Кыргызское племя этой части центральной Азіи дѣлится на четыре главныхъ рода—найманъ, кипчакъ, таитъ и кисекъ. У наймановъ четыре отдѣленія: кон, busturogas, ширза и киак; первыя два состоять въ русскомъ подданствѣ, ми- за-же и киак въ китайскомъ и обитаютъ на р.р. Kiaz и Charlung (къ востоку отъ Ташкургана) и въ Chakaraghali, Manja, Ditagh и Bulun kul. Кипчаки дѣлятся на три подраздѣленія: сартъ, киргизъ-кипчакъ и кара-бай- таль; отдѣленіе сартъ состоитъ частію въ русскомъ подданствѣ, частію въ китайскомъ и кочуетъ главнымъ образомъ на р. Serds въ кашгарскомъ вѣ- домствѣ; тамъ-же обитаютъ и киргизъ-кипчаки; кара-байталь, которымъ про- чие кыргызы оказываютъ большой почетъ вслѣдствіе ихъ древняго и слав- наго происхожденія, принадлежать большою частію къ русско-подданнымъ, но есть ихъ немногого и въ китайскомъ—по р. Charlung; кара-байталь—ко- была съ обрѣзаннымъ хвостомъ (на самомъ дѣлѣ—вороная, не жеребившаяся еще кобыла по четвертому и пятому году; правда имъ обыкновенно подрѣзываютъ хвосты). Таиты дѣлятся на два клана: кара-таитъ и сартъ-таитъ; первый ко- чуетъ на Каракулѣ, въ Карагашѣ, но зимуетъ въ русскихъ владѣніяхъ и принадлежитъ къ русско-подданнымъ; второй кочуетъ на Мургабѣ, Ранкулѣ и Алай-памирѣ и признаетъ русское и китайское подданства. Кисеки дѣлятся на три небольшихъ клана: бостанъ, кадырша и khang deh; кланъ бостанъ признаетъ на половину русское, на половину китайское подданство и кочуетъ въ Сарыколѣ на Тагармѣ, въ Шахидулла, на Тагдумбашѣ и Алай-памирѣ; кадырша—въ андижанскомъ районѣ, на Ранкулѣ, Мургабѣ и Алай-памирѣ, а khang deh на Алай-памирѣ; оба послѣднихъ клана признаютъ русское под- данство.

Путешествовавшій весною 1894 года, д-ръ Свенъ Хединъ ¹⁾ считаетъ зимующими въ долинѣ Алая около 250 кибитокъ, изъ которыхъ 70 киби-

¹⁾ *Forschungen über die physische Geographie des Hochlandes von Pamir im Frühjahr 1894*, von dr. Sven Hedin, въ *Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin*, 1894, № 4, с. с. 301—303.

төкъ принадлежитъ роду тентъ, 20 киб. родамъ чаль-тентъ и тентъ, 10 киб. роду Тјоjj — тентъ и 120 киб. роду найманъ, роды же остальныхъ 30 киб. не показаны. Киргизы въ Карагинѣ относятся къ родамъ кипчакъ, найманъ и кара-тентъ. Русская памирская волость (по переписи 1892 г. 227 киб., въ которыхъ всего 1055 душъ) состоитъ изъ киргизъ рода тентъ. Ближайшему старшинѣ китайскихъ киргизовъ подвѣдомственно 286 киб., все рода тентъ. Свѣнь Хединъ произвелъ антропологическія измѣренія 27 памирскихъ киргизовъ, такъ что по изданіи ихъ получатся достаточныя антропологическія данныя о родѣ тентъ, обитающемъ на Памирѣ.

3) Поколѣнія праваго и лѣваго крыла, ихъ родовыя подраздѣленія, историческія о нихъ извѣстія и численность.

Крыло оно или правое коренныхъ кара-киргизовъ дѣлится, по Валиханову, на отдѣлы тагай и адгнене. Такое дѣленіе во всякомъ случаѣ не безосновательно уже потому, что адгнене, по своему обособленному положенію въ Алай и въ бассейнѣ Кара-дары, стоять отдѣльно отъ главной массы праваго крыла, расположенной въ западномъ Тяньшанѣ въ бассейнахъ Нарына, Чу и Учъ-турфанскої рѣки. По свѣдѣніямъ Костенка, родъ адъгнене раздѣляется на 14 отдѣленій: бюрю, барге, ольджаке, тауке, кара-варгѣ, сары-варгѣ, тасдаръ (плѣшивые), кокче-углу, ильчебекъ, сартдаръ (осартѣвшіе), савай, джуро, ардай и мунакъ¹). Форсайтъ (1874 г.) имѣлъ свѣдѣнія, что кыргизы дѣлятся на два отдѣла — тагай и адъгнене, и называлъ слѣдующіе роды у послѣднаго: барга, бакаль, мунакъ, савай, жору, жошъ, кокчила²).

По Костенкѣ, вмѣстѣ съ адъгнене лѣтуетъ на Алай и имѣеть зимовки въ окрестностяхъ Оша родъ монгутшъ, состоящій изъ 12 отдѣленій: кудагачинъ, джапалакъ (истребители), тулейкинъ, джоошъ (жирные), джильгельды (весною пришедшіе), сарларъ (желтые), сарай, кокджатыкъ (простаки), сколакъ, тейне, ирк-кашка (лысые баловники) и монголь³).

Имена монгушъ, монкондоръ (въ «Си-юй-ту-чжи»), монульдыръ, мунулдыръ, монылдыръ (все это у Валиханова въ статьѣ «Поѣздка въ Кашгаръ»⁴), монгуддаръ и монгуджаръ (у г. Загражского⁵), молдуръ (у Сѣ-

¹) «Военный сборникъ», 1877 года, апрѣль, стр. 372.

²) «Минаевъ, выше отмѣченная книга, стр. 200.

³) «Военный сборникъ» 1877 года, апрѣль, стр. 373.

⁴) «Извѣстія и. р. географическаго общества», 1868 года, стр. 278—280.

⁵) «Очеркъ токмакскаго уѣзда» въ «Туркестанскихъ вѣдомостяхъ» 1873 г., № 10 и 1874 года, № 45, стр. 178.

верцева¹⁾ кажутся разными производными формами имени монголь²⁾). Это, а также отдельение монголь у монгушей и монгольская форма имени еще двухъ отдельений (кудагачинъ и тулейкинъ), дасть достаточныхъ оснований считать монгушей союзомъ изъ разнороднаго сбора, составившимся подъ главенствомъ остатковъ джагатаидскихъ монголовъ, оставшихся върными кочевой жизни и нашедшихъ убежище въ горахъ между Кашгаромъ и Ферганою послѣ паденія власти джагатаидовъ и въ Кашгарѣ, около XVII столѣтія. Китайцы, въ 1759 году, по «Си-юй-ту-чжи», нашли монгушей (монкондоръ) на нынѣшихъ ихъ мѣстахъ, въ числѣ около 700 семей, подъ управлениемъ Адзи-бія.

Первымъ изъ отоковъ (волостей, родовъ) западныхъ бурутовъ китайцы называютъ эдгена, не указывая ни численности его, ни старшины. Въ описаніи военныхъ дѣйствій 1876 года родъ барга называется главнымъ между алайскими кара-киргизами; тамъ-же упоминаются роды сералякъ и ульджаке, прервавшіе торговыя сообщенія между Ферганою и Кашгаромъ³⁾. Послѣ родовъ баргы (кара-барги и сары-барги очевидно его отвѣтвленія) кажутся коренными-же родами колѣна адгена роды бюрю (вѣроятно отъ бури—волкъ), мунакъ, ардай, савай и пр. Отъ рода бюрю могло произойти имя буруть, которое калмыки, а за ними и китайцы, даютъ всѣмъ кара-киргизамъ. Имя главнаго рода баргы, баргѣ, можетъ имѣть соотношеніе съ именемъ монгольскаго племени баргутъ, которое Березинъ производить отъ монгольскаго барагуиль—правый, западный⁴⁾. Имя ульджаке происходитъ отъ ульджа—добыча⁵⁾. Вообще составъ адгена кажется не столь смѣшаннымъ, какъ монгушей и ичиликовъ.

Отдѣль тагай (слово это значить «двоюродный братъ») праваго крыла состоитъ изъ семи колѣнъ или союзовъ: бугу, сарыбагышъ, султу, багышъ или чонбагышъ, чирикъ, саякъ и бассызъ⁶⁾.

По свѣдѣніямъ 1862 года⁷⁾ и по спискамъ алатаускаго окружнаго управления 1865 года, у бугу значились слѣдующія подраздѣленія: 1) арыкъ

¹⁾ «Путешествіе по Туркестанскому краю», 1873 г., стр. 156, 212, 336.

²⁾ Вѣроятно именно родъ монгушъ значится у капитана Андреева (1785 г.) подъ именемъ иогаиской волости, «въ коей старшина Бирнаваръ-бій».

³⁾ «Туркестанская вѣдомость», 1877 г., № 2.

⁴⁾ «Исторія монголовъ. Введеніе», Спб., 1858 г., стр. 253.

⁵⁾ Тамъ-же, стр. 252.

⁶⁾ Валихановъ, «Очерки Джунгаріи», статья 2, стр. 54. Загражский называлъ еще два колѣна сумурунъ и аесысъ («Турк. вѣдомости», 1874 г., № 45, стр. 178), но не указывалъ ихъ мѣстообитаній. Вѣроятно это не колѣна, а небольшія отдѣловія, о которыхъ впрочемъ иначе упоминаній не встрѣчалось.

⁷⁾ Aus Sibirien, I, с. 232, 233.

или арыкъ-тукумъ съ отдѣленіями кучукъ, ундонъ, серкѣ (сарыкъ, сарыкѣ), 2) баша съ отдѣленіями чонъ-чоро и чильшакъ, 3) бауръ (бѣръ, откуда В. В. Радловъ производить бурутъ) съ отдѣленіями кара-бѣръ и сары-бѣръ, 4) қыдыкъ съ отдѣленіями якшилыкъ, яманбай, тургай, худайбакты, кара-куйтунъ и біюмъ, 5) джильденъ или ельденъ съ отдѣленіями курачбекъ, сары-катынъ и балыкъ, 6) алдіаръ, 7) токачъ, 8) токабай, 9) толубай, 10) токай, 11) сальмене, съ отдѣленіями тогульбай и чокуръ, 12) тынымъ-сентъ съ отдѣленіями шупакъ и аянъ, 13) белекъ съ отдѣленіями шопакъ, миннуратъ, тазабекъ, берназаръ.

О происхожденіи бугу г. Загрижскій слышалъ, вѣроятно отъ сарыбагышъ, такую легенду: одинъ сарыбагышъ, охотясь за маралами, на Нарынъ, въ ущельи Талды-булакъ, попалъ нечаянно въ тоннель, выходящій на Нарынъ черезъ толщу горъ Ала-мышакъ, встрѣтился на полпути съ рогатымъ животнымъ и застрѣлилъ его. Потомъ оказалось, что это былъ не олень, а человѣкъ съ рогами, похожими на рога марала. Невольный убійца искупилъ свою вину женитьбою на сестрѣ убитаго, которая имѣла такие-же рога; отъ нихъ и пошли богинцы. Сами богинцы говорятъ, что у сына Тагая Кальджира былъ сынъ съ рожками на головѣ, почему отецъ и назвалъ его Бугу: отъ него и произошли они ²⁾.

У капитана Андреева (1785 г.) значилась бугинская волость съ старшиною Бирназаръ-бемъ и айльденъ кисейская волость съ старшиною Шапакъ-бемъ. Этотъ Бирназаръ-бій долженъ быть тотъ самый, который, по преданіямъ, слышаннымъ г. фонъ-Герномъ (1877 г.), привелъ богинцевъ на Иссыкъ-куль изъ Ферганы послѣ паденія цзунгаровъ ³⁾). Отъ него, надо полагать, пошло имя отдѣленія бирназаръ, какъ отъ имени Шапакъ-бія—отдѣленіе шопакъ; послѣднее, судя по названію волости у Андреева, должно было составиться первоначально изъ родовъ ельденъ и кисекъ. Валихановъ ⁴⁾), въ 1859 году, находилъ тынымъ-сентъ кочующими на Большомъ и Маломъ Нарынахъ подъ управлениемъ семейства Мамеке-Шопакъ. Нынѣ бугу занимаютъ пржевальскій уѣздъ, кочуя въ бассейнахъ Иссыкъ-куля и верховьевъ Нарына до земель чириковъ и китайской границы, въ числѣ 15210 киб.

¹⁾ По одной изъ вѣдомостей 1865 года, родъ белекъ состоялъ изъ сальмене и джаркы, а въ послѣднемъ отдѣленіи алдашъ, алдааръ, толубай, токай, токачъ, и особо показанъ алдышъ изъ отдѣленій шопакъ, бирназаръ и миннуратъ.

²⁾ «Туркестанскія вѣдомости», 1874 года, № 41.

³⁾ «Семипалатинскія областныя вѣдомости» 1890 г., № 33, стр. 370.

⁴⁾ «Извѣстія И. Р. Геогр. Общ.», 1868 г., стр. 280.

По свѣдѣніямъ 1862 года, колѣно сарыбагышъ состояло изъ пяти союзовъ или поколѣній: исенгуль (прежде, по Бардашову, булатъ), ассыкъ, тынай, чирикчи (прежде темиръ) и иадырбекъ. Въ поколѣніи исенгуль значились роды: ассыкъ, иссыкъ, чертики, чагалдакъ, абра, сабаръ, чичай, тастаръ, калмакъ, джантай, едигерь, аюка, монгулдуръ, ярбанъ, етигенъ, башъ-кюрель, и въ поколѣніи ассыкъ: косугунъ, бучманъ, бура и бай-кючукъ. По «Си-юй-ту-чжи», отокъ сарыбакашъ былъ подвѣдомственъ иѣсколькимъ старшинамъ, изъ которыхъ главный носилъ имя Чирикчи. У капитана Андреева значится волость а текай-багышская, въ которой старшина и князь или бѣй Атекай: это Атеке, сынъ бія Тынай, который привелъ сарыбагышей, по ихъ преданіямъ ¹⁾, изъ Ферганы на Чу, послѣ покоренія цзунгаровъ китайцами. Названія поколѣній видимо произошли отъ именъ основателей родовыхъ союзовъ. Г. Загряжскій называется у сарыбагышей отдѣленія тынай, чирикъ, исенгуль, бурукчи, джитыкуль и калмаке и показывается въ отдѣленіи тынай подраздѣленія: собственно тынай и тульку ²⁾. Сарыбагыши нынѣ обитаютъ въ пишпекскомъ уѣздѣ въ числѣ до 9 т. кибитокъ.

По г. Загряжскому, султу дѣлятся на толканъ и булюкпай; въ первомъ есть подраздѣленія чонъ-багишъ, учъ-багишъ, канай, иса-ходжа, карбузъ ³⁾; есть еще, по этому-же источнику, отдѣленіе куиту ⁴⁾. Въ аульеатинскомъ уѣздѣ ⁵⁾ имѣются подраздѣленія султовъ: кунту (должно быть это правильное произношеніе куиту Загряжскаго, khangdeh у кисековъ Памира графа Дунмора), чалпакъ (чильпакъ?), каракчи, толканъ. У капитана Андреева упоминается волость солтинская съ старшиною Гашибекъ-біемъ. Нынѣ султу занимаютъ западную часть пишпекскаго уѣзда, въ числѣ 8638 киб., и Александровскій хребетъ въ аульеатинскомъ уѣздѣ въ числѣ, приблизительно, около 3 т. киб., такъ что численность султу вообще простирается до 12 т. кибитокъ.

Колѣно багышъ или чонбагышъ обитаетъ главнымъ образомъ въ Ферганѣ, на склонахъ Наманганскаго хребта. По словамъ г. Наливкина, въ наманганскомъ уѣздѣ кыргызовъ два рода—«багышъ и сару; первый называетъ себя унъ, второй суль. Оба рода считаютъ себя выходцами изъ Алая, причемъ багышъ пришли сюда раньше сару, отчего и получили на-

¹⁾ Загряжскій въ «Турк. вѣд.», 1874 года, № 41.

²⁾ «Турк. вѣд.», 1874 года, № 45, стр. 178.

³⁾ Тамъ-же. Имя Карбузъ носилъ манапъ, убитый въ стычкахъ съ Кенисары.

⁴⁾ «Турк. вѣд.», 1871 г., № 2, «Замѣтки о народномъ самоуправлѣніи».

⁵⁾ Смирновъ, «Сырь-Дарынскія области», 1887 г., стр. 324.

звание унъ». Тотъ-же авторъ упоминаетъ у багишней отдельенія кутлукъ-сөндъ и чичарь ¹⁾.

Чирики занимаютъ бассейны р. р. Атбаси и дѣлились, по свѣдѣніямъ 1866 года, на четыре отдельенія. Первое изъ нихъ—карагуль—подраздѣлялось на нагай, кончай и назарь; второе—сазанъ—дѣлилось на тагай и сары-кюбентъ, третье—учъ-тамга—на четыре подраздѣленія: бакты, кызыль-тогумъ, дуванъ и сарыча; четвертое—акъ-чувакъ—подраздѣленій не имѣло ²⁾. Китайцы, въ 1759 году, нашли отокъ дзирикъ (чирикъ) съ старшиною Юмат'омъ, въ числѣ 200 семей, между западными бурутами. По Валиханову, въ 1859 году, до 1300 кибитокъ чириковъ находилось въ коканскомъ подданствѣ на Атбашѣ, Арпѣ и Аксѣ; до 1500 киб. на учъ-турфанской рѣкѣ подчинялось китайцамъ и вѣдалось біемъ Турдуке ³⁾. Нынѣ въ двухъ волостяхъ пржевальского уѣзда числится 2500 киб.

О родѣ бассызъ или басысъ свѣдѣнія очень скучны. По барону А. В. Каульбарсу (1869 г.), «система Джаманъ-давана и отроги у его подошвы населены родомъ басысъ» ⁴⁾. Загряжскій говорить, что «около Аниджана кочуетъ родъ басысъ; этотъ-же родъ входитъ въ составъ волости саяковской» ⁵⁾. Валихановъ упоминаетъ о покореніи рода бассызъ въ 1832 году коканцами, въ числѣ другихъ нарынскихъ кочевниковъ, и о томъ, что въ 1859 году родъ этотъ платилъ зятеть въ укр. Куртку ⁶⁾.

Саяки занимаютъ нижнюю половину Нарына. По «Си-юй-ту-чжи», въ 1759 году, волость саякъ, повиновавшаяся многимъ вождямъ, изъ которыхъ старшій носилъ имя Туркебай и найденъ былъ китайскими офицерами на ур. Джумганъ (р. Джумгалъ), состояла приблизительно изъ 1000 семей. У капитана Андреева поминается саякская волость, «въ коей старшина Гадай». Валихановъ (1859 г.) изъ подраздѣленій саяковъ называетъ чора, которыми правиль Османъ сынъ Тайляка, кульчугачъ, у которыхъ управлялъ Тюлеко, и иманъ съ старшиною Байтуры; въ вѣдѣніи Куртки находилось до 600 киб. саяковъ ⁷⁾. Подраздѣленія саяковъ по Загряжскому: тункаторъ, бишъ-кемпиръ, кульчугачъ, курманъ-ходжа, тюнтай, чура. Главные кара-киргизскіе роды

1) «Киргизы наманг. уѣзда» въ «Турк. вѣд.», 1881 г., № 20.

2) Дѣло канцеляріи симпладинскаго губернатора 1866 г. № 88. Численность чириковъ предполагалась въ 1866 г. преувеличенно въ 6 т. к.

3) «Извѣстія и. р. географическаго общества», 1868 г., стр. 280.

4) «Материалы по географіи Тяньшана» въ «Запискахъ геогр. общ. по общей географіи», томъ 5, стр. 535.

5) «Туркестанскія вѣд.» 1874 г., № 41.

6) «Путѣжка въ Кашгаръ», стр. 279 и 280.

7) Тамъ-же, стр. 280.

всегда относились къ саякамъ съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ и считаютъ ихъ происходящими не отъ законной жены Тагая, а отъ наложницы. Около 1863 года, саяковскій манапъ отдѣленія чонъ-чура похитилъ высоватанную сыномъ султанскааго манапа Джанкарача невѣсту; хотя отецъ дѣвушку предлагалъ Джанкарачу получить обратно калымъ со штрафомъ или взять другую дѣвушку, но сultы приналисъ грабить саяковъ, въ чемъ имъ охотно помогали сарыбагыши. Потерявъ весь свой скотъ и множество плѣнныхъ, саяки (въ числѣ 350 киб. изъ 5500 к. отдѣленія кульчугачъ и 3000 к. отдѣленія курманъ-ходжа) бѣжали за озеро Чатыркуль, но ихъ преслѣдовали и тамъ. По взятіи г. Аульеата, генералъ Чернаевъ пригласилъ саяковъ вернуться въ ихъ кочевья, но когда они пошли, то на нихъ напали коканскіе кыргизы. При окончательномъ подчиненіи нарынскихъ кыргизовъ и при образованіи волостей, въ 1868 году, русскимъ начальствомъ было освобождено изъ рабства у сultовъ и сарыбагышей болѣе 2 т. кибитокъ саяковъ ¹⁾). Подтверждаемое всѣмъ этимъ инородное происхожденіе саяковъ и сходство ихъ имени съ сакъ и сагай побуждаютъ считать ихъ остатками древнихъ кочевниковъ западнаго Тяньшана се'йцевъ, какъ бассызы являются, быть можетъ, осадкомъ пребыванія смѣнившихъ се'йцевъ въ той-же мѣстности юечжайцевъ. По «Хань-шу», «между усуньцами находятся отрасли племенъ сескаго и юечжискаго». Дѣйствительно, горныя мѣстности нижняго Нарына и Джаманъ-даванъ, по своей труднодоступности, могли служить лучшимъ убѣжищемъ для частей вытѣснявшихъ изъ Тяньшана одинъ за другимъ народовъ.

Крыло солъ, состоящее, по Валиханову, изъ родовъ сару, коще и мундузъ, обитаетъ главнымъ образомъ въ верховьяхъ р. Таласа, въ аульеатинскомъ уѣздѣ. По г. Смирнову, оно считается своимъ предкомъ Кугула, брата Токая, и состоитъ изъ родовъ (союзовъ): кыркъ-кугуль, муратъ-али, тогайберды, менды (джеты-ру), тунтуртъ, кулпашъ, тазанай, мундузъ и караталь. Изъ нихъ въ родѣ кыркъ-кугуль слѣдующія отдѣленія: бишкабакъ, машакъ, кельдей, узунбутъ (на Алай); у рода муратъ-али названа вѣтвь алакчинъ, а въ ней отдѣленія: сатыкай, ульджачи, бургемекъ и бопшонинъ; у тогайберды отдѣленія: кенджечегиръ, боласору, назарбекъ и бостанъ; у менды: булекталь, сакау, оготуръ, кашкатаманъ, кызылъ-кулакъ, балыкчи и джульдажасы; у караталь три вѣтви: ктай, кощи и джувашъ; шесть отдѣленій ктай приведены уже выше; отдѣленія кощи: тагайматъ, канетениъ (?), тлеукабынъ (тлеукабылъ?) и байсайдъ; у джувашъ два отдѣленія: сабатарь и кайнаzarъ ²⁾).

¹⁾ «Туркестанскія вѣдомости», 1874 года, № 45.

²⁾ Е. Смирновъ, «Сырь-даринская область», Спб., 1887 года, стр. 324.

Имена сару въ этомъ исчислениі родовъ и ихъ подраздѣленій отдала соль почему-то не оказывается, хотя названы нѣкоторыя, вочующія въ Ферганѣ, на Алай. Ульджачи конечно то же отдѣленіе, что ольджаке у адгена, а болстанъ одинаково съ бостонъ у ичкликовъ ¹⁾.

«Си-юй-ту-чжи» не даетъ именъ родовъ, найденныхъ въ 1759 году китайцами на Таласѣ, въ числѣ до 4 т. семей, подъ начальствомъ нѣсколькихъ вождей, изъ которыхъ старшаго звали Майтакъ. Зато капитанъ Андреевъ (1785 г.) называетъ три волости, которыя должны были принадлежать крылу соль: кокшинскую (должно быть кощи), въ «коей старшина Иваула-бій, витай—Муса-бій и сару, въ коей старшина умершаго Садыкъ-батыра сынъ Саитъ-батыръ».

Такъ какъ по свѣдѣніямъ г. Смирнова (1885 г.) въ аульеатинскомъ уѣздѣ всего кара-киргизъ 47,800 душъ об. пола, т. е. полагая по принятому тамъ разсчету 5 душъ на кибитку, 9560 кибитокъ, то за вычетомъ изъ этой цифры около 3 т. киб. султовъ, цифра крыла соль опредѣлится около 6560 киб.

Считаю не лишнимъ привести, что, по сообщенному мнѣ О. А. Павликовскимъ разспросному перечню родовыхъ подраздѣленій кара-киргизъ, Ферганы (1891 г.) значатся въ наманганскомъ уѣздѣ между прочими: кыркъ-угулъ, чичарь, мундузъ, кущи, китай, сатыкай, кельдей, сакау, уготуръ, мачакъ, чирикъ, акъ-чубакъ, атбасарь, юлъякши (это другое произношеніе джуль-джаксы — добрая дорога), багринъ, гуркреу, чуткара, барги, пишкандеръ, тулийкинъ и пр.; въ ошскомъ уѣздѣ: бури, барги, кара-барги, сары-барги, ташъ-барги, тауке, савай, мунакъ, ульджаке, куч-оглы, сартляръ, юашъ (джувашъ тоже), ачаджуры, баканъ, булатъ, ходжебекъ-оглы и пр.

Численность кара-киргизовъ по родамъ приблизительно слѣдующая:

Крыло онъ.

Отдѣль тагай.

Бугу	15.111	кибитокъ
Сарыбагышъ.	8.973	»
Султу	11.638	»

¹⁾ Имена алакчинъ, кызыль-кулакъ и караталь кажутся тождественными съ именемъ всей малой орды алчинъ, съ именемъ отдѣленія кузанъ-кулакъ бухсеевскаго рода ногай и съ каратальцами Ремезова («Земли каратальцевъ» въ «Чертежной книгѣ Сибири»). По трудности предполагать, что эти роды попали въ верховья Таласа изъ малой орды, естественнѣе думать, что и въ малую орду, и въ крыло соль части родовъ или костей съ этими именами поступили во время нахождения родовъ будущей малой орды и крыла соль въ средней Монголии.

Чирикъ	4.015	кибитокъ.
Багышъ	3.000	»
Саякъ	7.427	»
	50.164	»

Отдѣлъ адгене.

Адгене	3.145	»
Монгушъ	1.225	»
Ичкиликъ	13.943	»
	18.313	»
<i>Крыло солз</i>	9.029	»
Всего	77.506	киб. ¹⁾).

4) Кости кара-киргизовъ и ихъ происхожденіе.

Левшигъ принималъ номенклатуру и послѣдовательность родовыхъ дѣлений киргизъ-казаковъ въ такомъ видѣ, что весь народъ дѣлится на орды, орды на поколѣнія (напр. въ большой ордѣ уйсюнъ, тулатай и саргамъ), поколѣнія на роды (въ поколѣніи тулатай: ботпай, чимыръ и пр.), роды на отдѣленія; «отдѣленія состоять изъ частей; эти послѣднія опять имѣютъ свои подраздѣленія, и всѣ подъ особыми наименованіями... Какую огромную книгу составила-бы распись всѣхъ сихъ подраздѣленій въ трехъ ордахъ!»

1) Цифры бугу и сарыбагышей взяты изъ «Обзора» семирѣченской области за 1885 г. Султу, по тому-же источнику, 8638 к.; добавлено находящихся въ аульеатинскомъ уѣздѣ 3000 к. Чириковъ по тому-же «Обзору» 2515 киб; добавлено приблизительно въ китайскихъ предѣлахъ 1500 киб. Саяковъ, по тому-же «Обзору», въ семирѣченской области 5335 киб.; добавлено 2092 к., перечисленный ранее въ ферганскую область. Цифры адгене и монгушъ показаны по Костенко. Число кибитокъ въ ферганской области принято въ 22000 киб. съѣду И. Яворскому («Опытъ медицинской географии и статистики Туркестана», Спб., 1889 г., стр. 320), который показываетъ общую цифру кара-киргизъ области въ 110000 д. об. пола. За отчисленіемъ изъ 22000 к. саяковъ и багышей (5092 к.) и адгене съ монгушами (4370 к.) остается на ичкиликовъ и крыло солзъ 12.538 к. Соль въ ферганской области можно предположить равнымъ числу кибитокъ въ наманганскомъ и чустскомъ уѣздахъ по свѣдѣніямъ 1881 года (5469 к.) за вычетомъ багышей (3000 к.), т. е. 2469 к., съ добавкою-же 6560 к. аульеатинского уѣзда соль получится 9029 киб. Къ оставшимся (изъ 12538 киб.) на долю ичкиликовъ ферганской области 10.069 киб. надо добавить 1874 киб. ходжентского уѣзда (по «Сборнику материаловъ для статистики самаркандской области за 1887 и 1888 г.г.», Самаркандъ, 1890 г.), приблизительно 1000 к. въ бухарскихъ владѣніяхъ и 1000 к. въ китайскихъ.

Такъ какъ «съ размноженiemъ народа киргизскаго увеличивается въ немъ число новыхъ подраздѣлений, а первоначальный названія поколѣній мало по малу приходятъ въ забвение», то Левшинъ отказался поименовывать отдѣленія родовъ и дальнѣйшія подраздѣлія, выражая мнѣніе, что «лѣтъ черезъ сто большая часть вычисленныхъ названій отраслей киргизскаго народа останется только въ нашихъ архивахъ и въ памяти немногихъ старожиловъ¹»).— Еще далѣе идетъ Г. С. Загражскій относительно родовъ у кара-киргизовъ: «Принадлежность киргиза къ тому или другому роду не есть постоянная, неизмѣнная. Стоитъ кому-нибудь изъ нихъ перекочевать, напр. изъ земли сарыбагышъ къ султамъ, онъ уже не называется сарыбагышемъ, а становится султомъ; перейдя къ саякамъ, становится саякъ. Здѣсь разумѣются добровольныя перекочевки, а не случаи плѣна или рабства, когда киргизы сохраняютъ имена прежнихъ родовъ. Но это можно сказать только о простомъ народѣ, о бухарѣ... Раздѣленіе на роды сохраняютъ манапы я строго его держатся. Появленіе новаго отдѣла зависитъ отъ появленія новаго батыря; около него собирается дружина удальцовъ, его именемъ прикрываются нѣсколько бѣдняковъ и называются себя его дѣтьми; отсюда происходятъ названія: дѣти Кана, Карабека, Карбуза, Сарыбагыша и. т. д. Отецъ передаетъ сыну свой народъ, который онъ успѣваетъ связать съ собой привычкой, грабежомъ, общими счетами по барантѣ, и вотъ является новый родъ: канай, карбузъ и т. д. Появленіе многихъ новыхъ родовъ очень недавнѣе—одно-два поколѣнія; даже теперь формируются новые роды. Такъ отдѣленіе канай распадается на три: байтыковы дѣти, башкаевы дѣти и байсентовы дѣти. Колѣна башкаевъ и байсентовъ отошли на Таласъ и потому два послѣднія отдѣленія часто носятъ общее название башка-байсентъ. Манапы, отъ имени которыхъ начинаютъ теперь различаться нѣкоторые новыя кара-киргизскія отдѣленія, все живы и все родныя дѣти Кана... Отдѣль куиту распадается на два: куиту-азаматъ и куиту-базаркуль, по имени современныхъ уважаемыхъ біеъ. Всего въ отдѣль куиту около 600 кибитокъ. Часто приходится слышать фразу: Байты-баласы, Корчи-баласы, но это не означаетъ, что идетъ рѣчь собственно о дѣтяхъ Байтыка или Корчи, а имѣеть смыслъ собирательный: тутъ надо

¹) «Описаніе к.-казачьихъ ордъ и степей», Спб., 1832 года, часть 3, стр. 5, 6, 10. О многочисленности родовыхъ подраздѣлений можно судить, напр., по тому, что, по свѣдѣніямъ Ильи Казанцева («Описаніе киргиз-кайсакъ», Спб., 1867 года, стр. 62), пользовавшагося дѣлами канцеляріи оренбургскаго генерал-губернатора, въ сороковыхъ годахъ, въ байулинскомъ отдѣль меньшой орды считалось 12 родовъ, 55 отдѣлений, 64 подъотдѣлія, 15 колѣнъ; въ алмулинскомъ—6 родовъ, 23 отдѣлія, 95 подъотдѣлій, 26 колѣнъ, и въ семиродскомъ—7 родовъ, 45 отдѣлій, 35 подъотдѣлій и 15 колѣнъ (подраздѣлений подъотдѣлений).

разумѣть всѣхъ киргизъ, кочующихъ съ Байтыкомъ, Корчи и пр. Иногда кара-киргизы на барантѣ, изъ уваженія къ предводителю, кричать ими его отца, хотя родъ и имѣть уже свой боевой крикъ. Если у такого батыря есть уже взрослые сыновья, подручные братья, племянники и т. д., то и они на барантахъ кричать ими дѣда, а не своего рода. Такъ киргизы, ограбившіе меня въ 1868 году, кричали Тайлякъ (имя отца Османа, предводителя баранты), хотя родовой кличъ ихъ Чурай... Дѣти Байтыка принали кликъ Канай, хотя родовой кликъ байтыковцевъ Толканъ... Есть еще и другое начало, по которому появляются новые роды: по обычаю киргизъ браки между родственниками не дозволяются до шестого колѣна включительно, по прямой линіи. Поэтому съ шестого прямаго потомка и его братьевъ начинаются новые отѣлія» ¹⁾.

Мнѣнія Левшина и Загражского справедливы только отчасти. Дѣйствительно часть новыхъ, особенно мелкихъ, подраздѣленій чрезъ нѣкоторое время исчезаетъ и имена ихъ забываются, но нѣкоторыя подраздѣленія удерживаются на многіе вѣка. Таковы напр. «поколѣнія» (по номенклатурѣ Левшина) дулать, найманъ, кипчакъ и пр. Даже дѣленія поколѣній «роды», названные напр. у Рычкова, въ первой половинѣ XVIII вѣка, все сохраниются и теперь, значитъ полтора уже вѣка, хотя и во время Рычкова считали уже много вѣковъ своего существованія. Имена поколѣній, родовъ и многихъ дальниѣшихъ подраздѣленій у узбековъ въ Мавераннахрѣ держатся уже четыре вѣка, не смотря на малочисленность большинства изъ нихъ. Хотя именуемыя родовыми единицами (поколѣніями, родами, отѣліями и пр.) общественные группы или союзы киргизъ-казаковъ и кара-киргизовъ состоять изъ семействъ часто разнаго кровно-родового и даже племеннаго и народнаго происхожденія, но нѣкоторыя изъ этихъ группъ въ основѣ своей ²⁾ принадлежать все таки и по кровному происхожденію въ одному племени или подплемени, а часто и къ одной его кровной вѣтви, имѣя постороннія примѣси лишь въ такихъ количествахъ и съ такимъ значеніемъ, что они слились уже прочно и органически съ кореннымъ кровнымъ зерномъ. Такія родовыя группы или союзы обладаютъ большою прочностью и имена свои, даже

¹⁾ «Очерки токмакскаго уѣзда», 1869 года, въ «Туркестанскихъ вѣдомостяхъ» 1873 года, № 10.

²⁾ Подобное мнѣніе, впрочемъ безъ указанія оснований, высказалъ А. Н. Харузинъ («Киргизы бухарской орды», вып. I, стр. 153): «Вообще является болѣе естественнымъ считать киргизские роды за роды, такъ сказать, искусственные или сводные, т. е. что существовавшіе нѣкогда родовые союзы (кимѣвшіе, быть можетъ, основаніемъ болѣе сильную семью) принимали въ свою среду элементы со стороны добровольно или по по-вѣтству властелина, какъ напр. Чингизъ-хана»...

и по распадению, передаютъ своимъ частямъ, которые продолжаютъ ихъ сохранять вѣка, какъ видимъ у узбековъ. Отдельные лица и семьи, примыкающія навсегда къ чужой родовой группѣ, теряютъ свое собственное родовое имя, если число ихъ невелико и размножатся они не скоро; въ противномъ же случаѣ они образуютъ въ родовомъ союзѣ, къ которому пристали, новое подраздѣленіе съ своимъ кореннымъ именемъ, которое прочно утверждается. Именно благодаря этой устойчивости именъ союзовъ кровно-родового происхожденія представляется возможность опредѣлять этническій составъ нынѣ существующихъ общественно-родовыхъ группъ киргизъ-казаковъ и кара-киргизовъ отчасти по именамъ родовыхъ подраздѣленій, не смотря на то, что часть этихъ группъ или союзовъ имѣть не кровно-родовое, а чисто общественно-политическое происхожденіе, каковы напр. джалаиры, контраты и пр. Преобладаніе политическо-общественного значения нынѣшнихъ родовыхъ дѣленій и именъ ихъ замѣчается преимущественно у кара-киргизовъ (сарыбагышъ, приставъ къ саякамъ, начинаетъ именоваться саякомъ и т. д.), но это происходитъ не отъ того, что кровное начало исчезло у кыргизовъ, а отъ того, что у нихъ, независимо отъ политическо-общественной или родовой группировки, сохраняются чисто кровные дѣленія—кости.

Родомъ (урукъ, ру) у киргизъ-казаковъ и кара-киргизовъ называется, съ одной стороны, всякая изъ родовыхъ вѣтвей и подраздѣленій, съ другой—совокупность этихъ подраздѣленій, но такъ какъ родовая дѣленія и группы имѣютъ политическо-общественное значеніе, сверхъ кровного, иногда преобладающе, то слово родъ утратило свое строго-кровное значеніе. Не говоря уже объ общественномъ значеніи родовыхъ подраздѣленій, онъ и въ качествѣ патріархально-родовыхъ не могутъ быть точно классифицированы и названы, ибо количество степеней въ родословныхъ безконечно и трудно придумать и удержать для каждой изъ нихъ особое название. Поэтому номенклатуры для родовыхъ подраздѣленій, вродѣ напр. установленной въ выше приведенныхъ строкахъ Левшина (поколѣніе, родъ, отѣлѣніе, часть, подраздѣленіе и пр.), весьма неустойчивы и часто сами авторы, какъ Левшинъ, не примѣняютъ ихъ¹). По этой, быть можетъ, причинѣ, у киргизъ-казаковъ и

¹⁾ Такъ и г. В. Дингельштедтъ (*Le régime patriarchal et le droit coutumier des Kirghiz*, 1891, p. 10), указавъ на неустойчивость употребленія у нась словъ *сойло* и *родъ*, для означенія главныхъ и слѣдующихъ родовыхъ дѣленій, и принимая самъ слово *tribu* для означенія главныхъ родовыхъ единицъ и слово *clan* для означенія «совокупности единокровныхъ или считающихся единокровными, меньшаго объема, членъ *tribu*», самъ затѣмъ употребляетъ *tribu* въ смыслѣ вообще родового дѣленія, о кланахъ же вскорѣ перестаетъ и упоминать.

кара-киргизовъ существуетъ изъ всѣхъ возможныхъ степеней патріархально-родовыхъ дѣлений опредѣленный терминъ только для самой низшей степени, которая состоитъ уже непосредственно изъ семействъ: тайпасъ или тайфа у первыхъ и кыркъ у вторыхъ¹). Слово тайпасъ, по толкованію Вамбери, состоитъ изъ тай—группа, часть, и пасъ (басъ, башъ)—голова, глава, слѣдовательно значить «глава группы». Кыркъ, по тому же ученому, правильнѣе будетъ кыркъ, т. е. обломокъ, часть²). Такъ какъ тайпасъ съ кырк'омъ термины подвижные, ибо при раздѣлениі тайпаса или кырка терминъ этотъ переходитъ къ частямъ, то оказывается, что общественно-родовые дѣления и по существу своему, и по терминологии для ихъ означенія отличаются подвижностью.

У южно-сибирскихъ тюрковъ и у кара-киргизовъ, въ отличіе отъ киргизъ-казаковъ, существуютъ, независимо отъ политическо-общественныхъ или союзно-родовыхъ дѣлений и именъ, истинныя кровныя дѣления и имена, показывающія дѣйствительное родопроисхожденіе. Это сёоки или кости³), имѣющія имена, неизмѣнно и строго сохраняемыя, въ какой бы родовой союзъ члены кости не попадали. Такъ алтайцы въ административно-общественномъ отношеніи дѣлятся на зайсанства, черневые татары и другіе южно-сибирскіе тюрки—на волости, улусы и пр., которыхъ представляютъ собою родовые союзы, существовавшіе до русскаго владычества, но въ то же время каждое семейство принадлежитъ къ известной кости и носитъ и ея имя⁴). Алтайцы раздѣляются на 24 сёока, члены которыхъ сохраняютъ твердое сознаніе объ

¹). «Эти термины приводитъ г. Загрижскій («О народномъ судѣ у кочевого населения туркестанского края» въ «Матеріалахъ для статистики туркестанского края», вып. 4, Спб., 1876 года, стр. 194). По А. Н. Харузину («Киргизы букеевской орды», вып. I, 1891 года, стр. 41), роды дѣлятся на отдельности—тайфа, нѣкоторыя отдельности на подотдельности—атаваласъ.

²) Das Türkenvolk, 1885, в. 265.

³) Употребляютъ вмѣсто кости и слово родъ, но такъ какъ посѣдѣніе получило особое значеніе, болѣе обширное, то удобнѣе и точнѣе пользоваться словомъ кость, означающимъ только кровное происхожденіе. По Г. Н. Потанину («Очерки сѣверо-западной Монголіи», вып. 2, 1881 г., примѣчанія, стр. 2), киргизы поколѣнія или роды называютъ эль, а алтайцы сёокъ, т. е. кость. По г. Гродекову («Киргизы и кара-киргизы сырдаринской области», стр. 27), незнакомому киргизу прежде всего предлагаютъ вопросъ о его родѣ: иш эл сен? сюягынг ие?

⁴) В. В. Радловъ называлъ ѹ Observations sur les Kirghis (Journal asiatique, 1863, т. II, р. р. 310 et 311) имена эти генерическими или патронимическими (génériques ou patronimiques). Подъ этимъ названіемъ,—говорить онъ,—«я разумѣю имя, которое въ одномъ и томъ же народѣ носитъ многія семейства, которымъ оно служить для означенія общаго происхожденія. Эти имена строго сохраняются изъ рода въ родъ и могутъ служить указаниемъ... для различенія многочисленныхъ и разнородныхъ элементовъ, изъ которыхъ образовались народы Алтая».

общемъ кровномъ происхождени и связи, хотя живутъ смѣшанно и разсѣяно, въ разныхъ мѣстностяхъ, и состоять въ вѣдомствѣ разныхъ зайнсанговъ. Члены сѣока не могутъ вступать въ браки между собою. Они называютъ другъ друга братьями по кости (соктынг карындашы). Каждый сѣокъ имѣть своего особливаго духа-защитника и особыя формы молитвъ и обрядовъ при шаманскихъ заклинаніяхъ¹⁾.

В. В. Радловъ, на основаніи собранныхъ имъ въ 1862 году, посредствомъ разспросовъ, свѣдѣній, приводить слѣдующія имена костей (famille, Geschlecht) у кара-киргизовъ²⁾, замѣчая, что пять изъ нихъ (толбѣсъ, мундузъ, сару, торо и кушу) одинаковы съ алтайскими³⁾:

Въ поколѣніи бугу: челекъ (кость манаповъ, князей), торго, бапа, ельденъ, тарабай, ббръ (печень) дѣлбѣсъ (очень малочисленная), кыдыкъ, конгратъ (тоже), монгулдуръ (тоже), саакъ (тоже), шикманать, каба, ассанъ тукумъ, арыкъ тукумъ, кючюкъ, серикей, ондонъ.

Въ поколѣніи сарыбагышъ: сару, каба, монгулдуръ, шикманать, саакъ, ассыкъ, дѣлбѣсъ, конгратъ, мундузъ, кытай и етигенъ.

Въ поколѣніи солту: етигенъ, кучу, сару, монгулдуръ, кытай, мундузъ, ассыкъ.

Въ поколѣніи едигена: дѣлбѣсъ, сару, конгратъ, монгулдуръ, мундузъ, саакъ, каба и шикманать.

Въ поколѣніи чонбагышъ: аскалы, торо, мачакъ, ушъ-тамга, кандабасъ, кошъ-тамга (двойная тамга), куанъ-дуанъ.

Въ поколѣніи чирикъ: акъ-чубакъ и бай-чубакъ.

Въ крылѣ соль: сару, бешъ-беренъ, мундузъ, тонторюпъ, кучу, кюркюренъ, етигенъ.

Можно полагать, что этотъ перечѣкъ костей довольно полонъ относительно поколѣнія бугу, въ которомъ ученый изслѣдователь былъ лично, въ остальныхъ-же возможны неполноты.

Особенно должны быть неполны, по тогдашней отдаленности этихъ поколѣній отъ русскихъ границъ, свѣдѣнія о костяхъ у чириковъ и чонбагышъ. Поэтому я ограничусь разсмотрѣніемъ костей остальныхъ поколѣній, замѣтивъ лишь, что ушъ-тамга и кошъ-тамга г. Радловъ считаетъ узбекскими родами; что акъ-чубакъ и бай-чубакъ у чириковъ быть можетъ имена родовыхъ отдѣленій, а не костей; и что по поводу костей аскалы, мачакъ, кандабасъ и

¹⁾ Aus Sibiren, I, s. 258.

²⁾ Observations sur les Kirghis, p.p., 318-320, и Aus Sibirien, I, s.s. 230, 231.

³⁾ Observations etc., p. 316.

куань-дуань мнѣ не встрѣчалось никакихъ разъясненій, о кости же торо будеть упомянуто ниже.

Въ остальныхъ четырехъ поколѣніяхъ праваго крыла и въ крылѣ соль насчитывается всего 28 костей, изъ которыхъ девять (челекъ, бапа, ельденъ, такабай, боръ, кыдыкъ, ассанъ тукумъ, арыкъ тукумъ и ондонъ), находятся только у бугу, три (бешъ-беренъ, тонтиюропъ и кюркюренъ) встрѣчаются только въ крылѣ соль, прочія же шестнадцать имѣются въ двухъ или болѣе поколѣніяхъ.

Изъ шестнадцати костей четыре—кытай, монгулдуръ, конграть и саякъ—безспорно составляютъ чуждый примѣси, изъ которыхъ саякъ очень древняя, но послѣдовала по всей вѣроятности уже въ Тяньшанѣ, остальный же три поступили въ составъ кара-киргизовъ въ относительно недавнѣе время и также въ западномъ Тяньшанѣ. Изъ шестнадцати остается слѣдовательно двѣнадцать, которая, по своей распространенности, должны быть коренными костями кара-киргизскаго народа. Изъ нихъ первыя мѣста занимаютъ: сару, которая имѣется въ поколѣніяхъ сарыбагышъ, султу, адгене, въ крылѣ соль и въ формѣ серикей въ поколѣніи бугу, стало быть во всѣхъ главныхъ частяхъ кара-киргизскаго народа; даѣвъ каба (встрѣчается у бугу, сарыбагышей и адгене), мундусъ (у сарыбагышей, султу, адгене и соль), кучу (у султу и соль и въ формѣ кючюкъ у бугу), ассыкъ (у сарыбагышей и султу и въ формѣ ассанъ тукумъ у бугу), етигенъ (у сарыбагышей и султу и въ крылѣ соль), дѣлесъ (у бугу, сарыбагышей и адгене), шикманатъ (у сарыбагышей и въ формѣ шикмаатъ у бугу), наконецъ торго (у бугу и въ формѣ торо у чонбагышей).

Этническое определеніе этихъ восьми коренныхъ костей кара-киргизскаго народа или главнѣйшихъ изъ нихъ есть, очевидно, выясненіе происхожденія этого народа. Задачу эту я пытался разрѣшить, на основаніи историческихъ данныхъ, при помощи обстоятельного и возможно подробнаго изученія исторіи кара-киргизовъ и предполагаемыхъ ихъ предковъ, въ обширномъ, еще не напечатанномъ трудѣ, состоящемъ изъ очерковъ исторіи и географіи Западнаго Тяньшаня и его населенія (усуней, кара-киргизовъ и казаковъ, преимущественно большой орды) съ древнѣйшихъ временъ до настоящаго. Я не могу изложить здѣсь даже въ самомъ краткомъ видѣ результаты этого изслѣдованія, такъ какъ это заняло бы много мѣста, тогда какъ настоящая статья и безъ того довольно объемиста. Ограничусь поэтому слѣдующими главными выводами: 1) Нынѣшніе кара-киргизы суть прямые потомки пришедшихъ въ Западный Тяньшань изъ средней Монголіи, за полтора столѣтія до Р. Х., усуней. 2) Усуни составляли лишь часть коренныхъ кыргизовъ,

отдѣлившуюся отъ оставшагося на Енисѣй народъ, который вскорѣ сдѣлался известными китайцамъ подъ настоящимъ своимъ именемъ кыргызъ, облекавшимся у китайскихъ историковъ въ свойственный китайскому произношению и транскрипціи искаженные формы. 3) Усунъскій народъ въ средней Монголіи состоялъ не изъ однихъ кыргызовъ, но представлялъ собою союзъ тюркскихъ родовъ, во главѣ котораго стоялъ усунъскій отдѣлъ кыргызовъ. 4) Общіе предки усуней и енисейскихъ киргизовъ—древніе кыргызы—произошли изъ смѣшанія тюрковъ съ динлинами, которые были однимъ изъ племенъ древней сѣверно-азіатской длинно-головой и свѣтло-окрашенной расы. 5) Остатки динлиновъ, известные съ VII вѣка подъ именемъ «пѣгаго» (по тюркски «ала») народа, найдены были русскими завоевателями Сибири на Енисѣй подъ именемъ ариновъ, ассановъ и коттовъ, въ настоящее же время представляются лишь вымирающими енисейскими остатками; самое же восточное изъ племенъ древней длинноголовой расы уцѣлѣло въ видѣ аборигеновъ сѣверной части японскаго архипелага айновъ, въ которыхъ антропологическими и краніологическими изслѣдованіями обнаружено сочетаніе длинно-головой расы съ монгольскою. 6) Различія между тюркскими племенами и родами могутъ быть объясняемы помѣсями тюрковъ съ разными племенами той же длинноголовой расы, съ самойдѣскими и съ угро-финскими.

Если эти выводы, имѣющіе отчасти гипотетический характеръ, вѣры, то коренные кости кара-киргизовъ могутъ быть, по крайней мѣрѣ частію, опредѣлены при ихъ помощи и въ согласіи съ ними, посредствомъ отождествленія кара-киргизскихъ костей съ костями, родами и племенами южной Сибири и средней Монголіи, а въ такомъ случаѣ означенные выводы найдутъ въ этомъ одно изъ рѣшительныхъ своихъ подтвержденій.

При разсмотрѣніи коренныхъ кара-киргизскихъ костей, принимая въ соображеніе упомянутыя предположенія, оказывается, что самая распространенная, слѣдовательно главная, основная кость сару, въ другихъ формахъ сарикей, сарыктѣ, сары, есть въ сущности тюркское слово сары (желтый, рыжій), которое могло быть примѣняемо къ коренной помѣси тюрковъ съ динлинами за ея унаслѣдованную отъ динлиновъ свѣтлую окраску волосъ; таково и было именование древнѣйшей кости кыргызовъ, ибо у енисейскихъ киргизовъ два главные ихъ рода носили имя джеты-сары и алты-сары, т. е. семь рыжихъ и шесть рыжихъ; у сагайцевъ, являющихся теперь (съ качинцами) ближайшими родичами и частію потомками енисейскихъ киргизовъ, существуетъ родъ сарыгъ¹). Далѣе, кость каба можно отождествлять съ койбалами,

¹) Sarug въ Aus Sibirien, I, s. 208.

обитающимъ понынѣ на Енисѣѣ народцемъ сибирско-остяцкаго и частію са-
мойдскаго происхожденія, отуреченнымъ киргизами и именующимъ себя кой-ба
или кай-ба¹⁾). Затѣмъ, имя кости ассанъ (тукумъ значить сѣмя, яйцо, такъ
что является несущественной для имени кости добавкой) тождественно съ
именемъ исчезшаго теперь и происходившаго отъ динлиновъ народца ассановъ;
послѣднее происходитъ отъ ас, горностай, и кость ассыкъ кажется лишь
другою формою того же имени, также производною отъ ас. Имя кости
арыкъ тукумъ (у бугу) представляется происходящимъ отъ корня ар, какъ
и имя другого жившаго на Енисѣѣ, еще въ XVIII столѣтіи, народа ари-
новъ, также потомковъ динлиновъ: аринъ и арыкъ суть только разныя
формы одного и того же имени, въ послѣднемъ случаѣ тюркизованнаго.
Итакъ главная, двѣ изъ важнѣйшихъ и одна изъ прочихъ коренныхъ кара-
киргизскихъ костей оказываются сибирско-киргизско-динлинскаго происхож-
денія.

Имя кости стигенъ кажется тождественнымъ съ названіемъ поколѣ-
нія адгено и съ именемъ десятой изъ числа рѣкъ, на которыхъ, по Ра-
шидъ-эддину, обитали въ древности онъ-уйгуры, именно Утигэнъ (у ки-
тайцевъ Удегань), которое по нѣкоторымъ рукописямъ можно читать и Ети-
генъ²⁾). Профессоръ Березинъ видѣлъ въ этомъ имени тюркское уткен,
прощедшій³⁾), во едва-ли это такъ. Вѣроятнѣе, что это имя не тюркское,
а динлинское. Получивъ земли динлиновъ, тюрки должны были сохранить
часть по крайней мѣрѣ существовавшихъ издревле мѣстныхъ именъ, въ числѣ
которыхъ весьма вѣроятно ожидать имя рѣки, на которой находилась обыч-
ная резиденція тюркскихъ, а ранѣе динлинскихъ, властителей Монголіи. Въ
такомъ случаѣ имя стигенъ могло быть отъ рѣки заимствовано въ качествѣ
имени одного изъ динлинскихъ племенъ и перейти къ помѣси этого племени
съ тюрками, которая вошла въ союзъ усунскій во время нахожденія усуней
въ средней Монголіи и дала свое имя съ одной стороны кара-киргизской
кости, съ другой одному изъ союзовъ или поколѣній, который первоначально
состоялъ изъ одной этой кости и именовался стигенъ, впослѣдствіи же пре-
вратился въ адгено, адигине и пр., какъ это часто происходитъ въ устахъ
народа съ именами изъ чужихъ языковъ и какъ это напр. дѣлается у кир-
гизъ-казаковъ съ именемъ адбанъ, которое иногда выговариваются абданъ,

¹⁾ «Дополненія къ русскому перевodu Азіи», Риттера, т. 4, стр. 592—595.

²⁾ «Исторія монголовъ. Введение», стр. 125 и 126.

³⁾ Тамъ-же, 268.

адманъ¹). Кость дёлось представляется тождественною съ толесь, теле (у о. Іакинфа тълэ), т. е. съ однимъ изъ древнихъ именъ гаогуйцевъ, ставшихъ позднѣе, подъ именемъ уйгуроў, властителями Монголіи, пока въ половинѣ IX вѣка государство ихъ не распалось вслѣдствіе внутреннихъ междуусобій, при участіи синесейскихъ киргизовъ. Кость мундусъ встрѣчается въ качествѣ кости же на Алтайѣ у алтайцевъ, чуйцевъ и теленгетовъ²); повидимому это одинъ изъ древнѣйшихъ тюркскихъ родовъ, не стоявшій однако во главѣ могущественныхъ союзовъ, не пользовавшій въ свою очередь силою и господствомъ въ Монголіи, а потому не попавшій на страницы исторіи. Тоже надо сказать о кости торо (у чонбагышей, а у бугу торго), которая встрѣчается и у теленгетовъ на Алтайѣ. Кость кучу, иначе куши, коще, даже кокче (все это въ отдѣлѣ соль у разныхъ авторовъ, кючюкъ и кучукъ у бугу) есть вѣроятно то же самое имя, какое носилъ упоминаемый китайцами въ VII вѣкѣ чуюескій родъ хучжу или гучжу³), который конечно существовалъ и раннѣе⁴) и который много позднѣе встрѣчается въ Шейбани-намѣ въ числѣ родовъ, указываемыхъ въ описаніи похода Шейбани противъ монголовъ (т. е. противъ джагатаидовъ) въ Ферганѣ, подъ именемъ кущу (kuschtschu)⁵). Кости стигенъ, тёлось, мундусъ, торо и кучу вошли въ составъ усуньскаго союза по всей вѣроятности въ средней Монголіи, во время кочеванія усуней между Дунь-хуаномъ и Саянами, раннѣе ухода усуней въ Западный Тяньшань.

Для выясненія происхожденія костей, встрѣчающихся только у бугу: шикмаятъ (у сарыбагышей шикманатъ), челекъ, бапа, ельденъ, такабай, боръ, кыдыкъ и ондонъ, я не нашелъ достаточныхъ данныхъ, но, въ виду определенія происхожденія главныхъ и распространенныхъ во многихъ поколѣніяхъ костей, эти кости, существующія только въ одномъ поколѣніи, особаго

¹) Не мѣшаетъ также имѣть въ виду, что занимавшіе восточный берегъ Чернаго моря, значительную часть склоновъ Кавказскаго хребта, Кубанскую равнину и большую часть Кабардинской плоскости черкесы сами себя называли адыгѣ и упоминались древними греческими писателями и историками подъ именемъ даиховъ, торетовъ, керкетовъ. Можетъ быть имя адыгѣ пошло отъ тюркскаго рода адигене, властивовавшаго надъ частю Кавказа и его аборигеновъ, ибо многое побуждаетъ думать, что тюркскія племена достигали Кавказа не только въ средніе вѣка, но и въ несравненно болѣе древнія времена.

²) Aus Sibirien, I, s. 216.

³) Іакинфа «Собрание свѣдѣній» и пр., 2, стр. 357 и 453.

⁴) Въ 121 г. до Р. Х. поддался Китаю одинъ изъ западныхъ хуннускихъ князей по имени Хючжуй (тамъ же, стр. 38 и 39): по всей вѣроятности это, какъ и во многихъ другихъ случаахъ, не личное имя князя, а имя подвѣдомственнаго ему рода — хючжуй кучу.

⁵) Vambery—1 as Tarkenvolk, s. 349.

значенія не имѣютъ, тѣмъ болѣе, что часть ихъ, быть можетъ, не имена костей, а имена родовыхъ подраздѣленій ¹⁾.

Въ заключеніе разсмотрѣнія кара-киргизскихъ костей, не лишне замѣтить, что имена ихъ являются большою частію именами народовъ, племенъ и древнихъ родовъ, потомками которыхъ эти кости и представляются. Напротивъ, имена кара-киргизскихъ родовыхъ союзовъ и подраздѣленій кажутся большою частію личными именами старшинъ и вождей, образовавшихъ эти союзы или дѣленія и стоявшихъ во главѣ ихъ. Таковы, какъ видно изъ примѣровъ, приведенныхъ г. Загряжскимъ, имена новѣйшихъ родовыхъ подраздѣленій и таковы-же, несомнѣнно, имена даже большихъ и важныхъ въ свое время союзовъ исенгуль, темиръ, булатъ, надырбекъ, тынай и пр. у сарыбагышей,—берназарь, шапакъ и пр. у бугу, —толканъ, булекшай, канай и пр. у султу, —курманъ-ходжа у саяковъ,—караталь, тагайберды, тазанай и пр. въ крылѣ соль, —кадырша и пр. у ичиликовъ и т. д. Но названія поколѣній или главныхъ, основныхъ родовыхъ союзовъ имѣютъ другой характеръ. Такъ бугу ²⁾ значить олень, изюбрь, сарыбагышъ — желтый лось, чонбагышъ — большой лось, чирикъ — воинъ, султу, по аналогіи съ другими подобными по образованію именами,—обитающій на лѣво, на востокѣ. Такъ какъ лосей въ Тииншанѣ не водится, то надо полагать, что имена двухъ поколѣній сарыбагышъ и чонбагышъ, а также вмѣстѣ съ ними и остальныхъ, принесены усунями изъ средней Монголіи ³⁾, а частію, быть можетъ, даже изъ за Саяновъ. Такимъ образомъ имена главныхъ поколѣній весьма древни

¹⁾ Напр. Такабай кажется личнымъ именемъ вождя или старшины, образовавшаго союзъ или родовое отдѣленіе. Кость челекъ напоминаетъ кость-же челекъ (Tschäläi) у ширцевъ на р. Мрассѣ (Aus Sibirien, I, 8, 214). Бала быть можетъ остатокъ карыкскаго рода по фу (у китайцевъ).

²⁾ Имя это тождественно съ названіемъ гаогюйского поколѣнія пугу. По «Таньшу», пугу было однѣмъ изъ 15 гаогюйскихъ поколѣній, обитавшихъ по сѣверную сторону великой песчаной степи, т. е. въ сѣверной Монголіи и Чжунгаріи («Собрание свѣдѣній» и пр., I, стр. 373). Въ VII столѣтіи оно состояло изъ 30 т. кибитокъ, имѣло 10 т. войска. «Пугусцы были упорны, отважны, неукротимы. Сначала они поддались дулгасцамъ (туркамъ), потомъ сѣяньтосцамъ», а затѣмъ Китаю. Въ половинѣ VIII вѣка пугускій князь Хуай-энъ игралъ важную роль въ исторіи Китая (тамъ-же, стр. 374, 434, 437, 384—402). Нѣтъ, повидимому, ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что часть пугу присоединилась къ усунямъ въ средней Монголіи, ушла въ составъ ихъ въ Тииншань и образовала поколѣніе бугу. Въ составъ послѣднаго конечно могли затѣмъ въ разное время войти многія кыргызскія кости.

³⁾ Г. Н. Потанинъ упоминаетъ («Очерки с.з. Монголіи», вып. I, 1881 г.) горы Бугу-хайрханъ, Бага-бугу, переваль Бугу-даванъ, все это въ той части монгольского Алтая, которая называется Алтайнъ-ниру и пересѣкается путемъ изъ Кобдо въ Хами. Не отсюда-ли гаогюйское поколѣніе пугу получило свое имя, которое присоединившися къ усунямъ часть его унесла въ западный Тииншань?

и поколѣнія эти существовали, стало-быть, до прибытія кара-киргизовъ къ Тяньшань.

Не невозможно, что дѣленіе на два крыла онъ и соль ведеть свое начало съ того времени, какъ усуньское «государство раздѣлено было на три части», изъ которыхъ одною правилъ средній сынъ приведшаго усуней въ Тяньшань гуньми, по имени Далу, другою—внукъ гуньми, сынъ старшаго его сына, Сэнъцзу, объявленный наследникомъ престола, а третьею—самъ гуньми. Быть можетъ часть Далу именовалась онъ въ смыслѣ правой, младшей, а часть Сэнъцзу—соль, въ смыслѣ лѣвой, старшей, такъ какъ онъ былъ наследникомъ гуньми. Сынъ Далу Ун-гуми могъ получить свое имя Унъ или Онъ отъ названія удѣла отца. Такъ какъ достоинство гуньми утверждалось впослѣдствіи за потомствомъ Далу, то къ удѣлу его должна была присоединиться часть гуньми и крыло онъ должно было сдѣлаться многолюднымъ; потомки-же Сэнъцзу остались при первоначальномъ удѣлѣ соль, который окончательно основался въ западной части усуньскихъ земель, около Таласа. Отдѣль онъ первоначально занималъ среднюю и восточную часть усуньскихъ земель и лишь впослѣдствіи распространился на юго-западъ, въ земли сейскихъ владѣній Хюаньду и Хюсюнь, где повидимому помѣстилось и нынѣ тамъ находящееся поколѣніе адгене.

5) Ураны и тамги кара-киргизскихъ родовъ.

Имѣющіяся свѣдѣнія объ уранахъ и тамгахъ кара-киргизовъ скучны и отрывочны. По В. В. Радлову (1862 — 1868 г.г.), боевой крикъ крыла соль—Кунекъ, а крыла онъ—Джанкуразъ ¹).—По словамъ Загрижскаго, у кара-киргизовъ нѣть общаго боевого крика, какъ въ большой ордѣ, гдѣ общий уранъ Аблай; у кара-киргизовъ гораздо болѣе пестроты; такъ тынаи кричать Атаке, отдѣленіе исангулъ кричитъ Исангулъ; каждый родъ вмѣеть нѣсколько своихъ криковъ ²).—По заявленіямъ аульеатинскихъ кара-киргизовъ, по однимъ—общій боевой кличъ кыргизовъ Коуы, по другимъ—Куйтенбай, по третьимъ—Караталъ; у отдѣленія туркерау—Караталъ, у алакчинъ—Мурадали, у султовъ—Булекбай, у сарыбашей—Кулпашъ, у бишшеренъ—Берепъ, у багышей—Джанкуразъ ³).

¹) Aus Sibirien, I, a. 534.

²) «Очерки токмакского уѣзда» въ «Туркестанскихъ вѣдомостяхъ», 1873 года, № 10.

³) Гродековъ, «Киргизы и кара-киргизы сыръ-дарынской области», 1889 года, Ташкентъ, приложенія, стр. 3. Берепъ должно быть опечатка вместо Беренъ.

Вообще, значить, уранами у кара-киргизовъ служать имена вождей и знаменитыхъ манаповъ. Имя Кокы, о которомъ я ничего не знаю, напоминаетъ озеро Кокый-куль оренбургскихъ свѣдѣній, которыми пользовался Н. А. Середа въ статьѣ «Бунтъ киргизского сultана Кенисары Касимова»¹⁾; это озеро будто бы находилось въ китайскихъ предѣлахъ и въ окрестностяхъ его кочевали не отличавшіеся воинственностью киргизы, которыхъ Кенисары подчинилъ себѣ около 1845 года, удалившись изъ оренбургской степи. Если Кокы есть славный кара-киргизский батырь, имя которого служить ураномъ для всего народа, то Кокый-куль долженъ бы быть Иссыкъ-кулемъ, а киргизы, покоренные Кенисарою,—кара-киргизы, но Кенисары киргизовъ не подчинилъ и погибъ въ борьбѣ съ ними, да и племя они, по оренбургскимъ же свѣдѣніямъ, воинственное. Поэтому и Кокы, и Кокый-куль остаются загадками.

Свѣдѣнія о тамгахъ кара-киргизовъ весьма недостаточны. По В. В. Радлову, у бугу употребляется тамга джагалбей — и у сultу ай, луна ♂²⁾). По показаніямъ аульеатинскихъ кара-киргизовъ, у коще (кучу) тамга ○, у сукты (опечатка вмѣсто сultы?) ♂, у етевуру (джетыру или менды г. Смирнова?) ай ♂ и каскатабанъ (?) ♂, у босменинъ (бошмоинъ рода алакчинъ?) и у беренъ |, у алакчинъ Ⅴ, у багышъ Ⅴ, у хытай (ктай) джугары (верхняя) тамгали хытай | и тюмень (нижняя) тамгали хытай | —³⁾.

Отсутствие свѣдѣній о тамгахъ остальныхъ кара-киргизскихъ поколѣній и родовъ лишаетъ возможности основательного и всесторонняго изученія родовыхъ тамгъ кыргызовъ. Можно пока замѣтить, что тамга куши или кучу, одинаковая съ тамгою дудатою, подкрѣпляетъ предположеніе о происхождѣніи кости и рода кучу или кучукъ изъ западной Монголіи и о родствѣ ея съ происходящими оттуда же дулатами; полукругъ сultу можетъ указывать на происхожденіе этого поколѣнія отъ кости кучу, которая дѣйствительно и отмѣчена В. В. Радловымъ въ составѣ сultу; тамга ♂, составляющая сочетаніе тамги сultу съ тамгою канглы, а также тамга бошмоиновъ и береновъ | намекаютъ на примѣръ въ крылѣ солъ частицъ кангловъ; тамги алакчинъ и хытай также имѣютъ соотношенія къ тамгамъ кангловъ и кипчаковъ; тамга поколѣнія багышъ, которая, быть можетъ, встрѣчается и въ вы-прямленномъ видѣ, напоминаетъ тамгу рода табынъ малой орды; джагалбей-

¹⁾ «Вѣстникъ Европы», 1871 года, августъ.

²⁾ Aus Sibirien, I, s. 534.

³⁾ Н. И. Гродековъ. «Киргизы и кара-киргизы сыръ-дарынской области», Ташкентъ, 1889 года, приложение, стр. 7 и 8.

тамга бугу кажется особой отъ тамги кипчаковъ = . Вѣроятно подобная свѣдѣнія о родовыхъ тамгахъ у кара-киргизовъ, а также у южно-сибирскихъ и омонголенныхъ тюроковъ дадутъ интересныя сближенія и разъясненія.

Обратимъ пока вниманіе на любопытныя тамги или знамена остатковъ, преимущественно березовскихъ, XVII столѣтія, открытая и изданная Н. Н. Оглоблинымъ ¹⁾). Эти знаки ставились инородцами вмѣсто рукоприкладства на «челобитныхъ» и «сыскахъ». Состоять они изъ болѣе или менѣе грубыхъ и удачныхъ изображеній звѣрей, птицъ, животныхъ, орудій, оружія (стрѣлы, копья, мечи, топоры) и тамгъ. Признаю я массу знаковъ, употреблявшихся угро-финскими остатками, которые не имѣли ни лошадей, ни верблюдовъ, за родовую тамги,—служившія и служащія у занимавшихъ болѣе южное положеніе скотоводческихъ тюркскихъ и монгольскихъ племенъ преимущественно для тавренія лошадей и верблюдовъ,—всѣдѣствіе полнаго сходства знаменъ съ тамгами и нахожденія между первыми не только всѣхъ типовъ, но почти всѣхъ разновидностей тюрко-монгольскихъ родовыхъ тамгъ. Свѣдѣній о надобностяхъ, для которыхъ употреблялись остатками тамги, которая по требованію приказныхъ людей стали они примѣнять въ качествѣ подпiseй, мнѣ не встрѣчалось, но можно предполагать, что онѣ служили у сѣверныхъ инородцевъ для тавренія оленей и собакъ, звѣроловами же и рыболовами примѣнялись для помѣтъ охотничихъ снастей и ловушекъ, а также налагались на вещахъ для означенія ихъ принадлежности, на деревьяхъ и утесахъ для указанія границъ родовыхъ земель, лѣсовъ и звѣроловныхъ районовъ и т. п. ²⁾). Какимъ образомъ тамги южныхъ скотоводовъ попали къ сѣвернымъ звѣроловамъ и рыболовамъ, вѣдь въ собственнымъ знакамъ ихъ, естественно изображающимъ предметы ихъ охоты и орудія? Частію тамги могли быть заимствованы угро-финами въ то время, когда они сами обитали въ болѣе южныхъ странахъ и также были скотоводами, главнымъ же образомъ онѣ могли быть принесены къ нимъ динлинскими племенами, вытѣсненными къ нимъ изъ пастбищъ Монголіи и киргизской степи тюрками. Значительная примѣсь динлинской длинноголовой

¹⁾ «Остяцкія знамена» въ «Историческомъ вѣстнике», 1889 года, № 10, стр. 135—149, гдѣ помѣщено 85 рисунковъ въ текстѣ, и «Знамена сибирскихъ инородцевъ XVII вѣка» съ особой таблицей, на которой изображено 105 знаменъ, въ «Запискахъ уральского общества любителей естествознанія», томъ XIII, вып. I, Екатеринбургъ, 1891—1892 года. При ссылкахъ на рисунки я буду указывать на страницы первой статьи и на номера таблицы при второй статьѣ.

²⁾ Судя по небольшому количеству тамгъ вогуловъ, приведенныхъ проф. Н. Сорокиннымъ («Путешествіе къ вогулямъ» въ «Трудахъ общества естествоиспытателей при имп. казанскомъ университѣтѣ», томъ 3, № 4, 1873 г., стр. 46 и таблица I) и употребляемыхъ ими для татуировки на рукахъ и ногахъ, для помѣтокъ на деревьяхъ во время звѣроловства и пр., тамги эти имѣютъ сходство съ иѣкоторыми остатками знаменами.

расы къ нынѣшнимъ остаткамъ и вогуламъ почти несомнѣнна, такъ какъ финны (а вѣроятно и угры) короткоголовы, между тѣмъ антропологическія изслѣдованія обнаружили у остатковъ и вогуловъ большой процентъ длинноголовыхъ. Вслѣдствіе этого занесеніе къ остаткамъ скотоводческихъ тамгъ длиннами, которые въ степяхъ конечно были скотоводами, весьма вѣроятно. Этимъ же, вмѣстѣ съ тѣмъ, доказывается, что значительная часть родовыхъ тамгъ нынѣшняго населенія Монголіи и Туркестана не была выработана непосредственно тюрками и монголами, а заимствована ими у тѣхъ динлиновыхъ племенъ и родовъ, отъ помѣсей которыхъ съ тюрками произошли тюркскія племена и роды.

Тамги нынѣшнихъ кангловъ и кипчаковъ встречаются въ рукоприкладствахъ остатковъ XVII вѣка въ формахъ |, / и \ (стр. 148, у отбиравшихъ рукоприкладства приказныхъ людей—«рубежъ», «рубецъ»), и || (эта тамга означалась «рубежи», «два рубежи» и словами «яидъ» и «аедъ», стр. 146). Есть много производныхъ этого типа: \ (144), Ү (143), । (145), — (№ 22), Т («костыль», № 47), + («посохъ», № 64), + (стр. 146, «яидъ»), == (№ 42, «три рубежи») и особенно часты == и || | «шайтанская рожа», «нось шайтанской» (№№ 35, 36, 51, стр. 147), такъ что издатель удивляется «страннымъ влеченію остатковъ къ изображеніямъ духа тьмы»: вѣроятно у остатковъ это была просто тамга многочисленной кости или рода, шайтанской же рожей наименовали ее служилые и приказные люди, замѣчая ее въ числѣ другихъ тамгъ и изображеній (вродѣ ☐ |, № 34), на бубнахъ шамановъ, служителей «шайтана» ¹⁾). Были также тамги типа круга и полукруга: ☺ солнце, ☺ и ☺ «месецъ» (№ 5, № 30 и стр. 147), ☻, ☻, ☻, ☻ (стр. 143, 144), — (№ 52), ☻, ☻ (стр. 145; послѣднѣе изображеніе напоминаетъ халхасскую тамгу «пять глазъ»), ☻ (стр. 145: это алтайская тамга йиракай).

Особую группу составляютъ знаки ☻ и ☻ (№ 14, два «скобеля»), ☻ (№ 27, «скобель»), ☻, ☻ и пр. (№№ 37, 38, 39,

¹⁾ По свидѣтельству Джувейни (d'Ohsson, Histoire des Mongols, t. I, p. 431), уже въ XIII вѣкѣ, въ царствование Угедей-каана, только шаманы и могли прочесть надписи на одномъ изъ орхонскихъ памятниковъ, сдѣланную, какъ нынѣ обнаружилось, тюркскимъ алфавитомъ. Надо поэтому думать, что знаки на шаманскихъ бубнахъ есть частію память о надписяхъ на видахъ, которыхъ нѣкогда дѣлались тюркскимъ алфавитомъ, знаки котораго взяты изъ родовыхъ тамгъ.

49, 50), которые Н. Н. Оглоблинъ признаетъ за свастику, въ болѣе или менѣе правильномъ изображеніи ¹). Не отвергая сходства, я однакоже не считаю невозможнымъ, что эти знаки суть скотоводческія тамги самостоятельнаго происхожденія. Да и нѣтъ ничего невѣроятнаго, что и самая свастика у арійцевъ первоначально появилась въ качествѣ тамги, когда они жили еще въ скотоводческомъ бытѣ, и лишь впослѣдствіи обратилась въ таинственный знакъ, изображавшійся въ углахъ мистического треугольника ²). Объясненіе происхожденія свастики добываніемъ священнаго огня посредствомъ тренія двухъ деревяшекъ можетъ быть столь же натянуто, какъ напр. предложеніе Н. Н. Оглоблина о существованіи у остаковъ «какого-то снаряда для добыванія огня путемъ тренія кусковъ дерева» для объясненія того, что приказные называли употреблявшійся остаками въ рукоприкладствахъ знакъ, сходный съ свастикою, «скобелемъ», «скребельницей» и т. под.: почему же приказные не могли употребить слова скобель и пр. по сходству знаковъ съ столярными инструментами для скобленія дерева и пр.?

Интересна также группа остяцкихъ знаменъ, типа четыреугольника:

(стр. 145), ибо знаки эти принадлежать къ типу тамгъ «ешикъ» у киреевъ и сары-усуней, подтверждая возможность ихъ дилинскаго происхожденія.

Еще болѣе близкое отношеніе къ вопросамъ о происхожденіи болоюй орды и кара-киргизовъ имѣютъ тамги остаковъ енисейскаго уѣзда: , , , , , , , , ,

6) Краткій обзоръ историческихъ свѣдѣній, выясняющихъ этническія отношенія между кара-киргизами и большою ордою, и опредѣленіе происхожденія поколѣній большой орды и сары-усуновъ.

Заключительнымъ соображеніемъ объ этническихъ отношеніяхъ между кара-киргизами и большою ордою необходимо предполагать нижеиздѣйшій

¹) Любопытное собрание изображеній свастики и близкихъ къ нимъ, встрѣчающихся у арійцевъ Европы съ древѣйшихъ временъ, помѣщено въ таблицахъ, приложенныхъ къ реферату Зингеродскаго Zur Geschichte der Svastika (Archiv füer Anthropologie, 19 Band, 1890).

²) Въ названіи тамги ошакты амулетъ - тамгою очевидно вліянію представлений о мистическомъ значеніи треугольника.

краткій обзоръ главнѣйшихъ историческихъ данныхъ, которыя могутъ значительно освѣтить эти отношенія и которыя заимствованы изъ упомянутаго моего труда по исторіи и географіи Западнаго Тяньшаня, гдѣ указаны источники и пр.

Занявъ въ половинѣ II вѣка до Р. Х. западный Тяньшань и прилежащія къ его сѣвернымъ подножіямъ части киргизской степи, т. е. бассейны рекъ Или, Чу и Нарына, усуны нашли здѣсь остатки юечжійцевъ и предшествовавшихъ имъ сейцевъ; изъ нихъ сейцы, болѣе многочисленные, могли составить особое поколѣніе, носящее имя саякъ и вѣроятно вскорѣ потерявшее свои отличія отъ другихъ усуньскихъ поколѣній, потому что уже во время прибытія усуней сейцы не различались отъ нихъ ни одеждой, ни обычаями, а вѣроятно и языкомъ, ибо, надо полагать, они были тюрки. Ближайшими союзами усуней были, задолго до прибытія ихъ въ Тяньшань обитавшіе въ южной части киргизской степи, кангюйцы или канглы. Они не уступали усунямъ въ численности и должны были отнестиць къ пришельцамъ, насильственно занявшимъ чужія земли, съ понятной враждебностью и опасеніемъ. Китайскіе историки даютъ кое-какія извѣстія объ одной войнѣ между кангюйцами и усунями, но это конечно не значитъ, что не велись другія войны, о которыхъ извѣстій не сохранилось. Въ этой войнѣ, происходившей въ началѣ послѣдняго полустолѣтія передъ Р. Х., кангюйцы, призвавшіе хуннускаго шанью Чжичжи, имѣли съ усунями несолько сраженій и вынудили ихъ опустошить западную часть собственныхъ земель, разрушить городокъ Чигу, считавшійся столицею, и удалиться въ восточную часть усуньской территории. Хотя на помощь усунямъ пришли китайцы и сожгли городъ, который началъ на усуньской, кажется, землѣ строить Чжичжи, умершій въ пѣнѣ отъ ранъ, полученныхъ въ бою съ китайцами, но собравшіеся между тѣмъ кангюйцы успѣши преслѣдовали возвращавшихся въ Кашгарю китайцевъ и нанесли серьезный уронъ усунямъ, напавъ на нихъ и на востокѣ. Въ послѣдствіи, во время частыхъ междоусобій между усуньскими князьями, тѣ изъ нихъ, кто являлись противниками поддерживаемыхъ китайцами, находили убѣжище и помощь у кангюйцевъ. Когда, послѣ Р. Х., усуньское государство окончательно распалось и когда ослабленный хуннами, увлекшими значительную часть кангюйскихъ родовъ съ собою въ Европу, Кангюй постигла та же, вѣроятно, участь, то враждебныя и дружественные столкновенія и союзы между усуньскими и кангюйскими поколѣніями и родами могли быть очень частыми. Въ это-то время могли начаться смѣщенія и союзы между усуньскими и кангюйскими родами, результатомъ которыхъ явились тѣ роды большой орды, которыхъ происхожденіе явно смѣшанное и нахожденіе кангюй-

Цевъ въ составѣ которыхъ очевидно, дулатовская же примѣсь ничѣмъ не обнаруживается. Разрозненные усуньские роды во второй половинѣ VI вѣка были легко покорены тюкесцами (турками), которые въ то же время подчинили себѣ и кангюйцевъ. Къ этому времени относится первое упоминаніе имени кыргызовъ у европейскихъ историковъ: я имѣю въ виду извѣстіе Менандра о пѣнницѣ изъ народа «такъ называемыхъ херхисовъ», подаренной византійскому послу Зимарху тюркскимъ ханомъ Дизавуломъ, съ которымъ, отправляясь въ обратный путь, Зимархъ разстался на Таласѣ. Кангюйцы, по крайней мѣрѣ большая часть ихъ родовъ, сохранили полунезависимость, получивъ вѣроятно правителя или правителей изъ тюркскаго ханскаго дома, кыргызы же составили пять аймаковъ изъ тѣхъ десяти аймаковъ, на которые дѣлилось населеніе земель западныхъ тюрковъ, находившихся въ непосредственномъ управлѣніи ихъ хана. Изъ этихъ пяти аймаковъ, помѣщавшихся на западѣ отъ р. Или и имѣвшихъ общее название нушиби, кара-киргизскій родъ ассыкъ («асиги» у китайскихъ историковъ) составлялъ первый и самый многолюдный аймакъ, ибо китайцы, конечно преувеличенно, полагали, что начальникъ его можетъ выставить «до пѣсъвѣлькихъ сотъ тысячъ» воиновъ; изъ того же частію рода долженъ быть состоять другой аймакъ — «асигъ нишу», въ которомъ къ ассыкамъ присоединился какой-то другой родъ «нишу», можетъ быть кангюйскій; третьему аймаку китайцы даютъ имя «басайганъ дуньшибо», въ которомъ можно предполагать выѣшній дулатовскій родъ сейкымъ (басайганъ = байсейкимъ) въ соединеніи съ какимъ-то неизвѣстнымъ; четвертый аймакъ состоялъ изъ рода (лѣваго крыла) кучу («гәшу»); въ пятомъ аймакѣ находился тотъ же кара-киргизскій родъ кучу вмѣстѣ съ суванами и быть можетъ адбанами («гәшу чубанъ»). Такой составъ кара-киргизскихъ аймаковъ уже обнаруживаетъ соединенія усуньскихъ родовъ съ одной стороны съ кангюйцами, съ другой съ дулатами. Большая часть послѣднихъ однако въ то время состояла еще въ составѣ пяти восточныхъ аймаковъ, которые носили ихъ имя («дулу»). Послѣ паденія власти тюкескихъ хановъ и замѣнившихъ ихъ тургешскихъ, дулаты, кара-киргизы и часть кангловъ подчинены были карлыками. Во времія карлыкскаго господства (съ половины VIII до второй четверти XII вѣка), занимавшіе самый западный Тяньшань кара-киргизскіе роды пользовались по-видимому значительной самостоятельностью, а иногда, особенно въ концѣ этого периода, и независимостью, какъ можно заключить изъ извѣстій арабскихъ географовъ, въ дошедшихъ до насъ копіяхъ рукописей которыхъ имя кыргызовъ получило ошибочная транскрипція килкіевъ и каладжей. — Кары-киданы (XII вѣкъ), покорившіе безъ боя сѣверные подножія всего Тяньшаня, были вынуждены послать войска для подчиненія кыргызовъ въ ихъ

горной странѣ. Между 1161 и 1190 годами кыргызы родовъ сары («Салія») и бугу («Богу, глава канглы и другихъ племенъ», изъ чего надо заключить, что въ бугу примикиала часть кангловъ) искали поддержки противъ киданей у императора владѣвшихъ сѣвернымъ Китаемъ чжурченей.—За монгольскую эпоху (XIII—XV вѣка) о кыргызахъ долго извѣстій нѣть, и выступаютъ они на сцену, какъ и дулаты, лишь въ XV вѣкѣ, во время паденія власти джагатаидовъ въ оставшейся было имъ вѣрною восточной половинѣ джагатаева улуса. Въ концѣ XV вѣка дулаты и канглы вошли въ составъ киргизъ-казачьяго союза, начало которому положено было въ третьей четверти этого вѣка родами кангловъ и кипчаковъ разложившагося джучиева улуса. Во второй четверти XVI вѣка и тяньшаньскіе кара-киргизы окончательно сбрасываютъ власть джагатаидовъ, уже удалившіхся въ Восточный Туркестанъ. Со второй половины XVII столѣтія кыргызы, въ союзѣ съ киргизъ-казаками, вели борьбу съ калмыками и частію покорились имъ, частію же вынуждены были искать убѣжища въ Ферганѣ и на Алайѣ. Возвратились они отсюда въ началѣ второй половины XVIII вѣка, послѣ покоренія Цзунгаріи китайцами, и по «Си-юй-ту-чжи», а также по «Описанію средней орды» капитана Андреева, оказываются въ томъ самомъ родовомъ составѣ, какой имѣютъ и въ настоящее время. Во второй четверти настоящаго столѣтія пребывавшихъ въ независимости кара-киргизовъ западнаго Тяньшана покорили своей власти коканцы, а затѣмъ между 1855 и 1876 годами подчинены они русскими. Между тѣмъ у киргизъ-казаковъ большой орды, родовой составъ которыхъ, по капитану Андрееву, почти не отличался отъ нынѣшняго, стараніями Аблайхана была восстановлена власть чингизидовъ. Въ концѣ XVIII вѣка юго-западная часть большой орды признала власть ташкентскаго Юнусъ-ходжи, а затѣмъ подчинена была коканцами. Въ 1819 году султанъ Сюкъ съ джалирами принялъ подданство Россіи, власть которой между 1846 и 1865 годами распространилась и на остальные роды и земли большой орды.

Этотъ исторический обзоръ показываетъ, что кара-киргизы занимали горныя мѣстности Западнаго Тяньшана съ половины II вѣка до Р. Х. по настоящее время, принадлежавшія же имъ въ усуньскую эпоху долина р. Или и земли до Таласа постепенно перешли отъ нихъ дулатамъ и ихъ родичамъ. При движеніи своемъ вдоль подножія западнаго Тяньшана на западъ до Сыръ-Дары и Чирчика, дулаты естественно должны были вытѣснить, а главнымъ образомъ принимать въ свой составъ, обитавшихъ на востокѣ кара-киргизовъ и на западѣ кангловъ, въ промежуткѣ же между ними смѣшанные изъ кыргызовъ и кангловъ роды. Но кромѣ включенія степныхъ кара-киргизовъ и кангловъ въ составъ дулатовскихъ родовъ, посредствомъ образования

сложныхъ родовъ и поколѣній изъ дулатовскихъ и кыргызскихъ родовъ (таково вѣроятно происхожденіе рода сейкымъ и поколѣнія джалаиръ) и изъ дулатовскихъ и кангюйскихъ родовъ (таковъ, кажется, родъ чимыръ и поколѣніе чапрашты), возможно было сохраненіе особаго существованія кара-киргизскихъ и кангюйскихъ родовъ и союзовъ въ видѣ немногочисленныхъ обществъ, объединявшихъ свои интересы съ интересами крупныхъ дулатовскихъ родовъ и поколѣній. Къ сохранившимъ свое особое, на такихъ условіяхъ, существованіе между дулатовскими родами или въ сосѣдствѣ съ ними принадлежать поколѣнія исты, ушакты, кангы, чаншкы и сергелы,—всѣ кангюйского происхожденія,—и поколѣніе сары-усунъ — вѣроятно одно изъ кыргызскихъ.

Кыргызское происхожденіе дулатовского рода сейкымъ доказывается существованіемъ его въ VII вѣкѣ подъ именемъ басайганъ въ числѣ нушибийскихъ, т. е. кара-киргизскихъ аймаковъ. Участіе кара-киргизовъ въ образованіи поколѣнія джалаиръ яствуетъ изъ нахожденія въ составѣ его усуинскихъ или кара-киргизскихъ костей кучу (кучукъ) и арыкъ (арыкъ-тыннымъ). Кангюйско-дулатовское происхожденіе рода чимыръ и поколѣнія чапрашты кажется вѣроятнымъ по ихъ тамгамъ, представляющимъ сочетаніе части дулатовского круга съ кангюйскимъ «рубежомъ». Далѣе кангюйский корень, или близкій къ нему, поколѣній исты, чаншкы и сергелы указывается ихъ тамгами, а также, какъ и относительно ушакты, подтверждается генеалогическими сказаніями.

За кыргызское происхожденіе поколѣнія сары-усунъ говорять: 1) отсутствіе въ именахъ отдѣленій его такихъ, которыя имѣлись бы у дулатовъ и кангловъ; 2) нахожденіе въ составѣ его отдѣленія крыкъ или кыркъ, отъ имени котораго вѣроятно произошло самое имя кыргызовъ; 3) совершиліе отличіе сары-усунской тамги отъ дулатовскихъ и кангюйскихъ и принадлежность ея къ типу четырехъугольника, встрѣчающагося у киреевъ и остяковъ и указывающаго на динлинское его происхожденіе; 4) самое имя поколѣнія, вдвойнѣ подтверждающее, что оно является прямымъ и кореннымъ потомствомъ усуней, ибо не только носить имя усунъ, но съ приставкою къ нему сары, желтый, указывающею на наглядную отличительную черту физического типа древнихъ усуней, наследовавшихъ отъ динлиновъ ихъ свѣтлую окраску волосъ; иаконецъ 5) народный родословныя сказанія и преданія, признающія сары-усуней древнѣйшими обитателями страны и старѣйшимъ поэтому противъ всѣхъ остальныхъ поколѣніемъ или родомъ, что подтверждается и именованіемъ большой орды, въ средѣ которой обитаютъ немногочисленные сары-

у́йсуны, у́йсуновскою или ю́суновскою¹). Всё эти обстоятельства, въ своей созвучности, даютъ достаточныя основанія полагать, что сары-у́йсуны представляютъ собою остатокъ коренныхъ усуней, быть можетъ то самое поколѣніе, родъ или кость, къ которому принадлежала владѣтельная фамилія усуней и которое служило главною опорою ея власти надъ прочими поколѣніями усуньского союза. Не невозможно, что послѣ распаденія усуньского союза, безвозвратно утративъ свою власть и первенство, поколѣніе сары-у́йсунъ удалось изъ среды кара-киргизовъ и пристало къ кангламъ, а потомъ къ дулатамъ, когда они сдѣлялись преобладающимъ въ при-тиньшанской странѣ союзомъ. По своей малочисленности и особому происхожденію, сары-усунское поколѣніе не могло играть въ большой ордѣ вліятельной роли, а потому, во-первыхъ, оно, не фигурируетъ въ извѣстныхъ историческихъ событіяхъ, и, во-вторыхъ, вынуждено было вѣроятно и ранѣе довольствоваться для кочевокъ своихъ мѣстностями, подобными «Желтымъ горамъ песку». Въ такомъ же положеніи находится поколѣніе исты, также немногочисленное и также чуждое дулатамъ; оно занимаетъ дельту р. Или, столь же неизгодную для высокаго благосостоянія кочевниковъ-скотоводовъ мѣстность, какъ и Сары-тау-кумъ.

III. Типъ кара-киргизовъ и начинающіяся антропологическая изслѣдованія.

1) Выводы изъ предшествующихъ двухъ отдельловъ этого изслѣдованія о коронномъ составѣ кара-киргизовъ и большой орды и о примѣсахъ.

Выясненіе родовъ и костей и отношеній между ними у кара-киргизовъ и въ большой ордѣ, на основаніи свѣдѣній о существующихъ родовыхъ дѣленияхъ, легендарныхъ родословныхъ и историческихъ извѣстій, при помошни указаний, которые даютъ родовыя тамги, приводить, въ результатахъ двухъ предшествующихъ частей настоящей работы, къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Кара-киргизскій народъ образовался изъ части енисейскихъ кыргызовъ, ушедшей въ среднюю Монголію и составившей, въ соединеніи съ частью тамошнихъ тюркскихъ родовъ особаго отъ кыргызовъ происхожденія, усуньскій

¹) По словамъ Валиханова («Очерки Джуңгаріи», стр. 195), поколѣніе сары-у́йсунъ «считаетъ себя остаткомъ большого и сильного народа». Но онъ не приводитъ никакихъ преданій сары-у́йсунъ въ этомъ смыслѣ и о существованіи ихъ неѣтъ никакихъ свѣдѣній.

союзъ, занявшій въ половинѣ II вѣка предъ Р. X. западный Тяньшань и прилегающія съ сѣвера части степи. 2) Большая орда состоялась главнымъ образомъ изъ родовъ, принадлежавшихъ къ племени канглы и къ племени дулатъ, принявъ въ свою среду части кара-киргизскихъ родовъ и сохранившее свою особливость кара-киргизское поколѣніе сары-йисунъ. 3) Такъ какъ енисейские кыргизы представляли собою помѣсь тюрковъ съ динлинами, то въ основѣ кара-киргизского народа лежитъ кость сары, динлинского происхожденія. 4) Присоединившіяся къ кыргизамъ въ Монголіи части тюркскихъ родовъ были родственны дулатамъ. 5) Дулаты и канглы суть два особыхъ тюркскихъ племени, отличныя и отъ кара-киргизского, но въ составѣ дулатовъ есть основанія предполагать до-историческую примѣсь родственнаго предкамъ кыргизовъ динлиномъ племени, на столько однако не сильную, что дулаты ве отличались отъ прочихъ тюркскихъ "племень тою свѣтлою окраскою, которая составляла особенность кыргизовъ, еще въ VII вѣкѣ послѣ Р. X. отмѣчавшуюся китайцами у енисейскихъ киргизовъ.

Что касается до постороннихъ примѣсей въ составѣ кара-киргизовъ и большой орды, относящихся къ историческому времени, то, во первыхъ, примѣси эти количественно и качественно незначительны, и, во вторыхъ, они почти одинаковы у кыргизовъ и больше-ордынцевъ. Именно они состоять изъ киданей, монголовъ и калмаковъ, временно властовавшихъ въ Туркестанѣ, затѣмъ изъ частей постороннихъ киргизъ-казачьихъ родовъ, которыхъ, историческими событиями и случайностями, забрасывались въ среду кара-киргизовъ и больше-ордынцевъ, и наконецъ изъ осѣдлого населенія средней Азіи. Численность киданей и монголовъ, обитавшихъ въ Туркестанѣ, была не обогащено велика и притомъ значительнѣйшая часть остатковъ этихъ народовъ перешла изъ Туркестана въ Мавераннаръ и присоединилась или къ осѣдлому его населенію, или къ родамъ мѣстныхъ тюрковъ. Количество калмаковъ, попавшихъ въ плѣнъ и рабство къ киргизъ-казакамъ и кара-киргизамъ главнымъ образомъ во время бѣгства торгоутою съ Волги въ Китай, не превышало одного или двухъ десятковъ тысячъ душъ, часть которыхъ конечно успѣла въ разное время бѣжать къ соплеменникамъ, часть вымерла безъ потомства, еще часть продана въ сосѣднія страны и только меньшая осталась въ степи, распредѣлившись на всемъ ея огромномъ пространствѣ, отчего примѣсь калмакской крови не могла не быть ничтожной. Осѣдлое населеніе Мавераннарага иранской крови и помѣси его съ тюрками (сарты) конечно въ теченіи вѣсколькихъ тысячелѣтій приливали къ тюркскимъ родамъ Туркестана и Тяньшаня въ качествѣ военной добычи и отчасти путемъ браковъ, но примѣсь иранцевъ, которая главнымъ образомъ должна была отразиться на канглахъ,

въ концѣ концовъ также не могла быть значительной, потому что пѣнныи и рабы, такъ или иначе, уходили большою частью изъ чуждой имъ среды кочевниковъ въ осѣдлныи страны или вымирали безъ потомства.

Въ общемъ всѣ эти постороннія примѣси конечно оставили свои следы въ именахъ родовыхъ подраздѣлений (ктай, монгулдуръ, калмакъ, сартдаръ и пр.), но должны были принять языкъ и быть тюркскихъ кочевниковъ и не могли оказать на ихъ кровный составъ вліянія, сколько-нибудь приближающагося къ тому, какое принадлежитъ основнымъ элементамъ метисацій, создавшихъ коренные роды киргизъ-казаковъ и кара-киргизовъ. Примѣси изъ постороннихъ кара-киргизамъ киргизъ-казачьихъ родовъ также не велики, какъ уже упоминалось выше въ отношеніи больше-ордынцевъ на основаніи именъ родовыхъ подраздѣлений и тамгъ, за исключеніемъ разумѣется ташкентскаго уѣзда и отчасти чимкентскаго. У кара-киргизовъ этого рода примѣси значительны только въ Ферганѣ и замѣтны еще въ крѣпѣ соль, въ осталъной же, главной, массѣ ничтожны.

Гораздо большее вліяніе на этническій составъ больше-ордынцевъ и кара-киргизовъ должны были оказать смѣшанія между тѣми и другими, происходившія впродолженіи двухъ тысячелѣтій сосѣдственной жизни, часто подъ владычествомъ чуждыхъ обоимъ народовъ и въ борьбѣ съ общими врагами. Нельзя отвергать значительности совершившихъ вслѣдствіе этого метисацій, столь ясно выразившихъ въ образованіи смѣшанныхъ и сложныхъ родовъ. Роды эти и поколѣнія, возникшія въ при-тиньшанскихъ степяхъ, вошли однажоже, почти исключительно, лишь въ составъ большой орды, совершиенно слившись съ нею въ бытовомъ и язычномъ отношеніяхъ. Въ самый западный Тиньшань, въ горную страну, занимаемую кара-киргизами, степняки дулаты и канглы проникали мало и оттого въ составѣ кара-киргизскаго народа и этихъ примѣсей и смѣшанія родовъ относительно немного. Вслѣдствіе этого кара-киргизы представляютъ собою народъ, образовавшійся изъ значительно отличныхъ отъ большой орды и вообще киргизъ-казаковъ элементовъ и сохраняющей свой первоначальный составъ безъ важныхъ дальнѣйшихъ примѣсей уже болѣе двухъ тысячъ лѣтъ. Столь продолжительное существованіе въ одной и той же странѣ, притомъ горной, обезпечивающей въ значительной мѣрѣ возможность обособленности и самобытности, не могло не создать изъ кара-киргизовъ особаго народа, если бы они даже не отличались уже отъ больше-ордынцевъ и другихъ киргизъ-казаковъ своимъ основнымъ кровнымъ происхожденіемъ, хотя бросавшаяся въ глаза вывѣска, такъ сказать, этого происхожденія — свѣтлая окраска волосъ и глазъ — съ теченіемъ времени, подъ воздействиемъ, очевидно болѣе сильной тутъ, тюркской крови, утратилась. Этническій составъ больше-

ордынцевъ гораздо болѣе пестрѣ, такъ какъ кромѣ основныхъ метисацій, резултатомъ которыхъ были дулаты и канглы, въ составѣ большой орды и ея родовъ вошли отдельными семьями, частями родовыхъ подраздѣленій и даже цѣлымъ поколѣніемъ кара-киргизы, да количество и постороннихъ примѣсей было значительнѣе. Стоя въ иѣкоторой близости къ кара-киргизамъ по принятымъ отъ нихъ примѣсамъ, большая орда въ то же время составляетъ часть киргизъ-казачьяго народа, состоящаго изъ племенъ и родовъ, объединенныхъ, несмотря на значительное разнообразіе происхожденія, тюркскимъ языкомъ, бытомъ и пр., а также исторической жизнью, особенно въ продолженіе послѣднихъ четырехъ вѣковъ, со времени образования киргизъ-казачьяго союза, давшаго родамъ единство и въ политическомъ отношеніи. Къ сожалѣнію выясненіе отношеній большой орды къ остальнымъ киргизъ-казачимъ родамъ весьма трудно не только потому, что этническій составъ ихъ мало изслѣдованъ, но и потому, главнымъ образомъ, что для опредѣленія происхожденія главныхъ родовъ, т. е. элементовъ ихъ коренныхъ помѣсей, а также и для того, чтобы прослѣдить дальнѣйшія судьбы главныхъ родовъ, мало и такихъ, хотя и скучныхъ, историческихъ извѣстій, какія существуютъ относительно происхожденія кыргызовъ и ихъ исторіи, а также отчасти исторіи главныхъ родовъ большой орды. Существенныхъ выясненій по этому предмету, кажется, можно ожидать между прочимъ отъ антропологическихъ изслѣдований.

Всѣ эти выводы и соображенія обѣ этническому составѣ большой орды и кара-киргизовъ составляютъ результатъ свѣдѣній и данныхъ, принадлежащихъ главнымъ образомъ къ областямъ исторіи, этнографіи и языкоznанія. Между тѣмъ опредѣленіе и изученіе физического типа различныхъ расъ и племенъ составляетъ также задачу еще молодой, но обѣщающей сдѣлаться мощною и великою наукой—антропологіи. Въ послѣднее время антропологическая изслѣдованія начинаютъ распространяться и на киргизъ-казаковъ съ кара-киргизами, а потому необходимо изложить ихъ положеніе и результаты, чтобы выяснить — насколько они подтверждаютъ или опровергаютъ и измѣняютъ тѣ заключенія обѣ этническому составѣ и отношеніяхъ этихъ двухъ народовъ или племенъ, къ которымъ приводятъ данные, принадлежащія другимъ областямъ знанія.

2) Типъ кара-киргизовъ по наблюденіямъ путешественниковъ не-антропологовъ.

Уже султанъ Чоканъ Валихановъ (1856—1859 г.г.), указывая на то, что кара-киргизы отличаются отъ киргизъ-казаковъ «по языку, по происхож-

денію, по обычаямъ», утверждалъ, что «даже въ физиономіи бурутовъ есть что-то своеобразное, не кайсацкое» ¹).

В. В. Радловъ также находилъ, что «типъ кара-киргизовъ безусловно отличенъ отъ типа казаковъ, какъ это мнѣ,—говорить онъ,—особенно рѣзко показалось при первомъ моемъ посѣщеніи кара-киргизовъ рода бугу, въ 1862 году, на р. Каркарѣ. Физиономія кара-киргизовъ сильно напомнили мнѣ черты алтайскихъ горныхъ (такъ называемыхъ) калмыковъ и телеутовъ ²». По описанію того же ученаго, алтайцы вообще среднаго роста, коренасты и широкоплечи; ихъ тѣло не производить впечатлѣнія большой силы; они худощавы и очень мускулисты; руки и ноги небольшія; лица широки и плоски; лобъ узокъ и придавленъ кзади; глаза—маленькие, брови—большою частію узкія, скулы сильно выдающіяся, носъ—приплюснутый и соразмѣрно слишкомъ малый; ротъ—большой, съ толстыми губами, за которыми стоять два ряда крѣпкихъ, ослѣпительно бѣлыхъ зубовъ; подбородокъ большою частію острый; волосы на лицѣ скучны, даже на верхней губѣ; цвѣта волосы и брови чернаго, очень жесткіе ³). У киргизъ-казаковъ тотъ же монгольскій типъ, но лобъ не такъ сильно придавленъ къ зади, скулы выдаются менѣе, а носовая кость выставляется надъ уровнемъ лица больше впередъ, чѣмъ у алтайцевъ; у нихъ небольшой ротъ, черные, узко прорѣзанные, но неглубоко лежащіе глаза и слабая растительность волосъ на лицѣ. «Но кромѣ монгольскихъ физиономій большинства, находили мы почти во всѣхъ семействахъ отдѣльныя личности совсѣмъ другого типа: продолговато-овальное лицо, большіе, еще болѣе черные глаза, густыя брови, сильная растительность на бородѣ и выдающіяся, сильно выгнутый носъ» ⁴).

По Н. А. Сѣверцову (1864 — 1867 г.г.), форма черепа у кара-киргизовъ «обще-киргизская, коротко-головая, нѣсколько крышеобразно съуживается къ темени; черты лица менѣе разнообразны, чѣмъ у киргизъ-казаковъ; все скуластыя, широкія, угловатыя, плосконосыя, узкоглазныя лица, съ рѣдкими бородами. У киргизскихъ лицъ скулы и нижняя челюсть почти одинаковой ширины, такъ что окладъ лица приближается къ квадрату; скуловая дуга (*arcus zygomaticus*) мало отстаетъ отъ висковъ. У калмыцкихъ лицъ эта дуга весьма выпукла, такъ что окладъ лица приближается къ ромбическому» ⁵).

¹) «Очерки Джунгаріи» въ «Запискахъ геогр. общ.», 1861, кн. I, стр. 197.

²) *Aus Sibirien*, 1884, B. I, s. 526.

³) Тамъ же, s. 259.

⁴) *Aus Sibirien*, I, s. 411.

⁵) «Путешествія по туркестанскому краю», Сиб., 1873 г., стр. 16.

Приведеннымъ мнѣнію образованнаго и талантливаго киргизъ-казака, ока-
звшаго большія услуги этнографіи, исторіи и географіи западнаго Тянъшай-
и Восточнаго Туркестана, и наблюденіямъ самаго свѣдущаго въ восточныхъ
туркскихъ нарѣчіяхъ лингвиста,—лицъ, хорошо ознакомленныхъ во время сво-
ихъ многолѣтнихъ путешествій и съ киргизъ-казаками, и съ кара-киргизами,—
А. Н. Харузинъ, въ трудѣ своемъ о киргизахъ букеевской орды, противо-
поставляетъ мнѣніе «одного автора, мнѣніе цѣнное, потому что оно писано
киргизомъ-султаномъ Мендали Нираліевымъ»¹). Пираліевъ, «говоря о томъ,
что имя киргизъ принадлежитъ не киргизъ-кайгавамъ, которые сами назы-
ваютъ себя казаками, а кара-киргизамъ», пишетъ: «Киргизы—это особый отъ-
насъ народъ, обитающій около озера Иссыкуля и къ юго-востоку отъ него,
народъ одного съ нами тюркскаго племени, но политически совершенно намъ
чуждый». «Слѣдовательно»,—заключаетъ г. Харузинъ—«Пираліевъ считаетъ
кара-киргизовъ и казаковъ одного племени и лишь указываетъ, что разнѣ между
ними существуютъ только политическая. Это мнѣніе несомнѣнно вѣрно, такъ
какъ высказано самимъ киргизомъ»²). Приведя затѣмъ отзывъ В. В. Рад-
лова о типѣ кара-киргизовъ, г. Харузинъ продолжаетъ: «Противъ Радлова
говорить мнѣніе Пираліева и перевѣсть лежитъ на послѣднемъ: разъ кара-кир-
гизы (хотя и въ мелочахъ) въ языке, въ образѣ жизни, обычаяхъ, одеждѣ
отличаются отъ киргизовъ, то естественнѣе, что Пираліевъ, какъ киргизъ,
ихъ долженъ былъ бы считать за особый народъ, между тѣмъ онъ ихъ счи-
таетъ, за одно племя съ киргизами»³).—На самомъ дѣлѣ Пираліевъ со-
всѣмъ не киргизъ, а петербургскій уроженецъ и извѣстный профессоръ-орien-
талистъ В. В. Григорьевъ, пользуясь псевдонимомъ Мендали Пираліева
въ газетныхъ статьяхъ и едва ли видавшій хотя одного кара-киргиза. Въ при-
веденномъ отрывкѣ изъ статьи, напечатанной въ № 32 газеты «День»
1862 г., Григорьевъ ни малѣйше не касается вопроса о типѣ кара-кирги-
зовъ, а потому мнѣнія В. В. Радлова отрывокъ этотъ никакъ не опро-
вергаетъ. Изъ правильныхъ утвержденій Григорьева о томъ, что кара-киргизы
принадлежать къ одному съ киргизъ-казаками племени, т. е. тюркскому, и
что они однако составляютъ особый народъ, нѣть никакихъ основаній выво-
дить, что типъ кара-киргизовъ не отличается отъ казачьаго.

Конечно, опирающіяся на одни личныя впечатлѣнія и сравненія свидѣ-
тельства и сужденія,—хотя бы и людей, обладающихъ наблюдательностью и

¹) «Киргизы букеевской орды», вып. I, 1889 г., стр. 275.

²) Тамъ же, стр. 287.

³) «Киргизы букеевской орды», вып. I, стр. 287 и 288.

основательнымъ знакомствомъ съ даннымъ народомъ, — во всякомъ случаѣ недостаточны для несомнѣнного и точного опредѣленія физического типа народа, племени или вѣти послѣдняго, такъ какъ онъ составляютъ результатъ лишь субъективныхъ впечатлѣній каждого наблюдателя и могутъ быть очень часто ошибочны¹). Вѣрное выясненіе физического типа народа или племени и ихъ частей можетъ быть достигнуто лишь посредствомъ точныхъ научныхъ изслѣдований, при помощи наблюденій, описаній и измѣреній, произведенныхъ надъ достаточнымъ количествомъ особей, съ соблюдениемъ необходимыхъ для получения удовлетворяющихъ научнымъ требованиямъ результатовъ и материаловъ условий, методовъ и пріемовъ.

3) Антропологіческія изслѣдованія Уйфальви, Зеланда и др.

Первые антропологіческія изслѣдованія и измѣренія произведены были въ туркестанскомъ краѣ А. П. Федченко, но на кара-киргизъ не распространялись, и коснулись лишь осѣдлого населенія. Во время своего путешествія въ Кокань, въ 1871 году, онъ проникъ на Алай, но въ такое время года, когда кочевники уже удалились съ лѣтовокъ, почему онъ «вовсе не видаль алайскихъ киргизовъ въ ихъ лѣтовкахъ»²). «Въ первый разъ видѣлъ» онъ «предъ собою настоящихъ киргизовъ» въ верховыхъ р. Исфары, гдѣ къ нему явились «старшины» кочующихъ въ этой мѣстности ауловъ. «Въ наружности ихъ — говорить Федченко — я не замѣтилъ существенныхъ отличій отъ тѣхъ киргизовъ, которые пріѣхали съ нами изъ Ташкента»³). Подъ послѣдними Федченко разумѣлъ 6 джигитовъ, нанятыхъ имъ въ Ташкентѣ и принадлежавшихъ къ средне-ордынскому роду аргынъ. Но и киргизы, которыхъ Федченко видѣлъ на Исфарѣ и счѣль за «настоящихъ» киргизовъ, происходили также изъ средне-ордынского рода кипчакъ, судя по тому, что «самый главный» изъ явившихся старшинъ былъ «казы (судья) киргизъ-кипчаковъ».

Уйфальви, производившій въ 1877 году антропологіческія измѣренія населенія Ферганы, описываетъ типъ кара-киргизовъ слѣдующимъ обра-

¹) По г. А. Регелю, напр., кара-киргизы очень похожи на монголовъ не только по наружности, шапкамъ и пр., но и по языку (Petermann's Mitteilungen, 25 B., 1879, с. 412).

²) «Ізвѣстія и. общества любителей естествоизнанія, этнографіи и антропологіи при и. университѣтѣ», томъ XI, «Путешествіе въ Туркестанъ А. Ш. Федченко», т. 1, ч. 2, «Въ коканскомъ ханствѣ», Москва, 1875 г., стр. 150.

³) Тамъ же, стр. 70 и 71.

зомъ¹): «Кара-киргизы—среднаго²) роста; лобъ низкий, широкий³), немногого выпуклый (bombe);... скуды (pommettes)—очень выдающаяся и лицо очень угловатое;... нижняя челюсть—иногда выдающаяся; уши большие и оттопыренные;... борода рѣдкая и жесткая;... кожа безъ волосъ (glabre), очень смуглая даже на закрытыхъ частяхъ тѣла... Я думаю, что кара-киргизы и киргизъ-казаки составляли нѣкогда одинъ народъ; ихъ нравы, обычай, даже суевѣрія и теперь еще одинаковы. Что касается типа, то, натурально, въ зачай разнобразиѣ, чѣмъ кара-киргизскій. Киргизъ-казаки смѣшивались со множествомъ народовъ и на типѣ ихъ это конечно ясно отражается...⁴) Наибольшая разница—въ окраскѣ кожи закрытыхъ частей тѣла: у кара-киргизъ она много темнѣе, чѣмъ у киргизъ-казаковъ».—Сдѣланныя мною къ этой характеристицѣ типа кара-киргизовъ примѣчанія показываютъ, что она является результатомъ субъективныхъ и поверхностныхъ впечатлѣній путешественника, который употребилъ на все свое путешествие по Ферганѣ и изученіе ея природы и населенія только около двухъ мѣсяцевъ и не обладалъ достаточными этнографическими обѣзъ этомъ населеніи свѣдѣніями. Уйфальви не былъ на Алайѣ, гдѣ какъ разъ во время его поѣздки находились кара-киргизы на лѣтовкахъ, стало быть не видалъ настоящихъ кара-киргизовъ ко-

¹) *Expédition scientifique française en Russie, en Sibérie et dans le Turkestan* (vol. I). *Le Kohistan, le Ferghanah et Kouldja*, par. Ch. E. de Ujfalvy de Mesö-Kovesd, Paris, 1878, p. 66, 67.

²) Между тѣмъ, по среднему выводу самого Уйфальви изъ его измѣреній, ростъ кара-киргизовъ опредѣленъ въ 1705 м.м., т. е. высокий: ростъ болѣе 1700 м.м. антропологи считаютъ высокимъ, между 1700 и 1650 м.м.—выше среднаго, между 1650 и 1600 м.м.—ниже среднаго и менѣе 1600 м.м. малымъ (Харузинъ «Киргизы букеевской орды» вып. 2, ч. I, стр. 46). Противорѣчіе у Уйфальви въ данномъ случаѣ произошло отъ того, что мнѣніе о среднемъ ростѣ напечаталъ онъ въ 1878 году, на основаніи субъективныхъ впечатлѣній, среднѣ-же выводы изъ антропологическихъ наблюдений появились лишь въ 1880 году (vol. III, p. 16); притомъ-же и измѣренія произведены были большою частію не лично, а сопровождавшимъ его учителемъ гимназіи Мюллеромъ.

³) На основаніи имѣющихся измѣреній, въ томъ числѣ и принадлежащихъ Уйфальви, А. Н. Харузинъ («Киргизы букеевской орды», вып. 2, ч. I, стр. 211) привелъ напротивъ въ заключенію, что у кара-киргизовъ лобъ относительно много уже, чѣмъ у киргизовъ вообще: у кара-киргизовъ 63,09, у киргизъ-казаковъ по измѣреніямъ Мацѣевскаго 75,90, у среднѣ-ординацевъ 69,13, у букеевцевъ 66,12.

⁴) Позднѣе (vol. III, 1880, p. 41) Уйфальви напротивъ утверждаетъ, что кара-киргизы «смѣшивались болѣе, чѣмъ киргизы степи», т. е. киргизъ-казаки. «Но, даже у первыхъ—продолжаетъ онъ—это смѣшаніе не было очень сильнымъ. Волосатость лица (la rilosit  de la face), выдающаяся носъ, наряду съ другими чертами, чисто монгольскими, дѣлаютъ изъ кара-киргиза тюрко-монгола болѣе смѣшанного, чѣмъ киргизъ-казакъ Турукестана, который сохранилъ одинъ и тотъ-же типъ со временемъ Шано-Каршии». При этомъ Уйфальви замѣчаетъ, что туркестанскихъ киргизъ-казаковъ «не надо смѣшивать съ к.-казаками Сибири и окрестностей Оренбурга».

чевниковъ. Исторія кара-киргизовъ и родовыя ихъ подраздѣленія остались ему неизвѣстными. Между тѣмъ, по словамъ антрополога, который лично, на измѣреніяхъ въ средней ордѣ, увидѣлъ — какая иногда огромная разница оказывается въ антропологическихъ признакахъ между родами киргизъ-казаковъ, смѣжно живущими и принадлежащими одной и той-же ордѣ и одному и тому-же уѣзду, — «для изслѣдователя, изучающаго физический типъ той или другой народности», необходимо «собрать возможно полныя свѣдѣнія о каждомъ родѣ въ отдельности и прослѣдить, если можно, историческую судьбу его съ самого его образованія: какъ онъ выдѣлился изъ цѣлаго народа, съ какими родами, своего или чужаго народа, чаще всего приходилъ въ соприкосновеніе, не вѣль-ли войнъ, при которыхъ онъ могъ захваченныхъ въ пленъ женщинъ обращать въ свои жены... и. т. под. Всѣ эти свѣдѣнія могутъ, по нашему, оказать изслѣдователю цѣнныя услуги при выясненіи вопроса: какимъ образомъ сложился тотъ или иной типъ изслѣдуемаго имъ народа, на сколько онъ чистъ, самобытенъ, если можно такъ выразиться, какая инородная кровь могла приливаться къ нему, какія, благодаря ей, произошли уклоненія и измѣненія въ немъ и пр.» ¹⁾).

Уйфальви издалъ измѣренія 26 мужчинъ, которыхъ называетъ кара-киргизами, относя затѣмъ къ кара-киргизамъ вообще тѣ средніе выводы, которые получаются изъ измѣреній этихъ 26 лицъ. Но при разсмотрѣніи приложенныхъ къ I тому его сочиненія таблицъ оказывается, что собственно кара-киргизами именуетъ онъ только 12 измѣренныхъ субъектовъ, остальныхъ-же и самъ называетъ киргизъ-кипчаками. Измѣреніе 12 будто-бы кара-киргизовъ произведены въ Маргеланѣ, изъ чего надо заключить, что люди эти принадлежать маргеланскому уѣзду, а отсюда слѣдуетъ вывести, что едвѣ-ли они могутъ быть настоящими кара-киргизами, ибо коренные кара-

¹⁾ А. А. Ивановскій, «Антропологический очеркъ торгоутовъ тарбагатайской области», Москва, 1893 г., стр. 35 и 36. Замѣчательно, что въ этомъ интересномъ труде, авторъ которого обладалъ богатыи матеріаломъ, ить самыи добытыи и обработанныи, нѣть однако никакихъ антропологическихъ выясненій по вопросамъ о происхожденіи торгоутовъ и составляющихъ ихъ родовъ, а также о взаимныхъ другъ на друга вліяніяхъ, въ антропологическомъ отношеніи, этихъ родовъ другъ на друга и со стороны другихъ калмакскихъ родовъ, а также тюркскихъ, съ которыми они приходили въ соприкосновеніе и миграціи. Авторъ не разъясняетъ причинъ, но вѣроятно онъ заключаются между прочимъ въ недостаточности свѣдѣній по вопросамъ о происхожденіи калмаковъ вообще и ихъ родовъ. Не лишнимъ, думаю, въ этомъ отношеніи интереса разъясненія, которая пытается и сдѣлать по этимъ вопросамъ, на основаніи главнымъ образомъ историческихъ данныхъ, въ не разъ уже упомянутомъ не напечатанномъ труде моемъ по исторіи западнаго Тиньшана, при изложеніи исторіи борьбы киргизъ-казаковъ и кара-киргизовъ съ калмаками, где пришлось коснуться происхожденія послѣднихъ.

киргизы лѣвой стороны Сыръ-Дарьи, составляющіе поколѣніе адгене, состоять въ ошскомъ уѣздѣ, въ маргеланскомъ-же имѣютъ зимовки лишь отдѣленія ичкликовъ, представляющихъ собою союзъ изъ постороннихъ въ отношеніи истинныхъ кара-киргизовъ примѣсей. Въ частности эти 12 лицъ, показавшихъ мѣстами своего рожденія кишлаки маргеланского уѣзда (въ число именъ которыхъ попало Ourochtch —очевидно русское слово уро чи ще), назвали своими родами: одинъ—тюеласъ (tuelas), другой—тактакъ, третій—ургу, четвертый—канглы, трое—найманъ, роды-же остальныхъ пяти не указаны. Имена названныхъ родовъ (тактакъ и тюеласъ впрочемъ мнѣ нигдѣ не встрѣчались) подтверждаютъ, что, если измѣренные 12 лицъ имѣютъ како-нибудь отношеніе къ кара-киргизамъ, принадлежать они во всякомъ случаѣ къ постороннимъ примѣсамъ, входящимъ, вѣроятно, въ составъ ичкликовъ и не могущихъ служить для опредѣленія антропологическихъ признаковъ настоящихъ кара-киргизовъ. Что касается до 14 киргизъ-кипчаковъ, то, по словамъ Уйфальви (въ примѣчаніяхъ на таблицахъ), «киргизъ-кипчаки составляютъ одинъ изъ родовъ кара-киргизовъ и обитаютъ больше въ андиджанскомъ уѣздѣ. Это кочевое и воинственное населеніе, на которое даже теперь смотрѣть, какъ на самое беспокойное въ новой русской ферганской области. Не надо смѣшивать ихъ съ кипчаками (узбеками), отъ которыхъ они по типу отличны». На самомъ дѣлѣ кочевыхъ кипчаковъ въ Ферганѣ уже въ 1877 году было очень немного и входили они, какъ выше выяснено, въ составъ ичкликовъ, остальные-же, именно кипчаки андиджанского уѣзда, вели уже жизнь полуосѣдлую, нынѣ-же они въ большинствѣ обратились къ осѣдлой жизни. Во всякомъ случаѣ кипчаки, кочевые-ли, осѣдлые или полукочевые, никоимъ образомъ о коренныхъ кара-киргизахъ понятія дать не могутъ, ибо принадлежать къ особому племени, не имѣющему съ кара-киргизами ничего общаго въ антропологическомъ отношеніи кромѣ частицы общей обоймы тюркской крови.

Чтобы выяснить—насколько вѣрно утвержденіе Уйфальви объ особомъ типѣ кипчаковъ противъ кочевыхъ кипчаковъ или киргизъ-кипчаковъ, какъ онъ ихъ называетъ, я приведу слѣдующія среднія цифры, полученные изъ принадлежащихъ ему-же самому антропологическихъ измѣреній:

	Ростъ въ мм.	Скуловой диаметръ въ мм.	Головной указатель.
1 тюеласъ, 1 канглы, 1 тактакъ и 1 ургу	1742,50	138,25	84,77
3 наймана	1700,00	133,33	88,37
5 неизвѣстныхъ родовъ	1702,50	135,00	82,05

	Ростъ въ ми.	Скуловой діаметръ въ ми.	Головной указатель.
Всѣ 12 названныхъ кара-киргизами.	1716,36	136,16	84,56
Всѣ 26 кара-киргизовъ и киргизъ- кипчаковъ	1705,00	135,00	84,47 ¹⁾
Только 14 киргизъ-кипчаковъ . .	1697,14	135,28	86,26
17 кипчаковъ, показанныхъ Уйфаль- ви въ числѣ узбековъ. . . .	1700,00	132,58	87,31

Изъ этихъ цифръ видно, что 14 киргизъ-кипчаковъ и 17 кипчакъ-узбековъ столь близки, что видимо принадлежать къ одному поколѣнію или племени, и что найдены также походить всего ближе къ нимъ же, какъ и можно было ожидать отъ племени средней же орды. Что касается до 4 тюе-лясъ и пр. и 5 неизвѣстныхъ родовъ, то они сильно разнятся отъ кипчаковъ и между собою, во всакомъ же случаѣ не могутъ быть почитаемы за досто-вѣрныхъ кара-киргизовъ.

Итакъ измѣренія Уйфальви не доставили необходимыхъ для антрополо-гического изслѣдованія кара-киргизовъ данныхъ. Несравненно цѣннѣе и удо-влетворительнѣе матеріалъ, доставленный измѣреніями 40 кара-киргизъ муж-чинъ и 10 женшинъ, произведенными въ 1883 году Н. Л. Зеландомъ ²⁾. Къ сожалѣнію и этотъ матеріалъ не отвѣчаетъ нѣкоторымъ важнымъ условіямъ. Во первыхъ, изслѣдованія произведены на самой границѣ кара-кирги-зовъ съ киргизъ-казаками большой орды, гдѣ должна быть наиболѣе чувстви-тельна постоянная примѣсь киргизъ-казачьей крови путемъ браковъ. Во вто-рыхъ, въ точности неизвѣстно—къ какимъ родамъ и костямъ принадлежать измѣравшіеся субъекты. По надписямъ на таблицахъ, 30 лицъ измѣreno въ ущельи Иссыгаты и 10 въ г. Пишикѣ, въ самой же статьѣ д-ра Зеланда пояснено, что «субъекты, измѣренные въ Иссыгатахъ, всѣ относились къ одной волости, въ Пишикѣ—къ разнымъ» ³⁾. Надо полагать, что измѣравшіеся въ Иссыгатахъ принадлежатъ къ тынаевской волости, стало быть къ поколѣнію сарыбагышъ и отдаленію тынай, но близка къ той же мѣстности одна изъ сутинскихъ волостей, а затѣмъ кости все же остаются совершенно неиз-вѣстными. Между тѣмъ, въ виду выясненного выше состава кара-киргизовъ, для правильнаго антропологического изученія кара-киргизовъ необходимо изслѣ-

¹⁾ Согласно поправкѣ А. Н. Харузина (см. «Киргизы букеевской орды», вып. 2, часть I, стр. 161).

²⁾ Таблицы измѣреній приложены къ статьѣ «Киргизы» въ «Запискахъ западно-сибирскаго отдѣла и. р. геор. общества», книжка 7, вып. 2, Омскъ, 1885 года.

³⁾ «Киргизы», стр. 33.

довать не только каждое главное родовое подразделение этого народа, но и главнейшая кости, потому что только въ такомъ случаѣ выясняются и антропологическая составные части и ихъ взаимодѣйствіе. Такимъ образомъ на доставленный г. Зеландомъ материалъ приходится смотрѣть лишь какъ на начало антропологическихъ изслѣдований, дающее основы только для слишкомъ общихъ и неопределенныхъ заключений, имѣя при томъ въ виду, что отличія кара-киргизовъ отъ киргизъ-казаковъ большой орды у большей части изслѣдованныхъ людей могли быть въ значительной степени слажены и измѣнены вслѣдствіе метисаціи посредствомъ браковъ, особенно частыхъ между двумя народностями на границѣ ихъ земель.

Еще менѣе удовлетворителенъ материалъ для антропологического изученія киргизъ-казаковъ большой орды. Докторомъ же Зеландомъ, въ 1884 году, въ г. Вѣрномъ, произведены «измѣренія 10 мужчинъ и 10 женщинъ киргизъ-казаковъ, принадлежащихъ къ различнымъ волостямъ обширнаго вѣренского уѣзда»: стало быть неизвѣстно ни поколѣній, ни родовъ и отдѣлений, тогда какъ родовые подраздѣленія въ большой ордѣ разнаго происхожденія, а это не можетъ не отражаться на ихъ антропологическихъ признакахъ. Затѣмъ, вътомъ 1882 года, военные врачи Мацѣевскій и Поярковъ, въ числѣ 11 народностей и племенъ кульджинского района, выполнили антропологическіи измѣренія 30 киргизъ-казаковъ¹). Къ сожалѣнію, наблюдатели не

1) Таблицы антропологическихъ измѣреній, произведенныхъ г.г. Мацѣевскимъ и Поярковымъ, по порученію тогдашнаго стечнаго генераль-губернатора Г. А. Колпаковскаго, изпечатаны въ Омскѣ, въ 1883 году, имѣя въ качествѣ предисловія «Краткія этнографическія замѣтки о туземцахъ бывшаго кульджинского района», составленныя тѣми же лицами. Излагая неблагопріятныя обстоятельства, при которыхъ производились антропологическіе работы (Кульджа уже была передана китайцамъ и привнесшее русское подданство населеніе усиленно и поспѣшно выселялось, отошедшее же къ китайцамъ было для изслѣдователей недоступно), авторы говорятъ: «Самый большой контингентъ для измѣреній доставила намъ наша городская милиція, присылая всѣхъ тѣхъ, которые попадались въ нее за беспорядки». — Необходимо обратить вниманіе на иѣкоторыи самыя крупныи ошибки въ «Краткихъ этнографическихъ замѣткахъ» г.г. М. и Ц., которые уже вводили въ заблужденія иѣкоторыхъ антропологовъ: Калмыки, названные турфанскими, никакаго отношенія къ г. Турфану не имѣютъ; настоющее название ихъ есть дурбани (отсюда въ «Краткихъ замѣткахъ» ошибочно турфа искіе) или дурбунъ-сумунъ, т. о. четыре сумуна или роты, эскадрона; обитаютъ они на ур. Тогузъ-торау, близъ сіянія Тексеа съ Кунгесеомъ, и представляютъ собою остатки блгтовъ-цзунгаровъ. Арбунъ-сумуновцы названы (стр. 48) «калмыки (рабочій классъ)» вѣроятно единственно потому, что встречаются чаще другихъ калмыковъ наемными работниками въ таранчинскихъ селеніяхъ, къ которымъ живутъ ближе всѣхъ другихъ калмыковъ. Торгоуты наименованы «блѣлая кость—дворяне» (стр. 47) безъ правильнаго основанія, ибо, какъ у многихъ другихъ калмыцкихъ и монгольскихъ родовъ, блѣлую кость у нихъ составляютъ лишь наследственные старшины или кніязы. «Калмыки (чахары)» отнюдь не калмыки, не западные монголы, а монголы, и при томъ настоющіе восточные монголы, переселенные изъ южной Монголіи на «Новую границу» во второй половинѣ XVIII столѣтія.

дали никакихъ свѣдѣній ни о родахъ, ни о волостахъ. Между тѣмъ въ Кульд-жинскомъ районѣ въ то время находились киргизъ-казаки средней орды родовъ Кызай и Байджигитъ, принадлежащіе племени найманъ, и большой орды Поколтій адбанъ и Суванъ¹). За неуказаниемъ родовъ, останется неизвѣстнымъ—какой ордѣ и какому роду принадлежитъ каждый измѣренный субъектъ. Такъ какъ Кызай кочевали къ Кульджѣ, гдѣ производились измѣрения, ближе другихъ родовъ, то надо полагать, что большая часть изъ 30 лицъ суть Кызай, и это тѣмъ вѣроятнѣе, что Кызай, по моимъ личнымъ впечатлѣніямъ, вообще отличаются сравнительно съ другими родами меньшимъ ростомъ, измѣрения же г.г. Мацѣевскаго и Пояркова дали въ общемъ выводѣ ростъ ниже средняго. Вслѣдствіе неозначенія родовъ и орды, измѣрения г.г. Мацѣевскаго и Пояркова не могутъ правильно служить для антропологического изученія ни большой орды, ни средней, и остаются для большой орды только измѣрения д-ра Зеланда, но и онѣ не даютъ необходимаго материала, во первыхъ, по слишкомъ малому числу измѣренныхъ, во вторыхъ, по неизвѣстности родовъ, и въ третьихъ, по невыполненію многихъ существенныхъ измѣрений.

4) Трудъ А. Н. Харузина и его мнѣнія.

Сравнительное антропологическое изученіе киргизъ-казаковъ и кара-киргизовъ начато въ обширномъ трудѣ А. Н. Харузина «Киргизы букоевской орды, антрополого-этнологической очеркъ». Первый выпускъ этого замѣчательнаго, начинающаго истинно научное изслѣдованіе физического типа киргизъ-казаковъ и кара-киргизовъ, труда вышелъ въ 1889 году (т. 63 «Ізвѣстій и. общества любителей естествознанія, антропологии и этнографии, состоящаго при и. московскомъ университѣтѣ») и содержитъ въ себѣ довольно обширный трактатъ «о распаденіи стариннаго быта киргизовъ, замѣчаемомъ въ букоевской ордѣ» (стр. 25—156), въ которомъ авторъ доказываетъ, что «киргизское племя идетъ въ своеемъ национальномъ быту къ упадку и букоевская

¹) Относительно сувановъ д-ръ А. Регель сдѣлалъ замѣчаніе, что въ нихъ есть значительная примѣсь сартовской крови (Petermann's Mittheilungen, 25 В., 1879, с. 412). И я, по своимъ наблюденіямъ, могу это подтвердить, но съ оговоркой, что число такъ называемыхъ чала-казаковъ (помѣсь киргиза съ сартомъ), которымъ именно и вызываются своими не-киргизскими лицами отзымы о примѣси сартовской крови, не превышаетъ многихъ десятковъ индивидуумовъ или семействъ. Какъ люди торговые и служащіе приказчиками, джигитами, старшинами, говорящіе притомъ иногда и по-русски, чала-казаки эти всего чаще имѣютъ дѣло съ русскими, особенно съ должностными лицами. Не мудрено, что именно къ нимъ принадлежать тѣ субъекты, которые въ таблицѣ Е. г.г. М. и И. наименѣе брахицефаличны.

орда идетъ въ этомъ упадкѣ впереди; для подтверждѣнія своего тезиса авторъ разсматриваетъ родовое, сословное, семейное «устройство» киргизовъ, ихъ религіозныя представлѣнія, образъ жизни, судоустройство и судопроизводство, празднства, игры, пѣсни, могилы, тамги и пр. Затѣмъ собственно антропологіи киргизовъ предпосланы свѣдѣнія и соображенія о «школьномъ образованіи, движеніи народонаселенія, обѣ экономическомъ положеніи, о характерѣ киргизовъ, о физическихъ свойствахъ, о болѣзняхъ, о питаніи» (стр. 157—260). Антропологія посвящена вторая половина этого выпуска, въ которой авторъ трактуетъ о типѣ киргизовъ (стр. 261—290), о волосахъ, бородѣ, глазахъ, кожѣ, носѣ, губахъ и зубахъ (291—302) и приступаетъ къ разсмотрѣнію измѣреній, начавъ съ роста и перейдя къ туловищу и конечностямъ (стр. 303—406) и затѣмъ къ измѣреніямъ головы (407—538). Вышедшая въ 1891 году I часть 2-го выпуска занята (стр. 40—824) сравнительнымъ изложеніемъ измѣреній роста и головы, сдѣлавшихся автору известными послѣ выхода выпуска I и относящихся къ киргизамъ же, а также сравненіями съ результатами антропологическихъ измѣреній различныхъ тюркскихъ, монгольскихъ и другихъ племенъ и народовъ. Вторая часть втораго выпуска, въ данномъ случаѣ наиболѣе для настѣ нужная, въ которой авторъ долженъ быть изложить результаты разсмотрѣнія помѣщенныхъ въ двухъ первыхъ огромныхъ томахъ цифръ, «объяснительный къ этимъ цифрамъ текстъ и заключительныя главы, изъ которыхъ каждая посвящена» отдельной народности, еще не появлялась, къ большому сожалѣнію, особенно если авторъ такъ и не довершилъ начатаго имъ труда ¹⁾.

Въ первомъ выпускѣ, приведя описанія типа киргизъ-казаковъ, принадлежащія путешественникамъ и писателямъ и оказывающіяся весьма разнообразными и противорѣчивыми, А. Н. Харузинъ присоединяется къ мнѣнію В. В. Радлова, Мендали Шираліева и другихъ, что киргизская народность образовалась изъ соединенія разныхъ народовъ и племенъ. Слитіе разнородныхъ элементовъ въ одну народность объясняетъ онъ вліяніемъ ихъ общаго мѣста обитанія—степи, объединяющей своихъ обитателей, а не раздѣляющей, какъ горы, а также, «частью», «вліяніемъ героевъ, подобныхъ Атиллѣ или Чингизъ-хану». Это сляніе произошло не сразу, послѣ продолжительныхъ между разными элементами междоусобій, продолжавшихся до тѣхъ поръ, «пока не протекла въ жилахъ всѣхъ капля общей крови, связавшей всѣхъ родственными

¹⁾ Къ I выпуску приложенъ «Біографический указатель сочиненій и статей, касающихся какъ самихъ киргизовъ, такъ и странъ, ими занимаемыхъ». Указатель этотъ, являющійся наиболѣе полнымъ изъ доселѣ напечатанныхъ, перепечатанъ во 2 выпускѣ съ значительными дополненіями.

кровными узами»¹). По мнению г. Харузина, «строго определенного типа киргиза нетъ... Средний преобладающий типъ... существует: ростъ средний, сложение плотное, грудь хорошо развитая, тѣло склонное къ ожирѣнію, ноги короткія, кривые, довольно рѣдкая борода, глаза нерѣдко съ болѣе или менѣе выраженою складкою верхней вѣки, довольно значительная скуластость, большія, нерѣдко оттопыренныя уши»...²). Происхожденіе средняго типа объясняется такъ: «Разъ, положимъ, смѣшиваются двѣ расы, то потомство ихъ въ силу закона наслѣдственности, будетъ носить на себѣ соединенные признаки и той и другой расы, и, следовательно, составить средний типъ..., но... будутъ появляться (и) субъекты съ преобладающими чертами той или другой стороны... Чѣмъ смѣсь... болѣе стара, тѣмъ болѣе будетъ преобладать средний типъ, т. е. продуктъ смѣси элементовъ»³). «Разновидность, которую мы встрѣчаемъ въ типѣ киргизовъ, заставляетъ насть предполагать, что составные элементы этого племени соединились и слились въ недавнее время, или, что болѣе вѣроятно, что смѣсь была уже давно, что породило нѣкоторый средний типъ, но повторялась приливомъ новыхъ элементовъ въ киргизское племя». Въ качествѣ такихъ новыхъ элементовъ г. Харузинъ указываетъ на рабовъ и военнопленныхъ, и на башкировъ и калмыковъ, приливъ которыхъ относится къ XVIII вѣку⁴). «Кромѣ средняго типа встрѣчаются типы, клонящіеся то къ кавказской, то къ монгольской расѣ»...⁵). Въ I же выпускѣ въ заключеніяхъ по разсмотрѣнію антропологическихъ измѣреній, г. Харузинъ находитъ, что вышеизложенное подтверждается изученіемъ измѣреній, и дѣлаетъ следующія дополненія и поясненія: 1) «Среди киргизовъ замѣтно три господствующихъ типа, изъ которыхъ одинъ преобладаетъ»... Это основывается на томъ, что исследователь усматриваетъ «въ большинствѣ измѣреній головы три преобладающихъ центра въ рядахъ колебаний». 2) «Форма головы сильно брахицефалическая»... 3) «Лицо довольно скуластое, съ темнымъ цвѣтомъ кожи, широкимъ носомъ»⁶), довольно рѣдкою, поздно вырастающею, черною бородою»...⁷).

Относительно кара-киргизовъ авторъ говоритъ: «Нетъ никакихъ оснований считать кара-киргизовъ за особую отъ киргизовъ антропологическую

¹) Выпускъ 1, стр. 277 и 278.

²) Тамъ же, стр. 279, 281, 282.

³) Вып. I, стр. 282.

⁴) Тамъ же, стр. 286.

⁵) Ibid., стр. 283.

⁶) «Съ горбомъ» (стр. 302): такую форму носа авторъ объясняетъ результатомъ и смѣшанія... элементовъ монгольской и кавказской расы» (стр. 301).

⁷) Вып. I, стр. 537.

группу; напротивъ, все говорятьъ за то, чтобы кара-киргизовъ считать съ киргизами за одну антропологическую народность; многія колебанія въ цифрахъ, полученныхъ на кара-киргизахъ, слѣдуетъ объяснять тѣмъ, что изслѣдовались исключительно одни взрослые кара-киргизы, и быть можетъ, отчасти — болѣе стойкимъ типомъ ихъ въ сравненіи съ типомъ киргизовъ, обусловливаемымъ жизнью въ горахъ, т. е. въ замкнутой средѣ¹).

Я не могу входить здѣсь въ подробный разборъ приведенныхъ мнѣній А. Н. Харузина и ограничусь возможно краткими замѣчаніями. Всѣ писатели, высказывавшіяся по вопросу о происхожденіи киргизъ-казаковъ, мнѣнія которыхъ приведены г. Харузінъ, признаютъ, что виргизъ-казаки во всякомъ случаѣ есть соединеніе родовъ и племенъ, происшедшіхъ отъ смѣшевій различныхъ народностей и племенъ съ племенемъ тюркскимъ. Въ такомъ случаѣ очевидно, что общую связь между составными частями или родами, изъ которыхъ составились и состоятъ киргизъ-казаки, въ антропологическомъ отношеніи является тюркская кровь: общій всѣмъ безъ исключенія родамъ, поколѣніямъ и пр. киргизъ-казаковъ тюркскій элементъ именно и есть та «капля общей крови, свазавшей всѣхъ родственными кровными узами», образованіе которой г. Харузінъ предполагаетъ какъ результатъ многовѣковыхъ совместной жизни, столкновеній и смѣшений разныхъ народовъ и племенъ, обитавшихъ въ киргизской степи. Не отвергая возможности образованія общихъ антропологическихъ элементовъ (существованіе которыхъ однако необходимо выяснить и доказать, чего у г. Харузина еще далеко не сдѣлано) вслѣдствіе постоянныхъ и многовѣковыхъ смѣшений, нельзя, однакоже, кажется мнѣ, не видѣть, что эти элементы лишь добавились со временемъ къ составляющему главную общую связь между разнородными частями киргизъ-казачьей народности тюркскому антропологическому элементу. Вслѣдствіе этого, тотъ преобладающій типъ, который, по г. Харузіну, обнаруживаютъ антропологическія измѣненія и наблюденія, естественно предполагать тюркскимъ типомъ²). Зада-

¹) Вып. I, стр. 405, 406 и 537.

²) По словамъ Топицкаго («Антропология», перевѣдь Мечникова, Спб., 1879 года, стр. 457), «первоначальный тюркскій типъ долженъ быть существовать, но... въ настоящее время его невозможно опредѣлить». Подобное мнѣніе, если и могло быть допустимо, то развѣ при томъ состояніи науки, въ какомъ она находилась почти четверть вѣка назадъ, но отнюдь не для будущаго. Антропология столь же невозможно отказаться отъ выясненія первоначального или основного тюркскаго типа, въ силу несуществованія въ настоящее время тюркской крови въ несмѣшанномъ видѣ, какъ и отъ опредѣленія типовъ остальныхъ племенъ и расъ, ибо чистыхъ и несмѣшанныхъ болѣе или менѣе расъ и племенъ совсѣмъ не существуетъ. Задача въ отношеніи тюркскаго типа можетъ казаться болѣе трудною, потому что тюрки распространялись на огромныя прѣстранства и смѣшивались

тѣмъ изъ остальныхъ двухъ преобладающихъ типовъ (на самомъ дѣлѣ, измѣренія напр. роста обнаруживаютъ четыре или даже пять центровъ колебаній) для букеевской орды, къ которой главнымъ образомъ относятся цифры I выпуска труда г. Харузина, одинъ можетъ почитаться западно-динлискимъ, а другой финно-угорскимъ, да должны быть, по историческимъ, этнографическимъ и лингвистическимъ даннымъ и соображеніямъ, слѣды самодѣскаго типа. Все это можетъ быть выяснено сравненіемъ букеевскихъ измѣреній съ измѣреніями соотвѣтствующихъ племенъ, но особенно это было бы ясно, если бы измѣренія букеевскихъ киргизъ были сдѣланы по родамъ и если бы происхожденіе родовъ было по возможности опредѣлено на основаніи ихъ имёнъ, тамгъ, историческихъ извѣстій и пр., подобно тому, какъ сдѣланъ въ настоящей статьѣ опытъ такого опредѣленія для родовъ и костей большой орды и кара-киргизовъ.

Что касается большой орды и кара-киргизовъ, то г. Харузинъ не обладалъ и при изданіи 1 части 2 выпуска его труда достаточными материалами и впалъ въ ошибки, почитая измѣренія г.г. Мацѣевскаго и Пояркова относящимися къ большой ордѣ, тогда какъ онъ произведены вѣроятно надъ субъектами главнымъ образомъ средней орды, и считая 26 измѣреній Уйфальви произведенными надъ кара-киргизами, между тѣмъ какъ онъ выполнены на самомъ дѣлѣ преимущественно надъ особями, принадлежащими постороннему племени кипчаковъ и пр.

По вопросу о томъ—составляютъ или нѣтъ кара-киргизы особую оть киргизъ-казаковъ антропологическую группу, необходимо имѣть въ виду, что, какъ тюрки, кара-киргизы принадлежать къ антропологической группѣ тюрскихъ племенъ и изъ племенъ и народовъ тюрскихъ стоять всего ближе къ киргизъ-казакамъ. Общий тюркскій корень не мѣшаетъ однако тюркскимъ племенамъ и народамъ имѣть весьма глубокія и важныя другъ отъ друга особенности, между прочимъ и антропологія, вслѣдствіе происхожденія отъ различныхъ съ тюркской кровью помѣсей съ разными племенами и народами. И по нѣкоторому сходству помѣсей, кара-киргизы составляютъ съ киргизъ-казаками особую подгруппу въ общей антропологической группѣ тюрскихъ народовъ. Но и эта подгруппа, по различію и значенію примѣсей, должна быть раз-

со множествомъ племенъ и расъ, но она конечно можетъ быть и должна быть разъяснена. Антропологическое изученіе киргизъ-казаковъ и кара-киргизовъ особенно необходимо для выполненія этой задачи, потому что, по своему географическому положенію, эти два народа избѣжали тѣхъ позднѣйшихъ и особенно разнообразныхъ примѣсей, какія прибавились къ первоначальнымъ у западныхъ тюркскихъ племенъ въ восточной Европѣ, Персіи и Малой Азіи.

дѣлена на антропологическіе отдѣлы. Кара-киргизы составляютъ одинъ изъ этихъ отдѣловъ, существующій значительно отъ другихъ отличаться не только по происхожденію отъ особенно сильного смышенія тюрковъ съ енисейскими динлинами, создавшаго народъ, поражавшій тюрковъ и китайцевъ внѣшними особенностями, но и по малому количеству другихъ примѣсей и по обособленной, дѣлящейся уже болѣе двухъ тысячелѣтій, жизни въ горной странѣ. Эта столь продолжительная обособленность должна дать особыя условія для взаимодѣйствія и антропологическихъ элементовъ, однимъ изъ результатовъ котораго оказалось, напр., исчезновеніе первоначальной свѣтлой окраски волосъ и глазъ. Изъ киргизъ-казаковъ къ кара-киргизамъ близки больше-ордынцы по значительной примѣси у нихъ вошедшихъ въ составъ родовъ большой орды кара-киргизскихъ родовыхъ подраздѣленій и по родственности дулатовъ кара-киргизамъ вслѣдствіе вѣроятнаго происхожденія дулатовъ отъ близкаго енисейскимъ динлиномъ племени, но роды, происходящіе отъ кангловъ, сближаютъ большую орду, съ другой стороны, и съ киргизъ-казаками средней и малой орды, въ составѣ которыхъ родственные кангламъ кипчаки занимаютъ видное положеніе. Все это показываетъ существованіе у кара-киргизовъ важныхъ антропологическихъ особенностей и вызываетъ необходимость особаго ихъ антропологическаго изученія.

Отрицаніе г. Харузинъмъ антропологической обособленности кара-киргизовъ было, мнѣ кажется, послѣдствіемъ первоначально недостаточной оцѣнки имъ значенія родовъ киргизъ-казаковъ и ихъ происхожденія. Производя свои антропологическія измѣренія въ 1887 и 1888 г.г., онъ, повидимому, не выяснялъ—какому каждый изслѣдуемый субъектъ принадлежитъ родовому подраздѣленію¹). Важное значеніе родовъ, какъ указателей составныхъ частей изслѣдуемой народности, онъ, кажется, началъ оцѣнить уже при обработкѣ собранныхъ антропологическихъ данныхъ, когда обнаружилось большое разнообразіе представляемыхъ измѣреніями показаній и необходимо было выяснить его причины. Вслѣдствіе этого уже во введеніи къ 1 выпуску оказались слѣдующія строки: «Я не считаю возможнымъ примѣнить свои антропологическіе результаты абсолютно ко всему киргизскому племени...; я глубоко убѣжденъ, что все киргизское племя представляетъ въ самомъ себѣ большія колебанія по ордамъ и по мѣстностямъ, быть можетъ, даже и

¹) Измѣрено имъ въ 1887 г. 111 субъектовъ «въ Ханской Ставкѣ, где и стекаются киргизы разныхъ частей и, съдовательно, разныхъ родовъ», и въ 1888 г. 50 субъектовъ. Во 2 выпускѣ, не упомянувъ случая пользоваться измѣреніями А. А. Ивановскаго по родамъ средней орды, г. Харузинъ никогда не приводить данныхъ по родамъ букаевской орды—конечно потому, что данныхъ по родамъ не имѣть.

по родамъ»¹⁾. Антропологический материалъ, которымъ пользовался г. Харузинъ при составлении 1 выпуска ограничивался его собственными 161 измѣреніями въ букеевской ордѣ и 113 измѣреніями Уйфальви и Зеланда²⁾, которые также не давали почти никакихъ данныхъ по родамъ. Для 2 выпуска А. Н. Харузинъ уже обладалъ болѣе обширнымъ материаломъ (измѣренія Мацѣевскаго и Пояркова, Ивановскаго, Ядринцева и пр.), притомъ частію собраннымъ по родамъ (126 измѣреній А. А. Ивановскаго по 4 родамъ средней орды), и въ большей степени пользовался сравненіями съ другими азіатскими народами, въ особенности измѣреніями калмыковъ-торгоуотовъ г. Ивановскаго. Тогда у изслѣдователя явилась и мысль обработать выводы изъ цифръ «по народностямъ», о чёмъ въ началѣ труда не поминалось. Надо полагать, что во второй части 2 выпуска г. Харузинъ выяснилъ бы между прочимъ значительныя отличія кара-киргизовъ и призналъ бы ихъ антропологическую обособленность³⁾.

5) Опредѣляющіяся антропологическими измѣреніями выдающіяся особенности типа кара-киргизовъ.

Окончаніе труда г. Харузина еще не издано, а потому приходится ограничиться краткими указаніями на обнаруженныя имѣющимися измѣреніями значительнѣйшія отличія кара-киргизовъ отъ киргизъ-казаковъ, обходясь по необходимости скучнымъ материаломъ о кара-киргизахъ и не имѣя совсѣмъ измѣреній большой орды, такъ какъ 10-ти измѣреній г. Зеланда слишкомъ мало, да онѣ и не полны. Тѣмъ не менѣе и этотъ недостаточный материалъ доставляетъ цѣнныя указанія:

Ростъ принадлежитъ къ числу самыхъ важныхъ антропологическихъ показателей. Между тѣмъ средними цифрами роста оказываются для кара-киргизовъ (40 измѣреній г. Зеланда) 1653 м.м., для киргизъ-казаковъ, измѣренныхъ г.г. Мацѣевскимъ и Поярковымъ (средней и большой орды), 1641,60, для средней орды по 126 измѣреніямъ г. Ивановскаго 1646,61 (а по родамъ: мурунъ поколѣнія аргынъ 1610,56, найманъ 1626,17, байджигитъ 1642,77 и кирей 1684,70), для букеевской орды (г. Харузина) 1629 м.м.⁴⁾.

¹⁾ Вып. I, стр. 11.

²⁾ Тамъ-же, стр. 12.

³⁾ Уже и въ 1 выпускѣ онъ заявлялъ, что значительная разница въ нѣкоторыхъ измѣреніяхъ заставляетъ «относиться къ вопросу объ единстве кара-киргизовъ съ киргизъ-казаками съ осторожностью» (стр. 289).

⁴⁾ Харузинъ, вып. 2, часть I, стр. 42, 43 и 46.

Изъ этихъ цифръ видно, что кара-киргизы имѣютъ ростъ выше средняго, тогда какъ киргизъ-казаки, за исключениемъ поколѣнія кирей, оказываются съ ростомъ ниже средняго. Отчего у киргизъ-казаковъ ростъ ниже средняго, указываютъ слѣдующія среднія цифры роста: угро-остяковъ 1560 м.м. ¹), вогуловъ 1542, пермаковъ 1616, самоѣдовъ архангельской губерніи 1580 м.м. ²), Ростъ налмыковъ изъ 296 измѣреній опредѣлился въ 1629 м.м. ³). Напротивъ у черневыхъ татаръ, которые суть отуреченные потомки динлиновъ, ростъ равнается 1653 м.м. ⁴).

Головной указатель (отношеніе попечечного наибольшаго теменнаго диаметра къ передне-заднему наибольшему) у кара-киргизовъ, по измѣреніямъ Зеланда, опредѣлился въ 87,28, т. е. кара-киргизы принадлежать къ брахицефаламъ (болѣе 83,33), какъ киргизъ-казаки средней орды (89,39) и букеевской (86,28), и калмаки (84,41), тогда какъ киргизъ-казаки Мацѣевскаго и Пояркова (83,26) суббрахицефалы, а черневые татары (79,49) мезацефалы или среднеголовые ⁵).

Отношеніе наименьшаго лобнаго диаметра къ наибольшему попечечному у кара-киргизовъ Зеланда 63,09, у киргизъ-казаковъ Мацѣевскаго и Пояркова 75,90, средней орды 69,13, букеевской—66,12, слѣдовательно у кара-киргизовъ лобъ относительно много уже, чѣмъ у киргизъ-казаковъ ⁶); у калмаковъ 74,22 ⁷).

Скуловой диаметръ (по Харузину—разстояніе средины скуловыхъ костей, по Ивановскому же разстояніе между наиболѣе выдающимися впередъ и въ стороны точками щекъ) у 40 кара-киргизовъ Зеланда 146,80 м.м., у киргизъ-казаковъ Мацѣевскаго и Пояркова 126,26, средней орды 122,35 ⁸), букеевской 131,10, у черневыхъ татаръ 124,87, самоѣдовъ архангельской губерніи 123,50, вогуловъ 133,53, пермаковъ 139,33, сартовъ Зеравшана 140,00, у калмыковъ 131,94. Наименьшихъ размѣръ у ингушей (82,00), наибольшихъ у таджиковъ зеравшанскаго округа (143,00). Малыми размѣ-

¹) «О башкирахъ» проф. Соммье въ «Запискахъ уральского общества любителей естествознанія», томъ XIII, вып. 1, 1892 года, стр. 33.

²) Харузинъ, вып. 2, часть I, стр. 43 и 44.

³) Ивановскій «Монголы-торгоуты», 1893 года, стр. 58.

⁴) Харузинъ, тамъ же. Ростъ 10 киргизъ-казаковъ большой орды, измѣренныхъ г. Зеландомъ,—1687 м.м. (Вып. I, стр. 304).

⁵) Харузинъ, вып. 2, ч. I, стр. 162—169, и Ивановскій, стр. 105. Головной указатель 10 киргизъ-казаковъ большой орды Зеланда равенъ 85,10 («Записки зап.-сиб. отдѣла», кн. 7, вып. 2, стр. 44).

⁶) Харузинъ, тамъ же, стр. 216.

⁷) Ивановскій, стр. 127.

⁸) У курунолъ 121,26, наименогъ 122,00, байджиптовъ 121,45, киреевъ 123,37.

рами считается скелетный диаметр въ 120 м.м. и мене — отъ 121 до 130 и большими болѣе 130 ¹⁾). У кара-киргизовъ скелетный диаметръ оказывается следовательно самыи болѣе размѣровъ. Въ этой особенности, составляющей по видимому самое значительное отличие антропологического типа кара-киргизовъ, они сходятся съ остатками древней азиатской длинноголовой расы айновъ, ибо черепа айновъ, по измѣрѣніямъ професс. Анушина, дали разстояніе между скелетными дугами одинъ (мезатицфалическій — съ указателемъ въ 77,9) 139 м.м. и второй (брахицфалическій — 85,3) 133 м.м. ²⁾.

Конечно величина скелетного диаметра отражается на различныхъ его отношеніяхъ къ другимъ измѣрѣніямъ. Такъ отношеніе скелетного диаметра къ длине лица у кара-киргизовъ Зеланда опредѣлилось въ 80,35, у М. и П. 68,71, средней орды 68,59, чернныхъ татаръ 59,78; болѣе размѣры только у башкировъ 84,18 и у пермяковъ 80,71. У калмыковъ 76,08. «Монголамъ совершенно не свойственъ, какъ обыкновенно думаютъ, очень большой относительно лицевой линіи скелетной диаметръ... Если скелеты у монголовъ и выступаютъ, они выступаютъ впередъ и не могутъ обусловливать большого скелетного диаметра, ширина же ихъ лица обусловливается не скелетами, а скелетными дугами» ³⁾.

Отношеніе носа къ скелетному диаметру выяснилось у кара-киргизовъ Зеланда въ 32,62, средней орды 38,20, букоевской 42,31 и пр. Самое малое у кара-киргизовъ, самое большое у ингушей (72,00). «У кара-кир-

¹⁾ Харузинъ, вып. 1, стр. 521, 522, вып. 2, ч. I, стр. 404—406.

²⁾ «Племя айновъ» въ «Извѣстіяхъ общества любителей естествознанія при м. унив.», т. XX, стр. 166 и 168. Скелетный диаметръ 6 букоевскихъ череповъ Харузинъ опредѣлилъ въ 111,8 м.м. (вып. 1, стр. 545). Краинологическая изслѣдованія киргизъ-казаковъ восьми скелетовъ и едва ли не ограничиваются статьею Топинара въ Recue d'Anthropologie, 1887, т. XVI, рр. 445—475, о нѣсколькихъ черепахъ, высланныхъ г. Зеландомъ. Черепа кара-киргизовъ кажется еще не изучались. Въ 25 ноября 1859 года сообщалъ въ засѣданіи Академіи наукъ о получении отъ генералъ-губернатора Гасфордта 3 череповъ черныхъ киргизовъ съ Иссикъ-кулемъ и 2 череповъ восточныхъ киргизовъ (Bulletin de l'Academie des sciences de St.-Petersbourg, т. I, 1860, с. 343). Конечно и при изученіи череповъ гнанченіе рода, которому каждый черепъ принадлежитъ, и кости есть необходимое условіе для возможности правильныхъ и основательныхъ выводовъ. Въ книжѣ седьмой «Извѣстій и. тоинского университета» (Томскъ, 1895 г.) помѣщена работа г. С. Чугунова «Къ вопросу объ антропологическомъ типѣ киргизовъ», где, между прочимъ, приведены антропологическая и измѣрѣнія двухъ труповъ умершихъ въ томской тюрьмѣ ссыльныхъ, названныхъ въ статейныхъ спискахъ «киргизами» ферганской области андижанского уѣзда. Такъ какъ местная администрація всѣхъ кочевниковъ области именуетъ «киргизами», то изъ этого именованія еще не слѣдуетъ, что упомянутые ссыльные были кара-киргизы, а не кочевники киргизъ-казацкаго или узбекскаго происхождения; всего вѣроятнѣе, что они принадлежали къ кипчакамъ или къ ичкикамъ.

³⁾ Харузинъ, вып. 2, ч. I, стр. 707—718, Ивановскій, стр. 185.

гязовъ носъ относительно скулового діаметра очень малъ; это впрочемъ зависитъ менѣе отъ незначительныхъ абсолютныхъ размѣровъ носа, чѣмъ отъ абсолютно-большихъ размѣровъ скулового діаметра» ¹).

Разстояніе между углами нижней челюсти или нижняя ширина лица равнается у кара-киргизовъ Зеланда 109,90, у М. и П. 116,53, у средней орды 118,04, букеевской 116,60, черненыхъ татаръ 110,80, у вотяковъ 106,99, пермяковъ 109,44 ²), у валахаковъ 112,74 » ³).

Я небуду приводить результатовъ многихъ другихъ измѣреній, обнаруживающихъ менѣе значительные отличія кара-киргизовъ ⁴). Изъ изложенного видно, что наиболѣе рѣзкое отличіе кара-киргизовъ отъ киргизъ-казаковъ заключается въ большей величинѣ скулового діаметра, которая, въ соединеніи съ меньшою нижнею шириной лица, и придаетъ физіономіи кара-киргизовъ ту своеобразность, которую правильно замѣтили Валихановъ и В. В. Радловъ, не зная—чѣмъ ее объяснить. Болѣе точное и подробное выясненіе и описание типа кара-киргизовъ можетъ быть сдѣлано лишь по производствѣ достаточнаго числа измѣреній по родамъ и костямъ. Выясненіе типа или скорѣе типовъ киргизъ-казаковъ большой орды также можетъ быть достигнуто лишь выполненіемъ измѣреній по родамъ и сравнительнымъ изученіемъ полученныхъ результатовъ съ измѣреніями по родамъ-же остальныхъ киргизъ-казаковъ, кара-киргизовъ, алтайцевъ, самоедовъ, финно-угровъ, западныхъ и восточныхъ монголовъ и пр.

¹) Харузинъ, вып. 2, ч. I, стр. 469 и 470.

²) Тамъ-же, стр. 619 и 620.

³) Ивановскій, стр. 191.

⁴) Указанія на некоторые такія отличія ветрѣчаются въ статьѣ В. Д. Тронова «Матеріали по антропологии и этнографіи киргизъ» («Записки и. р. географическаго общества, по отдѣленію этнографіи», 1891 года, томъ 17, вып. 2, стр. 47—51). Сличая средніе выводы произведенныхъ имъ въ 1888 и 1889 годахъ измѣреній 36 мужчинъ и 10 женщинъ изъ киргизъ-казаковъ зейсанскаго уѣзда семипалатинской области (роды не выяснены, но должны принадлежать средней ордѣ) съ измѣреніями кара-киргизовъ д-ра Зеланда, авторъ замѣчаетъ, что у кара-киргизъ «гораздо больше выражены» кривизны лобно- затылочная и двуушная и абсолютно больше ширина двускуловая; измѣренные имъ казаки болѣе брахицефальны, чѣмъ кара-киргизы; болѣе также развиты у нихъ плечи и объемъ груди. Ростъ измѣренныхъ имъ киргизъ-казаковъ опредѣлился въ 1611 и.м., головной указатель 89,3, разстояніе между плечевыми отростками 39,7 сен. (у кара-киргизовъ 37,6). «Глаза положительно у всѣхъ,—за исключеніемъ тѣхъ, которые представляютъ явно смѣшанный типъ,— имѣютъ косое направление: наружный уголъ глазъ стоитъ выше внутреннаго относительно горизонтальной линіи. О кара-киргизахъ докторъ Зеландъ говорить совершенно обратное: косое направление глазъ имъ у одного изъ сѣдований не найдено. Косое направление глазъ у киргизъ настолько характерно, что одно уже отсутствіе его указываетъ на явную смѣшанность типа, или-же на совершенно другой типъ».

Обсуждая результаты произведенныхъ имъ антропологическихъ измѣрений, Н. Л. Зеландъ, труды которого дали единственный пока матеріалъ по антропологии кара-киргизовъ, сдѣлалъ не лишенную интереса попытку определить типы, изъ смышленія которыхъ образовался кара-киргизскій народъ. Руководствуясь вѣроятно гипотезой Клапрота и Риттера объ арійскомъ происхожденіи усуней и предполагая возможность смышленія этихъ послѣднихъ съ предками кара-киргизовъ, онъ выдѣлилъ изъ 40 измѣренныхъ имъ кара-киргизовъ тѣхъ субъектовъ, которые имѣли горбатые или выпуклые носы. Такихъ оказалось 10, т. е. 25%. Средній ростъ этихъ 10 лицъ опредѣлился въ 1689,7, слѣдовательно значительно выше общаго среднаго (1653 м.м.); субъектовъ съ сѣро-голубыми глазами нашелъ онъ между вими 20%, и съ сѣрыми 10%, итого 30%, тогда какъ у прямносѣныхъ свѣтлые глаза (зелено-сѣрые и зеленые) составляютъ только 14,3%, а у вогнутосѣныхъ даже лишь 10%; отношеніе скудового діаметра къ росту у горбатосѣныхъ равняется 8,6, тогда какъ у остальныхъ 8,8; густую бороду имѣли изъ первыхъ 40%, изъ прямносѣныхъ только 7,1%, а у вогнутосѣныхъ густыхъ бородъ не замѣчено. Изъ всего этого г. Зеландъ сдѣлалъ выводъ, что къ монгольскому типу у кара-киргизовъ примѣшанъ, въ довольно значительной пропорціи, другой, у которого ростъ былъ высокій, носъ выпуклый и болѣе тонкій, скуды менѣе выдающіяся, глаза голубые и сѣрые, подбородокъ болѣе выдающійся, борода густая ¹⁾.

По незначительности числа измѣреній и наблюденій, изъ которыхъ сдѣланы выводы г. Зеланда, они не могутъ быть почитаемы сколько-нибудь рѣшительными. Тѣмъ не менѣе выводы эти даютъ интересныя указанія. Считая съ своей стороны гипотезу объ арійствѣ динлиновъ и усуней лишенную основаній, я думаю, что отмѣчаемыя г. Зеландомъ особенности суть остатки типа древней азіатской расы, совершино особой отъ арійской, хотя, длинноголовой, какъ часть арійцевъ, и обладавшей свѣтлой окраской при обильной волосатости,—расы, потомками которой нынѣ являются айны и къ которой принадлежали предки енисейскихъ киргизовъ и усуней и потомковъ послѣднихъ кара-киргизовъ.

H. Аристовъ.

¹⁾ «Киргизы, этнографическій очеркъ» въ «Запискахъ западно-сибирского отдѣла и. р. географического общества», книжка 7, вып. 2, Омскъ, 1885 года, стр. 50 и 51.

ОТДЕЛЪ II.

Материалы по литовской этнографии ¹⁾.

Сказки, пословицы, загадки записанные въ Сувалкской губ.

Сказки о Перкунѣ.

1. Viena moteriške ejus keliu. Štai ja aut kialio užpūle didelis lietus su perkunijom. Ta moteriške buvus pasikišus andaroka, ale jai beainant vis plake ir plake žaibai, tep kadjai niat baisu pasidare, ale jije atsimine, kad pasikaišius andaroka ne možna ait, ba gal už atlankos pasikavot vialnes. Kap tik ji paliaido andaroka, tai tua iš atlankos išpūle paršas. Tas paršas pradejo begt. Tūjau sužaiban križium ir Perkunas užtrenke ta parša tep ka(d) tik smala pasiliaido. Kiti prieš trenkima mate, kad in trioba inlekdavo varna, o kiti raina katina, kiti šuni ir tep toliau. Žodžiu šniankant, žmones tvirtina, kad Perkunas trenke vialnia. Del togi čese perkunijos reikia žegnotis ir poteriaut, kad nusivit nog savia vialnia.

1. Одна женщина шла себѣ дорогую. Вдруг на пути засталъ ее сильный (большой) дождь съ грозой. Женщина та (шла) подоткнувъ себѣ юбку, а молния все сверкала и сверкала (соб. ударила) такъ, что ей даже страшно стало. Но она вспомнила, что нельзя идти, подоткнувъ юбку, потому что за заткнутый конецъ можетъ спрятаться чортъ. Какъ только она опустила юбку, то сейчас же оттуда выпалъ поросенокъ и (началь) пустился бѣжать. Тотчас сверкнула молния крестомъ и Перкунъ поразилъ этого поросенка, такъ что только смола пошла. Иные передъ ударомъ грома видѣли ворона, какъ онъ въ избу влеталь, иные собаку и т. д. Словомъ сказать; люди утверждаютъ, что Перкунъ поразилъ чорта. Поэтому то и надо во время грозы креститься (соб. благословлять себя) и молиться, чтобы отогнать отъ себя дьявола.

2. Одинъ пахарь (artojis) увидѣлъ за вырваннымъ дервомъ (už ravelena) чорта. Vialnes то выглянетъ, то спрячется. У этого пахаря было ружье (kagabinas). Онъ зарядилъ его серебряными пулями и убиль чорта. Пришелъ Перкунъ и подариль пахарю за этотъ подвигъ золотое ружье

¹⁾ Приложения къ отчету о поездкѣ въ Сувалкскую губ., напечатанномъ въ «Жив. Стар.» 1894 г. Вып 2.

(aukso strielba). «12 лѣтъ», прибавилъ Перкунъ, «не могъ я убить этого чорта, а ты убилъ его».

(Эту сказку рассказчикъ не могъ хорошо вспомнить а потому и не хотѣлъ рассказывать по-литовски, а говорилъ на смѣшанномъ яз. б. ч. по-русски).

Сказка объ айтварѣ.

Kaime Tritimpiu giviano ukinikas. Tas viena karta eidamas namo rado po laukine gruše vištuka. Vištukas buvo jūdas ir sulitas drebejo nog šalčio. Ukinikas paeme po skranda vištuka, parneše namo patubde an kakalio (piačiaus), o paskui paliaido in kaiminia vištu. Nakti kada visi sumigo išgirdo baladojentes kamaro ir ne po ilgam česui spieglinga balsa: «kumai, atnešiau tau bulviu». Žmogus iššoko iš lovos ir nubego in kamara pažiuret, kas tian ir. Atsidare duris, pamate vištuka gaudona, kap liepsna lakotanti nog vienos kruvos bulvin ant kitos. Potam vištukas prapūle. Kita nakti vel išgirdo baladojima ir šaukima: «kumai, atnešiau del tavia kviečiu, rugiu ir miežiu.» Mužikas ne kialesi, ba bijojo si. Diena rado kamaro tris dideles kruvas jevu. Kita nakti vel girdi šaukima: «kumai, tau parnešiau pinigu.» Nuvejas ukinikas rado kamaro užversta kampa pinigu. «To ma gi ne reike vialnio namus. Kodel tos bestijos ne palikau ant kialio». Ta pasakias mužikas paene šupelia ir viska in miešlina suverte. Buvojis Dievo baimingas ir ne žinojo, kap nog aitvaro atskratis. Žmones matidavo, kap nakti sviesus stulpas in ukiniko triobas nusiliaisdavo ir pradejo šneket, kad jis užlaiko vialnia. Žmogus dideliai rupiuosi ir klause rodos, kap iš namu išvarit aitvara «Užmušk ta bestija», tare vienas jaunas viras ir tai pasakias tvere už pagalio ir miate ant vištuko. Nes vištukas šoko jam ant sprando, parsimuse ant žiames ir mindžio tariams: «aš asiu aitvaras, ko tu no mania nori?» L'otam dave roda visi,

Одинъ крестьянинъ, идя домой на шель подъ дикой грушей чернаго цыпленка. Промокши подъ дождемъ цыпленокъ дрожалъ отъ холода. Крестьянинъ взялъ его подъ полушубокъ, принес домой, посадилъ на печь, чтобы опь обогрѣлся, а потомъ пустилъ къ курамъ. Ночью, когда все заснули, крестьянинъ услышалъ шумъ въ кладовой и голосъ: «кумъ, я принесъ тебѣ картофель». Онь вскочилъ съ постели и побѣжалъ въ кладовую посмотретьъ, что тамъ такое.

Отворились двери и онъ увидѣлъ цыпленка, краснаго, какъ пламя, перепархивающаго съ одной кучи картофеля на другую. Потомъ цыпленокъ пропалъ. На другую ночь крестьянинъ опять услышалъ изъ кладовой шумъ и зовъ: «кумъ, я принесъ тебѣ пшеницы, ржи и ячменю». Мужикъ не подымается: боится. Днемъ находитъ въ кладовой три большія кучи зерна. На другую ночь опять слышитъ зовъ: «кумъ, я тебѣ принесъ денегъ». Пришелъ крестьянинъ и находитъ полный уголъ денегъ. «Не надо мнѣ чорта въ домѣ. Зачемъ я не оставилъ эту bestiу на дорогѣ!»

Сказавъ это взялъ мужикъ совокъ и выбросилъ все въ навозъ. Онъ былъ очень богобоязненный человѣкъ и не зналъ какъ бы только ему избавиться отъ айтвара. Люди видѣли, какъ ночью спускался въ избу его свѣтлый столбъ и стали говорить, что онъ держитъ чорта. Мужикъ очень беспокоился и спрашивалъ совѣта, какъ ему выгнать изъ дома айтвара. «Убей эту bestiу», сказалъ одинъ молодой парень, съ этими словами схватилъ полено и бросилъ его въ цыпленка. Цыпленокъ тотчасъ вскочилъ къ нему на затылокъ, сильно ударила объ

kad ukinikas namus padegtu ir i(s)-sikraustitu o aitvara paliktu. Paminslijo, kad tas bus geriause ketino namus pardūt, ale su aitvaru nieks ne norejo pirkst. Pardave viska jesus, givulius be ko tik galejo apseit, o pirklo sau butinia už milios ir i(s)sikrauste. Kada jau paskutini vežima krauste ir nieko stuboj ne buvo, uždege triobas iš visu kampu. «Sudeg(k) ledoke, o už lauka paskui savo pinigus gausiu». «Ha, ha, ha!» išgirdo jūkentes gale vežimo. Ukiniks atsižiurejo, o ant drobinus sedi jūdas vištukas, sparnais puto ir gieda: «iš kampo no kampo diagikim stuba nog strampo, iš če važiūsim toliau, o del mus bus geriau». Mužikas piarsigando, ne žinojo ka darit; mislijo, kap dūs jam gerai est, tai aitvaras pats pames, ir liepe savo pačei, kad jam dūtu giart pieno vieto vandenio ir kasdien du piragu sulest. Aitvarui buvo gerai ir jis pamest ne mislijo. Viena vakara biarnas sugrižias pamate, kad ant triapu padeta tris piragai del aitvaro, suvalge ir pamislijo: «sau gerai aš padariau, kad ne palikau tam bestiei. Tūjau aitvaras užtupe jam ant sprando o tiek su sparnais dave, kad tam keles dienas šonus gele; o an(t)-ritojaus, kada gaspadorius budino ant darbo, tai tep rado ji sumušta, kad ne galejo pasipidit. Kada no biarno dažinojo ape tai nuejo pas aitvara ir praše, kad nog jo išeit, ba ne jokis biarnas pas ji ne nori but. «Ha, ha, ha!» nusižviange aitvaras: «kap mania nuneši tian, iš kur paemei, ne pareisiu daugiau pas tavia. «Gaspadorius greitais apsirenge, nuneše aitvara po tai pače gruše, po kuriai rado ir potamas ne grižo daugiau jau pas ji.

zemlio i stačiai topstati, говоря: «я айтварь, чего ты хочешь отъ меня?» Потомъ всѣ посовѣтовали, чтобы крестьянинъ сжегъ свой домъ, самъ перебрался въ новое жилище, а айтвара оставилъ. Хотѣлъ онъ продать домъ да никто не соглашался купить домъ съ айтваромъ. Крестьянинъ тогда продалъ урожай, купилъ себѣ жилище за милю (отъ старого), а домъ свой сажегъ со всѣхъ угловъ. «Сгори, негодный!» говорилъ онъ, отъѣзжая. «Ха, ха, ха» услышалъ онъ за собою. Оглянулся, а тамъ сидитъ на лѣстнице черный цыпленокъ, крыльями хлопаетъ и поетъ «сожжемъ избу, поѣдемъ дальше, тамъ для насть будеть еще лучше». Мужикъ испугался, не зналъ, что дѣлать. Думая, что айтварь самъ его бросить, если его хорошо покормить, онъ приказалъ своей женѣ, чтобы она давала айтвару каждый день пить молока вмѣсто воды, а ёсть по два пирога (т. е. вообщѣ по два бѣлыхъ хлѣба). Айтвару было хорошо и онъ даже не собирался уйти. Однажды вечеромъ батракъ, возвращаясь съ работы замѣтилъ, что на лѣстнице положены три пирога для айтвара, съѣсть ихъ, но въ ту же минуту айтваръ сѣлъ къ нему на затылокъ и сильно отколотилъ крыльями. На утро хозяинъ нашелъ его избитымъ до полусмерти. Тогда онъ сталъ просить айтвара уйти отъ него, потому что никакой батракъ не соглашался оставаться у него.

«Ха, ха, ха!» заржалъ айтварь: «Если ты отнесешь меня на то мѣсто, гдѣ взялъ, я не вернусь больше къ тебѣ. Крестьянинъ быстро собрался, отнес айтвара подъ ту грушу, гдѣ нашелъ его, и послѣ этого айтваръ уже не возвращался.

Сказка о семи мудрецахъ.

Buvo kita sik karalius bagotas; ir numire pati jojos ir liko vakielas mazas ir pati pasake, kad ne aplieistu jisi ir kitur izdantu visai mokitis, kad ne laikitu namu. Ir izdave kitur mokitis

Былъ одинъ король. У него умерла жена. Отъ нея остался у него сынъ. Умирая она наказывала мужу не оставлять мальчика безъ образования, а отдать его для этого на чужую сторону.

pa(s) septinius brólius. Brólei ji mokit turéjo, kas an dangáus rodosi, kas an sáules, kas an žvaigždiu. Kaip jis inokinosi penktús metús ir šeštús, a pati (вторая уже жена короля, мачиха королевича) praše, kad ji parviaštu namó. teip jis išcina an óro vakaria, i(r) ródosi an dangáus an žvaigždiu, kad pakártas bus po triju dienú, kai parvažiūs namó. Víno mediális an dangáus rodosi ir an viršunes apsisukas kirmeliái. Tai, jis sako savo diréktorium, kad aš kap parvažiūsiu namó, tai po triju dienú pakartas búsiu. Díréktoriai visi nusigásti ir ižbègo lauk žiurèt an dangáus ir mato, ka(d) tai teisibé. Tai ateina ji i stáncia ir dàro roda: ka darisim ka(d) tai bus pakartas mus(u) učnius. Ir padáro roda kad reik pàsnikaut per septinius dienás. Ir paskúi po septiniu dienú tai ji padáre niemčium. Atvažiūje karálius savo studianta parsiviašt namó, ránda váika niemčium. Dídeliái karálius nusigasta, kad jo sunús niemčius. Ir parsiveže savo súnu niemčiu ir karaliéne kap ji památe, tai labai pasidabójo jo, atraše gromatele jam, kad an neenátos griéku. A jis atráše atgál, kad niéko ne žináu. Teip karaliéne ima draskit an saviás drápanas i(r) rekt, kad kóke tu Judošiu párveži, kad jis maniá nór išgultavot. Tai ciécorius apsudije savo súnu, kad pakart ji ir viáda ji pakart. Atbéga díréktorius jauniausias. «Miloščivas karáliu(?) ne kark, paláuk, ka pasakisiu aš tau. Miloščivas karáliu, ne vérik niéko, ne teisibetas irá da ne pábaiktas mus mokit ir eme pasakas, didelias istorijas. Karálius žiuréjo in ji ir veilús čiésas pasidáre ir liko ne pakartu súnu to dieno. «Rító ateisim visi, padésim kart» (говорить учитель). Pati sako: «ne pakóri, (—pakore? pakorei?), niéko, tik melúji». An ritojauš viada karálius pakart súnu. Tep atbégo ántras díréktorius. «Miloščivas karáliu, ne vérik páčes, bo tai vriédnas dálktas ira pati. Sínu turéni, ne pábaiktas mokit da. Siendien ne pakárk. Rító visi padésim ir pakelésim». Parejo ka-

Король послать его к семи братьям — мудрецамъ. Тѣ между прочимъ должны были выучить его понимать, что предсказываютъ небо, солнце, звѣзды. Уже шель 6-й годъ его ученья, когда король женился во второй разъ. Новая королева просила короля привезти пасынка домой. Королевичъ между тѣмъ по небесному явлению узналь, что ему быть повѣшенному черезъ три дня по прїездѣ домой. На небѣ явилось винное дерево, около вершины которого обвались черви. Его учителя подтвердили это. Они очень испугались и рѣшили сдѣлать своего ученика вѣшнимъ.

Когда король взялъ сына домой, тотъ очень понравился королевѣ. Она написала ему письмо, приглашая къ себѣ грѣха ради. Онъ отвѣчалъ, что не знаетъ ни чего. Тогда королева стала рвать на себѣ платье и кричать: «какого ты буду привезъ? Вѣдь онъ хотѣлъ меня оскорбить!» Король осудилъ своего сына и вѣтъ его повели вѣшать. Тогда прибѣгаетъ младшій изъ братьевъ учителей, просить короля подождать и не вѣрить словамъ королевы, а самъ начинать рассказывать длинную исторію. То же самое повторилось и въ слѣдующій дні. Всکій разъ прибѣгалъ слѣдующій по возрасту изъ братьевъ-учителей, прося отложить казнь до др.ого дня и обѣщаю вѣтъ слу чаѣв даже помочь вѣшать. Когда же болѣе нельзѧ было отсрачивать казнь, учителя стали просить короля позволить сыну сказать семь словъ передъ смертью. Тогда сынъ сказалъ: «позволь, батюшка, идти передъ смертью согрѣшить разъ». Отецъ позволилъ. Королевичъ вѣтъ собраться двѣнадцати горничныхъ королевы и раздѣтъся при отцѣ. Тогда оказалось, что между ними былъ одинъ мужчина, который жилъ съ королевой. Король такимъ образомъ узналъ истину и вѣтъ повѣстить королеву и этого мужчину, а съ сыномъ и его учителями жить съ той поры въ любви.

ralius, nepakore. Tai pati piarpiko ir ne ſnekéjo su karaliu viſai. Triačia dieną liepe žalnérium ne prileist per tris milius direkto里u. Tai réke diréktorius: «Miloščivas karaliu, paviálik súni pri smérti praſnekét septinius žodžiūs». Teip karalius nusigándo, kad sunús niemčius ir praſneket liépe. Praſnekejo sunús: «tétia, paviaſt padarit ma pri smérti necnatos griéka». Tévas dideliài pasidáre galvó i ne gerái: «paviaſiju», sako. Buvo dvilika pakajáuku pas karaliéne. Iš tos dvilikos práše i(š)sirinkt ir visom pri tevo akiu visom nūgom i(š)sivílk. I(š)sivílko visa dvilika pakajáuku i pasiróde viénas víras kur su karaliéne giviano. Tai sunus sáke: «su šita padarisiu necnatos griéka, kur karaliéne daro visado(s) su júa». Paskúi karalius máte jojo visa teisibia ir liépe tūjáu karaliéne viast ir pakárt, ir ta pakajáuka draungé. Abúdu pakore. A sunús liko dideli miaile pas téva ir jojo direkto里ai draungé miaili buvo pas karaliu.

Пословицы.

1. Júda dúna—tai ne badas, storimarškiniai—tai nô nûgas.
2. I bala púlias ne kials sausas.
3. Pamatisi svieta, kitoks busi.
4. Giaros gírnos viska mala.
5. Nu mužiku pabego, ponius ne pavijo.
6. Toliau i gíria, daugiau gribu.
7. Šuva, pas ka laka, pas ta ir loja (lojé).
8. Kumiale ne piemiene, poterius ne kalba.
9. Pirtis jauja vainoje (vanoje) o abi tokios: viena súde, kita sutre.
10. Kas ka mili, tas to ir klausuo.
11. Kur miajle, tian išpildimas, kur bajme tian priverlimas.
12. Kas tévu ne klausuo, tas paklausis skuros šunio barškančios.
13. Kas in padanges kila, tam perkunas liepe grišt.

1. Черный хлебъ—такъ еще не голодъ, грубая рубашка—такъ еще не нагой.
2. Упавъ въ болото (въ лужу), не подымешься сухимъ.
3. Посмотришь людей, иныхъ будешь.
4. Хорошіе жернова все мелютъ.
5. Отъ мужиковъ убѣжалъ, господъ не догналъ.
6. Дальше въ лѣсь, больше грибовъ.
7. Собака у кого лакаетъ, у того и лаетъ.
8. Кобыла не пастушка, молитва не разгеворъ.
9. Сушильня овинъ бранить (беть), а оба таковы: одна въ сажѣ, другая въ грязи.
10. Кто кого любить, тотъ того и слушасть.
11. Гдѣ любовь, тамъ исполненіе; гдѣ страхъ, тамъ недовѣріе.
12. Кто родителей не слушаъ, тотъ послушаетъ гремящей собачьей шкуры (т. е. барабана).
13. Кто на поднебесье поднимается, тому Перкунъ велить вернуться.

14. Ilga ješma bedrožent, šuva pečianka nuneša.
15. Maskolius ne gaspadorius, paedias—gult.
16. Kas dirba tam ir Dievas padeda.
17. Viskas piareis, o Dievo žodis ne piareis.
18. Skupus dusik trotije.
19. Kas bedo ne buvo, tas jos ir ne mate.
20. Kas eda mesa petničio, tai nedelio pasnikauje.
21. Ir Parižiui iš avižu ne daro rižiu.
22. Biedniste mokina, o laime gadina.
23. Ne šlektas darbas, kas moka padarit ir irkla.
24. Be žagres ne artojes (artojis), be proso ne kriaucius.
25. Koks kupčius, toks ir tavoras.
26. Koke kiaule, tokios ir diašros.
27. Pagal stoga ir lašas.
28. Batas vižai ne klapčius.
29. Kad gera klumpe koja grauže, tai nieko.
30. Koks stūmas, toks ir razumas.
31. Koks ponas, toks ir žiponas.
32. Koke karve, toks ir veršis.
33. Kas melagius, tas ir vagis.
34. Striokas macies ne turi.
35. Durpiu ne prisikisi, tai žiema šalsi.
36. Karve kumelin ne viada.
37. Koks piačius, toks ir ragaišius.
38. Kur savi šunes pjaujesi, tian sviatimais vādega ne kišk.
39. Pažiurejas ant akiu, klausik ir sveikatos.
40. Iš didelio diabesio mažas lietas.
41. Parša ar prausk, ar ne prausk, vis i purvina lianda.
42. Kožnas gaidis ant savo mięšlino ponas.
43. Kur sopa tian rankos, kur miela tian akis.
44. Kraujes ne barščiu rasalas.

14. При длинномъ вертлѣ собака жаркое уносить.
15. Солдатъ не крестышишъ (хозинъ, gospodarz): побѣгъ да и скать.
16. Кто работаетъ, тому Богъ помогаетъ.
17. Все пройдеть, а слово Божье не пройдеть.
18. Скукой дважды тратитъ(ся)
19. Кто не былъ въ бѣдѣ, тотъ ся и не видѣлъ.
20. Кто жрать иксе въ пятницу, тотъ въ воскресенье постничать.
21. И въ Парижѣ изъ овса не дѣлать рису.
22. Бѣдность учить, а счастье вѣртить.
23. Не худая работа, кто умееть сѣдлать и весло.
24. Бѣзъ соки не захаръ, бѣзъ утка не портной.
25. Каковъ купецъ, таковъ и товаръ.
26. Какова свинья, таковы и колбасы.
27. Но крынѣ и капли.
28. Сапогъ лапти не слуга (хлопецъ).
29. Когда хороший башмакъ ногу жметъ (соб. грызеть), то ничего.
30. Каковъ станъ, (возрастъ?) таковъ и разумъ.
31. Каковъ господинъ, таковъ и женочъ (мафтанъ).
32. Какова корова, таковъ и теленокъ.
33. Кто лажецъ, тотъ и воръ.
34. Страхъ силы не избѣгть.
35. Торфу не можошь себѣ, толь зимой будешь мерзнуть.
36. Корова кобыль не водить (т. е. не родитъ).
37. Какова печь, таковъ и широкъ (т. е. бѣлый хлѣбъ).
38. Гдѣ свои собаки грызутся (соб. рѣзутся), тамъ чужая хвостъ не суй.
39. Посмотрѣвъ на глаза (т. е. на лицо) спроси и о здоровье.
40. Иль большаго облака наый дождь.
41. Борова (хоть) мой, (хоть) не мой, все въ грязь ползеть.
42. Каждый пѣтухъ на своей павозной кучѣ господинъ.
43. Гдѣ болитъ, тамъ руки; гдѣ прѣятно (мило), тамъ глаза.
44. Кровь не борщъ.

45. Kad kiaule ragus turetu, tai visa sveta išbaditu.
46. Oška ne givulis, o merga ne žmogus.
47. Dievas dave dantis, Dievas dūs ir dūna.
48. Kaip žmogus storojes, o kitaip stojes.
49. Laukas gime, laukas ir stíps.
50. Jaigu per šuni piaršoki, tai per vidiaga ne ner kas.
51. Kad išsitanki ant dūnos ir žuvu, tai ir ant pipiru ir druskos ištiakas.
52. Susitriedus karve visa kaiminiai gadina.
53. Avis be avino eruku niatveda.
54. Ir kiaule pipkia rukitu, ale apatine lupa trumpiasne.
55. Už ka pirkau, už ta ir pardaviu.
56. Kilis kili varo, o šlega visus.
57. Kožno balti dantis, ale kas už dantu ira ne žine.
58. Niekui ne vierik, nieks tau pikto ne padarisi.
59. Šlektu žmogaus siargekis iš visu pusin.
60. Prusas, šuva ir b... ne pažista pasniko.
61. Nūgas gimei, nūgas ir mirsi.
62. Asilas tur ilgas ausis, o tu ilga liežiuviai.
63. Rikšte ira visu cnatu motina.
64. Tankei ir šuva karemas pa-pranta.
65. Nūgas razbajaus nesibijo.
66. Jaunikio kas grinčė, tai motina, kas šalis tai pati.
67. Mergos ilgas plaukas, o trumpas razumas.
68. Kad girts ne bagots, tai ir dves ne tures.
69. Kožna pušis savo šilui oše.
70. Varnas varnui in aki ne kiarta.
71. Ne kask kitam dūbes, kad pats ne inpultum.
72. Ne darik to kitam, kas pačiam ne miela.

45. Когда бы свинья нызла рога, то весь свиные забодала бы (соб. избодала бы).
46. Коза не скотина, а дёвна не че-ловекъ.
47. Богъ дасть зубы, Богъ дасть и хлебъ.
48. Человекъ старается, а выходить (соб. становится) иначе.
49. Съ бáльым патномъ (на лбу) рождаются, такими и сколбеть.
50. Если черезъ собаку перескочишь, то черезъ хвостъ идти кто (бы съумѣлъ перескочить).
51. Когда хватить хлеба и рыбы, то хватить и перцу и соли.
52. Заболевшая корова все стадо портить.
53. Овца безъ барана ягнить не (вы)-водить (т. е. не производить).
54. И свинья курила бы трубку, да нижняя губа коротка.
55. За что купилъ, за то и продалъ.
56. Клинъ клинъ гонить, а колотушка все (т. е. клинья).
57. У каждого бáльые зубы, но что за зубами—не известно.
58. Никому не вѣрь, никто тебѣ зла не сделаетъ.
59. Дурного человека остерегайся со всѣхъ сторонъ.
60. Прусь, собака и penis не знамть поста.
61. Нагой ты родился, нагой и умрешь.
62. У осла длинныя уши, а у тебя длинный языкъ.
63. Розга—всѣхъ добродѣтелей матъ.
64. Часто и собака привыкаеть висѣть.
65. Нагой разбоя не боится.
66. У юноши, что (ни) хижина, то и матъ, что (ни) сторона то (и) жена.
67. У дёвки волосы дологъ, а умъ коротокъ.
68. Когда пьянь, да не богать, такъ и издохнеть, (з ничего) не будетъ идти.
69. Каждая сосна для своего бора шумить (соб. своему бору).
70. Воронъ ворону въ глазъ не бьеть.
71. Не рой другому ямы, чтобы самому не упасть.
72. Не дѣлай другому того, что самому не пріятно.

73. Ka ingijo, ta ir prarijo.
74. Skanus valgis, kap Pauliaus dalgis.
75. Kad arkli už karčiu paliaidai, nž vūdiagos nišlaikisi.
76. Tiesiok toliau, aplinkui greičiau.
77. Ne viskas auksas, kas žiba, ne viskas smala kas kiba.
78. Kad arklis ape savo druti žinotu, tai nieks ant jo ne pajotu.
79. Svietas teip liginai kap jauje: kas auksčiau sedi, ta prakaitas plauje.
80. Kada vargas ir smutkas tave spaus, turek nodeja, kad gerove atkeiliaus.
81. Ir zuikis arkli piargales, kad vilkas pades.
82. Kap tu tevams savo, tēp tau vaikai daro.
83. Kas ne čedije savo, tai ima kito ant galio.
84. Mažai tas teisibes turi, kada šniaka, kad ne priguli.
85. Mažai tame teisibes ira, iš kurio daug žodžiu bira.
86. Brudas prie giaro brudiasnis, gražus prie gražaus gražiasnis.
87. Jau ne česas paliaut giart, kada bačka pradeda skalaut.
88. Sn turtingu giart pasiliauk, vialig nog jo atsitrauk.
89. Vienas tevas diašimti vaiku užaugis, o tie diašimts vaiku sianatve teva ne užlaikis.
90. Greitiasnis mužiko iš tesejimas, o ne pono prizadejimas.
91. Kada karalej vienas kita piaša, tai ju padoniu plaukai triašta.
92. Kas ne neša križiu Jšganitojo, tegul tas niaša križiu latro.
93. Balo vis bus, kad ne vandū, tai purvinas.
94. Kam žmogus lazda kirstu, kad ne galetu ant jos pasiremt.
95. Namai ne lašiniai, kate ne sues.
96. Tie namučei pragarai, be namučiu ne gerai.
73. Что нажиль, то и проглотиль.
74. Вкусно блюдо, какъ Павловы коса.
75. Когда коня за гриву не удержаль (соб. отпустиль), за хвостъ не удержинь.
76. Прямо дальше, кругомъ скорбѣ.
77. Не все (то) золото, что блестить, не все (то) смола, что липнеть (?).
78. Когда бы конь зналъ о своей силѣ, такъ никто бы на немъ не поѣхаль.
79. У людей, какъ въ овинѣ: кто выше сидить, того пѣтонь обливаетъ (елн тотъ въ поту).
80. Когда нужда да печаль тебя будуть давить, надѣйся, что хорошее придетъ (еще).
81. Изаяцъ коня одолѣть, когда волкъ поможетъ.
82. Какъ ты сноими родителями, такъ и тебѣ дѣти дѣламъ.
83. Кто не щадить своего, (тотъ) береть наконецъ (принадлежащее) другому.
84. Мало правды въ томъ, когда говорить, что не приваливается.
85. Мало въ томъ правды, изъ кото-
раго сыпется много словъ.
86. Дурной при хорошемъ (еще) хуже, красивый при красивомъ (еще) красивѣ.
87. Уже не время переставать пить, когда бочку начинаютъ мыть.
88. Съ богатынь пить перестань, лучше отъ него уберись (подальше).
89. Одинъ отецъ десять дѣтей выростить, а тѣ десять отца въ старости не станутъ держать.
90. Скорбѣ мужикъ исполнить, чѣмъ господинъ пообѣщасть.
91. Когда короли одинъ другого (за волосы) треплють, то у ихъ подданныхъ волосы портятся.
92. Кто не носить креста Спасителя, пусть тотъ носить крестъ негодяя (разбойника?).
93. Въ болотѣ (въ лужѣ) все (всегда) будетъ, коли не вода, такъ грязь.
94. Зачѣмъ человѣку вырубать панку, когда бы не могъ онъ на нее опираться.
95. Домъ не сало, кошка не сожретъ.
96. Тотъ домишко—адъ, а безъ домиш-
ка не хорошо.

97. Su savo dūna visur gausi sūla.
98. Zuvis neišganis, kiaule ne prāžudis.
99. Sauso nieks ne klauso.
100. Be dalios grižk atgalios.
101. Šikstūlis vis dusik moka.
102. Kas are, pjauna, to avis ne bliauna.
103. Jaunas miadis linksta, sianas lužta.
104. Veršiu ne bliovias, jaučiu ne baubsi.
105. Po vainu varnai tunka.
106. Iš nakties darbo diena jūkes.
107. Giltine in dantis nežiuri.
108. Valgik, kad pilvas plištu; dirpk, kad akis listu.
109. Beda kojes taiso.
110. Buk nor ragdūtas, miles jai bagotas.
111. Dek gruda prię grudo, priplisi arūda.
112. Girtu malda, kunigu nauda, ligoniu pasnikas, visi tie ligus.
113. I dangu su pinigais ne insipirksi.
114. Išalkusiam dūna rupi.
115. Kas nusidejo, bijos ir vejo.
116. Kinkias jauti su veršiu ne paarsi, viadiassianas jauna nepsigiviasi.
117. Koke galva, toke kalba.
118. Kunigo nauda vialnes išgaudo.
119. Nespaudias norago, nekasi pīrago.
120. Nesigailek anksti atsikialias ir jaunas apsiviadias.
121. Givs i žiamia ne lisi.
122. Kap pasiklosi, tēp išsimiegosi.
123. Talka—pilvo alga.

97. Со своимъ хлѣбомъ вездѣ (получишь) найдешь скамью (за столомъ).
98. Рыба не спасеть, свинья не погубить.
99. Сухого никто не просить.
100. Всѣвъ доли поворачивай назадъ.
101. Скупецъ всегда дважды платить.
102. Кто пашетъ да косить, у того овца не блеетъ.
103. Молодое дерево гнется, старое ломается.
104. Не блеавши теленкомъ, не будешь мочить воломъ.
105. Постѣ вороны тучнѣютъ.
106. Надѣйкой работой день посмѣется.
107. Смерть (или сѣть смерти) въ зубы не смотрить.
108. Быть такъ, чтобы животъ треснуль, работай такъ, чтобы глаза похудѣли.
109. Бѣда ноги выпрямляетъ.
110. Будь хоть рогатый, будуть любить, если богать.
111. Клади зерно къ зерну, наполнишь гумно.
112. Пьяныхъ молитва, ксендзовъ польза (?) больныхъ посты—все одно.
113. За деньги на небѣ иѣста не купишь.
114. У голоднаго хлѣбъ на умѣ.
115. Кто (въ чгон.) провинился, тотъ боится и вѣтра.
116. Запрягши вола съ теленкомъ не вспашешь, старый взявъ за себя молодую не обжизвешь.
117. Кавова голова, такова и рѣчъ.
118. Ксендзово имущество чортъ вымѣняетъ.
119. Не нажавъ сошника, не выкопаешь широга.
120. Не жалѣй, если рано встанешь и молодымъ обзаведешься.
121. Живой въ землю не полѣзешь.
122. Какъ постелешь, такъ и выснешься.
123. Помощь (толока)—жалованье брюху.

З а г а д к и.

1. Kiatuuros pušis, lemenimi mušes viduri žianguelis (или viduri aniūlelis gieda)—vaikas lopši.

1. Четыре сосны, (стволами) станами бьются, въ серединѣ жеребеночекъ ржать (или «въ серединѣ ангелочекъ поетъ»).—Дитя въ зыбѣ.

2. Du zniukūčei pjaujesi, balti kraujei bega.—(Girnos).

3. Pana (или pirti) dvare, kasos lauke.

4. Nusiust nusiūčiau parniašt parnėše, o pats ne parejo.

5. Jūda karve dangu lajo. (Debesis).

6. Raudonas gaïdukas po žiamė gieda.

7. Jūds kai pūds, yino rukštis, akmenine širdis.

8. Tupi kampe trupinis, ne paveža ne arklis. (Piačius).

9. Ne tiek an dangaus žvaigždučiu, kiek an žiames skilučiu. (Rugienė).

10. Viduri dvaro torielka kabos. (Menulis).

11. Suraizgiotas, sumaizgiotas aina keliu baubdamas. (Bubnas).

12. Girioi kirstas, krome pirkas, paeme an ranku, gailei verke. (Skripka).

13. Pilna laktiale baltu vištialiu. (Dantis).

14. Da tevas ne užgime (jau), sunus in vaina išejo (или ant vainas). (Ugnis ir dumai).

15. An to žirgo visi jodo, njeiks i ne pašere. (Sliankstis).

16. Du aina, du viada, triačes kialia rodo. (Vėžimas).

17. Maža paniale (bobute) visa svieta abdenge. (Adata).

18. Ožis stuboi, barzda lauke. (Balkei).

19. Dvi paniales per viena ažialia nesusiveina. (Nosis ir akis).

20. Kas be žiedo viada? (Kadugis).

21. Kiale geležine, vūdega kanapine. (Adata).

22. Židas pirti, barzda lauke. (Rope).

23. Auga be šaknies, židi be žiedo, služiже visam svietui. (Druska).

24. Turi kojas neina, turi šiaudu neda. (Lova).

2. Dvi зайчика грызутся, былая кровь бѣжит.—Жернова.

3. Дѣвица во дворѣ (или «въ бани»), а косы въ полѣ (lauke=въ дома).—Морковы.

4. Послать то я посыпъ, принесть то онъ принесъ, а самъ не пришелъ.—Полѣно, которымъ сбивамъ яблоки.

5. Черная корова небо ложить.—Туча.

6. Красный пѣтушокъ подъ землей поетъ.—Свекла.

7). Черенъ, какъ горшокъ, писель, какъ вино (соб. винная кисловатость), каменное сердце.—Вишня.

8. Лежитъ въ углу кусокъ, не свезть его даже лошадь.—Печь.

9. Не столько на небѣ звѣздочекъ, сколько на землѣ дыръ.—Поле, засѣянное рожью.

10. Посереди двора тарелка висить.—Мѣсяцъ.

11. Связанный, весь въ узлахъ идеть дорогою да мычить.—Бубны.

12. Въ лѣсу срублена, въ лавѣ куплена, взяли на руки—горько плачетъ.—Скрипка.

13. Полная настѣнь бѣлыхъ курочекъ.—Зубы.

14. Еще отецъ не родился, а сынъ уже на войну вышелъ.—Огонь и дымъ.

15. На томъ конѣ всѣ ъздить, никто его не покормилъ.—Порогъ.

16. Двое идуть, двое ведутъ, третій дорогу кажетъ.—Телѣга.

17. Маленькая дѣвица (или бабенка) весь свѣтъ (всѣхъ людей) прикрыла.—Игла.

18. Козель въ избѣ, борода на улиѣ (соб. въ дома).

19. Дѣвъ дѣвицы черезъ одну между—(а) не сходятся.—Носъ и глаза.

21. Свиная желѣзная, хвостъ конопляный.—Игла и нить.

22. Жидъ въ банѣ, борода на улиѣ.—Рѣпа.

23. Растиеть безъ корня, цвѣтеть безъ цветка, всѣму свѣту служить.—Соль.

24. Имѣть ноги—не идеть, имѣть солому—не жрать.—Кровать.

25. Balta paklode visa sveta diange. (Dangus).

26. Tupi tupikas, karo karikas, praso Dievo tupikas, kad pupultu karikas. (Katinas ir lašiniai).

27. Laiba paniale visa sveta diange. (Adata).

28. Bačka be dugno. (Pilvas).

29. Ruda rudinaite, žalia kepuraite. (Morkva).

30. Šulinis be dugno. (Žiedas).

31. Už šuni mažiasnis, už arkli didiasnis. (Balnas).

32. Du štarai štarina, du vanagai kabina. (Žagre).

33. Riečiau diena, riečiau nakti, niekad Dievo diržo nesuriečiau. (Kialias).

34. Aukštas kaupokas, vino smokas, akmenine širdis. (Sliva).

35. Aina piar ūaudus ne šnabžda, aina plar vandenį ne skiasta, aina piar ugni ne diaga. (Šešėlis).

36. Stovi žalnierių, raudonas kalo-nierių. (?) (Bijunas).

37. Keturi kampai Dievo darbai, viduriukis ir kankalas. (Šulinis).

38. Kai buvau miarga miargavau, kai buvau marti—martavau, kai pasenau,—akis gavau, piar tais akis pati šlindau. (Agūna).

39. Du karvialei čista vandenį garia, o du drumščia. (Ratai).

40. Aukštai stovi, slobnai karo, pats maknotas, galas nūgas. (Obelis).

41. Molio Motiejukas, aksomo pil-vukas. (Sliva).

42. Begdama avite priede. (Špule).

43. Nedaromas pasidaro. (Plišis sienos).

44. An babikos kiemo gialiažineis jaučeis aria. (Avi kiarta).

45. Šarange, varange, po sūlu no-sirange. (Kulbe).

46. Iūdūi, ne jūdūi, aš i tavia kišiu. (Cebatai).

47. Aplink stuba ažerai. (Langai).

48. Gaidis an tvoros, vūdega an žiaunes. (Dalgis an tvoro).

25. Būla prostyniai весь свѣтъ покрываетъ.—Небо.

26. Сидигъ (одинъ), висить (другой), просятъ Бога (первый), чтобы упаль (второй).—Котъ и сало.

27. Стойная девица весь свѣтъ покрываетъ.—Иголка.

28. Бочка безъ дна.—Животъ.

29. Красневатый кафтанъ, зеленая шапочка.—Морковь.

30. Келодецъ безъ дна.—Кольцо.

31. Меньше собаки, большие лошади.—Свѣло.

33. Катился днемъ, катился ночью, никогда Божьяго ремня не скаталъ.—Дорога.

34. Высокий колпакъ (?), вкусъ вина, камедное сердце.—слива.

35. Идеть по соломѣ не шуршить, идеть по водѣ не тонеть, идеть по огню не горить.—Тѣнь.

36. Стоить солдатъ красный киверъ. (?).—Пионъ.

37. Четыре угла—Божыи труды, въ серединѣ палка (съ крючкомъ) и колокольчикъ.—Колодецъ.

38. Дѣвкой была и жила какъ дѣвка; невѣсткой была—жила какъ невѣстка; какъ состарилась, глаза получила; черезъ тѣ глаза сама вылѣзла.—Макъ.

39. Два голубка чистую воду пьютъ, два пурпуринъ.—Колеса.

40. Высоко стоитъ, слабо висить, само мохнатое, кисецъ на гой.—Яблоня и яблоки.

41. Глиняный Матюшка бархатное брюшко.—Слива.

42. Бѣгамъ овечка пожираетъ.—Шпулька.

43. Недѣланное сдѣлалось.—Трещина въ стѣнѣ.

44. На бабиномъ дворѣ желѣзными волами пашутъ.—Рѣжутъ овцу.

47. Вокругъ избы озера.—Окна.

48. Шѣтухъ на заборѣ, хвостъ на землѣ.—Коса на заборѣ.

49. Baltoi bačkialei dvejopas alus.
(Kiaušinis).

50. Aržūlelis kunkūlelis šimtala-
pis, šimtašakis, viršui menū tiaka.
(Linas),

51. Pana nūga, marškinei anti.
(Žvake).

52. Aukšta pana, sausa rura. (Bonka).

53. Kiša—marma, trauke varva.
(Svirtis).

54. Atpurūja purutis su deviniom
skurutem. (Cibulis).

55. Dvilika ponaičiu vienoi lovoi
guli, ne vienos nera krašte. (Ratas).

56. Dvilika žirgu vienu pavadžui
viada. (Greblis).

57. Šimtu vita, šimtu pinta, šimtu
pavijota. (Kopustas).

58. Ejau nakti, pamečiau sakti,
menū rado, saule pagavo. (Rasa).

59. Atleke paukštis be sparnu,
uštupe an miadžio be šaku, atejo
pana be dantu, suede paukšti be
sparnu. (Kap sniekti).

60. Buvau mažas—garbinčias, kai
užaugau—kankalūtas, kai pasianau—
pats pavirtau. (Žirnei).

49. Въ бѣлой бочкѣ двоякое пиво.—
Яйцо.

51. Дѣвица пага, а рубашка за пазу-
хой.—Свѣча.

53. Погружаютъ — шумятъ, извле-
каютъ — капаеть.—Колодецъ-журавль.

55. Деѣнадцать дѣвицъ на одной кро-
вати лежать, ни одной нѣть на краю.—
Колесо.

56. Деѣнадцать коней однимъ ново-
домъ ведутъ.—Грабли.

58. Шелъ ночью, бросиль, пряжку,
кѣсницъ нашель, солнце поймало.—Роса

59. Прилетѣла птица безъ крыльевъ,
сѣла на дерево безъ вѣтвей, пришла дѣ-
вица безъ зубовъ, сожрала птицу безъ
крыльевъ.—Снѣгъ.

60. Малышъ—быль курчавымъ, какъ
выросъ—въ колокольчикахъ, состарился
самъ измѣнился.—Горохъ.

Г. Гинкенс.

Корельская свадьба.

Жизнь кореляка, не смотря на усиливающееся съ каждымъ годомъ вліяніе со-
сѣдей—русскихъ, до сихъ поръ еще имѣть много оригинального, своеобразнаго,
такого, что присуще только ей одной. Въ особенности много своеобразнаго въ обря-
дахъ, которыми обставляются важнѣйшіе моменты въ жизни кореляковъ, въ обрядахъ
свадебныхъ и погребальныхъ.

Свадѣбы въ Корельѣ по большей части бываютъ или осеню, до Филиппова
поста (Раштаваинъ шюна), или же зимою послѣ Рождества (длягэсъ Раштавадъ).
Выборъ такого времени для заключенія браковъ— вполнѣ понятенъ. Осеннее и зимнее
время болѣе свободное для кореляка и, сравнительно, болѣе богатое....

Къ осени полевые работы всѣ покончены: сѣно выкошено и убрано, хлѣбъ
засѣянъ, при томъ, у каждого съ осени водится свой хлѣбъ, своя крупа и у боль-
шинства солѣное или вяленое (высушеннное на солилѣ) мясо. Къ тому же, съ первыми
снѣгомъ въ корельскомъ краѣ начинаются и кой какіе заработки, дающіе мѣст-
нымъ жителямъ «деньги на расходы» (расходуайнъ). Вывозка бревенъ (ведо), рубка
древъ для лѣсопромышленниковъ, охота на лѣсную дичь,—все это въ общемъ даетъ
кореляку кой-какіе доходы, на которые она можетъ и водки закупить свадебныхъ
гостямъ, и отдать имъ подарками (ланьхойтада), и попа ублаготворить за вѣнчанье.

«А нужно-либо нашего Пекку (Петра) обѣничать въ этомъ году», скажетъ корелякъ-
семьянина въ одинъ изъ осеннихъ вечеровъ, сидя за вязаньемъ сѣтки: «жена моя—
единственная хозяйка (зайндѣ) въ семье—стара теперъ стала, трудно ей одной справ-
ляться съ домомъ, нужна ей непремѣнно помощница, молодая невѣстка»... Скажетъ и за-
полнитъ на цѣлый вечеръ, еще болѣе углубясь въ свою механическую работу. Но слова
«рѣдкобая»—кореляка не пропали даромъ... Проходить недѣля, проходить другая, и вдругъ
въ воскресный или праздничный вечеръ созываются къ нему въ домъ ближайшіе родствен-
ники: братъ, сестра, крестный отецъ (ристижѣ), его крестная мать (ристимя), женихъ
снаряжается въ лучшее платье, и длинный рядъ лошадей, увѣшанныхъ бубенчиками, за-
пряженныхъ въ легкіе санки съ сидящими въ нихъ свадебными гостями, направляется
къ тому дому, гдѣ живетъ молодая дѣвушка, по возрасту—невѣста.

Женихъ съ родственниками входитъ въ домъ невѣсты и послѣ первыхъ привѣтствій
говорить: «прежде ходилъ къ вамъ для ходьбы, а теперъ пришелъ добрымъ молодцомъ» (эндѣ кѣюйти кѣюништѣ, нюю тулинт һувакъ шенѣзкъ). Отецъ невѣсты и его семейные
радушки встрѣчаютъ «сватовъ» (сундайжидѣ) и приглашаютъ ихъ сѣсть за столъ въ по-
четномъ большомъ углу». Невѣста же убѣгаѣтъ вонъ изъ дома; если зимнее время, то
уходить въ деревню, въ домъ сосѣда, а если лѣтнее, то запирается въ своемъ чуланѣ и
здѣсь одѣвается въ самое лучшее платье, какое только у неї есть. Кстати замѣчу, обычай
требуетъ, чтобы каждая корельская дѣвушка, принадлежащая къ болѣе или менѣе состоя-
тельной семье, имѣла непремѣнно шелковое или шерстяное платье, хотя изъ дешевенькой
матеріи, и суконное тѣплое пальто... Пока не спрѣвлена ей эта одежда, она до тѣхъ поръ
не считается настоящей невѣстой.

Тѣмъ временемъ, пока невѣста одѣвается, женихъ и его родственники, сидя за сто-
ломъ, ведутъ съ ея семейными обычнымъ мирнымъ разговоръ: «Что слышно (мидѣ куулувъ)?
какъ хлѣбъ въ этомъ году уродился, сколько скотины на дворѣ стоять, сколько денегъ за-
работали вывозкой бревенъ лѣсопромышленникамъ» и т. п.... Женщины же, какъ угорѣлые,

суетатся, приготавляя гостямъ угощениe: наливаютъ водой самовары, разводятъ на очагѣ огонь, мѣсять тесто для пироговъ; для подмоги (на поиощь) къ нимъ, обыкновенно, приходить дѣвушки, подруги невѣсты. Когда все приготовлено, когда скипятъ самовары, выпряжатъ пироги (такъ называемые «праженные»—кейтинь-пѣрѣйдѣ), приходить домой невѣста; она подходитъ къ столу, за которымъ сидятъ сваты, и, поздоровавшись съ каждымъ изъ нихъ, дѣластъ общий поклонъ и говорить: «если гожусь, то ваша» (если падэнъ, минъ тѣйденъ); а иногда еѣ подводить къ гостямъ какая-нибудь бойкая старуха-сосѣдка и, кланяясь вѣтѣ съ ней, говорить: «вотъ тутъ ваша огнь-ласица» (вотъ сйтъ тѣйле тули-ребуой). Послѣ всѣхъ этихъ привѣтствій начинается угощениe; угощаютъ чаемъ, водкой и праженными пирогами. Чай подаетъ непремѣнно невѣста и старается это дѣлать какъ можно грациознѣ и плавнѣ, боясь расплескать чай изъ чашекъ, что въ корѣ считается признакомъ не хозяйственности.

Отпить чай, и гости садятся ужинать. Блюда на ужинѣ подаются самые обыкновенные, какія случатся; что сварено или спечено, то и ёдятъ гости: сварено мясо — и гости хлебаютъ щіи съ мясомъ, сварена рыба — и они ёдятъ уху съ рыбой.. Послѣ ужина, когда со стола все уберутъ, на столъ снова разстилаются скатерть, и старикъ изъ гостей жених-отецъ ли то, а если нѣть его въ живыхъ, то или старшій братъ, или дядя — вынимаютъ изъ кармана деньги и раскладываютъ ихъ по столу, приглашая отца невѣсты взять изъ нихъ, сколько толь захочетъ. Денегъ выкладывается не одиноковое количество, кто сколько можетъ. Если женихъ — человѣкъ богатый, сынъ «состоятельца» крестьянина, то на столѣ появляются даже сотенные бумажки, но такіе случаи очень и очень рѣдки въ исторіи корельскихъ свадебъ. Обыкновенно же ограничиваются 15 илъ 20 рублями; это количество непремѣнно должно быть выложено, хотя какъ бы ни бѣдѣнъ былъ женихъ: ужъ лучше въ долгъ возмѣть, а рублей 15—20 выложить. Деньги изъ кармана вынимаются медленно, съ разстановками и съ нѣкоторымъ «бахвалствомъ». Подождѣть родственникъ жениха часть денегъ и говорить: «у меня больше нѣть, пошли въ деревню, выпросите въ долгъ», и потомъ снова достаетъ изъ кармана: «нѣть, у меня еще есть, не вончились, на этотъ разъ хватитъ»... Отецъ невѣсты (или братъ ея, или дядя, если нѣть въ живыхъ отца) беретъ деньги, или только часть ихъ и уходитъ со своими ближайшими родственниками въ чуланъ «на думу» (дуумалѣ).

Здѣсь и рѣшается вопросъ: выдать ли дѣвицу замужъ или нѣть; если вопросъ этотъ большинствомъ голосовъ рѣшено положительно, приглашаютъ въ чуланъ невѣstu и у неї спрашиваютъ — согласна ли выйти замужъ за этого жениха? Согласіе, впрочемъ, рѣдко спрашивается отъ невѣсты-корелки. Всѣми брачными дѣлами вершатъ родители и старши въ семье, «которые больше жили на свѣтѣ и потому больше и лучше все знаютъ». Приглашаютъ также потому и жениха; у него спрашиваются — на какихъ условіяхъ силь береть невѣstu? — береть ли просто одну невѣstu или хочетъ приданаго: лошадь, корову, деньги... Условившись на счетъ приданаго, тутъ же назначаютъ число шаферовъ (8—10) и шаферинъ (6—8) и выряживаются съ женихомъ по рублю денегъ на человѣка — проводника невѣсты. Если, напр., со стороны невѣсты будетъ проводниковъ 9 человѣкъ, которыхъ нужно будетъ одарить, то съ женихомъ рѣдятъ 9 рублей...

Сразу послѣ думы — «дууме, лѣйжедѣ», невѣста накидываетъ на голову платокъ, наклоняется внизъ голову и жалобнымъ голосомъ протяжно причитываетъ сначала предъ иконами, а потомъ предъ родителями и родственниками...

Благословикать нюю, арманадъ сїндѣй-
жедѣ;

Благословикать омилѣ озайжилѣ,—

Түнисъ озисъ турбединилѣ озайжилѣ;

Изволикать, иналадъ сїндѣйжедѣ,

Благословите теперь, мыры «сїндѣй»,

Благословите на свое счастье (на свою
счастлив. жизнь);

Изъ тысячи счастій — на самое обиль-
ное счастье;

Дайте согласіе, чудесные «сїндѣй»,

Садойсь озись—сагедимиш...

Ляхтенъ омиш озайжилъ, орхедадъ сүн-
дүйжедъ;

Калынжедъ сүндүйжедъ, лйкутакать ми-
нусъ нудъ

Кюменизъ озайжизь—кюлль озайжилъ...

Изъ сотни счастій выбрать самое полное
(букв.—густое);
Я начинаю жить самостоятельную жизнью
(букв.—иду на самостоятельное счастье),
Могуще «сүндү»!
Дорогие »сүндү», краните меня (по-
двиньте меня)
Изъ 10-ти счастій на самое превос-
ходейшее счастье (букв.—самое сытое,
полное сч.).

Плачетъ предъ отцомъ:

Вута ляхтенъ нюю эчинъ
Урой-кулдатъ армойштаниш...

Эдъ ная кягеннү, урой-кулдайш-армой-
жени,
Элявиксэ эройтай, кавнижъ-иho,

Казвнинъ—айгайжилъ...

Виксэ синяя кулдайш-урой-каллиж-ар-
мойжени,
Эдъ кягеннү, да эройтиш игаекъ...
Виксэ онъ синудайжъ

Илмойнъ сувимадъ суладэлту,
Урой-віеказь-армойжени...

Виксэ онъ синудайжъ
Бійнүй ведүйжилъ веселдүтэттү
Илмой верзомадъ...

Подождите, пойду теперь поищу
Золотаго, милого, мужественаго...
Вѣдь не дуналь—мужественный, золотой,
милый,
Живую иеня удалить отъ себя, прекрас-
ная радость,
Въ сиюю пору воспитанія (рошенія).
Вѣрно, ты, хоть и не думалъ,

Золотой, мужественный, дорогой, милый,
Но всѣ таки отѣлить меня отъ себя на
вѣки...

Вѣрно, тебя
Запекшися на воздухѣ умягчили,
Мужественный,—рѣзый, милый!
Вѣрно, тебя
Винными водами развеселили
Всесвѣтные бродаги...

Плачетъ предъ матерью:

Онъ ная минуль-кювемель
Кюменидень куунуйжиденъ канделій,—
Онъ ная минуль-либужь-лапсель

Риндайжизь либуттай-найне,
Либужь-армойжени...
Вачайжизь кандай-найне,
Валгей армойжени...
Эдъ ная кягеннү казватусь—айгайжиль
Илмой-айганишъ андада...

Мидѣ бо нюю синяя рубежидъ
Вачасъ кандай-найне,
Валгей армойжени,
Илмой эзяэттүй эройтаманъ?

Эдъ ведь ни майтумидъ безчестидъ азуну,

Есть еще вѣдь у меня—пышкой,—
Десять мѣсяцевъ носившая...
Есть вѣдь у меня,—красиваго ребенка
(букв.—гладкаго реб.),
Воротъ разглажившая женщина,
Красивая, милая;
Въ брюхѣ носившая женщина,
Бѣлая, милая!
Вѣдь не думала ты въ пору рошенія
На всегдашнее время отѣлить меня
прочь!...

Зачѣй же теперь ты стала,
Въ брюхѣ носившая женщина,
Бѣлая, милая,
Мена, постоянно жившую вмѣстѣ, раз-
лучать?
Вѣдь, кажется, я никакого безчестнаго
поступка не сдѣлала?...

А рубежитте илмой-айгамиń анда маńт...
Вие ё олнуйжинъ нáмадъ
Кавиенде́й, кергеда́й көзайжедъ
Ониль валгеди́ль вадайжиль...
Олнуйжинъ вие ё күвеми́-лапси

Кудайжиль куннивойжиль...

Миeli армойженидъ, тэйдэнъ майлостийзъ...

Куй бо рубениенъ миа нюгу

Илмой эляттөмизъ эрониенманъ?
Миeli-армойженидъ,

Тэйдэнъ армойженизъ эрониенманъ?
Вие хотъ пидануйжитте, кавиэгедъ иночъ,

Кавиендиенъ луадуйжидэнъ кавнуйсъ.
Вие хотъ пидануйжитте,
Инада́й армойженидъ,

Кавиендиенъ иккунъ шелижизъ...
Хотъ вие пидануйжитте,
Сореда́й армойженидъ,
Срочитунъ стола́й шануйжидэнъ кав-
нуйжизъ...

Онъ häй минулдайни
Үксись вачайжизъ вуалитту,
Валгей саккали, вуалайжени лапси;
Кавнижъ ино, кандойни кандатту...

Мида́ бо сиа́ кюллидъ армойженидъ

Эдъ киелдайу,
Нáмидэнъ кавпайжидэнъ азуде́сь?...
Миа синуńь пидинъ суредъ недéжадъ,

А сиа́ кюллидъ армойженидъ
Эдъ киелдайу,
Паштайсъ пайвайжизъ шуолетту,
Нáйвигъ оттайжени лапси!
Куй бо миа́ рубениенъ,
Айтакойжени лапси,

Тэйдэнъ артэлайжизъ эродалеманъ?

Эдъ сиа́ минудайни

А между тымъ теперь ты стала
Разлучать меня навсегда...
Я бы еще хотѣла пожить
Въ эти прекрасные, рѣзые годы
На своей бѣлой волѣ (букв.—на своихъ
бѣлыхъ... plur.):
Я—шылкій ребенокъ, еще хотѣла бы
остаться
При своихъ прежнихъ золотыхъ почес-
тахъ;
Сильно милые, я осталась бы при ва-
шихъ милостяхъ...
Какже я теперь буду
Разлучаться съ твоимъ, съ кѣмъ жила
постоянно?

Очень милые,
Какъ же я буду огъ вашихъ ласкъ
отставать?...
Хоть еще оставили бы меня,
Прекрасные радостные,
Въ прекрасно сдѣланномъ помѣщеніи
(въ избѣ)...
Хоть еще оставили бы меня,
Радостные милые,
У прекрасныхъ оконныхъ липинъ,...
Стройные милые,
Еще поддержали бы меня
Въ избѣ за украшенными столами...

Плачетъ предъ братою:

Есть вѣдь еще у меня
Въ одномъ брюхѣ скатанный,
Бѣлый попрыгунъ, скатанное дитя,
Прекрасный, веселый, чрезъ иошенье при-
несенный...
Почему же ты очень ииныхъ не отсовѣ-
товаљ
Заключать эту торговую сдѣлку?
Я на тебя возлагала большія надежды...
А ты, между тымъ, сильно-милыхъ не
отсовѣтоваљ...
Отъ яркаго солнышка убавленное,
Солицу подобное дитя,
Я въ недоумѣніи,
Я не знаю—какъ буду
Отъ вашихъ артелей отлучаться...
Ты на меня ни разу дурными словами
не прикрикнугъ
Но держалъ только, прекрасный, радост-
ный,
Чрезъ иошенье принесенный,

Ни виноель санайжигъ виркану...
Вай ё пиделдъ, кавніжъ иho,

Кандуойни кандетту,
Кавненідэнъ луадуйжидэнъ кавнуйжизъ...
Эль häй ни мітумиңъ руадуйжигъ ру-
ачину,
Веселль кала, верзояйжени лапси...
Вай ё пидиль,—кавненілә руадуйжигъ
мандүдъ,
Веселль ведүйжидэнъ туоянъ
Кавненідэнъ калайжидэнъ кейтаянъ...
Вай ё пидиль, сореяйжени лапси,
Соитаянну да паятеттаянну...
Вie häй, кавніжъ иho,
Кавненіль собайжигъ кавніштәлдъ
Кавненілә имайжигъ кявүдәсь...
Күй бо нюю мина рубеданъ,
Аткаланъ лапси,
Тейденъ артелійжизъ эронемманъ?...
Түбійни лапси, сувредъ спассибодъ
Уденъ нүүвиль обучайжигъ
Кавненідэнъ кавниноданъ айгайжигъ...
Күй бо нюю рубежидъ
Илмой элятеттүләй эройтамманъ?...
Вie ё олиуажинъ, вуалайжени лапси,
Оміль валгедиль валдайжигъ...
Пядерайнъ лапси,—

Паявайжидэнъ валгедумиңъ валдайжигъ
Намядъ кавненедъ кезайжедъ...

Въ прекрасно выстроеномъ помѣщеніи...
Вѣдь ни на какія работы ты не при-
нуждалъ меня,
Весёлая рыбка, рослое дитя!
Только, идя на чистую работу,
Ты вставляла меня приносить воду
(для питья)
И варить прекрасную рыбу...
Только и дѣла было инѣ у тебя, строй-
ное дитя,
Что я пѣла и играла...
Вѣдь еще, прекрасная радость,
Украшала ты меня красивыми одеждами,
Когда я выбѣгала на ясный сѣѣтъ...
Какъ же я теперь буду—
Печальное дитя (называетъ себя),
Отъ вашихъ артелей отлучаться?...
Знойное (букв.—южное дитя)
Большое спасибо
За твои добрыя наставленія,
Которые ты давалъ инѣ
Въ пору моего прекрасного воспитанія...
Какъ же теперь ты стать
Постоянно живущую вмѣстѣ разлучать?...
Еще я побыла бы, скатанное дитя,
На своей бѣлой волюшкѣ...
Несчастное я дитя!
Еще я побыла бы въ эти прекрасные
годы
На своей бѣлой, какъ день, волюшкѣ...

Плачеть предъ сестрой:

Отъ häй минуллайнилъ
Үкисись вачайжизъ вуалитту,
Вуалайжени лапси,
Озайжидэнъ опиниудъ!
Күзелтиңъ го синудъ күллядъ армой-
женидъ.
Намидэнъ кавнайжидэнъ азудесь?...

Сиңа оледъ азэтанну илмой айтамидъ...

Мітумадъ віе эхки одданъ

Илмойнъ міелидэнъ оттамидэнъ мілостидъ?
Отъ го айго армойженидэнъ армодъ

Илмой айтамизъ?...
Отъ го илмойнъ міелидэнъ оттамизъ

Міли-армойженидэнъ мілостидъ?

Есть вѣдь у меня
Во одномъ брюхѣ скатанное,
Свалившее дитя,
Только что отѣдывавшая счастья!...
Совѣтывались ли съ тобою миные роди-
тели (букв.—до сыта миные...)
Когда начинали производить эту тор-
говлю?...
Ты уже успѣла услуживать тѣмъ, кото-
рые постоянно на міру (разум.—сваты)...
Какія еще милости у отбирающихъ все-
свѣтныя мысли (т. е. у сватовъ)?...
Есть-ли у отбирающихъ всесвѣтныя мысли
Такія-же милости, какъ у очень милыхъ
родителей?...
Есть-ли у запекшихся на воздухѣ
Такія-же ласки, какъ у ласковыхъ ми-
лыхъ?
Есть-ли у посягшихся по свѣту

Онъ го илмой-сувинизъ

Такія-же помѣщенія, какъ у дорогихъ, иныхъ?...

Сулиденъ армойжиденъ суладъ?...

Онъ го илмойнъ кандамизъ

Калланиденъ армойжиденъ кавиудъ?...

Плачетъ предъ крестной матерью:

Онъ гай минулъ
Ристой ведүйжизъ либуттай-найзъ,
Либужай армойжени...
Ваной ведүйжизъ валгайдай,
Валгель армойжени...
Кулдайжизъ кунелайжизъ кубластатгай,
Кулдайз армойжени...
Кюзуттінъ го кулдадъ армойженидъ си-
нудайжъ,
Найиденъ кавнайжиденъ азудесь?...
Калленись ведүйжизъ валгайдай найзъ,

Валгей армойжени,
Оттеттінъ го калләнедъ армойженидъ
Үксис дуумайжилъ,
Найиденъ игайжиденъ кавнайжиденъ азу-
десть?...

Есть вѣдь еще у меня
Обливавшая въ крецальныхъ водахъ
Женщина, гладкая, иная!
Въ въсковыхъ водахъ выбѣлившая,
Бѣлая иная...
Въ золотой кунели погружавшая,
Золотая иная...
Согрѣтавшись съ тобою золотые ильмы
(родители),
Когда начинали эту торговлю?...
Въ дорогихъ водахъ выбѣлившая жен-
щина,
Бѣлая иная!
Пригласили ли тебя дорогое, ильмы
На единъ съ иими созвѣть,
Когда задумали эту торговлю, именуя
значеніе на всю мою жизнь?..

Затѣмъ сватамъ невѣстина сторона дарить—кому рубаху, кому платокъ, и гости
сътно угощенные и одаренные подарками уважаютъ во свойсн.

Въ томъ же случаѣ, когда невѣсты не хотятъ выдать замужъ, или не согла-
сятъ съ условіями, предложенными женихомъ, отецъ невѣсты деньги, взяты со стола,
отдаетъ обратно и свадебныхъ гостей не дарить. И какъ только сваты уйдутъ, не-
вѣста бѣжитъ къ костру дровъ, береть отсюда три полѣна неколотыхъ, круглыхъ,
несѣть ихъ въ избу, въ большой уголъ и, не наклоняясь, бросаетъ на полъ изъ всей
силы; это дѣлается для того, чтобы скорѣе приходили другіе сваты.

На другой день (если свадьба состоится) родственники невѣсты (отецъ, братья,
заты, сестры, крестный отецъ и маць невѣсты) идутъ въ гости въ домъ жениха—
осматривать его хозяйство (кедидъ катччанѣ). Здѣсь они угощаются — пить чай,
водку, єдять прижение пироги и назначаютъ день вѣнчанія. Въ богатыхъ домахъ,
когда женихъ и невѣста люди «зажиточные», день этотъ (день вѣнчанія) стагаєтъ
на цѣлую недѣлю впередъ, и во всѣ эти дни, до самаго дня вѣнчанія, задаются
всамыни угощенія: то въ домѣ невѣсты, то въ домѣ жениха. Кроме дневныхъ уго-
щеній, въ домѣ невѣсты ежедневно вечеромъ устраиваются «бесѣды» (букву «ѣ»
нужно читать, какъ є), на которые приходитъ или привѣждастъ женихъ и танцуетъ
съ своей невѣстой (истати упомяну о танцахъ на корельской бѣсѣдѣ—ляиссе, кадриль
и «созвѣдіе» или «чуку»). Днемъ невѣста не принимаетъ никакаго участія въ уго-
щеніи гостей. Она въ это время, одѣтая въ самое простенькое платье, съ распущен-
ными волосами, съ низко опущенными на глаза плавкими, подходить вмѣстѣ съ ста-
рухой плакальщицей къ каждому изъ своихъ родственниковъ и знакомыхъ и плачетъ
предъ иими подъ слова прічитаній.

Наступаетъ потомъ и самый день вѣнчанія. Предъ отѣздомъ въ вѣнчанію невѣста
въ сопровожденіи дѣвушекъ, своихъ подругъ, отправляется въ бани. Подруги-дѣвушки
въ бани не заходить, а, сидя въ банныхъ сѣяхъ (предбанникѣ), поютъ пѣсни.
Пѣсень, исключительно только на этотъ случай существующихъ, въ король нѣтъ.

Песня та самая песня, которая обыкновенно распеваются за танцами на балдахь. Девушки—или женихъ, или который-нибудь изъ его шаферовъ приносятъ сюда крендели, конфеты, а иногда и водку и всячъ этичъ угождастъ имъ; хотя, нужно заметить, что въ корольскомъ краѣ рѣдкая изъ женщинъ пьетъ вино.—Невѣста таинъ временемъ умывается въ бани. Къ ней приглашается сюда старуха—захарка; эта последняя ватираетъ тѣло невѣсты солью съ словами наговора: «какъ эта соль около меня ходить, такъ пусть такой-то (имя) будетъ около меня—во всѣ дни, мѣсяцы и во всю здѣшнюю жизнь. Какъ поть на моемъ тѣлѣ сохнетъ, такъ пусть и душа его (имя) по мнѣ сохнетъ». (Куда нѣмѣй супладъ квяткѣ минусъ ўбира, муга анда Шекко минусъ ўбира, куни юудъ, куни пайдъ, синъ измѣнить пядъ. Куда минунъ ниги нѣбънъ куйвавъ, муга юненъ ненги минунъ куйваганъ). Соль эта по-тому не бросается, но бережно приносится изъ бани домой и полагается въ тѣсто, изъ которого во время свадьбы пекутъ широки исключительно только для жениха. По смыслу самого наговора, цѣль этихъ колдовствъ—привязать женника къ невѣстѣ, какъ можно болѣе тѣсными узами любви, нерасторжимыми до самой смерти..

Выйдя изъ бани въ предбаникъ (кюлю сенчуйбъ), невѣста причитаетъ предъ девушкиами, своими подругами:

Сувердь спассибодь, кавинѣдѣй июдь,
Ку ўенъ нувадъ кулю-шертіжедъ,

Илмой-куалининъ лахтедэвъ, илмититте...

Ўденъ весселадъ кулю-шертіжедъ нѣмѣй
олдинъ...

Кай сантте ніемижидъ-иубти
Лажидъ ведудъ азуну...
Спассибо, ивомайжени лапседъ,
Ку изменѣйкідъ этто пиделнъ...

Віе кулкатъ, кулвайженидъ лапседъ,
Віе нѣмѣй лопшумайжедъ кіерайжедъ:
Проводикать ўденъ суврізъ рудостій-
жизнь
Ускаканъ армойженинъ уличайжиль...
Вутазъ ю-полтуайне ланси пойвелдэлэ-
мозъ
Суданъ армойженинъ суврізъ чупуйжиль,
Саджанъ армойженинъ салмайжиль...
Энде олдинъ судагъ армойженинъ
Суврізъ чупуйжиль иемижедъ кайчую-
жедъ...
Кудайжель армойжениль мугомадъ олдинъ
суврізъ рудостій!..
Нюю онъ, поз-адиженъ,

Суврізъ чупувъ суврізъ иезалайжиль...

Віеказъ армойженинъ, рубежи війнамъ ве-
дійжиль вакхтлеманъ.

За невѣстой—взять ей къ вину—привозятъ женникъ со своими родственниками человѣкъ 10—20.

Большое спасибо, прекрасная радости,
Что очень хорошую баню (букв.—бания
избы)

Стопили на уходѣ къ всесвѣтимъ бро-
дягамъ...
Очень веселая была эта баня...

Даже по уму мнѣ
Приготовили вы тѣплую воду...
Спасибо вамъ, потные дѣти,
Что вы по отчинкѣ ко мнѣ не измѣни-
лись...

Еще послушайте, — дѣти,
Послушайте меня въ послѣдній разъ:
Проводите меня съ большими весельемъ

По улицѣ надежного, дорогаго.
Дайте-ка я еще—перегрѣвшее дитя, по-
перекъ изломлюсь

Въ углахъ сто разъ дорогаго...
Прежде были у ласковаго, милаго
Въ большихъ углахъ медовые колодцы,—
Такія были большія удовольствія у золо-
таго милаго...

А теперь я, мытая-милая,

Сижу въ большомъ углу въ великой не-
чали...

Онъ, лукавый, дорогой, сталь изѣнить
меня на минна води ..

Еще издали по дорогѣ—внимательные родственники невѣсты замѣчаютъ поѣздъ жениха съ поѣзжанами и даютъ знать объ этомъ невѣстѣ.. И послѣдняя начинаетъ причитывать предъ родителями:

Качногдѣ нююю какснденъ пулнижодъ,
Каллнедѣ армойженидѣ!
Уденъ сувредѣ тучадѣ ностанъ
Поњайжизъ пулуйжизъ-шѣ,
Равдайжидѣнъ рагенуїжидѣнъ керѣ:
Илмой-оттамадѣ тулданъ,
Оружой олгайжедѣ,
Минунъ валгедидѣнъ валдайжидѣнъ отой-
міядѣ,
Минунъ кулдайжидѣнъ куннівуденъ ку-
луттаядѣ...
Вастадаа, урой-валгей-армойжени,
Уденъ сувредѣ агъяттомадѣ
Артевдѣ тулданъ...
Кулдайнэ армойжени,
Азэттээ кувзикъ недѣликъ кулгеманъ;
Азэттээ, орхей-армойжени,
Осроганъ сейнайжедѣ
Омила озро-иуауїжилѣ:
Анда кувдѣдѣ недѣлидѣ кулгеданъ...
Куй эй воятайжъ илмой айтамодъ

Ни шіяличи иоста, ни алачи тулда...
Азэттээ, лудо міели-армойжени,
Лудо-лудожскойдѣ ламбайжедѣ;
Пана, міели-армойжени,
Меренъ парападѣ каладѣ кійміманъ...
Анда илмой-кувамадѣ
Кувзъ недѣлидѣ нідѣ качотанъ,
Эхки олзинъ минъ недѣ агайжедѣ
Омила валгедиль валдайжиль...

алѣ, урой-ианль-армойжени,
Изинайжидѣ пидѣ...

Посмотрите теперь двухполовинчатые (т. е.
родители),

Дорогіе милые!
Очень большія облака поднимаются
Съ сѣверной стороны,
Тучи—стѣ жеизѣнны градомъ...
Идуть всесвѣтные грабители
Съ ружьями на плечахъ,
Шокиттели моей бѣлой воли,

Уничтожающіе (букв. — издерживающіе)
мои золотые царские годы...
Встрѣчай мужественный, бѣлый, милый;
Очень большія, безконечны
Артели идутъ...
Золотой, милый!
Останови ихъ на шесть недѣль:
Пусть они поонарасиу около ъздѣть...
Сдѣлай, мощный милый,
На своихъ ячменныхъ поляхъ
Стѣны острожны:
Пусть они ъздѣть шесть недѣль взадъ и
впередъ:
Пусть постоянные бродяги
Ни чрезъ не могутъ перелѣть,
Ни снизу пропихатъся...
Сдѣлай, очень милый,
Красивыя Ладожскія озерки
И спустя въ нихъ играть
Лучшія морскія рыбки,
Пусть свѣтъ (міръ) измѣряющіе
Любуются ими въ продолженіи шести не-
дѣль;
Хоть я тѣ времена буду жить
На своей бѣлой волѣ...
Смотри, мужественный, радостный, милый,
Не сдѣлай мнѣ измѣны...

Сваты изъ сарай идутъ въ избу:

Каче, кулдайнэ-армойжени,
Кувнантъ поњась
Кулдѣнъ-ведѣйжинъ є и ваехтидѣ
Минунъ валгедадѣ валдайжедѣ!...
Каллижъ армойжени,
Каргединъ веазинъ є и ваехтидѣ...

Вотъ, золотой милый,
Ты и промѣняль меня на золотую воду
На днѣ сосуда...
Вотъ и промѣняль, дорогой-милый,
Мою бѣлую воду
На горькія воды...

Какъ только женихъ съ гостями вѣдѣть въ сарай, сюда къ нему выходятъ двѣ родственницы невѣсты и выносятъ—одна кисель и молоко, а другая матерію для «чепчиковъ» (поварниковъ, по корельски—чепче).

Первая, которая выносить молоко и кисель, подходит къ каждой изъ шаферинъ—со стороны жениха—и предлагаетъ отвѣдать киселя съ молокомъ: «сватъ, говорить она, обращаясь къ которой-нибудь изъ нихъ, отвѣтай, пожалуйста, киселя съ молокомъ, отвѣтай: такую дальнюю дорогуѣхала, слѣдуетъ я подкѣрпнться». Но «сватъ» упорно отказывается отъ предлагаемаго угощенія и получаетъ изъ руки другой женщины—родственницы невѣсты на чепчикъ. Точно также угощаетъ и другую и третью, и т. д. всѣхъ шаферинъ, предлагая каждой кисель и молоко, но ни одна изъ нихъ не береть ни ложки, напередъ зная, что—сдѣлай она это, то потеряетъ другой болѣе цѣнныи подарокъ—чепчикъ. Когда шаферинъ получать по чепчику, всѣ гости, вмѣстѣ съ женихомъ, отправляются въ избу. Невѣста же, стоя у дверной линии, (косыка) ждѣть, когда войдетъ женихъ, и какъ только послѣдній переступитъ чрезъ порогъ, она бросается на него и, что есть силы, старается нѣсколько разъ повернуть его. Цѣль этого дѣйствія—сдѣлать изъ жениха послушнаго мужа, которымъ бы и въ жизни, можно было повортьвать также легко, какъ и теперь...

Иные женихи позволяютъ невѣстѣ повернуть себя, а иные же нѣтъ, и, не смотря на всѣ усилия ея, стоять крѣпко на ногахъ и чувствительными толчками отталкиваютъ её отъ себя. Свадебныхъ гостей жениха ждѣть въ избѣ цѣлый хоръ дѣвушекъ, которая сидя за столомъ поютъ пѣсни; пѣсни опять поются обычныи, какии употребляются на бесѣдахъ (на русскомъ языке); особенныхъ свадебныхъ пѣсень у короляковъ нѣтъ. Женихъ приносить поющими дѣвушкамъ крендели, конфеты и пряники и кладетъ ихъ на столъ. Невѣста береть узелокъ съ гостицами и раздаетъ ихъ подругамъ. Послѣ этого дѣвушки уходить вонъ изъ-за стола, и на мѣсто ихъ садится женихъ со своими подѣжанами. Гостямъ приносится угощеніе: чай, водка и праженые пироги. Послѣ же угощенія разстилаются на столѣ снова скатерть и приносить большой ржаной хлѣбъ, кладутъ на него икону и на столъ ставить соловку. Свадебные гости, какъ со стороны жениха, такъ и со стороны невѣсты поднимаются изъ-за стола, становятся предъ иконой, висящей въ углу на стѣнѣ, и начинаютъ молиться. Предъ иконой зажигается восковая свѣча или лампада. Невѣста становится рядомъ съ женихомъ, и оба кланяются одновременно три раза досамой земли. Потомъ отецъ невѣсты берѣть со стола хлѣбъ и икону и веодлагаетъ на головы жениха и невѣсты по очереди до трехъ разъ. Это же самое продѣлываютъ и другіе родственники невѣсты.—Еще до благословенія одинъ изъ шаферовъ жениховой стороны бѣть киутовищемъ (ручкой кнута) по полкѣ на лицевой сторонѣ дома и говорить: «эта сторона паша» (тѣмъ чура мейдѣнъ), а, указывая на сторону къ дверямъ, говорить—«та сторона ваша» (сэ чура тайдѣнъ).—Послѣ благословенія происходитъ взаимное «поздравленіе» молодыхъ (тер-взѣтусъ). Женихъ и невѣста цѣлуютъ другъ друга, и невѣста привязывается на шею жениху шелковый платокъ. Весь этотъ процессъ моленія предъ иконой и благословенія хлѣбомъ—короляки называютъ «рукобитѣемъ» (каденъ ишку), хотя въ теперешнее время ничего похожаго на рукобитіе въ буквальномъ смыслѣ нѣтъ. Послѣ «рукобитья» невѣста съ плакальщицей плачетъ предъ отцомъ, матерью, братьями и сестрами и жалуется, что они поступаютъ съ нею жестоко, немилосердно, отдавая въ неволю чужому человѣку.

Найдъ мѣтумадъ, минунъ армойжени,
Изменайдъ пидидъ!..
Мѣтумадъ шурмудъ ласкидъ
Сулидэнъ армойжидэнъ
Сувирѣнъ чипшлойнъ
Вуота, кѣлвettаяйжени лапси,
Къззәлэнъ синуллайжъ:
Мидъ наиммъ олданъ
Кавпайжедъ синуллайжъ?
Вай олданъ, субѣйни лапси,

Вотъ вѣдь какую измѣну,
Какой обманъ
Допустиль ты, мой милый,
Въ большихъ углахъ
Очень любезныхъ (т. е. родителей)?...
Подожди,—пылкое дитя,
Я спрошу у тебя:
Что это за торговыя дѣла у тебя?
Или ты, пламенное дитя,
Продаешь лошадь (букв.—Это узды про-
дажа)?...

Сүйчи піанъ кавпайжедъ? ..
Вуота нюгю, туониво лапси,
Тойниттәлемосъ...
Оннако ё, каллижъ ино,
Кандойни кандэтту,

Минунъ-каргіайженъ кавпа-шәдъ олданъ..
Оннако ё, вуалійиз лапси,

Валгедидэнъ валдайжидэнъ кавладъ ол-
данъ
Энъ дё сміттину, инало-сіемевъ,
Нәмидъ изменайжидъ...
Нәйдъ, луадайжени лапси,
Ласкидъ шурмұлъ інгомадъ,

Кудамидъ кайкизъ казвіндо-айгайжизъ
Ни кіерадъ энъ аяттану...

Вуота эхки валдойдәлемосъ
Ониль валгедидъ валдайжиль
Ковиэнисъ луадуйжизъ,

Күни оләнъ пайвяйнүжидэнъ-валгедумиль
валдайжиль...
Оннако ё отоймитаңъ
Валгедадъ валдайжедъ...
Вуота эхки куннівойчесозъ,
Күни оләнъ күнні вуодэнъ валдайжиль,
Күлдайжизъ луадуйжизъ,
Түндожидэнъ армойжидэнъ
Түнделэнъ паранисъ луадуйжизъ...

Въ это же время,—во время притчаній происходит раздача подарковъ жениховой роднѣ: родному отцу и отцу крестному даютъ обыкновенно сиццу на рубашку; родной матери и крестной—по сорочкѣ, шаферамъ—по 5 аршинъ холста и одинъ или два сиццевыхъ платка, въ богатыхъ же домахъ, вмѣсто холста, даютъ кумачъ—аршива 4 или 5; шаферинамъ (саланайиз) по сорочкѣ и чепчику каждой. Шафера перевязываютъ свои подарки чрезъ плечо (на манеръ, какъ иногда дѣлаютъ діаконы съ орапемъ) и носять ихъ во все времена свадьбы.

Невѣста, исплакавшись предъ всеми своими родственниками, подходитъ къ столу, за которымъ сидать гости жениха и, причитывая, просить гостей одарить ей подарками. Женихъ и его родственники даютъ ей деньги, кто сколько можетъ: кто три, кто пять кошѣекъ, а кто и больше. Потомъ невѣста снова подходитъ къ своимъ родителямъ, которые на этотъ разъ садятся рядомъ на одну скамейку, и, причитывая, просить у нихъ тёплой одежды—шубы, шубное одѣяло (катухке), просить—корову и овцу.

Иштугатоксанъ вай, иналадъ армойжедъ...
Вуота миңа нәмидъ лонудъ кіерайжадъ
Пакиченъ калләниль армойжениль
Каксидэнъ кіераллижедъ...
Андагадъ, пядерядъ армойжениль.

Подожди теперь туониво дитя,—
Подожди я приду въ себя...
Кажется, дорогая радость,
Чрезъ ношенье принесенный,—
Кажется, моей горькой головы продажа
Промежходитъ...
Снатааное дитя!
Кажется, продажа моей бѣлой воли про-
исходитъ...
Ужъ не ожидала я совсѣмъ, радостное
Сѣмя,
Такой измѣны...
Видишь, прекрасное дитя,
Какой обманъ ты допустилъ,
Котораго ни разу, во всю мою жизнь съ
тобою,

Я и не представляла...
Подожди, хоть еще понѣжусь (букв.—по-
волнничача)

На своей бѣлой волѣ
Въ прекрасныхъ строеніяхъ,—
Понѣжусь,—пока я еще на своей волѣ,
бѣлой, какъ день...
Кажется, отоймутъ бѣлую волю...

А поэтому подожди,—хочь пороскошичаю,
Пока я на своей роскошной волѣ,—
Пока я въ золотыхъ помѣщеніяхъ
Знакомыхъ-милыхъ (т. е. родителей),
Въ строеніяхъ, изъ тысячи лучшихъ...

Присядьте-ка, радостные милые...
Подождите—я въ эти послѣдние разы
Попрошу у васъ, дорогихъ-милыхъ,
Дважды-перемѣнную одежду...
Дайте, печальные милые,

Илмойнъ пайвидэнъ оттаминъ ляхтадесь,
Пайвилэ вастаңъ собадъ паштайдъ...
Анdagадъ, версоядъ армойженидъ,
Везилэ вастаңъ лайкюядъ собайжедъ,
Кавнэндъ армойжедъ,
Анdagадъ кавнуйжедъ піянюйжилэ...
Анdagадъ, ляминдъ армойженидъ,

Ляминъ ваттегизъ собайжедъ...
Эй ку панда илмойнъ-оттайдъ
Піоныйжилэ шуодуйжилэ...
Анdagадъ, каллэндъ армойженидъ,
Дялгайжидэнъ кавнуйжедъ...

Анdagадъ, кулдайжедъ армойженидъ,
Кулда иль куюйжиль кулгіадъ...
Садожадъ армойженидъ,
Анdagаттэ сары-піянюйдъ
Илмойнъ савиштэттуйнъ ляхтадесь...

Кергедадъ армойженидъ.
Анdagадъ келденъ кандайдъ...
Кай анdagадъ, күлль армойженидъ,

Күлляжедъ приданийтъ...
Эй ку родида илмой кувамизъ

Кувзъ недаlайжидъ кувлойтуксидъ?...
Эй ку родида илмой пайвинъ оттамизъ
Пайвяллижидъ пайветүксидъ?...
Пассибо кайкизъ, какидэнъ шуолижодъ,
Каллэндъ армойженидъ!...
Оппшгадъ ё віе, валгедадъ армойже-
нидъ,
Куни олэнъ тәйдәнъ валгедиль ваддай-
жиль

Минуль-лайяль лапсэль
Лендаядъ ліеменүйжедъ...

Кулиянъ піянюйжидэнъ кучермуйжедъ,
Куни олэнъ тәйдәнъ полвндишъ шалж-
жиль,

Параңадъ армойжедъ!
Пандаңъ минунъ лендаядъ ліеменүгедъ

Кувзилэ кучермуйжилэ
И пайвяллижидэнъ пайветтүмштёмиш сія-
хуйжилэ...
Сувредъ спассибодъ, суладъ армойженидъ,
Каку кайкель приданийтъ
Көлліттіш...

Миң, уходящей къ всесвѣтнымъ бродягамъ,
На солнѣ сверкающую одежду,
Отражашуюся въ плещущейся водѣ...
Дайте украшения на голову;
Дайте, ласковые милые,
Изъ теплого сукна одежду:
Чтобы да не поставили меня всесвѣтные
грабители

На сѣверную сторону...
Дайте, дорогіе милые,
На ноги украшение;
Дайте, золотые милые,
По золотымъ дорожкамъ скользящіе (раз-
ум.— сапоги)...

Щедрые-милые,
Дайте рогатыя головы (корову)
Миң, уходящей къ всесвѣтнымъ нищимъ...
Ясные милые,
Дайте также носящія колокола (что-н.
изъ скота)...

Все дайте, довольные милые,—
Все богатое приданое...
Что-бы иначе—не было отъ всесвѣтныхъ
бродягъ

Шести недѣльныхъ попрековъ,
Что-бы не было у меня предъ всесвѣти.
грабителями
На лицѣ солнечного загара (не было
стыдно)...
Спасибо за все, двухъ-половинчатые (т. е.
родители);

Спасибо вамъ, дорогіе милые!...
Пощупайте еще, бѣлые-милые,
Пока я на вашихъ бѣлыхъ воляхъ,
Пощупайте—у меня, льняного ребенка,

Мой развѣвающейся ленъ (волосы),

Кудри-холодной головы,
Пощупайте, пока я еще на вашихъ колѣ-
няхъ,

Лучшіе милые.
Положать мой развѣвающейся ленъ

На шесть кудерокъ (косы)
И въ такія мѣста, куда не проникнетъ
солнечный загарь...
Большое спасибо вамъ, мои милые,
За то, что всячими подарками меня награ-
дили (букв.-насытили)...

Послѣ окончанія этихъ причитаній, на плечи ей накидываютъ шубное одѣяло (катахе) иѣхомъ вверхъ и уводятъ въ чуланъ. Здѣсь начинается одѣванье невѣсты къ вѣнцу. На полу чулана разстилается выдѣланная овечья шкура, а если въ домѣ ея нѣть, то и шуба, иѣхомъ вверхъ, и подъ ноги невѣсты, подъ шкуру кладутъ топоръ и шилу: это для богатой жизни. Невѣсту раздѣваютъ до нога, и въ чуланъ къ ней приводятъ жениха. Женихъ долженъ взять голую невѣсту и посадить ей къ себѣ на колѣни. Подержать такъ нѣсколько времени на колѣнихъ, она колча уходить вонъ и опять возвращается въ избу къ гостямъ. Значенія этого дѣйствія инѣ никакъ не удалось узнать. (Думаютъ, что все это продѣливается съ цѣлью возвѣдти въ женихѣ страшное чувство къ невѣстѣ, что между королями отождествляется съ любовью). Потомъ, братъ невѣсты одѣваетъ сестрѣ чулки и подъ пятки въ сапоги кладеть по двугривенной монетѣ,— для выты будущихъ дѣтей, для чистоты ихъ; а иные же берутъ 3 зерна житныхъ (ячменныхъ), 3 конопляныхъ, 3 небольшихъ камешка, и все это, связавъ въ одинъ узелокъ, кладутъ подъ лѣвую пяту; относительно послѣднаго обряда даютъ, обыкновенно, такое объясненіе: «чтобы свадьба не разстроилась со стороны родственниковъ жениха, напр. со стороны его отца, дяди, которые во время свадьбы, постоянно угощаясь водкой, бываютъ очень капризны; вѣтъ для этого-то невѣсты и кладеть подъ лѣвую пяту узелокъ съ зернами ячменя и конопли и съ тремя камешками; это средство очень годится...»

Одѣвъ чистую сорочку, невѣста умывается; къ ней снова въ чуланъ приглашается женихъ. Послѣдній также долженъ умыться въ той водѣ, въ которой до него умывалась невѣста. «Иные женихи», замѣтила при этомъ моя разсказчица, «которые женятся по своей волѣ, по любви,—охотноѣдутъ въ чуланъ, а иныхъ едва-едва уговоришъ идти,—не идуть-да и все тутъ». Подъ платье, въ пазуху невѣста кладѣтъ или кусочекъ мыла, или же колѣнку и это выбрасывается въ церкви во время вѣнчанія. Зачѣмъ это? «А чтобы избавиться отъ чирьевъ» (вередовъ), которые будто-бы всегда въ изобилии появляются на тѣлѣ у невѣсты, при взглядѣ ея на сучки церковныхъ стѣнъ. Отъ хлѣба, который мать и отецъ благословляютъ невѣсту, она также отрѣзываетъ крошечку и кладѣтъ ее между грудей, у вѣнца стоять съ нею и съ нею жеѣдѣть въ домѣ жениха, гдѣ иѣсть по немногу, чтобы не скучать, не тосковать по родительскомъ дому. Нѣкоторыя же невѣсты полагаютъ въ пазуху еще кромочку хлѣба и, послѣ вѣнчанія, бережно сохраняютъ ее въ сундукѣ,—для родовъ будто бы очень годится; сокращаютъ также ту скатерть, въ которую было завернуть благословленный хлѣбъ; ею покрываютъ дѣтей во время припадка родилца...

Наконецъ, одѣтая невѣста приходитъ изъ чулана въ избу. При входѣ въ избу ее встрѣчаютъ ея же родственники съ ухватами, помялами и кочергами въ рукахъ и не позволяютъ ей пройти къ столу, къ жениху... И только водка жениха обезоруживаетъ ихъ... Когда невѣста подойдѣтъ къ столу, женихъ поднимается со скамьи, беретъ ее за руку и трижды повертываетъ предъ столомъ; цѣль также, что и у невѣсты при продѣливаніи этого же дѣйствія—имѣть послушную жену. Затѣмъ садятся рядомъ на минутку другую за столъ—и начинаются сборы къ вѣнцу: гости одѣваютъ шубы и шапки, опоясываются кушаками, садятся въ сани иѣдуть въ церковь. Весь путь отъ дома невѣсты къ церкви и отъ церкви къ дому жениха обставляется по окраинамъ соломенными снопами. Снопы эти приносятся крестьянами—сосѣдями и ими же зажигаются во время слѣдованія жениха и невѣсты въ церковь, а потомъ и изъ церкви. Испуганные кони, осыпаемые цѣлыми тучами огненныхъ искръ, бросаются изъ стороны въ сторону, поднимаются на дыбы, ржутъ необыкновеннымъ образомъ, забрасываютъ заднія ноги въ сани къ сѣдокамъ... И за все это доставляемое удовольствіе крестьяне, зажегшіе солому, получаютъ на водку отъ жениха или отъ его шаферовъ. Ребятишки также не отстаютъ отъ своихъ родителей въ умѣніѣ получить «свадебнаго»; они строятъ на пути огороду, которую снимаютъ только за деньги; или же—протягиваютъ чрезъ дорогу нитку, натертую недѣлжимъ саломъ, чего лошади также очень и очень боятся. При входѣ въ церковь одна изъ родственницъ невѣсты поднимаетъ у послѣдней подолы, осторегаясь, чтобы они не коснулись пола и порога церковнаго,—и это съ тою же цѣлью, зачѣмъ полагается въ пазуху колѣнку

или кусочекъ мыла, т. е. чтобы у невѣсты не было чирьевъ. Въ церкви женихъ и невѣста стоять, наступить ногой (женихъ лѣвой, а невѣста правой) на платокъ или кусочекъ холста. Замѣчаютъ при этомъ—кто первый наступить ногой на холстъ? Наступившій первый—будетъ господиномъ въ дому, старшинъ въ семье... Вѣнчальная свѣчи иные сохраняютъ, а иные же ложаютъ надъ головами обѣихъ (кто-нибудь изъ родственницъ жениха). Обращаютъ также вниманіе на величину свѣчей: чья свѣча длиннѣе, тогдѣ дольше проживетъ...

По выходѣ изъ церкви, невѣста не должна первая заговорить съ женихомъ, пока тогдѣ не заговорить раньше; дѣлается это для того, чтобы имѣть власть надъ мужемъ. Жениха и невѣstu, возвращающихся отъ вѣнца, встрѣчаетъ мать жениха, одѣтая въ шубу иѣхомъ вверхъ. Она осыпаетъ молодыхъ зѣрнами ячменя и пухомъ (чтобы молодые жили богато). Потомъ, отецъ жениха и мать невѣсты (въ прежнемъ же нарядѣ) благословляютъ ихъ.

Погребальные обряды кореляковъ.

Въ Корельѣ, какъ только кто умретъ—мужчина то или женщина—все равно, тотъ-члѣкъ родственники умершаго со слезами и причитаньями приглашаютъ нѣсколькихъ старухъ для оновенія трупа. Трупъ кладутъ на поль, на солому и моютъ его водой и мыломъ. Потомъ омытый трупъ поднимаются на лавку въ большомъ углу и расстилаютъ его головой къ иконамъ. Подъ него подстилаютъ солому. На окно, подъ котораго лежитъ трупъ, поставляютъ чашку чаю, а въ иныхъ домахъ и кофе,—блюдо съ пирогами и чашку съ холодной водой. Для чего все это?—Первые два блюда (чай и пироги) для того, чтобы душа покойника, пока находится на землѣ, могла отвѣдать кушаньевъ въ своеѣ родномъ дому; а вода полагается для того, чтобы душа, по выходѣ изъ тѣла, могла омыться въ «холодной водушкѣ». Душу кореляки представляютъ или въ видѣ пара, или въ образѣ птички, большою частью ласточки, а иные и въ видѣ чайки. Держать трупъ въ дому обыкновенно дні 2 или 3. По ночамъ «караули умершаго»—куолайдъ вардюйтъ собирается множество старухъ и стариковъ, которые сказками и различными занимательными рассказами коротаютъ длинную ночь: рассказываютъ о мертвцахъ, о привидѣніяхъ, о лѣшихъ, водяникахъ, домовыхъ и пр...

Гробъ дѣлается самый обыкновенный, изъ досокъ; только младенцы погребаются въ выдолбленныхъ чурбанахъ-гробахъ. Закрытый гробъ младенца ничѣмъ не отличается отъ круглого полѣна; и такое близкое сходство однажды подало поводъ къ большими недоразумѣніямъ.

Одинъ крестьянинъ принесъ на погостъ трупъ своего ребенка въ гробикѣ-чурбѣнѣ. Было еще раннее утро, и батюшка крѣпко почивалъ подъ теплымъ одѣяломъ. Чтобы не беспокоить его, крестьянинъ ткнулъ гробикъ въ поповскій костеръ (чтобы собаки не достади), а самъ пошелъ къ знакомымъ крестьянамъ справить кой-какія дѣла. Тѣмъ временемъ проснулась попадья. Ничего не зная о принесенномъ покойникѣ, она первый дѣломъ съ утра стала топить печь: сходила на улицу, принесла въ избу дровъ и стала бросать ихъ въ печь; какъ бросить одно изъ круглыхъ полѣньевъ, и что же?... Оно моментально распалось на двѣ части, и изъ него выпалъ трупъ младенца... Въ дому началась тревога, крикъ, шумъ, слезы... И только возвратившійся отъ знакомыхъ крестьянинъ объяснилъ въ чёмъ дѣло. «Смотри, впередъ этого у меня не сѣть дѣлать», строго замѣтилъ ему священникъ..., что гробы для младенцевъ до сихъ поръ дѣлаются долблѣнныемъ.

Съ боку въ гробахъ для взрослыхъ прорѣзывается небольшое отверстіе, въ которое вставляется стекло и дѣлается такимъ образомъ что-то въ родѣ небольшаго окна.

Покойника одѣваютъ въ чистую, вымытую одежду (изрѣдка только щется новая одежда), и на грудь ему кладутъ небольшую белую холщевую трапочку. Всякій, кто приходитъ на домъ поклониться праху умершаго, кланяется иѣсколько разъ иконамъ, потомъ подходитъ къ трупу, береть въ руки трапочку и машеть ею поверхъ трупа по направлению отъ головы къ ногамъ и обратно. Въ гробъ въ изголовье покойника полагаютъ вѣничный листъ и мелкіе стружки... Солома, на которой лежалъ трупъ, и щепки отъ гроба—бросаютъ въ воду, и послѣднія (т. е. щепки), по мнѣнію короляковъ, тогчась же тонутъ и никогда не всплываютъ на поверхность воды. Встрѣтиться съ гробомъ покойника, когда его несутъ въ церковь или изъ церкви,—считается за дурное предзнаменование. Когда тѣло отпояютъ и гробъ понесутъ вонъ изъ церкви на кладбище, ближайшіе родственники умершаго—женский полъ, начинаютъ причитывать еще въ самой церкви.

Съ растрѣпанными косами, съ сбитыми съ головы платками, онъ кричатъ во весь духъ, кланяются мѣстнымъ иконамъ и съ причитаньями же идуть изъ кладбище. Въ могильную яму, прежде чѣмъ опустить гробъ, бросаютъ копѣйку—откупаютъ мѣсто для умершаго. Гробъ опускаютъ въ могилу на кушакахъ или на холстѣ, который потомъ идетъ въ пользу церковнаго причта.

Послѣ погребенія устраивается для гостей поминальный обѣдъ—«веро». За обѣдомъ поминаютъ умершаго кутѣй, которая приготавливается изъ рослой ржи, и вареный горохомъ. По представлѣнію короляковъ, душа умершаго въ продолженіи сорока дней послѣ смерти находится на землѣ: посѣщаетъ свой домъ, осматриваетъ свое прежнее хозяйство и дѣлаетъ даже распоряженія—спить такому-тососѣду рубашку, подарить такому-то его новый каftанъ, и такія посмертныя распоряженія исполняются вточности.

Въ сороковой день («мустайжетъ»—чернины) совершаются по умершемъ поминки. Заказывается обѣдня и приготавливается для гостей обѣдъ. Священникомъ служителей, идущихъ изъ церкви на обѣдъ, встрѣчаютъ родственники умершаго съ причитаньями, съ подушкой въ рукахъ или на головѣ. По объясненію короляковъ, этотъ обрядъ означаетъ то, что вмѣстѣ съ «попами» приходить изъ церкви въ домъ душа умершаго, еѣ то и принимаютъ родственники на подушку, несутъ въ домъ и кладутъ на печку. На печку предъ подушкой ставить приборъ и накладываютъ цѣлую гору цироговъ—пусть усопшій угощается. Окно въ домѣ, предъ столомъ, открываютъ (а если зимнее время, то, опустивъ полотенце, снова закрываютъ его) и изъ него опускаютъ на улицу конецъ полотенца, другой же конецъ его поднимаютъ на столъ,—этимъ устраивается путь въ домъ для усопшаго.

За столомъ также оставляется одно мѣсто, никѣмъ не занятый; на него кладутъ пироги, хлѣбъ и ложку, и никто изъ гостей во время обѣда имъ не пользуется; этотъ приборъ также предназначается для умершаго, который, по убѣждѣнію короляковъ, невидимо присутствуетъ за обѣдомъ.

Приведу для иллюстраціи одинъ случай посѣщенія иервтимъ своего дома, слышанный мною въ Королѣ. «Разъ это я на канунѣ «мустай жидъ», разсказывалъ королякъ, идѣвій въ сороковой день своего умершаго брата, возвращался вечеромъ домой. Быдиль я на погость, въ лавочку—закупить на «веро» постного масла да гороховой крупы. Бду я тихонъко и напѣвамъ: Господи Сусей Христосъ, Сина Вожей,—помилуй насть, вдругъ гляжу на дорогѣ стоять мужчина, подѣхалъ ближе, гляжу—брать, умершій 40 дней тому назадъ, стоять въ той самой одеждѣ, въ которой былъ погребенъ. Подѣхалъ я къ нему, слышу говорить: «Я, братъ, къ тебѣ єду на «веро», подвези, пожалуйста, меня». Я ужъ ни живъ, ни иервтъ—стегнула скорѣе лошадь и помчался во весь духъ домой; оглянувшись, такъ позади меня сидѣть умершій братъ. Я еще шибче ногами лошадь... всю дорогу, до самого дома, видѣлъ покойника, а какъ только подѣхалъ къ домовому крыльцу—вдругъ скрылся, должно быть въ домѣ прошелъ. Подѣхалъ это я къ крыльцу, соскочилъ вторыхъ съ саней—недосугъ даже лошади распрагать—спрашивалъ у жены: приходилъ кто-нибудь сейчасъ въ избу?—Нѣть, говорить, никого не было, никто сейчасъ не приходилъ, была соседка—Катти, такъ ужъ чѣмъ

тому назадъ, какъ ушла... Перекрестиль я на ночь всѣ двери и окна, лѣгъ спать, благословясь, и ничего, съ Богомъ, во всю ночь не привидѣлось... И послѣ этого ни разу никогда болѣе не видывалъ иергвѣцовъ»...

Кромѣ сороковаго дня, поминовѣніе умершихъ совершается еще въ такъ называемыя родительскія субботы. Въ эти дни бабы—корелки наспекаютъ множество пироговъ, блиновъ, рыбниковъ—и все это изъ большихъ блюдахъ несутъ въ церковь. Отстоявъ обѣдъ и выслушавъ панихиду, богоомольцы направляются на кладбище. Положить—это баба блюдо съ пирогами на могильный холмикъ, сама подсѣдеть рядомъ, подопрѣть щеку рукой и давай плакать и причитывать,—и это продолжается полчаса, а иногда и цѣлый часъ... Наплакавшись вдоволь, она потомъ раздаетъ пироги нищимъ, прося ихъ помолиться о упокоеніи души такого то,—и спокойно возвращается домой, исполнивъ долгъ по отношенію къ умершимъ сродникамъ.

Причитанья надъ покойникомъ.

(До омовенія трупа).

Вастаттинъ-го валгедадъ сундудъ?
Отэттинъ-го орхедадъ сундудъ?
Ойгедазъ кидуйжезъ,
Питкянъ матканъ мяндудъ?
Віединъ-го виіандилъ нурмуйжилъ,
Вастаттинъ-го валгединъ туонуксү-
жидэнъ-керѣ,
Урой валгедъ-армойжени?
Віединъ-го ляимила пачайжилъ,
Сорей армойжени?
Паидинъ-го столайжидэнъ-піанъ,
Питкідэнъ маткайжидэнъ мяндудъ?
Озутэттинъ-го калләнить армойжидъ,
Аммү аләннужидъ;

Отэттинъ-го юсиинъ артелійжинъ,
Тундустэттинъ-го, сула-армойжени, си-
нудайжъ?.

Встрѣтили-ли тебя бѣлые «сундудъ»?
Взяли-ли тебя «орхедадъ-сундудъ»
За правую рученьку,
Дальную дорогу прошедшаго?
Свѣли-ли они тебя на зелёную муравку,
Встрѣтили-ли тебя, «урой-бѣло-милый»,

Съ бѣлыми свѣчами,
Подняли-ли на теплые печки,
Посадили-ли за столъ тебя,
«Сорей-милый»?
Показали-ли они тебѣ дорогихъ-милыхъ,
Давно опустившихся;
Взяли-ли они тебя въ свои артели (компа-
нии).
Узнали-ли тебя, очень-милый?

(Послѣ омовенія).

Качо июю, урой-калижъ-армойжени,
Валгединъ вакки-собайжинъ салгиттеттѣ,
Ойгедилъ пунуайжилъ ойгендәлту!
Вугта кюзденъ, күлль-армойжени,

Дѣго олэдъ суувриденъ сундуйжидэнъ
эдессы?
Паидинъ-го, соредъ-армойжени,
Срочитунъ столанъ тагайжинъ,
Кудайжидэнъ күннүвуденъ,—тагаксъ?
Күллітэлдинъ-го күлляйжексъ
Питкянъ матканъ мяндесъ?..

Вотъ теперь, «урой»-дорогой-милый,
Наряжайты въ бѣлые необычныя одежды,
На прямые деревья (скамьи) расправлень.
Подожди спрошу я у тебя, «күлль»—
милый (күлляль—до сыта);
Уже ли ты предсталь предъ лицо вели-
кихъ «сундудъ»?
Посадили-ли они тебя, «соредъ»—милый,
За строченные (украшенные) столы,—
Столы золоченые царскіе?
Напитали-ли они тебя до сыта,
Длинную дороженьку прошедшаго?..
(Далѣе идуть вопросы первого причи-
танья).

Діятідъ шенідъ лапсуйжидъ
 Айгайжиксъ армойтомайжиксъ,
 Шендаръ-нейнайжидэнъ шенүмаксъ
 Муанъ-нейнайжидэнъ мадалумаксъ.

Оставилъ ты послѣ себя маленькихъ дѣ-
 тушекъ,
 Безвременныхъ (преждевременныхъ) си-
 ротиночекъ,
 Какъ трава межи маленькихъ,
 Какъ дубровка — пазелькихъ...

(Когда въ сарѣ начнутъ дѣлать гробъ).

Опи, кўлль-армойжени,
 Кўмменилэ кўндўжилэ кўгадалтаксонъ,
 Аллэнуйжилэ аскелуйжилэ азэтэлда-
 ксанъ.
 Опи-вай, кулдайнэ — армойжени, куон-
 дуда...
 Куондутэлкать, кулдай жедь сўндўжедъ,
 Изволикать, арманидъ сўндўжедъ.
 Опи-вай каксила каткенийжилэ дялгай
 жиле
 Кабахтэлдаксонъ, опи, урой - каллижъ-
 армойжени. .
 Синула, кулдъ-армазъ—лапсуйжени,
 Азэтэлтанъ игайжедъ кодійжедъ.
 Лякка, сула-армойжени, каводъ,
 Синула луадитудъ игайжедъ кодійжедъ...
 Луадигатъ урой-сула-армойженилэ
 Игайжедъ кодійжедъ!
 Кай дѣ онъ азэтэтту,

Кай онъ луадитту краватійжедъ...
 Азэтэлкать каллижъ армой женилэ
 Шелузъ - віндуэдъ шақсўй - лив-
 дунъ ювненайжизъ,
 Суувриденъ сўндўжидэнъ эдэнъ лах-
 тедэзъ...
 Дѣ онъ кай азэтэтту,
 Кай онъ луадитту...

Попробуй, «кўлль-милый (до сыта—ми-
 лый),
 На десять нокотковъ приподняться,
 Попробуй слабенькие шажки дѣлать.

Попробуй, золотой-милый,
 Очувствоваться (приди въ себя отъ сна).
 Разбудите его, золотые - милые - сўн-
 дудъ,
 Пожалуйста, пробудите!!

Попробуй на дѣ надломившіся ножки
 привскочить,
 Попробуй, «урой»-дорогой-милый.
 Тебѣ, милое-золотое-дитятко,
 Вѣчные дома строить;
 Пойдемъ, «сула»-милый,
 Посмотришь на нихъ,
 Для тебя приготовленыхъ.
 Стройте (обращается плакальщица къ плот-
 никамъ) «урой»-«сула»-милому
 вѣчные дома!

Уже все налажено,
 Уже кровати для него готовы.
 Набейте ему подушки пухомъ ласточекъ,—
 Ему, милому-дорогому,
 Къ великимъ «сўндў» уходящему.
 Уже все налажено,
 Все приготовлено.

Н. Лъсковъ.

«Віндуэдъ».

Время отъ кануна Иванова дня (23-го июня) до Петрова дня (29-го) кореляками считается за время святое — «віндуэдъ». Въ продолженіи всего этого времени всѣ растенія — травы, цветы, листья на деревьяхъ и самая роса считаются цѣлебными, годящимися во всякое мѣсто «дѣга сіянъ патанъ». Во весь этотъ періодъ не моютъ половъ, не мочатъ вѣнниковъ и помяль, не моютъ бѣлья, не мажутъ дѣгтемъ салоговъ и не ходятъ въ баню... Кстати замѣчу, ходить въ баню для кореляковъ величайшее удовольствіе. Въ лѣтніе дни бани топятся ежедневно; и всѣ, пришедши съ работы, «валомъ валятъ» въ нихъ помыть свое грѣшное тѣло и распарить кости. Бани кореляковъ величиною не

белѣ камъ въ квадратную сажень или полторы... Каменка занимаетъ почти половину, по стѣнамъ узкая скамьи, и подъ каменки высокій полокъ. И представьте себѣ, что въ этой тѣснотѣ помѣщаются человѣкъ 20—30 обоего пола: здѣсь и мужики, и бабы, парни и дѣвушки, и маленькия дѣти; всѣ хлещутъ себя вѣнниками, всѣ парятся до полузабытья. Совѣтѣстное хожденіе въ баню обоихъ половъ не ведетъ однако къ случайнѣй прелюбодѣянія. Совершить прелюбодѣяніе въ бани, по мнѣнію кореляковъ, одинъ изъ самыхъ страшныхъ грѣховъ и наказывается очень строго. Напарившись до изнеможенія, всѣ бросаются въ озеро или рѣку—остыть въ холодной водѣ; послѣ холодной ванны, снова начинается пареніе еще съ болѣшимъ ожесточеніемъ; потомъ опять купанье и снова пареніе, и такъ чередуется нѣсколько разъ. Зимой же, послѣ паренія, выбѣгаютъ на улицу, сидѣть на снѣгу, окачиваются холодною водою изъ проруби... Такіе разные переходы отъ жару къ холоду и отъ холода къ жару пріучаютъ кореляковъ безвредно переносить всевозможныя перемѣнныя температуры и застраховываютъ ихъ отъ заболѣваній простудою...

Возвратимся къ прерванному разсказу о «вѣандуйдѣ». Въ старину, по словамъ стариковъ, во время «вѣандуйдѣ» затыкали даже колокола, привязываемые на шею коровамъ: «за то и хлѣба Богъ давалъ людямъ, когда все точно исполнялось, а теперь, какъ все пошло шиворотъ на выворотъ, то доброго нечего и ждать...» Во время «вѣандуйдѣ» кореляки собираютъ лѣкарственныхъ травы, ломаютъ вѣтви берѣзы для вѣнниковъ и приносить верескъ и ольху для паренія молочныхъ горшковъ. Изъ лѣкарственныхъ травъ мнѣ удалось узнать:

а) «Урчой нейнѣ»,—употребляется при боли въ желудкѣ; траву эту заваривають кипяткомъ и пьютъ по немногу на тощакъ; употребляется она также для излѣчівания отъ призору: на огонь бросаютъ «урчой нейнѣ» и дымомъ ея окуриваются.

б) «Равдъ Бобайнѣ» — эта трава употребляется, какъ кровоостанавливающее средство, при разрѣзахъ; накладывается на рану, и кровь моментально останавливается.

с) «Куувзэнтъ лехти» — отъ чесотки; пьютъ въ заваренномъ видѣ въ кипяткѣ и ма- жутъ больныя мѣста.

д) «Айлазъ-нейнѣ» — отъ колотыя.

е) «Койранъ-ватюой» (родъ щавеля) — отъ чесотки.

ж) «Луттн-нейнѣ», — какъ средство отъ клоповъ.

г) «Збировей» — звѣробой, пьютъ вмѣсто чаю

ж) Клеверъ — отъ призора.

и) Цвѣты земляники и малины — завариваются и пьютъ, какъ чай.

ж) «Туувзэнтъ кобре» — рука или пясть вѣтра; растѣть на ели и представляеть изъ себя густой вѣнникъ, состоящій изъ весьма укороченныхъ, тѣсно сидящихъ вѣточекъ. Употребляется, какъ средство отъ призора. Дѣтей, заболѣвшихъ отъ призора, обдаютъ нѣсколько разъ водой сквозь «туувзэнтъ кобре»...

Собранная послѣ «вѣандуйдѣ» эти же самыя травы теряютъ цѣлебныя свойства и свое значеніе. Особенно время «вѣандуйдѣ» важно для дѣвушекъ... Наканунѣ Иванова дня (23-го июня) онѣ собираютъ цвѣты и дѣлаютъ изъ нихъ вѣники (это впрочемъ дѣлаютъ и иные молодые парни); этими вѣниками онѣ парятся въ бани и потомъ бросаютъ въ воду: у которой дѣвушки утонеть, той не бывать скоро замужемъ, или она скоро умретъ; а у которой уплыветъ далеко и не затонетъ, — ту скоро возьмутъ за мужъ, или она не умретъ въ этотъ годъ. Потомъ: на канунѣ же Иванова дня вечеромъ дѣвушки отправляются въ лѣсъ и полагаютъ въ ржаныя поля, принадлежащиа тѣмъ хозяевамъ, у которыхъ въ домѣ есть молодой парень, — полотенце, кусочекъ мыла и серебрянную монету. Эти вещи лежать тамъ до самаго кануна Петрова дня. Вся ночь на Петровъ день корельской молодежью проводится безъ сна; въ эту ночь никто изъ нихъ не смыкаетъ глазъ ни изъ минуты. Съ вечера на сейѣ начинаются танцы и различные игры; парни шутятъ и заигрываютъ съ дѣвушками, щѣтать прянинки, грызутъ конфеты, и время незамѣтно проходить до полуночи. Въ самую полночь дѣвушки идутъ въ поля и беруть обратно спрятанныя вещи. Собираютъ также цвѣты ржи, который потомъ хранится въ продолженіи цѣлаго года; онъ, по мнѣнію кореляковъ, привлекаетъ

любовь и дѣлаетъ дѣвушку, носящую его,—во всѣхъ отношеніяхъ мыло, привлекательною, потому-то молодежь женского пола, отправляясь на «бесѣду» или на гуляны, всегда берѣтъ его съ собой, въ кармань. «Купаются»—ползаютъ въ росистой ржи и собираютъ въ чашку росу. Одна дѣвушка «купается» въ одѣждѣ, а другія совершенно голыми. Собранная ночью роса—на утро разбавляется водой и ею умываются, идя въ церковь къ обѣдѣ или на гулянку, чтобы понравиться молодымъ парнямъ. Мыло, полотенце и серебрянная монета, пролежавшія въ полѣ во все времена «вѣндуѣйдъ»—цѣнныя вещи въ рукахъ корелки-дѣвушки. Онѣ служатъ однимъ изъ лучшихъ средствъ пустить о себѣ въ людяхъ хорошую молву—«лемби постай»—и привлечь вниманіе и любовь молодыхъ людей. При умываніи монета опускается въ воду. Дѣвушка умывается мыломъ и утирается этимъ полотенцемъ и послѣ этого—навѣрняка можетъ разсчитывать, что понравится любому парню.

Наступилъ Цетровъ день, ударили въ церковный колоколь къ утренѣ, и всѣ цѣлебныя свойства росы и травъ сразу же уничтожаются. Та же самая трава, кажется, такая же и роса,—да она ужъ бѣже никуда не годится... Потому-то корельская дѣвушка и дорожать такъ временемъ «вѣндуѣйдъ», временемъ, въ которое можно привлечь къ себѣ не одного молодца...

Какъ присушить парня къ дѣвкѣ... Любовь молодаго человѣка къ дѣвушкѣ возникаетъ, по мнѣнию кореляковъ, не естественнымъ чисто путемъ, какъ чувство здороваго человѣка, а непремѣнно происходитъ при помощи наговоровъ и иашептываній. Начинается любовь при помощи колдовства и наговоровъ и кончается только при содѣйствіи ихъ. Сама собой она не можетъ ни начаться, ни кончиться... Нѣкоторые изъ наговоровъ, при помощи которыхъ дѣвушка можетъ присушить («пашгуттай»—буквально—припѣчь) къ себѣ парня, мнѣ удалось узнать, хотя и съ большими усилиями и стараніями. Вотъ они: 1) Дѣвушка кладетъ къ себѣ въ пазуху живую рыбу и держитъ ее тамъ до тѣхъ поръ, пока она не умретъ. Во время держанія она постоянно произноситъ: какъ эта рыба умираетъ, такъ точно и такой-то парень пусть по мнѣ умираетъ (куй тѣмѣ кала куоловъ, муга анда Микко минудъ мѣоти куоловъ). Потомъ эту издохшую рыбу запекаютъ въ рыбникѣ и угошаютъ того парня, котораго хотѣть присушить 2) Дѣвука отстригаетъ у себя часть волосъ. Эти волосы сожигаетъ на огнѣ со словами: какъ эти волосы горятъ въ огнѣ, такъ точно пусть душа такого-то парня горитъ по мнѣ—что ни день, что ни мѣсяцъ, что ни годъ, а во всю адѣшнюю жизнь (куй наимѣ тукадъ палетаѣть тулеэзъ, муга анда Микко неиги палагахъ минудъ, мидѣ пайдъ, мидѣ куувдъ, мидѣ вуоттэ, сійтѣ илмаштъ игидъ). Зола отъ сожженныхъ волосъ прилипается къ пяты или пищѣ и скармливаетъ я извѣстному парню. 3) Дѣвушка идетъ въ баню, берѣтъ съ собой сковороду, сидя на которой и моется. Мыльная вода, скопившаяся на сковородѣ, нѣсколько разъ вращается около стѣнокъ сковороды со словами: какъ эта вода вращается около сковороды, такъ пусть такой-то парень ходить постоянно около меня (куй тѣмѣ вези ўмбари ріехтилазъ нѣоруувъ, муга анда Микко ўмбари минутъ кавелевъ). Потомъ эту воду приносятъ домой и на ней пекутъ нироги для присушиваемаго парня. 4) Если парень, котораго хотѣть присушить, ходить къ дѣвушкѣ въ домъ и сидѣть иногда на лавкѣ (въ корельскихъ избахъ вдоль стѣнъ прибиваются широкія лавки), то для «присуха» его достаточно отрѣзать ножомъ кусочекъ дерева съ того кѣста, на которомъ онъ сидѣлъ, сжечь въ жаратѣ, и этотъ парень придется снова въ домъ къ дѣвушкѣ и полюбить ея. 5) Дѣвушка береть свои регулы и прилипываетъ ихъ къ пищѣ или пяты того парня, котораго намѣрена присушить. Это средство, хотя и употребляется между кореляками очень часто, по относится къ числу саныхъ «грѣшныхъ»: «кто изъ дѣвокъ только станетъ такъ колдовать, говорила мнѣ рассказчица, та присушить—присушить парня, но за то «убѣть судьбу» его—«таппава наизъ озанъ», сдѣлавъ его изъѣвѣкъ несчастными; оттого-то и желудочные боли у нѣкоторыхъ мужей (въ корелѣ страдающіе желудочными болями встѣрѣчаются очень часто), параличъ (параличъ кореляками считается самой страшной болѣзнью, бабы, ругаясь между собою, въ спорѣ, въ числѣ вскихъ пожеланій, непремѣнно посудятъ другъ другу параличъ — «нудлайдайжъ каву синудъ») и др. болѣзни». 6) Дѣвушки

съ матерью или другой женщиной, идеть въ лѣсъ; отыскиваютъ муравейникъ и неподалеку отъ него густой кустъ ивы. Затѣмъ дѣвушка роеть въ срединѣ муравейника яму; раздѣвается до нага и становится въ вырытое углубленіе. Женщина подаетъ ей воду, и она обливается себя. Между тѣмъ въ кустѣ ивы долженъ быть сдѣланъ ходъ съ токою предосторожностью, чтобы при этомъ не повредить корней и вѣтвей ивы. Облившись водой, дѣвушка должна пролѣтѣть сквозь кустъ нагая. Потомъ она одѣвается и идеть домой: «будь хоть стойтѣнія дѣвушка, а «прянется» (т. е. выйдеть замужъ), заключила рассказчица.

Н. Лъсковъ.

Китаби-Коркудъ.

Борьба богатыря съ ангеломъ смерти.

Настоящая книжка Живой Старины (съединенные 3 и 4 вып.) въ значительной степени посвящена тюркскимъ народностямъ. Въ исполненіе своего давнаго желанія и съ разрѣшеніемъ редактора Записокъ Восточного Отдѣленія И. Р. Археол. Общ. (т. VIII) считаю уместнымъ тутъ же перепечатать (съ выпускомъ тюркскаго текста и нѣкоторыхъ примѣчаній переводчика молодого资料ного ученаго г. Бартольда) это прекрасное, высокохудожественное произведение тюркской поэзіи. Оно просится въ стихи, и я слышалъ—одинъ изъ нашихъ поэтовъ, уже подарившій нашей литературѣ нѣсколько весьма удачныхъ стихотвореній въ восточномъ духѣ, собирается передать въ стихахъ эту поэму: борьба богатыря съ ангеломъ смерти. Ред.

Предлагаемая легенда взята иною из турецкой рукописи, хранящейся в Дрезденской Королевской Библиотекѣ (по каталогу Ф л е й ш е р а № 86); въ Берлинской Библиотекѣ есть копія, сдѣланная Д и ц е мъ (Diez), въ началѣ нашего вѣка (по каталогу П е р ч а № 203). Рукопись не датирована; Ф л е й ш е ръ и П е р чъ совсѣмъ не высказываются относительно ея древности. На одной изъ послѣднихъ страницъ помѣчено: «годъ смерти Османъ-паша—993» (1585 г. по Р. Х.), изъ чего можно заключить, что рукопись написана около этого времени или немногимъ позже. Изъ европейскихъ ученыхъ рукописью впервые воспользовался Д и цъ, который въ своихъ «Denkwürdigkeiten von Asien» (II, 399 sq.) издалъ въ текстѣ и переводѣ одну легенду, вполнѣ сходную съ греческимъ иносмъ о Полифемѣ. Н ё ль д е к е въ 1859 г. переписалъ всю рукопись и перевелъ значительную часть ея, но, не понявъ многихъ иѣз., не отдалъ своего труда въ печать. Въ бытность мою въ Страсбургѣ я, благодаря любезности проф. Н ё ль д е к е, могъ пользоваться этой работой. Мне удалось разобрать иѣз. несколько больше, чѣмъ Н ё ль д е к е, такъ какъ теперь существуютъ лучшія научные пособія, чѣмъ въ 1859 г.; но и для меня многое до сихъ поръ остается непонятіемъ. Установить текстъ по одной рукописи всегда трудно, особенно когда иѣз. дѣло съ арханѣческимъ языкомъ, со словами и грамматическими формами, которыхъ, по всей вѣроятности, не понималъ самъ перенесчикъ. При изложеніи легенды я буду отмѣщать всѣ иѣз., гдѣ мой переводъ неполонъ и сомнителенъ. Нѣкоторыми цѣнными указаніями я обязанъ академику В. В. Радлову и профессору В. Д. Смирнову.

Заглавие книги: «Книга о моемъ дѣдѣ Коркудѣ, на языкѣ племени огузъ». Огузы, какъ известно, были предками нынѣшнихъ туркменъ; изъ нихъ среди высшихъ османы. Книга состоитъ изъ введенія (пословицы, афоризмы и краткія характеристики) и 12 отдельныхъ эпическихъ разсказовъ. Тѣмъ не менѣе нельзя сомнѣваться въ единствѣ поэмы; имена богатырей, эпитеты, характерныя выраженія постоянно повторяются; постоянно

дѣлаются намеки на событія, рассказанные въ другомъ иѣстѣ; слогъ вездѣ одинъ и тотъ-же. Дѣйствіе происходитъ на армянскій возвышенности; глауры, съ которыми приходится иметь дѣло богатырямъ — трапезунтскіе греки, грузины и абхазы. Верховный властитель всѣхъ огузовъ — Баяндерханъ, который самъ не совершає никакихъ подвиговъ; главный богатырь — его зять Казань-бекъ. Изъ 12 рассказовъ въ девяти говорится о войнѣ съ невѣрными (наиболѣе интересенъ и поэтичесъ разсказъ о трапезунтской царевнѣ, для полученнымъ руки которой надо было одолѣть быка, верблюда и льва); два рассказа имѣютъ мифологический характерь (одинъ изданъ Дицей, другой предлагается заѣсъ) и одинъ, послѣдній посвященъ междуобойной войнѣ среди огузовъ.

О Коркудѣ говорится, что онъ происходилъ изъ племени Балтъ и жилъ около времени пророка (авторъ несолько не стѣсняется тѣмъ, что и Ко, кудъ, и его современники являются въ поэмѣ добрыми мусульманами). Онъ не богатырь, а патріархъ, главный выразитель и хранитель народной мудрости; его нравственному авторитету подчиняется весь народъ. Ему приписывается рядъ афоризмовъ и сентенций также предсказаний могущества османской династіи: «Въ послѣднія времена ханство снова досгается племени Каї, и никто не отниметъ его изъ мѣдіи рукъ» (авторъ поясняетъ, что предсказыніе относится къ роду Омана). Во всѣхъ загрудительныхъ случаяхъ народъ обращается къ нему. Въ концѣ каждого эпизода является Коркудъ, слагаетъ пѣснь и даетъ ей название; отъ вѣго переносятъ ее пѣщи. Соответствуя этому легендарному образу какая-нибудь и торческая личность, мы не знаемъ. Только у арабскаго историка Ибн-аль Асара¹⁾ въ XII г., при сultанѣ Саиджарѣ, упоминается какой-то Коркудъ-иб-Абі-ль-Ханидъ, стоявшій во главѣ той-же группы огузскихъ племенъ, къ которой привадлежало племя Баять. Имя Коркудъ очень древнее; у Константина Багрянорднаго²⁾ его носить одинъ печенѣгскій вождь (Коорхойтас)³⁾.

Каждый разсказъ ведется отъ имени пѣвца, который характеризуется слѣдующимъ образомъ: «Съ кобзой въ рукѣ, отъ народа къ народу, отъ бека къ беку пѣвецъ вдѣть: кто изъ мужей отваженъ, кто трусь, пѣвецъ знаеть». Пѣвецъ вездѣ обращается во второмъ лицѣ къ какому-то хану, котораго никогда не называетъ по имени; пожеланіямъ хану кончается каждый разсказъ. Слово узак такъ объясняется въ турецкомъ словарѣ Ферхенги-Шуури: «классъ людей, играющихъ на гитарѣ, помоющихъ лирическія пѣсни и сказывающихъ Огузъ-намѣ». Въ нашей поэмѣ «Огузъ-намѣ» называется каждая отдельная баллада.

Время сочиненія поэмы нельзя опредѣлить съ точностью. Предсказаніе Коркуда, если только мы не имѣмъ вдѣсъ позднѣйшей интерполяціи, показываетъ, что поэма сложилась не раньше полнаго утверждения османскаго господства въ Малой Азіи, т. е. не раньше сultана Баязида I (1389—1402 г.); сюжеты нѣкоторыхъ легендъ, конечно, могутъ быть гораздо древнѣе. Борьба съ трапезунтскими греками и абхазцами (послѣдніе приняли исламъ уже въ половинѣ XV в.) заставляетъ предполагать, что «Коркудъ» написанъ не позже XV в. Первые слова поэмы, о Коркудѣ и его предсказаніи, буквально повторяются въ Тарихи-Али-Сельджукъ⁴⁾, историческомъ сочиненіи, написанномъ при сultанѣ Муратѣ II (1421—1451 г. г.). Естественѣе предположить, что историкъ заимствовалъ эти слова у народнаго пѣвца, чѣмъ наоборотъ.

Изъ крупныхъ эпическихъ произведений османовъ до сихъ поръ было извѣстно только «Жизнеописаніе Сейидъ-Баттала», разбиравшееся несолько разъ. «Коркудъ» носить гораздѣ больше народный характеръ, чѣмъ «Батталь». Герой «Баттала» — вѣ

¹⁾ Ed. Torgberg XII, 54.

²⁾ 1^о administr. imp. cap. XXXVII.

³⁾ Съ нашимъ Коркудомъ можетъ быть тождественъ киргисскій святой Хорхудъ, могила котораго находится на низовьяхъ Сыръ-Дарьи, гдѣ въ X в. была столица огузовъ. Около могилы Хорхуда Лерхъ помѣщается известный городъ Джендѣ (Археол. поѣзда въ Турк. край. Слб. 1870, стр. VII).

⁴⁾ Рукоп. Аз. Муз. 590 ба, стр. 27.

национально-турецкие, а мусульманские герои, борцы за вѣру, и все носят мусульманскія имена; имена героевъ «Коркуда» чисто-турецкихъ. Авторъ съумѣлъ придать чисто-народную окраску даже такимъ безусловно замѣстованнымъ сюжетамъ, какъ пись о Полифемѣ, вошедший также въ составъ «Тысячи и одной ночи»¹). Въ «Батталѣ» религиозные интересы поглощаютъ все остальные; для бытовыхъ картинъ совсѣмъ не остается места; «Коркудъ» какъ нельзя лучше изображаетъ быть кочевниковъ. «Батталъ» постоянно переписывается со своими противниками; герой «Коркуда» едва ли умѣлъ писать.

Въ «Батталѣ», какъ во всякомъ богатырскомъ эпосѣ, великодушію и безкорыстію богатыря противополагается коварная, эгоистичная политика его государей²). «Коркудъ» не чуждъ этого богатырского характера; мы находимъ въ немъ рѣзкіе пригѣры своею волею богатырей, недовольныхъ ханомъ или другъ другомъ. Но съ другой стороны мы замѣчаемъ въ авторѣ сочувствіе людямъ изъ иныхъ классовъ народа, передъ которыми иногда пасутъ богатыря. Турецкимъ Микулой Селяниновичемъ, конечно, могъ быть только пастухъ. Положеніе чобановъ (овечьихъ пастуховъ) въ кочевомъ обществѣ лучше всего видно изъ слѣдующаго раздѣленія народа, приписываемаго Чингизъ-хану³): «Тѣхъ, которые были свѣдущими и молодцами, онъ сдѣлалъ беками войска; тѣхъ, которые были проворны и ловки, давъ имъ на руки багажъ, сдѣлалъ табуищиками; несвѣдущихъ, давши имъ небольшую плеть, послалъ въ пастухи⁴», этиимъ «несвѣдущими» вѣрить авторъ видимо сочувствуетъ; въ одноимъ эпизодѣ онъ яркими красками рисуетъ непоколебимую вѣрность такого пастуха своему господину, не смотря на черную неблагодарность послѣдняго. Въ виду общаго интереса, который представляется этой эпизодѣ, я приведу его здѣсь.

Гяуры разграбили домъ Казанъ-бека въ отсутствіи хозяина и хотѣли захватить его 10,000 овецъ; пастухъ, вооруженный только пращей, отразилъ ихъ; оба брата пастуха пали въ этой битвѣ. Встрѣтившись съ пастухомъ и узнавъ отъ него о несчастіи своего дома, Казанъ проклялъ его; пастухъ отвѣтилъ: «Что ты сердишься, бекъ мой, отецъ мой, Казанъ! или въ твоей груди нѣть вѣры? 600 гяуровъ пришли на меня; оба мои брата пали; 300 гяуровъ я убилъ и не далъ имъ твоихъ жирныхъ овецъ; въ три мѣста я былъ раненъ; моя черная голова опустилась; я остался одинъ; въ этомъ-ли моя вина? Дай миѣ твою сѣрую лошадь, дай длинное копье, дай бѣлый щитъ, дай черный будать, дай стрѣлы изъ твоего колчана, дай тугой лукъ; я пойду на гяуровъ, убью ихъ, дамъ литься крови изъ своего плеча и чела. Если я умру, я умру за тебя; если Всевышній сохранилъ меня, я избавлю твой домъ». Казанъ разсердился и ушелъ; пастухъ пошелъ за нимъ; Казанъ обернулся и сказалъ: «Сынъ мой, пастухъ! куда ты идешь?»—«Отецъ мой, Казанъ! ты идешь взять свой домъ, я иду отомстить за кровь моихъ братьевъ».—«Сынъ мой, пастухъ! мой желудокъ голоденъ; нѣть-ли у тебя чего-нибудь поѣсть?—Пастухъ накормилъ бека. Тутъ Казану пришло на мысль: «Если я пойду съ пастухомъ, другіе беки огузовъ будутъ бранить меня и станутъ говорить: безъ пастуха Казанъ не побѣдилъ бы гяуровъ». Казанъ привязалъ пастуха къ дереву и ушелъ, сказавъ ему: «Вырви это дерево; иначе тебя здѣсь сѣдѣть волки и птицы». Пастухъ сдѣлалъ усилие, вырвалъ дерево съ землею, взялъ его на спину и догналъ богатыря. Казанъ сказалъ: «Что это за

¹⁾ Третье путешествіе Синдбада.

²⁾ Эта характерная черта «Баттала», кажется, еще не была указана. Эпизоды, которые я имѣю въ виду, разсказаны въ третьей книгѣ.

³⁾ Труды Вост. Отд. И. Р. Археол. Общ., ч. XV, стр. 121 (Исторія монголовъ Рашид-эд-дина, въ переводѣ проф. Березина).

⁴⁾ Еще болѣе рѣзкія выраженія въ татарской передѣлкѣ Рашид-эд-дина: «Несвѣдущихъ онъ ударилъ кнутомъ, ввергнулъ въ униженіе, назначилъ овечьими пастухами, отгравилъ паста овецъ» (Библиотека Восточныхъ Историковъ, изд. И. Березина, т. II, ч. I, стр. 99).

дерево, пастухъ?»—«Отецъ мой, Казанъ! ты разобьешь гауровъ, твой желудокъ прогодается; я этимъ деревомъ буду (разводить огонь и) варить для тебя пищу».— Казану это слово понравилось; онъ сошелъ съ коня, развязалъ пастуху руки, поцѣловавъ его въ лобъ и сказалъ: «Если я избавлю свой донъ, я сдѣлаю тебя старшимъ конюшимъ». Послѣ побѣды надъ гаурами Казанъ исполнилъ свое обѣданіе.

Религіозный фанатизмъ въ «Коркудѣ» выражается далеко не съ такой силой, какъ въ «Батталѣ», не смотря на постоянныя войны съ гаурами. Гораздо сильнѣе, чѣмъ ревность къ исламу, культь войны для войны. Молодой человѣкъ получаетъ имъ только послѣ того, какъ онъ «отрубилъ голову, пролилъ кровь», или какънибудь иначе (напр. въ борбѣ съ разъяреннымъ быкомъ) проявилъ воинскую доблѣсть¹⁾. Казанъ-бекъ, на предложеніе гауровъ перейти на ихъ сторону, ссылается не на свою вѣру, а только на свои обязанности по отношенію къ своему роду и племени. Сынъ, недовольный отцомъ, или бекъ, недовольный ханомъ, грозить уйти къ христіанамъ: «Я уйду къ народу ахбазовъ, возьму въ руки золотой крестъ, поцѣлую руку носящаго ризу человѣка». Герои воздерживаются отъ свиного мяса, но всѣ напиваются винограднымъ виномъ и, какъ мы увидимъ въ настоящей легенѣ, признаются въ этомъ съ наивной откровенностью. Встрѣчаются остатки языческихъ вѣрованій, даже древне-туркскій культь волка. Иногда культь природы какъ-то странно связывается съ культомъ мусульманскіхъ святыхъ, напр. въ слѣдующемъ обращеніи Казанъ-бека къ водѣ: «О вода, печаль Хасана и Хусейна! о вода, забота Аиши и Фатими!»

Еще одна характерная черта поэмы—сравнительно высокое положеніе женщинъ. Нѣть ни малѣшаго ука занятія на многоженство; у каждого богатыря только одна хозяйка. Богатырь Дэрсэ-ханъ сердится на жену за то, что у нихъ нѣть дѣтей, и не знаетъ, на его ли или на ея сторонѣ вина; ему совсѣмъ не приходитъ въ голову мысль взять себѣ другую жену. Нѣжное обращеніе мужа къ женѣ, которое мы встрѣтимъ въ настоящей легенѣ, повторяется почти во всѣхъ эпизодахъ. Еще трогательнѣе поступокъ Казанъ-бека, который соглашается оставить въ рукахъ гауровъ жену, сына и все свое имущество, только-бы они възвратили ему престарѣлую мать.

Такое отношеніе къ женщинѣ и высокий идеализмъ, къ которымъ, не смотря на грубый реализмъ кочевой жизни²⁾, проникнута вся поэма, заставляетъ предполагать европейское вліяніе; «собінію вѣроятно вліяніе романтическаго трапезунтскаго двора³⁾.

Легко писать, почему это произведение, не смотря на свои высокія поэтическія достоинства, сохранилось только въ одной рукописи и теперь по видимому совсѣмъ забытое османами. Съ тѣхъ поръ, какъ слово «туркъ» даже у османовъ сдѣлалъ съ браннымъ словомъ, синонимомъ грубаго, невѣжественнаго человѣка, поэма, проникнутая духомъ кочевой жизни, должна была утратить свое значеніе. Возможно впрочемъ, что у малоазіатскихъ османовъ и туркменовъ, которыми до сихъ поръ такъ мало занимались, еще найдутся отдѣльныя пѣсни «Коркуда»; хотя даже нравы малоазіатскихъ тюрковъ во многомъ отличаются отъ нравовъ ихъ предкѣвъ XV столѣтія: кумысъ, о которомъ постоянно говорится въ «Коркудѣ» и въ «Тарихи-Али-Сельджукъ», имъ уже неизвѣстенъ. До сихъ поръ обнародованные разбойническія пѣсни (дѣстаны) малоазіатцевъ, всѣ новѣшаго происхожденія, по поэтическому достоинству и по нравственной чистотѣ, стоять несравненно ниже «Коркуда».

¹⁾ Имя дается обыкновенно Коркудомъ.

²⁾ Характерно слѣдующее выраженіе, которымъ обозначается высшая степень испуга: «Вошь, находившаяся на его головѣ, упала къ его ногамъ».

³⁾ По словамъ Фальмерайера (Fальмерайера, Geschichte des Kaiserthums Трапезунт. München 1827; pp. 190, 313—316) трапезунтскіе царевны и дочери велимож славились красотой; черкесские, грузинские, армянские и туркменские пріѣзжали въ Трапезунт свататься на нихъ. Романтическіе приключенія, которымъ они при этомъ подвергались, въ теченіе двухъ столѣтій были предметомъ западныхъ романовъ и восточныхъ сказокъ. Изъ первыхъ особенно известенъ «Calloandro» генуезца Марини, изданный въ 1786 году.

Пѣснь объ удаломъ Домруль, сынъ Духа-коджи.

Ханъ мой! среди огузовъ жилъ мужъ, по имени удалой Домруль, сынъ Духа-коджи. Онъ построилъ мостъ черезъ высохшій ручей; кто переходилъ, съ того бралъ 33 монеты; кто не переходилъ, того бывалъ и бралъ съ него 40 монетъ. Почему онъ такъ дѣлалъ? Онъ говорилъ: «Есть-ли человѣкъ удалие меня, сильнѣе меня, который-бы вышелъ на бой со мной? Слава о моей храбрости, моемъ богатырствѣ, моемъ молодечтвѣ, моемъ джигитствѣ доходитъ до Руна и Шама (Сиріи). Однажды у того моста съ авновилось вочающее семейство; въ и-иѣ заболгъ оливъ добрый джигитъ и воленъ Божіей умеръ. Чергая скорбь была въ семействѣ; кто плачалъ по сыну, кто по брату. Вдругъ прискакалъ удалой Домруль: «Негодные! что это за плачъ, что за шумъ около моего моста? по комъ ваша скорбь?»—«Ханъ, мы потеряли добра го джигита; по немъ мы плачимъ.»—«Кто же убиль вашего джигита?»—«Увы, бекъ, джигитъ; было повеліе Все-ышнаго; краснокрылый Азраиль взалъ душу того джигита.»—«Что за человѣкъ вашъ Азраиль, кото-рый береть душу людей? Боже Всемогущій! ради Твоего единства, ради Твоего существованія, дай мнѣ увидѣть Азраила, чтобы я съ нимъ сразился и вступи-шиль въ борьбу, чтобы я освободилъ душу добра го джигита, чтобы онъ впредь не бралъ души добрыхъ джигитовъ.» Такъ сказавъ, удалой Домруль воротился въ свой домъ. Все-вышнему слово Домрула не понравилось: «Смотри, смотри! негодный безумецъ не признаетъ Меня, единаго Бога, не возвѣтъ мнѣ благодарности; пусть онъ испросить (у меня) прощанія въ моемъ единомъ чортогѣ». Богъ даль повелѣлъ Азраилу: «Азраиль! ступай, покажись взорамъ того негоднаго безумца, заставь поблѣдѣть его лицо, заставь хрипѣть его душу и възмы ее.

Когда удалой Домруль съ 40 джигатами сидѣлъ за ёдой и питьемъ, вдругъ явился Азраиль; его не вѣдали ни сторожъ, ни привратникъ. Взоръ удалаго Домрула затмился, его сильныя руки опустились; міръ для удалаго Домрула покрылся мракомъ. Онъ вскрикнулъ и заговорилъ—посмотрѣхъ, ханъ мой, что онъ говорилъ: «Гре! что ты за страшный старецъ? Привратники тебя не увидали, стража тебя не замѣтила; мои свѣтлые взоры затмились, мои сильныя руки опустились, задрожали, моя душа пришла въ волненіе; моя золотая чаша изъ моей руки упала на землю. Полость моего рта сдѣлалась похожей на мѣдь, мои кости—похожими на пыль. О старецъ! ѿ бѣлой бородой! о старецъ съ темными глазами! что ты за страшный старецъ? Позѣдай мнѣ, г. сподинъ мой; пусть тронетъ тебя мое несчастье сегодня». Азраиль, услышавъ эти слова, пришелъ въ гнѣвъ: «Негодный безумецъ! тебѣ не нравится, что мои глаза темнѣ? я взялъ души многихъ юныхъ красавицъ съ синими глазами. Тебѣ не нравится, что моя борода побѣлѣла? я взялъ души многихъ чернобородыхъ джигитовъ; оттого моя борода побѣлѣла. Негодный безумецъ! ты хвастался и говорилъ: ели краснокрылый Азраиль попадется мнѣ въ руки, я убью его и избавлю изъ его руки добра го джигита. Теперь, безумецъ, я пришелъ взять твою душу; отдашь ли ты ее (добровольно), или сразишься со мной?» Говорить удалой Домруль: «Ты ли краснокрылый Азраиль?»—«Да, я.»—«Ты ли берешь души добрыхъ джигитовъ?»—Да. я беру (ихъ).—«Привратники! заприте ворота! Азраиль, я желалъ сойтись съ тобой на широкомъ мѣстѣ; неужели ты такъ счастливо попался мнѣ на тѣсномъ мѣстѣ? я убью тебя и освобожу душу добра го джигита». Онь обнажилъ черный мечъ, взялъ его въ руки и напалъ на Азраила; Азраиль обратился въ голубя и вылетѣлъ изъ окна. Поражающій мужъ удалой Домруль хлопнулъ въ ладоши и захочатъ: «Джигиты мои! я такъ испугалъ взоры Азраила, что онъ оставилъ широкія ворота и бѣжалъ черезъ узкое окно. Онъ обратился въ птицу, подобную голубю, и улетѣлъ; но я его не оставилъ, пока не заставилъ сокола схватить его». Домруль вскочилъ на лошадь, взялъ на руку сокола и погнался за Азраиломъ. Несколько голубей онъ убиль и вернулся; на пути домой вдругъ передъ его лошадью явился Азраиль; лошадь испугалась, понесла удалаго Домрула и сбросила его на землю. Его черная голова опустилась; на его блѣдую грудь, сдавивъ ее, сѣлъ Азраиль. Голосъ Домрула сталь слабымъ; онъ на-

чаль хринѣть я сказалъ: «Пощади, Азраиль! нѣть сомнія въ единстве Божіемъ¹⁾. Я не зналъ, не испыталъ, что ты, какъ тать, похищаешь душу. У насть есть горы; на тѣхъ горахъ—наши виноградники; въ тѣхъ виноградникахъ—черные грозды; тѣ грозды выжимаютъ; получается красное вино, пьющій то красное вино пьянѣть. Я былъ опьяненъ виномъ, не зналъ, что говорилъ; я не былъ въ смоемъ умѣ; и не испыталъ тогда твоего молодечства. Не бери моей души, Азраиль, пощади!» Азраиль отвѣтилъ: «Негодный безумецъ! что ты меня умоляешь? Молись Богу Всевышнему. Что въ моей власти? я тоже слуга». — «Итакъ дамъ душу, берущій душу—Всевышний Богъ?». — «Да, онъ». — «Какой же ты господинъ? уди отсюда; я буду говорить со Всевышнимъ». — Тутъ удалой Домруль сказалъ—посмотримъ, ханъ мой, что онъ сказалъ: «Ты выше всего высокаго, никто не знаетъ, каковъ ты, свѣтлый Боже! Сколько глупцовъ хотятъ найти Тебя на небѣ, ищутъ на землѣ; Ты—въ сердцѣ вѣрующіхъ. Боже, вѣчно сущій властитель! Боже, вѣчный хранитель тайнъ! Если хочешь взять мою душу, возьми ее Ты, не давай взять Азраилу». Тутъ Всевышнему слово удалаго Домрула понравилось; онъ прокричалъ Азраилу: «Такъ какъ негодный безумецъ позналъ Мое единство, воздалъ Мнѣ благодарность, пусть, о Азраиль, безумный Домруль найдетъ душу вмѣсто своей души, а его душа пусть будетъ свободна». Говорить Азраиль: «Безумный Домруль, таково повелѣніе Всевышнаго: пусть безумный Домруль найдетъ душу вмѣсто своей души, а его душа пусть будетъ свободна». Удалой Домруль говоритъ: «Какъ же найти душу? У меня есть старикъ—отецъ, старуха—мать; найдемъ: можетъ быть кто-нибудь изъ нихъ дастъ свою душу; возьми ее, а мою душу оставь». Удалой Домруль пришелъ къ своему отцу, поцѣловавъ его руку и сказалъ—посмотримъ, ханъ мой, что онъ сказалъ: «Бѣлобородый почтенный, душа мой, отецъ! знаешь ли ты, что случилось? Я произнесъ слово неизѣрѣ; Всевышнему это не понравилось; съ синаго неба онъ далъ повелѣніе краснокрылому Азраилу: тотъ прилетѣлъ, сдавилъ мою грудь, сѣль на нее, заставилъ меня хринѣть и хотѣлъ взять мою милую душу. Отецъ! я прошу у тебя души; одашь ли ты ее, или будешь плакать, приговаривалъ: сынъ мой, удалой Домруль!» Говорить отецъ: «Сынъ мой, сынъ! часть моей души, сынъ! сынъ мой, левъ, при рожденіи которого я убилъ девять верблюдовъ! сынъ мой, опора моего златоверхаго жилища! сынъ мой, цвѣтокъ моей дочери-невѣсы, подобной гуси! Если нужна моя черная гора, лежащая противъ насть, скажи; пусть она послужить Азраилу лѣтнинѣ кочевьемъ. Если нужны мои холодные, хододные колодцы, пусть они служить ему для питья; если нужны мои табуны быстрыхъ коней, пусть они служить ему для Ѣзды; если нужны мои ряды верблюдовъ, пусть они служить ему для выюковъ; если нужны мои стада бѣлыхъ овецъ, пусть они служить ему для пищи; если нужно мое золото и серебро, пусть оно служить ему на расходы. Сладка жизнь, дорога душа; душу не могу отдать, такъ и знай. Есть твоя мать, которая мнѣ милѣе тебя, дороже тебя; сынъ, иди къ своей матери». Удалой Домруль ушелъ отъ отца послѣ безуспѣшии просьбы; онъ пришелъ къ своей матери и говоритъ: «Мати! знаешь ли ты, что случилось? Съ синаго неба прилетѣлъ краснокрылый Азраиль; онъ сдавилъ мою бѣлую грудь, сѣль на нее, заставилъ меня хринѣть и хотѣлъ взять мою душу. Я попросилъ души у моего отца; онъ не далъ. Я прошу души у тебя, мать; дашь ли ты мнѣ ее, или, приговаривая: сынъ, удалой Домруль! будешь плакать, впустишь горькие ногти въ бѣлое лицо твое, будешь рвать свои черные, какъ вороны, волосы?» Тутъ мать сказала—посмотримъ, ханъ мой, что она сказала: «Сынъ мой, сынъ! сынъ, которого я девять мѣсяцевъ носила въ тѣсномъ чревѣ; сынъ, которого я черезъ десять (лунныхъ) мѣсяцевъ произвела на свѣтъ; сынъ, которого я щедро кормила своимъ бѣлымъ молокомъ! Быль бы ты задержанъ въ крѣпости съ бѣлыми башнями! быль бы пѣвникомъ въ рукахъ глауровъ нечистой вѣры! я, съ трудомъ собравши золото и серебро, освободила бы тебя. Ты идешь въ дурное мѣсто; не могу идти за тобой; сладка жизнь, дорога душа; душу не могу отдать, такъ и знай». Мать тоже не дала души. Азраиль пришелъ взять душу

¹⁾ Стереотипное приемованное выражение.

удалаго Домрула; удалой Домруль говорицъ: «Пощади, Азраиль! въ единсвѣ Божиѣмъ итъ сомнѣнія!» Азраиль говорить: «Какой тебѣ еще пощады, негодный безумецъ? Ты пошелъ къ бѣлобородому отцу твоему; онъ по даль души; ты пошелъ къ сѣдовласой матери твоей, она не дала души; кто же дастъ?» Удалой Домруль говорить: «У меня есть предметъ заботы; я повидаюсь съ нимъ». — «Кто предметъ твоей заботы, негодный безумецъ?» — «У меня есть жена, дочь чужакина; отъ нея у меня двое сыновей; я передамъ имъ завѣтъ свой; потомъ ты возьми мою душу». Домруль пришелъ къ своей женѣ и говоритъ: «Знаешь ли ты, что случилось? Съ синяго неба прилетѣлъ краснокрылый Азраиль, сдавилъ мою грудь, сѣгъ на нее, стала брать мою милую душу. Я сказалъ моему отцу: дай свою душу; онъ не далъ; я пошелъ къ своей матери; она не дала: сладка жизнь, мила душа, сказали они. Теперь пусть мои высокія, высокія горы служатъ тебѣ лѣтнімъ кочевьемъ, пусть мои холодныя, холодныя воды служатъ тебѣ для питья; пусть табуны моихъ быстрыхъ коней служатъ тебѣ для ъзды; пусть мое златоверхое жилище даетъ тебѣ тѣнѣ; пусть ряды моихъ верблюдовъ служатъ тебѣ для выюковъ; пусть стада моихъ бѣлыхъ овецъ служатъ тебѣ для пищи. Если твой глазъ на комъ остановится, твое сердце кого полюбитъ, выходитъ за него; не оставляй нашихъ мальчиковъ сиротами». Жена тутъ сказала — посмотрѣть, ханъ мой, что она сказала: «Что ты говоришь, что произносишь, мой богатырь-джигитъ, царь-джигитъ, кого я, откравъ глаза, увидѣла, кого я, отдавъ сердце, полюбила; кого я, отдавъ сладкую душу, искала; съ кѣмъ мы лобызались пъ сладкія уста, съ кѣмъ целовались, лежа на одной подушкѣ! Съ лежащими противъ насъ твоими черными горами послѣ тебя что мнѣ дѣлать? если я на нихъ буду лѣтомъ кочевать, пусть онѣ будутъ моей могилой. Если я буду пить твои холодныя, холодныя воды, пусть онѣ будутъ моей кровью; если я буду тратить твоё золото и серебро, пусть оно будетъ моимъ саваномъ; если я буду ъздить на табунныхъ твоихъ богатырскихъ коняхъ, пусть они будутъ мнѣ гробомъ. Если я послѣ тебя полюблю джигита, выйду за него, лягу съ нимъ, пусть онъ обратится въ пеструю змѣю и укуситъ меня. Какую пѣну твои негодные родители придаются своей душѣ, что не могли отдать ее за тебя? Пусть эфиръ будетъ свидѣтелемъ, пусть земля будетъ свидѣтельницей, пусть небо будетъ свидѣтелемъ, пусть Всемогущій Богъ будетъ свидѣтелемъ: моя душа да послужитъ жертвой за твою душу!» Азраиль хотѣлъ взять душу женщины; поражающій мужъ не могъ пожертвовать своей подругой и стала молиться Всевышнему — посмотрѣть, ханъ мой, какъ онъ молился: «Ты выше всего высокаго; никто не знаетъ, каковъ Ты, свѣтлый Боже! Много глупцовъ хотятъ найти Тебя на небѣ, ищутъ на землѣ; Ты — въ сердцѣ вѣрующихъ. Боже, вѣчный властитель! Я воздвигну страннопріимные дома на большихъ дорогахъ ради Тебя; если увижу голоднаго, накормлю его ради Тебя; если увижу нагого, одѣну его ради Тебя. Хочешь взять, — возьми души наасъ обоихъ; а если оставилъ, такъ оставь души наасъ обоихъ. Многомилостивый, Всемогущій Боже!» Всевышнему слово удалаго Домрула понравилось; онъ далъ повелѣніе Азраилу: «Возьми души отца и матери удалаго Домрула; тѣмъ же обойми супругамъ Я даль 140 лѣтъ жизни». Азраиль взялъ души отца и матери; удалый Домруль еще 140 лѣтъ прожилъ со своей супругой.

Пришелъ мой дѣдъ Корвудъ, сложилъ пѣсни, сказалъ слово: «Эта пѣснь будетъ посвящена удалому Домрулу; послѣ меня пусть переймутъ и рассказываютъ ее пѣвцы, пусть слушаютъ ее герой съ открытымъ членомъ! Я дамъ предсказаніе, ханъ мой: твои родныя, черныя горы да не упадутъ, твое тѣнистое, толстое дерево да не будетъ срѣзано, твоя свѣтлая рѣка да не изсякнетъ, да не сдѣлать тебя Богъ нуждающимся въ негодныхъ! Мы совершили ради твоего бѣлого лика молитву изъ пяти словъ; да будетъ она принята, да соединится въ одно, да стойгъ твердо; да будутъ прощены твои грѣхи ради Мухаммеда, имя которого славно!

B. Бартоломѣй.

С.-Петербургъ. Май 1893 г.

ОТДѢЛЪ III.

Критика и Библіографія.

Какъ давно Русскіе живутъ въ Карпатахъ и за Карпатами?

Проф. И. П. Филевичъ. Угорская Русь и связанныя съ нею вопросы и задачи русской исторической науки. Варшава. 1894.

«Два капитальныхъ вопроса нашей исторической науки, говорить авторъ, связанны съ за-карпатской частью русского міра:

- 1) Какимъ образомъ проникло сюда русское имя, если Угорская Русь, повидимому, не входила въ составъ древне-русской державы?
- 2) Современное различіе двухъ главныхъ вѣтвей русского племени, великорусской и малорусской, не объясняется ли передвиженіемъ населенія съ Карпатъ въ нынѣшнюю юго-западную Русь съ одной и древняго южно-русского населенія на сѣверо-востокъ съ другой стороны»?

Авторъ не разрѣшаетъ этихъ вопросовъ. Онъ останавливается лишь на первомъ изъ нихъ, но и тутъ ограничивается указаниемъ на данные, говорящія, по его мнѣнію, въ пользу глубокой древности русскихъ поселеній въ Карпатахъ и за Карпатами (стр. 23), да утвержденіемъ, что «нынѣшняя Угорская Русь представляетъ лишь не-значительный слѣдъ далекаго прошлаго» и что «только на Карпатахъ русская историческая наука можетъ чайти твердую почву для объясненія началь кievской государственности» (стр. 28). Что до втораго вопроса, то ему авторомъ удѣляется всего нѣсколько словъ.

Мы не придаємъ первому вопросу того значенія, какое ему придаєтъ г. Филевичъ, но думаемъ, что онь далеко не лишенъ интереса. Формулировка его у г. Филевича, по нашему мнѣнію, недостаточно проста, и мы бы его изложили болѣе коротко: какъ давни поселенія Русскихъ въ Карпатахъ и за Карпатами?

Данныя, указываемыя г. Филевичемъ для его рѣшенія, совсѣмъ скучны.

Онь приводить небольшой списокъ карпатскихъ и за-карпатскихъ мѣстныхъ названій, отчасти вообще славянскихъ, отчасти специально русскихъ. Это—названія рѣкъ: Бѣлка, Бѣлая Тиса, Бѣлый Черемошъ, Быстрица, названія поселеній: Русь, Руска вѣсъ, Руске и т. п.

Взглянемъ на эти данные.

Изъ нихъ видно лишь одно,—что въ Карпатахъ и за Карпатами Славяне вообще и Русские въ частности поселились довольно давно, что они уже успѣли дать

свои названия нѣсколькою рѣкамъ (вѣроятно, переведя на свой языкъ болѣе раннія, не-славянскія названія или осмысливъ эти послѣднія), что они основали села съ русскими названіями. И только. Изъ нихъ не видна очень большая древность славянскихъ или именно русскихъ поселеній въ Карпатахъ и за Карпатами ¹⁾.

Но имѣются еще данные, не принятые во вниманіе ни г. Филевичемъ, ни другими лицами, раѣше его касавшимися того же вопроса. Это—данныя карпатскихъ и за-карпатскихъ говоровъ.

Если мы возьмемъ рядъ карпатскихъ и за-карпатскихъ мѣстныхъ названій, звучащихъ не по-славянски (а ихъ много: горы Бескидъ, Минчоль, Цікуй, Рина, Грофа, Кукуль, Воскуль, Люстонъ, Джембронъ; рѣки Ондава Ропа и другія ²⁾), то между ними отмѣтимъ нѣсколько съ звукомъ *g*, существующимъ въ малорусскомъ нарѣчіи только въ болѣе или менѣе поздно (едва ли раѣше второй половины XII вѣка) заимствованныхъ словахъ: ³⁾ Горда яъ (гора въ серединѣ русскихъ Карпатъ), Жестовъ (село въ сѣверо-западномъ углу Галиціи), Гіратівці (село въ Угорской Руси, недалеко отъ Прашева).

Точно также между находящимися въ карпатскихъ и за-карпатскихъ говорахъ не славянскими словами (къ нимъ принадлежитъ рядъ терминовъ пастушескаго быта: бѣре и ця посудина для брынзы, бриндза овечій сырь, бузда сырь, мери и дя особаго рода кушанье и т. п., и названій горныхъ животныхъ, растеній, тропинокъ и проч.: джарапъ можжевельникъ, яфина черника, пладай тропинка), мы можемъ отмѣтить нѣсколько съ тѣмъ же звукомъ *g*: клягъ, кледъ, гледъ (жидкость изъ овечьяго желудка, вливаемая въ момоко, чтобы оно скислось), годоца (бруслика?), готуръ (тетеревъ?), магура (гора).

Изслѣдование этихъ не-славянскихъ мѣстныхъ названій и словъ показало, что значительный процентъ ихъ—румынскаго происхожденія и что они могли перейти къ нынѣшнимъ обитателямъ Карпатъ и Угорской Руси отъ предковъ и родичей нынѣшнихъ Румынъ—Волоховъ, которые въ первыя столѣтія исторической жизни русскаго народа кочевали новидимому по всемъ Карпатамъ, начиная отъ сѣверо-западныхъ отроговъ ихъ въ Моравіи и кончая Карпатами Трансильванскими, и которые добровольно или невольно уступили свои горы Русскимъ и Полякамъ (въ Моравіи они оставились) ⁴⁾.

Наконецъ передъ нами звуковыя особенности говоровъ карпатскихъ и за-карпатскихъ.

Говоры Лемковъ принадлежать къ числу болѣе или менѣе смѣшанныхъ. Рядомъ съ массою чертъ общихъ имъ съ говорами Галиціи, они имѣютъ такія черты, которыя въ послѣдніхъ отсутствуютъ: у и ю на мѣстѣ древнихъ о и е въ рядѣ словъ въ родѣ вулы (=галицкое віль), и ю съ (=галицкое нісъ), сочетанія кы, гы въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они были въ древне-русскомъ языкѣ, & отличное отъ и въ рядѣ словъ, такъ что быти звучить иначе, чѣмъ бити. Замѣтимъ, что у и ю образовались изъ о и е едва ли раѣше второй половины XII вѣка (они находятся уже въ памятникахъ

¹⁾ Если основываться на небольшомъ количествѣ мѣстныхъ названій (игнорируя остальные), то легко нашъ сѣверъ съ Бѣлымъ озеромъ, рѣкою Бѣлою, рѣкою Сухоною признать за прародину русскаго народа.

²⁾ Мы беремъ названія изъ книжки Закінскаго, Географія Руси, Львовъ, 1887. Кажется, она здѣсь болѣе точны, чѣмъ у Головацкаго (Пѣсни, т. I).

³⁾ Наши «Лекціи по истории русскаго языка», 112.

⁴⁾ Небольшіе списки мѣстныхъ названій и словъ румынскаго происхожденія у русскихъ и польскихъ горцевъ см. у Миклошича, Ueber die Wanderungen der Ruminen in den Dalmatinischen Alpen und den Karpaten («Denkschriften» Вѣнскай Академіи наукъ, т. 30 І, 1880 года).

Списокъ словъ румынскаго происхожденія у польскихъ горцевъ см. также у Л. Махновскаго, O niektórych wyrazach ludowych polskich («Rozprawy» Krakowskай Академіи наукъ, т. 17-й, 1892 года).

Замѣчанія на послѣдній—у Пастрича въ Slovenskѣ Рohlady 1893 года № 11—12.

малорусского наречия XII—XIII вѣковъ) и что сочетанія *кы*, *ги* превратились въ *к и*, *ги*, приблизительно въ то же время.

Говоры Бойковъ, по нашимъ свѣдѣніямъ, не имѣютъ словъ съ *у* и *ю* на мѣстѣ древнихъ *о* и *е*, но сохраняютъ сочетанія *кы*, *ги*. Повидимому, они не что иное, какъ лемковские говоры, только въ нихъ примѣтъ позднѣйшихъ чертъ изъ галицкихъ говоровъ болѣе сильна, чѣмъ въ лемковскихъ, хотя и въ послѣдніхъ она не слаба.

Говоры Гуцуловъ (въ Галиціи и Буковинѣ) не имѣютъ никакихъ архаизмовъ сравнительно съ сосѣдними говорами жителей долинъ и не отличаются ничѣмъ важнымъ отъ этихъ послѣдніхъ¹⁾.

Говоры угорскихъ Русскихъ болѣе или менѣе близки къ говорамъ Лемковъ и находятся въ тѣсной связи съ ними. Одинъ изъ нихъ, говоръ Русскихъ южной части Марамороша, сосѣдящихъ съ Гуцулами, сохраняетъ, повидимому, гораздо большее число словъ съ *у* и *ю* на мѣстѣ *о* и *е*, чѣмъ даже лемковские говоры²⁾.

Если мы соединимъ всѣ собранныя данныя вѣстѣ, то увидимъ, что они не позволяютъ намъ отодвигать первыя поселенія Русскихъ въ Карпатахъ и за Карпатами въ древность далѣе XII вѣка, что гуцульская часть Карпатъ была заселена Русскими позднѣе, чѣмъ лемковская и бойковская и что въ Карпатахъ изъ Галиціи всегда являлись новые поселенцы (они-то и внесли поздніяя черты въ карпатскіе говоры).

Въ заключеніе одно замѣчаніе. Русскіе, двинувшись въ нынѣшнюю Угорскую Русь, заняли здѣсь мѣста поселеній Волгаръ³⁾. Послѣдніе, кажется, не оставили несомнѣнныхъ слѣдовъ въ угро-русскихъ говорахъ, но Мадьяры сохранили нѣсколько угрорусскихъ мѣстныхъ названій въ болгарской формѣ. Таковы: Munkaс (по-русски Мукачевъ, городъ), Ungvar (по-русски Ужгородъ, городъ), Ungh (по-русски Угъ или Ужъ, река). Сравни сохранившіяся у Румынъ болгарскія мѣстныя названія Седміградія: Dumbrava, Lunka, Mundra, Breaza (= Врѣза), Gradistie (=Градиште), Zalatna (=Златна)⁴⁾.

О второмъ вопросѣ г. Филевича намъ мѣтъ надобности распространяться. Мы имѣемъ рядъ памятниковъ малорусского наречія, начиная съ половины XII вѣка, и о появлениі малорусского племени въ юго-западной Руси лишь въ XIII вѣкѣ не можетъ быть рѣчи. Въ настоящее время вопросъ о Малоруссахъ сводится къ вопросу о восточной границѣ малорусскихъ поселеній за времена отъ XII до XV столѣтій.

A. Соболевскій.

О такъ называемой народной этимологіи.

Příspěvky k české etymologii lidové. Sepsal I. Černý. V Praze, 1894 (Knihovna «Českého Lida», III).

Вліяніе однихъ словъ на другія, старыхъ на новые, только что заимствованныя, и общеупотребительныхъ на малоупотребительные, производить въ языкахъ самыя разнородныя звуковыя измѣненія съ цѣлью сообщить языку извѣстное однообразіе звуковыхъ сочетаній. Нѣть такой части слова, которая бы была безопасна отъ измѣненія.

¹⁾ Въ гуцульской части Карпатъ мѣстныя названія румынского происхожденія особенно многочисленны и гуцульские говоры особенно богаты румынизмами.

²⁾ Данные съ одной стороны въ нашемъ «Очеркѣ русской діалектологіи», Живая Старина 1892 года, съ другой—въ «Лекціяхъ по истории русского языка».

³⁾ т. е. Словѣнъ, въ послѣдствіи болгарскихъ. Ред.

⁴⁾ Списокъ славянскихъ мѣстныхъ названій Седміградія у Rössler'a Româniische Studien, Leipzig, 1871, стр. 325. О нихъ см. также статью Коучубинскаго «Трудахъ седьмого Археологического Съезда», т. 2-й.—Седміградскіе Болгары большинствомъ новѣйшихъ исследователей примамаются за переселенцевъ съ береговъ Дуная.

ній. То слово измѣняется въ корѣ; такъ старое русское моровѣй, подъ вліяніемъ болѣе употребительного мурава, превратилось въ муравѣй, или старое русское выиатъ, подъ вліяніемъ массы формъ неопределѣнаго наклоненія на иутъ, превратилось въ выиутъ (откуда далѣе форма настоящаго времени вывѣсто вѣйму или выиу). То слово измѣняется въ префиксѣ; такъ, русское зголовье, образовавшееся черезъ потерю начального *с* изъ зголовье, подъ вліяніемъ массы словъ съ начальнымъ префиксомъ из-*с*, стало звучать изголовье. То слово измѣняется въ суффиксѣ; такъ, старое русское колодязь, подъ вліяніемъ многочисленныхъ словъ на ецъ, превратилось въ колодецъ, а старое русское ластовка, подъ вліяніемъ массы уменьшительныхъ на очка, стало звучать ласточка. Часто можно указать группу однокоренныхъ словъ, которымъ мы обязаны пропущеннымъ въ словѣ измѣненіемъ; но еще чаще виновники измѣненія—болѣе или менѣе многочисленныя слова съ разными корнями, но съ однимъ и тѣмъ же сочетаніемъ звуковъ, или же съ однимъ и тѣмъ же префиксомъ, съ однимъ и тѣмъ же суффиксомъ.

Иногда происшедшее въ словѣ измѣненіе открывается передъ изслѣдователемъ само собою, почти безъ всякой съ его стороны анализа; но не мало случаевъ, гдѣ надъ имъ приходится поломать голову; а въ рядѣ случаевъ мы можемъ только удостовѣрить существованіе измѣненія, не будучи въ состояніи опредѣлить, въ чёмъ именно оно заключалось (въ слобода—свобода, въ нетопырь и друг.).

Явленія, происходящія вслѣдствіе вліянія сильныхъ словъ на слабыя, массы словъ на слова-одиночки, и извѣстныя въ языковѣдѣніи подъ именемъ явленій на родной этимологіи (таково общепринятое, но на нашъ взглядъ не совсѣмъ удачное названіе) и состоящія въ замѣнѣ болѣе или менѣе рѣдкихъ звуковыхъ сочетаній близкими къ нимъ обычными сочетаніями, отмѣчены во всѣхъ индо-европейскихъ языкахъ во всѣ періоды ихъ жизни. Въ виду этого, если лингвистъ вздумаетъ изслѣдовывать законы языка, ему необходимо, прежде чѣмъ сдѣлать выводы,—подвергнуть собранныя данныя тщательному разсмотрѣнію и удалить изъ нихъ тѣ, которые съ достаточностью вѣроятностю могутъ быть объяснены путемъ народной этимологіи.

Но столь же осторожнѣй долженъ быть и лингвистъ, изслѣдующій явленія народной этимологіи. Прежде чѣмъ сказать: такое-то звуковое измѣненіе въ такомъ-то словѣ произошло вслѣдствіе вліянія на это слово такихъ-то и такихъ-то словъ, онъ обязанъ тщательно разсмотрѣть данное слово и 1) опредѣлить его первоначальный видъ и 2) удостовѣриться, что происшедшее въ немъ измѣненіе не могло произойти вслѣдствіе дѣйствія какого-либо звукового закона. Иначе говоря, если лингвистъ будетъ имѣть передъ собою великорусское черемуха, то прежде чѣмъ признать измѣненіе въ этомъ словѣ подъ вліяніемъ многочисленныхъ словъ на уха (сравни малорусское черемиха, подъское тглетьша, чешское стѣтѣша), онъ долженъ сперва опредѣлить его первоначальный видъ въ русскомъ языкѣ, т. е. доказать, что оно въ русскомъ языкѣ первоначально звучало черемъха, а потому выяснить, что *с* или происшедшее изъ него неударяемое *о* не могло перейти въ *у*. Опредѣлѣніе первоначального вида слова особенно важно въ томъ случаѣ, когда лингвистъ пытѣеть дѣло съ словомъ заимствованнымъ. Народы рѣдко заимствуютъ другъ у друга слова литературного языка (особенно въ старое время, когда литературный языкъ имѣлъ болѣе слабое распространеніе, чѣмъ теперь); обыкновенно мѣняются между собою словами говоры двухъ языковъ. Слѣдовательно, лингвистъ долженъ собратьialecticheskie данія того языка, изъ котораго заимствовано данное слово, и при ихъ помошни опредѣлить первоначальный видъ исходнаго. Что же до удостовѣрѣнія въ отсутствіи дѣйствія какого-либо звукового закона, то оно имѣть наибольшее значеніе тогда, когда передъ лингвистомъ исконное слово того языка, который онъ изслѣдуется, такъ какъ подобное слово могло испытать особенно много измѣненій.

Нельзя не признать, что изслѣдователи явленій народной этимологіи, русские и не русские, не отличаются особенною осторожностью. Но о г. Черномъ, авторѣ означенной выше книжки, можно сказать, что изслѣдуя эти явленія, онъ не руководится ни-

чёмъ, кроме простаго звуковаго сходства между словами. Отсюда произвольность объяснений, иногда чрезвычайно значительная...

Чешскій языкъ владѣть большімъ количествомъ словъ, въ разное время заимствованныхъ и изъ нѣмецкаго языка. Конечно, Чехи взяли ихъ не изъ нѣмецкаго литературнаго языка, а изъ нѣмецкихъ говоровъ. Г. Черный приводить рядъ этихъ словъ и, сопоставляя ихъ съ соответствующими вѣденскими и тературиными словами, объясняетъ ихъ отлічія отъ послѣднихъ дѣйствіемъ народной этимологіи. По его мнѣнію, современное чешское гѣва, старо-чешское гѣва, произошло изъ нѣмецкаго гѣве подъ вліяніемъ глагола g ti (57), современныя чешскія lajknant, kugysag, de zenter, kas rna—изъ lajtnant (лейтенантъ), kyrasir, deserter, kasarme (69), современное чешское  um (пѣна)—изъ schaum. При этомъ авторъ ни разу не указываетъ на произошеніе этихъ словъ въ старыхъ и новыхъ нѣмецкихъ говорахъ!

Сверхъ заимствованій изъ нѣмецкаго языка, въ чешскомъ языкѣ имѣются заимствованія и изъ другихъ языковъ. Г. Черный и здѣсь ограничивается сопоставленіемъ чешскихъ словъ съ иноzemными оригиналами и указаніемъ на дѣйствіе народной этимологіи. По его мнѣнію, рівояка (пюнъ) произошло изъ латинскаго raeponia, подъ вліяніемъ слова rivo (55), и т. п. Указанія на французское rіpon и на нѣмецкія областныя слова автору кажутся излишними!

Въ виду этого въ огромномъ количествѣ приведенныхъ г. Чернымъ словъ присутствіе «чешской народной этимологіи» представляется или минимъ, или по крайней мѣрѣ сомнительнымъ. Часть ихъ, повидимому, испытала на себѣ дѣйствіе народной этимологіи, но не въ чешскомъ языкѣ, а въ какомъ-либо другомъ, часть же вовсе не подвергалась дѣйствію народной этимологіи.

Исконные чешскіе слова и старыя заимствованія въ теченіе ряда столѣтій исторической жизни чешскаго языка подвергались дѣйствію разнообразныхъ звуковыхъ законовъ. Г. Черный приводить нѣсколько такихъ словъ, но не справляется о томъ, какія въ нихъ могли произойти измѣненія. Такъ, онъ говорить о словѣ ko ile (= русск. кошка, рубаха), что оно происходит отъ латинскаго casula и что въ немъ чувствуется вліяніе глагола  iti (65); тогда какъ въ немъ (какъ и во множествѣ другихъ словъ) образовалось изъ ж и во вліяніи глагола шти не было ни малѣйшей надобности.

Та система изложенія, которой держится въ своемъ труде г. Черный, много вредить достоинству его книги. Онъ распредѣлилъ свой материалъ по рубрикамъ: личные собственныя имена, мѣстныя собственныя имена, богослужебная терминологія, названія помѣщеній, животныхъ, растѣвій и т. д., и здѣсь рядомъ съ словами подвергшимися дѣйствію народной этимологіи, помѣстилъ рядъ другихъ, которыхъ даже въ его глазахъ этого дѣйствія на себѣ не испытали.

Но г. Черный собралъ довольно много материала, и новый изслѣдователь явленій чешской народной этимологіи долженъ имъ воспользоваться. Кое-чѣмъ можетъ воспользоваться и изслѣдователь явленій русской народной этимологіи.

Любопытно, что одни и тѣ же слова въ разныхъ славянскихъ языкахъ подверглись дѣйствію народной этимологіи въ разныхъ направленихъ. Это изрѣдка исконныя славянскія слова, тѣ, которые вѣ имѣютъ большаго числа родичей и употребляются мало; гораздо чаще это—слова заимствованія. Напримеръ, древнее и но ходецъ (конь) измѣнилось у Чеховъ въ sh oschodn k (51), у насъ (Вятская губ.) въ виноходѣ; нѣмецкое rаредай превратилось у Чеховъ въ rароисѣк (51), у насъ въ попугай (сравни пугать); нѣмецкое f rtlich стало звучать у Чеховъ f гtlich (65), у насъ фартукъ (сравни многочисленныя слова на къ).

О сравнительной миэологии Макса Мюллера.

Изложение и критика новейшей лингвистической теории миевъ. Ректора С.-Петербургской Духовной Академіи архимандрита Бориса. Издание второе. Спб. 1893.

Вѣроятно, лишь немногие помянут статью о. Бориса (тогда еще В. Плотникова) о сравнительной миэологии Макса Мюллера, напечатанную въ «Филологическихъ Запискахъ» 1879 года и вышедшую тогда же и отдельнымъ оттискомъ. Теперь онъ вѣдь издать ее вторыи изданіемъ. И въ 1879 году неудобно было говорить о теоріи Макса Мюллера какъ о «новѣйшей», такъ какъ тогда уже дѣйствовалъ Тейлоръ¹⁾ съ своими послѣдователями и уже была выставлена антропологическая теорія. Теперь же какъ-то даже странно читать, что Максъ Мюллерь предложилъ «новый» взглядъ на происхожденіе миэологии и что его миэологическая теорія особенно замѣчательна «по высокой цѣнности результатовъ». Да сверхъ того, видно, что авторъ мало знакомъ съ трудами по миэологии. Максъ Мюллерь какъ миэологъ кажется ему чѣмъ-то совершенно оригинальнымъ, тогда какъ онъ въ главномъ—такой же послѣдователь Григорія, какъ Кунъ, Маннгардъ, Шварцъ; для автора нашъ Асанасьевъ «исключительно слѣдуетъ методу Макса Мюллера», между тѣмъ какъ Асанасьевъ печатаетъ свои первыи статьи по славянской миэологии (потомъ вошедшія въ его «Поэтическія возврѣнія Славянъ на природу») раньше, чѣмъ появляется въ свѣтѣ «Сравнительная миэология» Макса Мюллера (въ 1856 году).

О. Борисъ поражаетъ теорію Макса Мюллера не безъ успѣха, но недостаточно энергично. «Теорія Макса Мюллера о происхожденіи миевъ, читаемъ мы у него, только отчасти вѣрна. Она объясняетъ небольшую (сравнительно) часть миевъ, но несправедливо претендуетъ на объясненіе всей области миэологии; она беретъ для объясненія происхожденія миевъ сравнительно маловажную причину и оставляетъ безъ вниманія важѣйшую. Поэтому, не смотря на прекрасное объясненіе многихъ миевъ, она съ полнымъ правомъ можетъ быть названа одностороннею». Авторъ имѣлъ право сказать, что миевъ, которые бы успѣшио объяснила теорія Мюллера,—явление рѣдкое, почти исключительное.

А. Соболевскій.

НОВЫЯ КНИГИ.

Die Rumänische Frage in Siebenbürgen und Ungarn. Eine politische Denkschrift von Eugen Brote Vicepräsid. d. Vorstandes d. rumänischen Nationalpartei in Siebenbürgen u. Ungarn. Mit 51 Beilagen u. einer Karte. Berlin 1895. Puttkammer u. Mühlbrecht in 8°. XI + 432.

Если Китай, Великобританская имперія и Россія—три единственныя государства въ мірѣ съ такимъ величайшимъ этнографическимъ разнообразіемъ, то Австро-Венгрия, этоъ остатокъ священно-римской имперіи иѣмѣцкаго языка или народа, есть единственная страна въ мірѣ, где всѣ внутренніе правовые, экономические и соціальные вопросы носятъ сильный этнографический отпечатокъ. Недавно одному русскому дипломату приписывали въ Австроіи такое замѣчаніе: «я не признаю въ Австроіи Славянъ». Мы не вѣримъ справедливости этой передачи. Этотъ государственный человѣкъ несомнѣнно умный. Отказываться отъ признания въ Австро-Венгрии Чеховъ, Нѣмцевъ, Словаковъ, Румынъ, Поляковъ, Русскихъ (малоруссовъ), Сербовъ, Хорватовъ, Мадьяръ звучать совершенно отказываться отъ всякаго пониманія состоянія націи государства. Не только вся его внутренняя, но отчасти вѣнѣнняя политика (всегда и вездѣ зависимая отъ

¹⁾ Его «Первобытная культура» хорошо известна о. Борису...

внутренней) рѣзко опредѣляется его этнографическимъ составомъ. Оно и понятно: ибо вся Австро-Венгрия состоить изъ своего рода Ирландій или изъ нашихъ привислинской и прибалтійской окраинъ.

Обстоятельный трудъ г. Е. Броце о Румынахъ въ Трансильваниѣ и Венгрии представляетъ очень важное пособіе и для этнографовъ и для политиковъ, желающихъ ближе узнать Австро-Венгрию.

В. Л.

Paul Regnau. Les premières formes de la religion et de la tradition dans l'Inde et la Grèce. Paris 1894.

Оригинальная во многихъ отношеніяхъ книга г. Реню представляетъ собою новую поытку найти исходную точку для пониманія первобытныхъ религій, туть принципъ, изъ котораго вытекали бы сами собою основныя формы этихъ религій.

Насколько эта задача удалась автору, я постараюсь указать послѣ, теперь же представлю его основныя воззрѣнія. Прежде всего, г. Реню приглашаетъ настъ стать на «чисто рациональную» (р. 32) точку зреінія, съ которой, по его мнѣнію, «никто не станетъ опровергать, что религія также имѣть свое начало, что было время, когда ея не существовало». Первою формою первобытной религіи, по крайней мѣрѣ, у патріотовъ Индо-Европейской расы—было жертвоприношеніе. Однако какого-нибудь бога, въ честь котораго совершались бы эти жертвоприношенія, мы не находимъ; напротивъ, ихъ характеръ совершенно «атеистический» (р. 34), ихъ происхожденіе чрезвычайно просто: огонь, высѣканіе котораго представляеть извѣстныя трудности, долженъ быть сохраняться въ такомъ видѣ, чтобы отъ него безъ труда можно было бы получать новый; такимъ образомъ, ощущается потребность въ неугасимомъ огнѣ, является огонь «рѣскоши» или традиціонный огонь, какъ выражается г. Реню (р. 34). Поддерживаемый изъ рода въ родъ, онъ становится символомъ непрерывности семьи и взаимной независимости родовъ; иаконецъ, онъ получаетъ значеніе чего-то торжественнаго, высшаго. Каково-же было и въ чёмъ заключалось это первобытное жертвоприношеніе? На это отвѣтить не трудно: оно заключалось въ приношениі горючихъ веществъ, поддерживавшихъ неугасимый огонь, въ подливаніи въ него масла; оно не имѣло, сначала, никакой другой цѣли, кроме сохраненія яркаго пламени. Мало по малу это пламя стало богомъ и положило начало всѣмъ религіознымъ и моральнымъ понятіямъ. «Божества очага», какъ говорить г. Реню въ другомъ мѣстѣ (р. 174): «божества очага, которымъ являются въ тоже время древнѣйшии божествами индо-европейцевъ, не заключаютъ въ себѣ ничего самостоятельного (volontaire), ничего героического, даже ничего активнаго—такъ сказать—личнаго. Это—друзы и соѣди, присутствіе которыхъ связано съ сохраненіемъ семьи, такъ какъ они всегда около нея; изъ этихъ наслѣдственныхъ отношеній возникъ ихъ священный характеръ, явившійся незамѣтно вслѣдъ за отсутствіемъ всякой таинственности, ознаменовавшей начало этой близости между человѣкомъ и домашнимъ огнемъ, явившійся предисловіемъ къ религіи народовъ нашей расы».

Этимологія словъ *devas* и многихъ другихъ религіозныхъ понятій восходить къ кориамъ со значеніемъ свѣта, ярости, горѣнія. Ведійскіе *devы*, — по корию родственные съ греч. *δός*, латин. *divus* и—добавить—славян. *день* (изъ *дѣв-нь) и литов. *devas*,—первоначально, собственно, огни (или пламя) жертвоприношениія; каждый изъ нихъ: Агни, Индра, Варуна и др. только различное название для одного и того-же предмета, и потому каждый изъ нихъ *devas* (р. 46—47). Если гимны говорить, что Агни (==огонь) долженъ привести *дев'огъ*, это значитъ только, что онъ долженъ вспыхнуть на алтарѣ; если жрецъ сообщаетъ, что Агни явился благодаря своему пламени, съ нимъ и черезъ него, это значитъ, что огонь, дѣйствительно, загорѣлся и что жертвоприношеніе совершилось (р. 48). Однако уже въ Ведахъ слову *devas* придается какъ будто мистическое значение, непонятное при столь реаль-

вомъ происхождениемъ его. По мнѣнію г. Ренъо, мы имѣемъ дѣло съ вліяніемъ на позднѣйшую экзегезу эпитетовъ, прилагавшихся къ слову *devas*. Прежде всего, выдаются такие эпитеты, какъ *бессмертный* (*amṛta, ἀδάνατος*), *небесный* и др. Но первое, по мнѣнію г. Ренъо, значить вовсе не *бессмертный*, а просто не *умершій*; тогда какъ *ṛta*, *vr̥otō* значить просто *умершій*; второе же точно также обозначо серьезному и реальному пониманію метафоръ и игръ словъ. Дѣло въ томъ, что священное пламя получило значеніе *свѣта*, *дня* или *неба* (р. 54), и *свѣтлые боги* (т. е. *огни* — *devas*) были перемѣщены на небо. Тоже совершилось я въ Греціи: «*О лорукъ* произведено отъ того-же корня, что и *λάμπω*, *αἴθηρ* родственно съ *αἴθω*, наконецъ *Οὐρανός* (дорійское *Ὤρανός*) по корни близко къ *օρα* (р. 55). Иль другихъ священныхъ горъ известны Ида отъ корня *ἰδ* (*briller, voig, connaitre*), Этия (*Αἴτια* вм. *Αἴθυα*, ср. *αἴθω* р. 80), Геликонъ, мѣстопребываніе музъ, жертвенного пламени, производящаго звукъ, подобный *πύніо*, — наконецъ, блестящій и странствующій Делосъ (р. 58). Въ самой Ригъ-Ведѣ и въ древнѣйшихъ гимнахъ Греціи эти эпитеты не болѣе, какъ символы образнаго слога ¹⁾). Брахманическая экзегеза, принимавшая за чистую монету то, что было только символомъ, пошла еще дальше и развила легенду о богѣ *Ду́ах*, которой въ Греціи соотвѣтствуетъ легенда о Зевсѣ: такъ *Ду́аха* *ṛthi* въ Ригъ-Ведѣ просто соединеніе широкаго (т. е. *воздѣянія*, *сомы*) съ *огнемъ*, три брата греческой мифологии представляютъ собою основаніе, средину и вершину священнаго пламени (р. 73), борьба Зевса съ Титанами пробрѣтаетъ особый смыслъ, если мы признаемъ, что «*Титаны* — пламя жертвоприношенія, которое смыщаетъ Зевсъ, какъ онь смыслилъ своего отца *Кроноса*» (р. 79) и т. д.

Такимъ образомъ ясно, что авторы Ведѣ предшествовали мифологии, потому что для нихъ метафоры оставались метафорами; только въ позднѣйшій періодѣ экзегезы эти метафоры слились въ имена. Это сліяніе шло слѣдующими путями (р. 96—106).

1) Неодушевленный предметъ, обозначенный именемъ нарціательнымъ, метафорически представляется одушевленнымъ.

2) Эпитетъ неодушевленного предмета, выраженного именемъ нарціательнымъ, занимаетъ мѣсто этого имени и сопровождается опредѣленіями, которые представляютъ данный предметъ одушевленнымъ.

3) Одинъ изъ элементовъ жертвоприношенія сравнивается съ неодушевленнымъ предметомъ, имя которого подставляется вмѣсто него.

4) Одинъ изъ элементовъ жертвоприношенія сравнивается съ животнымъ или человѣкомъ, имя которого подставляется вмѣсто него.

5) Эпитетъ этого человѣка или животного занимаетъ мѣсто имени.

6) Отрицаніе какого нибудь свойства или отсутствіе предмета метафорически представляется одушевленнымъ и реальнымъ.

7) Комбинація различныхъ, уже указанныхъ, фигуръ, а отсюда странныя ми-
ческія описанія etc.

8) Ошибочное пониманіе словъ Ведійскаго діалекта.

«Такимъ образомъ», заключаетъ авторъ: «вся индо-европейская мифология своимъ источникомъ имѣть образный стиль, первою причиною и единственною цѣлью котораго и было описание и апология обрядовъ культа огня у Индо-Европейцевъ» (р. 106). На этомъ, въ сущности, и кончается первая часть теоріи г. Ренъо: все, что остается, является только развитіемъ этихъ основныхъ идей. Шумъ пламени и шипѣніе язымы — это гимнъ, который поютъ сами боги (=огни), бывшіе, первоначально, и сами

¹⁾ И действительно — прибавлю я отъ себя — этотъ образъ вовсе не рѣдокъ въ поэзіи. См. напримѣръ у нѣмецкаго поэта *Namensring'a* въ поэмѣ: «*Ahasver in Rom.*» 18 изд. стр. 158.

Dio Flammen singen deinen Ruhm und lassen
In Goldglanzlettern louchten deinen Namen,
Und krönen dich mit einem Glorienschein,

жрецами. «Гимнъ сталъ молитвой въ устахъ человѣка только изъ подражанія голосу боговъ и вслѣдствіе распределенія между людьми и богами ролей, принадлежавшихъ сначала только одиимъ богамъ» (р. 176). Когда-же эти роли были распределены, явилась потребность въ посредникахъ — жрецахъ, первоначально, просто подливателяхъ сомы. Адъ — антиподъ неба, свѣта, отрицаніе бытія — на самомъ дѣлѣ, только отсутствіе жертвоприношенія, только отрицаніе тѣхъ свойствъ, какими обладаетъ это послѣднєе. Культь предковъ (культь отцевъ) имѣть въ виду не дѣйствительныхъ отцевъ, но метафорическихъ родителей нашего жертвоприношенія, или тѣ элементы, тѣ огнь и сому, изъ соединенія которыхъ оно является. Идея бессмертія души явилась изъ жертвенныхъ формулъ, по которымъ элементы жертвоприношенія — не живые — становятся живыми или оживаютъ. Нравственность, начала науки, литературы и искусства такъ или иначе вытекаютъ изъ жертвоприношенія. Такова стройная и цѣльная теорія г. Реньо.

Уже изъ изложенія ея, по возможности объективнаго, можетъ быть, до извѣстной степени выяснились ея важнѣйшие недостатки. Эти недостатки, мнѣ кажется, можно раздѣлить на двѣ группы: одну практическую, другую теоретическую. Что касается недостатковъ первого рода, то здѣсь прежде всего мы наталкиваемся на цѣлый рядъ совершенно неправильныхъ этимологій, произвольныхъ переводовъ, натяжекъ, неудачныхъ выборовъ гимновъ для сравненія, наконецъ просто фантазій. Чтобы не быть голословнымъ, я разсмотрю сначала нѣсколько этимологій г. Реньо. Переводить *άμροτος* (*amṛta*) черезъ и неумершій, во всякомъ случаѣ, неправильно: ужъ если автору такъ хотѣлось видѣть здѣсь причастіе, то онъ долженъ быть-бы припомнить, что па—та—образуются только страдательная причастія. Кромѣ того, какъ лингвисту, ему было-бы необходимо такъ или иначе счестися со взглядомъ Бругмана на происхожденіе прилагательныхъ имѣпъ типа *βροτός*. Именно, этотъ ученый говорить: «Часто вмѣсто понятія совершенія или законченности является понятіе способности или возможности, какъ въ гр. *λυτός* «разрѣшилъ». Можетъ быть, также пранидогери. *τορτος* «смертный». Въ виду того обстоятельства, что эта функция въ отдѣльныхъ языкахъ отчасти прен臾щественно, отчасти исключительно выступаетъ въ именахъ сложныхъ съ отрицательной частицей (цѣлый рядъ примѣровъ) или въ отрицательныхъ выраженіяхъ какого-нибудь иного вида (примѣры), можно предположить, что все употребленіе ея исходить изъ отрицательныхъ выраженій»¹⁾. Что касается слова *devas*, въ кориѣ котораго, дѣйствительно, лежитъ понятіе свѣта, хотя и не огня, какъ утверждаетъ г. Реньо,—то относительно него сомнительно, чтобы въ Ригъ-Ведѣ еще сохранилось этимологическое повинаніе старого корня. Иначе трудно было бы объяснить, чтобы брахманы могли забыть объ этомъ совершенно, тѣмъ болѣе, что они сами понимали связь между словами: *di uṣa* (днѣмъ) и *deva* (богъ), выражая это такъ: «когда былъ день, Праджапати сотворилъ боговъ; это сущность боговъ»²⁾. Чтобы показать тѣсную связь жертвоприношенія съ божествомъ, г. Реньо употребляется нѣсколько этимологій настолько невѣрныхъ, что я не счелъ ихъ даже значительными при изложеніи теоріи жертвоприношенія. Именно, авторъ соединяетъ слова *θεός* (изъ *θε-* + *ος*), изъ *g he f-os*³⁾ и *θεω* (изъ *dhiro-*); уай «приносить жертву» (греч. *ἄφορα*). Brugmann. Grundriss. I, 114) считаетъ вѣроятно родственнымъ со *su aṇd* «течь» и т. д. Изъ другихъ эпитетовъ боговъ, г. Реньо считаетъ особенно важными эпитеты, указывающіе на ихъ небесное, горное положеніе. Однако и здѣсь онъ во многомъ ошибается: «Олурактос или не подходитъ для сравненія вовсе, если, какъ это

¹⁾ Grundriss der vergleichenden Grammatik der indog. sprachen. II. Strassburg. 1889, стр. 207.

²⁾ Leop. v. Schröder. Indiens Literatur und Cultur in historischer Entwicklung. Leipzig. 1887. с. 135—137 (гдѣ приведены и другие примѣры брахманской этимологізации).

³⁾ Brugmann. Griechische Grammatik. Munchen. 1890. II Band Haubbuch'a Iwan von Müller'a, ст. 56 сравниваетъ съ др. инд. *g h o g a i*, можетъ быть, *guths*.

предполагает Преллеръ¹⁾, "Ο λορπός не является общегреческимъ называниемъ для божественной горы, а лишь еессалийский именемъ, или, если "Ο λορπός издревне-греческое слово, то его нельзя сравнивать съ λάρπω. Дѣло въ томъ, что при той древности культа огня, какую имѣть въ виду Реньо, мы можемъ прилагать его этимологический способъ доказательства только къ словамъ индогерманскимъ или же общегреческимъ, обще-индійскимъ и т. д. Даѣте ούρανός (изъ *Fop Favós چوگۇپ) вполнѣ подходитъ къ др. инд. уаги п (Brugmann. Grundriss. II, 154), тогда какъ ωρός «годъ», ωρά «время» несомнѣнно родственны съ гор. ѹєг «годъ», слав. яръ «весна» и т. д. (Brugmann. Grundriss I, 111). Даѣте Αἴθυα изъ Αἴθυα происходит не можетъ, такъ какъ θ и θ безразличны только въ вашемъ произношении и имѣютъ совершенно различные коррелятивы въ индо-германскомъ языке. Странно встрѣчать у специалиста по лингвистикѣ такія разсужденія (прим. 3 на стр. 74): «оченьѣроятно, что ρέа вимѣсто ρέга, срав. ρέо варіантъ, что касается корня, слова ρέа вм. *σύρα». Кажется, г. Реньо никогда не слышалъ о сопоставлении др. инд. gandharvás съ греч. χέυτα ωρός (но народной этимологіи вимѣсто *χευδаироς. Brugmann. Grundriss. I, 481): для него гандхарва (р. 117) родственна съ др. инд. gāthā «пѣсня» и gāthīn «пѣвецъ». Объяснять Εείρηνη²⁾ черезъ санскритскій корень svāg невозможно; это было-бы еще допустимо, если-бы инд. корень звучалъ не svāg, но svāg (какъ ἄπειρος др. инд. ragvatas). Можно сказать, что почти всѣ эти значительныѣ теоріи, то уже это подрываетъ ее. Къ числу практическихъ недостатковъ принадлежитъ также черезъ-чуръ произвольный переводъ иѣкоторыхъ текстовъ. Перечислять всѣ эти иѣста я и не въ состояніи, да это заняло-бы и слышкомъ много времени и иѣста. Я ограничусь двумя-тремя указаніями. Вотъ напр.

Rg. V. I, 25, 2 и 3: ता नो वद्धाया हत्नावे जिलानस्या रिराधाहि ता
हृग्नानस्या मान्यावे. 2.

Vi मिलिकाया ते मानो रथिर अवामि ना सामिदितामि गिर्भिर वारुपा
सिमाहि.

Смыслъ слѣдующій: «О если-бы ты, разгневавшись, не отдалъ насть смертному оружію, не предалъ насть, разсердившись, своей ярости. Вслѣдствіе нашихъ славословій открои свой духъ, о Варуна, и илости (mrlilikāya), отпрыгя, о всадникъ, коня не-запрежненаго». Г. Реньо (р. 140—141) понимаетъ его иначе: корень तङ्ग, तङ्ग онъ какимъ-то образомъ сравнивается съ та г ѡ «доить» (гр. ἀρέλυω, лат. mulgo) и получаетъ mrlilika со значеніемъ не и л о с т ь, какъ это видно и изъ контекста, а м о л о к о, т. е. «жертвенную жидкость, приготовленную для жертвоприношенія».

Или Rg. V. I, 124, 12: वाहसि भृति वाप्तम उषो देवि दाचुषे मार्तुयाया, т. е. «ты приносишь, о богиня заря, много блага по чти в ше м у (тебя) смертному». Г. Реньо просто на просто выпускаетъ слово «दाचुषे» и переводить такъ: «о богиня заря, ты даешь много блага жертвому (смертному)».

Съ греческимъ текстомъ авторъ обращается не менѣе свободно. Такъ, на стр. 165 онъ говоритъ: «χαιρε—первоначальный смыслъ: «sois actif, vis, vivant». Почему это? Др.-инд. हागु (принимать съ удовольствіемъ) и другіе родственные корни (Brugmann. Grundriss. I, 238; II, 1054)—всѣ выражаютъ удовольствіе или желавіе. Но г. Реньо, разъ сообщивши вами первоначальный смыслъ слова, въ другихъ иѣстахъ считаѣтъ его уже доказаннымъ и напр. гимнъ XI переводить такъ: «будь дѣятельна, о богиня, и друїй на мъ уснѣхъ и яркій блескъ» (χαιρε, θέα δός δάμη τόχην εύδαιμο-

¹⁾ Griechische Mythologie. 4 aufl. I. B. Berlin. 1888. с. 122.

²⁾ Въ ту-же ошибку (производство Εείρης отъ वाग) впала и Преллеръ. Ор. с. 454, прим. 3.

нічні). Сравненія, которыми авторъ доказываетъ первоначальное тожество гомеровскихъ и ведийскихъ гимновъ, иногда просто забавны. Вотъ примѣръ:

Ст. 1. Клѣй, Өәә addCriterionтоіс razione Зиротоң ұңдар әйдисса

г. Реню сравниваетъ со слѣдующими мѣстами Ригъ-Веды:

I, 48, 10: «услыши нашъ призывъ» — I, 48, 1: «о богиня» — I, 113, 11: «увидѣли смертные сверкающую зарю» — I, 92, 4: «заря, предсказывающая свѣтъ всякому существу».

Ст. 2. 'Нѡс λαμπροράђс, ἐρυθαινομένη κατὰ κόσμον.

Rg. V. VI, 64, 2: «заря блестящая... сверкнула». — IV, 52, 2: «яркокрасная заря» (вѣдѣ cітагаю по смыслу одно слово, которое, мнѣ кажется, нельзя переводить черезъ brilliant, го и ге).

Все сравненіе идетъ такимъ образомъ, хотя при помощи подобной мозаики можно доказать все, что угодно. Эта примѣръ взять ишо не какъ единичный примѣръ: это вообще типъ сравненія, по самому существу дѣла довольно сомнительнаго.

Наконецъ къ числу практическихъ недостатковъ теоріи принадлежитъ, какъ я сказалъ выше, неограниченное увлеченіе своей теоріей, увлеченіе, приводящее автора просто на просто къ фантазіямъ. Какъ известно, натуралистическая школа въ мифологии подъ водосами Зевса, которыми онъ потрясаетъ Олимпъ, подразумѣваетъ молнію. Г. Реню понимаетъ иначе (р. 57): амброзія, напитавшая волосы Зевса, это возліяніе, которое приводить въ движение пламя. Въ связь съ голосомъ элементовъ жертвоприношения авторъ ставить пѣнѣ Амфіона, Орфея и др. и прибавляется (р. 133): «Стѣны Оивъ и Трои выстроены изъ пламени, о чѣмъ тѣкъ часто упоминается въ Ригъ-Ведѣ: олицетворенія жертвеннаго огня съ шумомъ создаются эти стѣны».

Я перехожу теперь къ теоретической части своихъ возраженій. Прежде всего, мнѣ кажется, автору не пришло въ голову чрезвычайно важный вопросъ о хронологіи Ведийскихъ гимновъ, хронологіи, до сихъ поръ, если я не ошибаюсь, совершенно неустановленной. Между тѣмъ всѣ разсужденія г. Реню только тогда получаются доказательную силу, только тогда становятся логически обязательными, а не остаются просто дѣломъ вѣры, — если онъ нась убѣдить въ томъ, что тѣ гимны, которые подтверждаютъ его теорію, древнѣе другихъ. Молитва не входить въ кругъ древнѣйшей религіи, потому что не кому и не для чего было молиться. Между тѣмъ этому предположенію автора противорѣчать всѣ тѣ гимны къ Брихаспатису, къ зарѣ, наконецъ къ оружію, которые заключаютъ несомнѣнную молитву и вѣсты съ тѣмъ никакъ уже не могутъ быть примѣнены къ культу огня. Да и тѣ божества, которыхъ мы могли бы, скрѣпя сердце, отнести къ этому культу, представляютъ известныя черты, трудно согласимыя съ нимъ. Пусть г. Реню докажетъ намъ, что тѣ гимны, которые имъ разобраны, дѣйствительно, самые древніе, иначе — рядомъ съ тѣми возваніями къ богамъ, которымъ подходить къ его идеѣ, мы можемъ поставить другія возванія къ тѣмъ-же богамъ, возванія, совсѣмъ не подходящія къ ней.

Во вторыхъ, мнѣ кажется, что самъ г. Реню колеблется въ своемъ пониманіи Ведийскихъ гимновъ. Какъ-то мало согласуются другъ съ другомъ слѣдующія мѣста. Такъ, на стр. 48 онъ говорить: «гимны, по существу, исполнены реализма, авторы ихъ говорятъ только о вещахъ, которыхъ передъ ихъ глазами». Съ этимъ нельзя не согласиться, да это и не ново: уже Тито Виньоли¹), а, можетъ быть, кто-нибудь и до него замѣтилъ, что Агні въ Ведахъ олицетворяется не какъ человѣкъ вообще, но что въ олицетвореніе его входить представления о дымѣ, алтарѣ и т. д. Такимъ образомъ, и по г. Реню, гимны изображаютъ то, что есть на самомъ дѣлѣ, и ихъ реализмъ, если эту мысль довести до конца, какъ-то противорѣчить богатому развитию Ведийской символики, которой придастъ такое значение авторъ. На стр. 169 онъ говоритъ: «когда тонкости стиля древнихъ гимнографовъ болѣе уже не понимались и когда

¹) *Mythus und Wissenschaft*. Leipzig. 1880, стр. 71—72.

перестали сознавать, что въ обращеніи къ Индрѣ: «устѣй намъ то, что имѣть коровъ» имѣлось въ виду просто привлечь зажженное возлівіе, олицетворенное согласно обстоятельствамъ, къ содѣйствію дѣлу жертвоприношенія; когда забыли, что коровы, о которыхъ просили такимъ образомъ, были только символическими коровами» etc. Такимъ образомъ мы и здѣсь уже встрѣчаемся и съ олицетвореніями и со всѣмъ багажемъ любой миѳологической школы; реализма, который не выходилъ бы изъ рамокъ дѣйствительности, тутъ уже нѣть. Мнѣ кажется, что г. Реньо какъ-то колеблется: тогъ умственный уровень народа, при которомъ сложились рассматриваемые нынѣ гимны, онъ представляетъ себѣ то черезъ-чур простымъ, то, наоборотъ, черезъ-чур сложнымъ и высокимъ.

Въ третьихъ, какъ-то непонятно, почему въ сущности одни и тѣ же миѳологическая представенія развились у Грековъ и Индійцевъ. Это было бы ясно, если бы здѣсь мы имѣли дѣло съ творчествомъ народныхъ массъ, уравненныхъ и здѣсь и тамъ. Но вѣдь на развитіе миѳологии повлияла чисто индивидуальная жреческая экзегеза. Если бы даже тѣ 8 формулъ смышенія символовъ, которые были выставлены раньше, были логически обязательны для всякаго экзегета, то все-таки на волю его индивидуальности оставалось бы выбрать тотъ или другой материалъ для образованія миѳовъ. Но этого разнообразія нѣть, и отсутствіе его словно подтверждаетъ чувство како-то фальшиности мнѣнія, будто богословское догматическое изученіе можетъ создать народную религию. Наконецъ, въ теоріи г. Реньо мы не можемъ избѣгнуть нѣсколькихъ закодованныхъ круговъ: такъ, по его мнѣнію, миѳология не могла развиться изъ антропоморфізациіи небесныхъ явлений (р. 89—90), а между тѣмъ вся экзегеза, которой придается такое значеніе, основана на антропоморфізмѣ, совершенно одинаковою у Грековъ и Римлянъ. Какъ понимать иначе слѣдующія слова г. Реньо (р. 121): «μάυτις былъ первоначально священный огонь, рассматриваемый, какъ мыслитель, потому что онъ являлся шипящимъ или говорящимъ и потому что слово предполагаетъ существование мысли. Боги, коллек-тивное олицетвореніе священного огня, суть мыслители» и т. д. Далѣе, если символъ необходимое условіе религіознаго выраженія уже въ первую эпоху религіи, то что можетъ настъ заставить думать, что и огонь и жертвоприношеніе были уже ни болѣе, ни менѣе, какъ символами бога и что всѣ моленія обращались, на самомъ дѣлѣ, не къ огню, а къ богу; а тогда мы избавимся отъ необходимости считать аллегоріей то, что такъ похоже на правду, т. е. простѣйшія молитвы о счастіи, избавленіи отъ враговъ и др. (ср. напр. Rg. V. II, 23). Вообще способъ доказательства у г. Реньо часто очень догматиченъ: «это очевидно» (р. 7), «il a tout simplement mis» (р. 7), «les conditions les plus favorables» (р. 33) etc.

Въ концѣ концѣвъ невольно приходитъ въ голову вопросъ, почему такъ неудачны почти всѣ дѣлавшіяся попытки миѳологической систематизаціи. Правда, во всѣхъ изъ нихъ есть много остроумныхъ сопоставлений, глубокихъ замѣчаній, наконецъ—такихъ данныхъ, которыхъ (особенно, у Макса Мюллера и Тито Виньоли) будуть всегда привлекать къ себѣ вниманіе,—однако цѣльного, не поражающаго своею догматичностью до слуха порѣ вѣть. Можетъ быть, это происходитъ въ значительной степени отъ того, что миѳологическое творчество народа вырываются изъ всей его остальной жизни и разматриваются такъ, будто вародъ миѳологизируетъ, но въ тоже время не живеть духовно и иначе. Такъ, напр., не задумываясь о возможности сновидѣній вообще, сновидѣній именно желаемаго рода, некоторые миѳологи (Свейсоръ и многіе другие) предполагаютъ влияніе сновидѣній на развитіе религіозныхъ представеній. Между тѣмъ, если сновидѣніе въ значительной степени сродно съ гипнотическимъ самовнушеніемъ, то возможность того или другаго вида сновъ зависить отъ того, какаго рода представенія можетъ дать это самовнушеніе¹⁾. Ученіе о другомъ тѣлѣ кровь дѣйствуетъ во время сна элементарнаго тѣла, развилось можетъ быть уже въ оккультумѣ (см. Kiesewetter Se-

¹⁾ О немъ см. Гихяровъ. Гипнотизмъ по ученію Шарко и психологическо школы. Кіевъ 1894, 177—178; ср. также стр. 209 (примѣръ 2-ой).

schiehtedes neueren Occultismus. Leipzig 1891, 83). Но, может быть, тут есть и более крупный недостатокъ метода. Если мы хотимъ изучить психику какого-нибудь поэта, мы должны изучить въ самыхъ тонкихъ подробностяхъ не только его сочиненія, но и мельчайшія детали его біографіи; мы должны изучить въ отдѣльности и сравнительно всѣ явявшиеся ему образы, шагъ за шагомъ прослѣдить весь процессъ его роста. Но, изучая индивидуального поэта, мы находимся еще въ благопріятныхъ обстоятельствахъ, потому что логика отдѣльного лица понятна. Положить, мы приступаемъ къ такому-же изученію народного творчества. Здѣсь условія уже совсѣмъ иные. Каждое явленіе этого творчества мы должны разложить на составные логіческія его части, мы должны, по возможности, прослѣдить ассоціацію ідей и, может быть, мы натолкнемся на случай, гдѣ—въ какой-нибудь глубокой древности—эта ассоціація окажется непознаваемой, потому что ея законы иные, чѣмъ у насъ. Историческая этиографія должна отдать себѣ отчетъ, какого человѣка она можетъ изучать, какія свойства духа лежать еще за предѣлами нашего пониманія, т. е. съ какого момента человѣкъ входитъ въ предѣлы нашего изученія. Кроме того, мы должны не восходить снизу вверхъ, но спускаться сверху внизъ, потому что наверху, у нашихъ современниковъ, намъ и наиболѣе понятны логіческие законы массового творчества, и наиболѣе доступно прослѣдить происхожденіе того или другого вѣрованія, иногда очень глубоко застѣвшаго. Такъ, литовское вѣрованіе въ происхожденіе какъ изъ пѣтушиаго яйца, вѣрованіе, съ которымъ весьма схожи белорусскія и латышскія суетвія, объясняется изъ литературнаго источника, именно изъ разсказовъ фізіолога о рождениіи базиліска¹⁾). Такъ, распространенное русское и сербское гаданіе о суженіи передъ зеркаломъ за столомъ съ двумя приборами проникло изъ ритуала высшей магіи, гдѣ подобныя же средства примѣняются для вызова умершихъ близкихъ лицъ²⁾). Но кроме того мы только среди современныхъ намъ людей можемъ изучать возникшее сложнѣе различныхъ познавательныхъ элементовъ у одного и того-же лица. Мы не должны забывать, что человѣкъ все въ одно время и познаетъ и чувствуетъ: если въ данномъ случаѣ онъ разносторонний наблюдатель, то въ другомъ онъ ревностный защитникъ по чувству. Лерминъ³⁾ посвящаетъ длинный панегірикъ научнымъ заслугамъ Вильяма Крукса, но онъ не можетъ, во всякомъ случаѣ, убѣдить насъ, что въ области сверхъ-чувственного человѣкъ главнымъ образомъ чувствуетъ, какъ чувствуемъ мы всюду, гдѣ настъ не контролируетъ непрерывно осязанное и видимое. Тогда и въ области научного обобщенія, какъ только мы переходимъ за предѣлы видимаго, мы встрѣчаемся съ процессомъ, весьма близкимъ къ иноэлодізациі. Разобравши теорію «зародышевой плазмы» Вейсмана, Д. Роменъ⁴⁾ заключаетъ: «и тогда мы можемъ имѣть дѣло съ гемулами, физиологическими единицами, «корнями», мицеллами, пангенами, пластидами и другими гипотетическими «носителями наследственности», съ которыми мы можемъ обращаться какъ намъ угодно..». Для окультистовъ наследственность объясняется иначе, а именно при помощи астрального свѣта (la lumi re astrale)⁵⁾.

Разлагая духовное творчество на процессы аналогіи, символізациі и т. п. и изучая историческое развитіе каждого процесса въ отдѣльности и ихъ различные сочетанія, уничтожая то одинъ, то другой процессъ и рассматривая, какія группы получаются безъ него,—только изучая человѣка какъ существо чувствующее, логически думающее и физическое—мы придемъ къ точному знанію.

A. Погодинъ.

¹⁾ О немъ см. Carl Meyer. Der Aborglaube des Mittelalters und der n chstfolgenden Jahrhunderte. Basel. 1884. стр. 73. Рассказъ о рождениіи базиліска быть перенесенъ и въ Византию на другое существо (πατεινάρια). См. Lauchert. Geschichte des Physiologus. Strassburg. 1889. а. 101—102.

²⁾ Eliphas L vi. Dogme et rituel de la Haute Magic. II. Paris 1856, p. 139—142.

³⁾ Jules Lermine. Magie pratique. Paris. p. 19—23.

⁴⁾ Д. Роменъ. Наслѣдственность. Спб. 1894, стр. 76.

⁵⁾ Eliphas Levi. Op. с. I, 113.

Richard Garbe. Die Samkhya-Philosophie. Eine Darstellung des indischen Rationalismus. Leipzig. 1894. VIII + 347. 12 мар.

Сочинение Гарбе посвящено изследованію одной изъ древнейшихъ индійскихъ философскихъ системъ. Система Самкхья (=числь) тѣмъ болѣе интересна, что съ одной стороны она оказала значительное влияніе на принципы буддизма, съ другой уже въ VI вѣкѣ появилась косвенный путь на философію Пиенагора. Г. Гарбе даетъ подробный обзоръ источниковъ для изученія философіи Самкхья и изложеніе ея принциповъ.

Hermann Oldenberg. Die Religion des Veda. Berlin. 1894. IX + 620. 11 мар.

Авторъ извѣстной книги о Буддѣ настоящее свое сочиненіе посвящаетъ религіи Ведъ, рассматривая миѳологію только постольку, поскольку это необходимо для выясненія религіозныхъ началъ. Всѣдѣ за обзоромъ источниковъ (1—38 стр.), г. Ольденбергъ сообщаетъ о «ведийскихъ богахъ и демонахъ вообще» (39—102 стр.), объ «отдельныхъ богахъ и демонахъ» (102—302 стр.), о «культѣ» (302—523 стр.) и «ученіе о душѣ и культѣ умершихъ» (524—597 стр.). Къ книгѣ приложены экскурсъ о «солнѣ и лунѣ» (599—612 стр.) и указатель (613—620 стр.).

Carl Kiesewetter. Die Geheimwissenschaften. Zweiter Theil der Geschichte des neueren Occultismus. Leipzig. 1895. XXVII + 749. 16 мар.

Первая часть этой книги (Leipzig. 1893) была посвящена «системамъ и систематикамъ» оккультизма. Она начиналась съ изложенія ученія Агриппы и кончалась на Дю-Прѣ. Вышедшая недавно вторая часть заключаетъ въ себѣ подробную и полную исторію оккультной практики и распадается на слѣдующіе отдѣлы: «алхимию» (1—240 стр.), астрологію (243—427 стр.), «волшебство (Hexenwesen) въ его исторіи и явленіяхъ» (431—698 стр.), «блѣющую магію, теургію и некромантію» (701—737 стр.) и «сравненіе спиритистическихъ явленій съ оккультными» (737—749 стр.). Этому же автору принадлежать слѣдующія важнѣйшія работы: «Faust in der Geschichte und Tradition» (1893 г.), где доказываются медіумическія свойства Фауста и дается обстоятельное изложеніе средневѣковыхъ волшебныхъ книгъ (Zauberbücher); «John Dee. Ein spiritist des 16 Jahrhunderts» (Leipzig. 1893, 77 стр.), «Franz Anton Mesmer's Leben und Lehre» (Leipzig. 1893, 180 стр.) и др.

Albert Coste. Les phénomènes psychiques occultes. Etat actuel de la question. Paris. 1895, 2 изд., 226. 3 фр. 75 сант.

Въ дополненіе къ вышедшей недавно у насъ книгѣ г. Гилярова о гипнотизмѣ, это сочиненіе могло быть полезно для всѣхъ, желающихъ познакомиться съ современнымъ положеніемъ оккультныхъ явленій. Не смотря на свои недостатки (чрезмѣрное легковѣріе, малокритическое отношеніе къ системамъ и т. п.), эта книга пользуется совершенно заслуженнымъ успѣхомъ. Ея изданіе въ Парижѣ уже распродано, такъ что за требованіями на него нужно обращаться въ Монпелье.

Carl du Prel. Die Entdeckung der Seele durch die Geheimwissenschaften. Leipzig. 1895. Zweiter Band 202 стр. 5 мар.

Рядомъ съ легкомысленнымъ увлеченіемъ чудесами спиритизма, въ нашемъ обществѣ появляются болѣе серьезные стремленія познакомиться съ наиболѣе видными

представителями мистики въ Европѣ. Недавно вышелъ русскій переводъ книги Дю-Преля: «Философія Мистики» (переводъ М. С. Алексенова. Спб. 1895. Съ предисловіемъ автора къ русскому переводу. XIV + 612 стр. 3 р. 50 к.). Настоящій томъ сочиненія Дю-Преля посвященъ дальновиднію и дѣйствію на разстояніе.

Carl Niebuhr. Geschichte des Ebräischen Zeitalters. I Band. Leipzig. 1894. X + 378. 10 мар.

Этотъ томъ оканчивается на Іосифѣ Навинѣ. Авторъ желалъ искрепать всѣ свѣдѣнія, разработанныя гебраистикой и доставленныя ассириологіей и египтологіей. Точка зреінія его совершенно иная. Къ библейскимъ сагамъ онъ относится иначе, чѣмъ Нетелеръ (Stellung der alttestamentlichen Zeitsrechnung in der altorientalischen Geschichte. München. 1893—1894. 6 выпусковъ), который видѣть въ нихъ достовѣрную исторію.

Aladin Schultz. Allgemeine Kunstgeschichte.

Изъ этого огромнаго сочиненія (4 тома въ 30 выпускахъ; по 2 марки за выпускъ) до сихъ пору появились только 2 выпуска 3-го тома, посвященный искусству возрожденія. Сочиненіе снабжено прекрасными фототипіями и многими рисунками

Whitley Stokes und Adalbert Bezzemberger. Wortschatz der Keltischen Spracheinheit. Göttingen. 1894. 337 стр. 9 мар.

При той роли, которую кельты играли, вѣроятно, въ восточной Европѣ, указанная книга имѣть важное значеніе для слависта и германиста. Многія слова, вѣроятно, были заимствованы славянами и литоццами прямо у кельтовъ; дрѣгія слова чрезвычайно интересны въ культурномъ отношеніи (напр. стр. 248—249 *litaviā*—*Küstenland* рядомъ съ *Lētuād*). *ж*

Thalheim. Lehrbuch der griechischen Alterthümer. Rechtsalterthümor. Freiburg und Leipzig. 1895. стр. 183 + VIII.

Книга посвящена «правовымъ отношеніямъ домашней и общественной жизни» и снабжена нѣсколькими указателями. Источники приводятся, по большей части, цѣликомъ, что придаетъ книгу особенное значеніе.

Albert Post. Grundriss der ethnologischen Jurisprudenz. Erster Band. Allgemeiner Theil. Oldenburg und Leipzig. 1894. 473 стр.

Этотъ томъ посвященъ, по преимуществу, соціальной организаціи народовъ. Книга снабжена многочисленными библиографическими примѣчаніями.

Latvju dainas. Kr. Barona un H. Wissendorfa izdots. Ielgowa. 1894. 3 вып.

Первые три выпуска этого образцового изданія, которымъ, по справедливости, можетъ гордиться латышская этнографія, посвящены пѣснямъ о пѣніи и обрядовымъ пѣснямъ и обычаямъ, изъ которыхъ пока еще обнародованы только пѣсни, связанныя съ рождениемъ и крестинами ребенка. Изданіе разсчитано приблизительно на 20 выпусковъ и содержитъ въ себѣ до 160,000 вариантовъ, расположенныхъ по новой

системѣ. Въ первомъ выпускѣ помѣщена статья г. Барона о латышскихъ пѣсняхъ и сбираніи ихъ.

Latweejchu lautas teikasun prisakas. V. dala. Auscha Lercha-Puschkaischa kahrtas un H. Wissendorffa isdotas. Ielgawa. 1894.

Вышедшій недавно 5 выпускъ прекраснаго изданія латышскихъ народныхъ сказокъ заключаетъ въ себѣ чрезвычайно богатый матеріалъ, собранный первоначально г. Бриземеніакомъ (г. Трѣйландомъ) и изданный гг. Виссендорфомъ и Лерхисъ-Пушкайшомъ. На 416 страницахъ этотъ сборникъ содержитъ 219 номеровъ сказокъ, которыхъ раздѣляются на сказки мифологическаго содержанія (№ 1—46, но № 2 посвященъ описанію обрядовъ), чрезвычайно цѣнныя сказки о звѣряхъ (№ 46—84), романтическія сказки (№ 85—169) и мѣстныя легенды (№ 170—219). Такимъ образомъ можно сказать, что латышскій народъ обладаетъ чрезвычайно богатыми сборниками сказокъ (5 выпусковъ этого изданія и многочисленные рижскіе и митавскіе сборники, изданные комиссіями), пѣсень (сборники Биленштейна, Арина Матиса, комиссій, Latwju dainas etc), пословицъ, поговорокъ и загадокъ. Менѣе всего разработанъ отдѣль о народныхъ играхъ, потому что изданные до сихъ поръ «игральники» (Rotalnѣki) преслѣдуютъ, по преимуществу, практическую пользу. Недостатокъ свѣдѣній о латышской народной медицинѣ въ недавнее время восполненъ книгой г. Алексинса, отчетъ о которой данъ въ Журн. Мин. Нар. Иросв. 1895. № 4. При этомъ надо замѣтить, что эти сборники быстро расходятся въ народныхъ массахъ и продаются въ приходскихъ магазинахъ. Съ другой стороны, имѣются и издатели, берущіе на себя предпріятія малъ-выгодныя въ денежнѣмъ отношеніи. Все это дѣлаетъ большую часть латышской интеллигенціи.

Timoѳeй Флоринскій. Лекціи по славянскому языкоznанию. Часть I. Введение. Юго-Западные славянские языки. Кіевъ. 1895. 526 стр. 3 р.

Лекціи г. Т. Флоринскаго представляютъ обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей трехъ юнославянскихъ языковъ и ихъ діалектовъ съ историческимъ освѣщеніемъ развитія тѣхъ и другихъ. Обзорамъ предшествуютъ обширныя библіографическія указанія. Представляя прекрасное руководство для лицъ, желающихъ изучить въ достаточной подробности славянскіе языки, эти лекціи оставляютъ однако много желать со стороны звукофизиологического обоснованія данныхъ (напр. болгарскія *ф*, *а*, *в* могли-быть разсмотрѣны именно съ этой стороны; точно также средство звуковъ *к* мягкаго и *г* мягкаго и т. д.). Можно пожалѣть также, что къ книгѣ не приложено никакой карты языковъ и діалектовъ. При малодоступности картъ славянскаго населенія, это почти необходимо въ такомъ руководствѣ, какъ лекціи г. Флоринскаго. ¹⁾)

Adolf Noreen. Abriss der urgermanischen Lautlehre. Strassburg. 1894. 278 стр. «Vorgeschichte der altgermanischen Dialecte», которую написалъ Клюге для «Grundriss'a» Пауля, слишкомъ обширна и подробна для неспециалиста и начинающаго. Поэтому переводъ указанной книги, написанной сначала на шведскомъ языкѣ, чрезвычайно желателенъ. Лекціи Норена предназначены именно для начинающихъ.

Rudolf Kleinpaul. Das Mittelalter. Bild aus dem Leben und Treiben aller Stände in Europa. Leipzig. I Band. 1894. 412 стр.

Первый томъ этого прекраснаго изданія, снабженного многочисленными рисунками и снимками, посвящено средневѣковымъ сословіямъ и состояніямъ, правамъ и обыденной жизни знати, горожанъ и крестьянъ.

¹⁾ Объ этомъ почтенномъ трудѣ проф. Т. Д. Флоринскаго будетъ въ Жив. Ст. осо-
бая статья. Ред.

Paul Rieger. Versuch einer Technologie und Terminologie des Handwerke in der Misnäh. Mit zwei Taielu. Berlin. 48 стр. I Theil. Spinnen. Färben. Wehen Walken.

Сочинение интересное для изучения ремесел въ раннее средневѣковье.

A. Погодинъ.

Мелочи по киргизской и сартской этнографии за 1894 г.

а) Этнографические очерки киргизъ первовскаго и казалинскаго уѣздовъ. Соч. Худабаев Кустанаева. Ташкентъ 1894 г.

б) Этнографические материалы. Сказки, басни, пословицы и примѣты туземнаго населения Сыръ-Дарьинской области. А. А. Диваева. Ташкентъ 1894 г.

в) Чародѣйство, гаданіе и лечение сартянокъ въ Самаркандѣ. Л. Симоновой. (Справочная книжка Самаркандской области на 1894 г.).

Упрекъ, сдѣланный нами однажды¹⁾ туркестанской интеллигентціи за ея равнодушіе къ изученію мѣстной жизни, намъ приходится теперь, къ сожалѣнію, не взять назадъ, а повторить. Существуетъ въ Ташкентѣ Турк. Отд. Общ. естеств., антр. и этнogr., но оно, находясь въ зависимости отъ ген.-губернатора, собирается въ послѣднее время не чаще раза въ годъ; заговорили въ началѣ прошлаго года обѣ открытіи въ Ташкентѣ отдѣла Имп. Русск. Географ. Общ., на подобіе Западно и Восточно-Сибирскаго отдѣла, но вотъ ужъ прошло достаточно времени, а предложеніе единичныхъ личностей ни къ чему не привело, должно быть потому, что не было поддержано большинствомъ; особый чиновникъ при главномъ начальнике края «по ученой части» ничѣмъ не заявляетъ о своей дѣятельности; остается надежда на мѣстную печать, но и тутъ затишье: число напечатанныхъ въ прошломъ году материаловъ по туземной этнографіи крайне не велико и значеніе ихъ, вслѣдствіе случайности, безсистемности собиранія, не особенно высоко; однако же спасибо и этимъ немногимъ труженикамъ за то, что они дали.

Остановимся на выписанныхъ выше работахъ.

«Этнографические очерки киргизъ пер. и каз. уѣздовъ» принадлежать воспитаннику IV класса Туркестанской учительской семинаріи киргизу Х. Кустанаеву—весьма отрадный фактъ, доказывающій, что дружный приимѣръ русскихъ изслѣдователей края нашелъ бы всегда хорошихъ подражателей въ туземцахъ; тѣмъ очевиднѣе необходимость образованія особаго Отд. Геогр. Общ. въ Туркестанѣ и, можетъ быть, здѣсь нужна иниціатива самого Имп. Геогр. Общ.: оно должно помочь разрѣшенію вопроса, начатаго еще въ 1870 году при К. П. Кауфманѣ. Такое общеніе туземцевъ и русскихъ, болѣе знакомыть съ научными приемами работы, будетъ для туземцевъ весьма полезно: оно придастъ болѣе цѣнности пока малокритическимъ сужденіямъ и не вполнѣ удовлетворительнымъ собираніямъ материала туземцевъ-любителей.

Не смотря на отсутствіе научной подготовки автора, «Очерки» его даютъ иѣкоторыя новыя подробности быта киргизъ; такъ см. зимнія развлечения киргизъ, свадебные обряды, лечение. Мы не нашли въ этой небольшой брошуркѣ указаний на вліяніе русскихъ обычаевъ, переходъ къ осѣдлости, особенно замѣтный въ предѣлахъ перв. и казал. уѣздовъ, ремесла, киргизскій народный судъ и многія другія стороны жизни киргизъ, тѣмъ болѣе важныя, что съ течениемъ времени имъ суждено измѣниться.

Абубекръ Ахмеджановичъ Диваевъ, переводчикъ восточныхъ языковъ при военномъ

¹⁾ При разборѣ сартскихъ сказокъ, собр. Н. П. Остроумовыи. Ж. С. 1893 г., в. II.

губернаторъ Сырь-Даринской области, владѣть богатымъ этнографическимъ материаломъ, какъ мы сами лично убѣдились въ послѣднюю поездку въ Ташкентъ, но отчасти служба, отчасти то обстоятельство, что этотъ материалъ записанъ по киргизски, мѣшаютъ скорѣйшему изданію этого сокровища: въ печать попадаютъ лишь искочки. Въ «Сборникѣ материаловъ для статистики Сырь-Даринской области» за 1891, 1892, 1893 года помѣщено имъ 22 киргизскихъ сказки, записанныхъ преимущественно около Чимкента, какъ мы узнали (объ этомъ г. Диваевъ въ собраніи сказокъ ничего не говорить), отъ киргиза уже пожилаго, поэта, остроумнаго импровизатора. Дѣлать какія инбуль заключенія относительно этихъ сказокъ, въ виду скучности напечатаннаго материала въ сравненіи съ тѣмъ, что уже собрано г. Диваевымъ и что еще ждетъ собирателей, нельзя: обратить вниманіе на одну особенность киргизскихъ сказокъ въ сравненіи съ сартскими: преобладаніе разговора надъ описаніемъ, преираніе загадками, остроумные ответы;ѣвроятно эта черта стоять въ связи съ характеромъ киргиза, всегда подвижнаго, любителя повеселиться, побалагурить. Число напечатанныхъ въ «Сборникѣ» басенъ, пословицъ и пріемѣтъ очень незначительно; когда ихъ будетъ напечатано больше, можно будетъ сдѣлать любопытныя сравненія съ подобной литературой другихъ народовъ. Пока же пожелаемъ г. Диваеву какъ можно скорѣе издать свои материалы и набрать еще больше нового въ знакомой и родной ему странѣ. Своимъ материаломъ г. Диваевъ дѣлится иногда и съ газетами. Такъ въ № 18 газеты «Октябрь» за 1894 г. напечатана его замѣтка о чудесной птицѣ «Итъ-Ала-Казъ», изъ яицъ которой, по твердому народному повѣрю, выводится собака Кумай (гончая туркменской породы); въ № 20 той же газеты напечатано имъ о баксахъ» («лекарь, колдунъ»), безъ котораго до сихъ поръ не обходится дѣло ни у постели больныхъ, ни ва свадебномъ ширу. О баксахъ мы кое-что находимъ въ старой статьѣ Рус. Вѣст. 1878 г., № 9, стр. 56, у Кустанаева 41 стр. и сл. Диваевъ, не входя въ подробности, приводить одніи призывы духовъ. Изступленный баксъ взыскиваетъ къ Создателю создающихъ, Мухаммеду, Сулейману, Арыставъ-бабу, величайшему изъ 40 тысячъ святыхъ Туркестана, къ прочимъ святымъ востока и запада, пустыни, степей, озеръ съ просьбою о помощи и поддержкѣ; затѣмъ онъ обращается къ главному духу Чара-басу (огромная голова), дневному демону, водяному демону, владѣльцу дня, обладателю ущелей, степей, блеска... Оканчивается призывъ заявленіемъ, что «наконецъ то явился и ржавій жеребенокъ, за него послѣдовали и прочіе духи, всѣ верхами на жеребатахъ». Въ № 7 «Туркестанскихъ вѣдомостей» Диваевъ помѣстилъ «волшебный заговоръ противъ укуса ядовитыхъ настѣкомъ и пресмыкающихся». Заговориваніемъ, нашептываніемъ волшебныхъ прічитаній для вызова изъ норъ змѣй, фалангъ, скорпионовъ и кара-куровъ у киргиз занимаются особые специалисты-арбаучи. Это волшебство заключается въ обращеніи сперва къ пророкамъ Сулейману, Дауду, Ана-діяру, Аша-діяру за помощью, затѣмъ въ приказаніяхъ тому или другому настѣкомъ выйти изъ норы, похвалахъ вызываемому, угрозахъ, наконецъ безмысленныхъ заклинаніяхъ въ родѣ «арысны, курсыны, муртыны, чуртыны, кырганы, кириткани, чуя, чуя, чига, бара, бара, дава, дава» и т. п.

Всѣ подобныя продѣлки баксовъ, нашептыванія арбаучей, разныя пріемѣты и сувѣтія не должны насть удивлять, если мы вспомнимъ, въ какомъ жалкотъ состояніи находится народное образованіе у туземцевъ мусульманъ: главнѣйший источникъ знанія, коранъ медицинѣ вѣдь не научить. Мы говорили до сихъ поръ о киргизахъ, то же явленіе находимъ и у сартовъ.

Въ отдѣлѣ смѣси нового изданія «Справочная книжка Самаркандской области» помѣщена статья г-жи Л. Симоновой (Хохряковой) о чародѣйствѣ, гаданіи и леченіи сартонокъ въ Самаркандѣ. Авторъ лично посѣтилъ нѣсколькихъ самаркандскихъ ворожей, говорилъ съ ними черезъ посредство особы, знакомой съ сартскимъ языкомъ, даже гадалъ и лечился у нихъ, такт что его наблюденія цѣнны. Предъ нами чародѣйка Чаръ-чиракъ (самостоянно «чародѣйка, гадающая на четырехъ-вѣтвяхъ»), женщина 54 лѣтъ, таджичка, средняго роста, пропорционально сложенная, въ общемъ красивая и могла бы называться симпатичной, еслибы не лукаво-нахальная улыбка и острый бѣгающій взглядъ, одѣта, какъ

всѣ сартянки; ея сакля отличается отъ прочихъ построекъ подобнаго рода лишь осоbой завѣшеннѣй инишой, въ которой, по народной молвѣ, и обитаетъ таинственный духъ-пари. Гаданіе заключалось въ доносившихся откуда-то звукахъ (вѣроятно отъ поношниковъ чародѣйки) и разъясненій Чарь-Чиракъ, не выходившихъ изъ сферы общихъ мѣстъ; такие же общіе отвѣты давала чародѣйка на основаніи гаданія по книгѣ; о своемъ духѣ она рассказывала безъ малѣйшаго благоговѣнія и очевидныхъ выдумки; насколько сомнительна убѣжденностъ гадалки въ существованіи духа, видно изъ того, что за деньги она показала ишушу, на палкахъ которой кромѣ куска маты, жестаной коробки изъ-подъ монпаше, нѣсколькихъ глиняныхъ чашекъ ничего не было. Медицинскіе совѣты Чарь-Чиракъ были также не мудреные: они состояли въ рецептахъ, на которыхъ были начертаны какіе-то кабалистические знаки, эти рецепты нужно было или носить въ ладонкѣ, или глотать, или по частямъ сжигать.

Интереснѣе другая гадалка (фольбинъ) Нурбibi, симпатичная старушка лѣтъ 80-ти, научившаяся гадать и лечить отъ своей матери. Передъ гаданіемъ она тряхнула бубномъ, потомъ обратилась за благословеніемъ къ Богу и пророкамъ, за помощью къ добрымъ духамъ; ея слова учащились, удары въ бубенъ также. Нурбibi вдохновлялась. «Наконецъ, совсѣмъ вѣнѣ себя Нурбibi съ силою ударила въ бубенъ, какъ-то рванула имъ, мгновенно поставила щитомъ своего лица отъ насъ и закричала: Ёдуть, ёдуть... письма!.. новости!.. радости!.. Шумъ... Суeta»... Дальше впрочемъ предсказанія не пошли. Интересно представление Нурбibi о духѣ-пари. «Каждый человѣкъ имѣть своего пари. Онъ дается ему при самомъ появлѣніи его на свѣтѣ. Иногда неразлучно съ человѣкомъ бываетъ душа предка, родственника или родственницы, иногда же совсѣмъ чужой пари. Это не злой духъ и не исключительно добрый, онъ обладаетъ человѣческими свойствами, т. е. въ памъ сохраняются тѣ же черты характера, тѣ же наклонности, какими отличался обладатель души—человѣкъ во время земной жизни. Пари, приставленный къ человѣку, отчасти управляетъ имъ. Онъ внушаетъ ему мысли и поступки, иногда добрые, иногда печальные и дурные. Случается, что пари проникаетъ сквозь тѣло человѣка до самого сердца и сливается съ нимъ. Если пари доволенъ человѣкомъ, то онъ оберегаетъ человѣка отъ болѣзней и несчастій и даетъ ему веселое и спокойное направлѣніе мыслей. Если же не доволенъ, то насыщаетъ на человѣка страхъ, мрачное настроеніе духа, отчаяніе, болѣзни и всякия несчастія; въ крайнемъ случаѣ отнимаетъ близкихъ и любимыхъ людей. Чаще же всего пари выражаетъ свое неудовольствіе наведеніемъ страха»... Удовлетворить этого пари можно жертвой. Въ довершеніе, Нурбibi произвѣла оригинальное заклинаніе духа при помощи кувшина съ водой, иголокъ и мыла: главная суть состояла въ страшныхъ крикахъ на духа (кочь, кочь, кочь-прочь...) и бросаніи иголокъ, раньше вонзенныхъ въ мыло, въ кувшинъ съ водой: этой водой и мыломъ нужно было потомъ больному умываться. Третья гадалка Мухарамой еще бѣднѣе фантазіей и потому сосредоточиваетъ все вниманіе на обрядности, которой однако мы не будемъ здѣсь описывать. Только наивныя сартянки могутъ вѣрить въ чудесную силу своихъ ворожей и благоговѣть передъ ними, какъ передъ избранницами, бесѣдующими съ таинственнымъ міромъ духовъ; можетъ быть такія, какъ Нурбibi, и сами вѣрятъ въ свое призваніе, но большинство, подобно Чарь-Чиракъ или Мухарамой, вѣроятно смѣются въ душѣ надъ своими пациентками; обращаются къ ворожеямъ и мужчины, но всегда черезъ женщинъ. Къ услугамъ мужчинъ существуютъ особые знахари и лекари; желательно, чтобы кто нибудь далъ о нихъ такой очеркъ, какой дала г-жа Симонова о знахаркахъ.

Zur Geschichte russischer Hochzeitsbräuche von Gregor Krek.

Въ *Analecta Graeciensis*, сборнике, изданномъ по случаю 42 собрания нѣмецкихъ филологовъ и педагоговъ въ Вѣнѣ 1893 г., есть небезинтересная замѣтка (въ 10 страницъ) г. Крека къ исторіи русской свадьбы. Во 1-хъ, авторъ, на основаніи извѣстнаго лѣтописнаго преданія о брачныхъ обычаяхъ русскихъ славянъ, старается установить въ древнѣйшую уже эпоху различныя формы брака: похищеніе (у древлянъ), куплю (у радимичей, вятичей, сѣверянъ), договоръ (у полянъ). Существованіе послѣдней свободно-договорной формы брака, съ приданымъ со стороны невѣсты, автору приходится защищать противъ мнѣнія Соловьева о невозможности такого обычая среди племенъ, описываемыхъ Несторомъ. Какъ доказательствомъ, авторъ пользуется, между прочимъ, разборомъ этимологіи словъ «вѣно» и «невѣста»; наиболѣе вѣроятнымъ кажется ему принадлежность этихъ словъ періоду общеславянскому. Во 2-хъ, г. Крекъ сопоставляетъ современный извѣстія Г. Клемма о выборѣ невѣсты на сѣверѣ Россіи (дѣвушки съ приданымъ собираются въ извѣстное время на особомъ мѣстѣ какъ бы для смотрѣній) и Божены Нѣмцовой о подобномъ обычаяхъ среди угорскихъ русскихъ съ знаменитыми царскими выборами невѣсты въ Россіи XVI и XVII в. Въ результатѣ сравненія должна получиться мысль о независимости этого царскаго обычая отъ такого-же обычая при византійскомъ дворѣ.

А. Л.

Пѣсни Сѣверо-Восточной Россіи. Пѣсни, величанія и причеты. Записаны А. Васнецовымъ въ Вятской губ. М. 1894. Цѣна 1 р. 50 к.

Довольно значительный по объему сборникъ пѣсенъ Вятской губ. представляетъ нѣкоторый интересъ: въ немъ есть нѣкоторые любопытные варианты пѣсень, извѣстныхъ уже ранѣе въ печати, есть и новыя пѣсни («пѣсни на черемисскій ладъ», нѣкоторыя бытовыя, причеты). Собиратель въ небольшомъ предисловіи указываетъ на паденіе творчества народнаго и проводить параллель по содержанію и идеямъ пѣсень старыхъ и новаго пошиба. Показателемъ послѣдней служитъ уже лексическая сторона, форма стиха, приближающагося къ литературному, съ чередующейся риѳомъ. Содержаніе также характеризуетъ новую пѣсню. «Въ пѣсняхъ новаго пошиба сынъ осмѣливается сказать отцу: «я не пахарь, татька, твой; не рачитель домової», говорить онъ, покидая родителей. Въ другихъ пѣсняхъ воспѣвается любовь красной дѣвицы къ добруму молодцу, «ихъ тайное совѣканыцо», «ихъ свиданыцо» въ темную осеннюю ночь. Въ третьихъ слышится жалоба на измѣну милаго по котораго поется, что онъ «разбезсовѣстный мальчишка, шельма сталь». И безсовѣстность этого мальчишки доходитъ до того, что онъ рѣшается угѣштать покинутую, въ то же время надсмѣхаясь: «не плачь, дѣвка! Когда буду я вѣнчаться, тогда на свадьбу позову». — Всѣ пѣсни распределены на слѣдующіе отды: бытова (отдѣль самыи значительныи, въ который вошли пѣсни лирическія, характеризующія жизнь крестьянъ; сюда же вошли и пѣсни разбойническія), пѣсни на черемисскій ладъ (2 лѣн, нѣсколько юмористическаго характера), пѣсни хороводныя, которыя исполняются при весеннихъ хороводахъ съ Пасхи до страдной поры; затѣмъ слѣдуютъ пѣсни игровыя: святочныя (друженки), подблюдины, наконецъ обрядовыя: свадебная величальная, свадебные причеты. — Изданъ сборникъ съ вѣнчаній стороны очень изящно; но имѣетъ крупные недостатки.

При накопившемся въ значительномъ количествѣ матеріалѣ народнопѣсеннаго обихода необходимо новымъ собирателямъ и издателямъ съ одной стороны, быть строгими въ выборѣ и печатаніи, избѣгая помѣщать пѣсни, уже извѣстныя въ печати, съ другой стороны, отмѣтывать извѣстные нынѣ (хотя бы по сборникамъ наиболѣе важнымъ) варианты. Подобной строгости и библиографическихъ указаний въ разматриваемомъ сборнике нѣтъ. Сборникъ г. Васнецова, притомъ, записанъ безъ соблюденія мѣстнаго говора; за рѣдкими исключеніями, въ немъ выдержано обычное правописаніе, принаровленное къ «общелитературному произношенію». Мы не встрѣтили также указаній, гдѣ и когда за-

писаны отдельные пѣсни; въ некоторыхъ случаяхъ желательно было бы знать и отъ кого собиратель слышалъ ту или иную пѣсню (напр., № 92, на стр. 70: «Внизъ да по матушкѣ по Волгѣ»). Неизвѣстно даже, где вообще записаны собранныя г. Васищевымъ пѣсни. Заглавие «Пѣсни Сѣверо-Восточной Россіи» крайне неопределено; изъ предисловія же мы узнаемъ, что «предлагаемые памятники народного творчества зали-саны преимущественно въ Вятской губ.».

Арк. Л-нко.

Лѣтопись историко - филологического общества при Новороссійскомъ университеѣ. III. Одесса. 1894.

Настоящій выпускъ изданія Одесского филологического общества представляетъ значительный интересъ для этнографа. Въ немъ мы находимъ свѣдѣнія о сооруженіи и открытии памятника В. И. Григоровичу на могилѣ его въ Елисаветградѣ, вызванныя этимъ событиемъ статьи: А. А. Кочубинскаго («В. И. Григоровичъ въ истории славяно-вѣдѣнія»), Ф. И. Успенскаго («Памятникъ Григоровичу»), А. И. Кирпичникова («Григоровичъ и его значеніе въ истории русской науки»), А. К. Маркевича («Воспоминанія о Григоровичѣ, какъ о преподавателѣ»), В. Н. Ястребова («О значеніи памятника В. И. Григоровича для мѣстного общества»), В. И. Ламанскаго («Памятъ В. И. Григоровича», перепечатано изъ «Нов. врем.»), М. Попруженко («Памятъ Григоровича»—изъ «Новорос. Тел.»); далѣе слѣдуютъ некрологи почившихъ членовъ общества—Н. С. Тихонравова, написанный И. С. Некрасовымъ, и И. С. Ястребова, генерального консула въ Солуни,—составленный Н. Красносельцевымъ. Всѣ эти статьи, вмѣстѣ съ отчетомъ общества до 1890—1893 гг. составляютъ первый отдѣлъ книги.

Во второй отдѣлѣ—материаловъ—вояли: «Описаніе актовъ, принадлежащихъ гр. М. М. Толстому», А. И. Маркевича и обширные «Материалы по этнографіи Новороссійского края», В. Н. Ястребова. Акты гр. Толстаго относятся къ началу XVIII в. и касаются помѣстій его предковъ въ Московской и Слободской Українѣ. Краткое описание части этихъ документовъ было ранѣе напечатано» Маркевичемъ въ «Кievской Старинѣ» (1889 г., № 2, 3).—Сборникъ этнографическихъ материаловъ В. Н. Ястребова составлялся въ теченіи 10 лѣтъ изъ его собственныхъ записей и записей сотрудниковъ, сельскихъ жителей, въ двухъ сѣверныхъ (Елисаветградскомъ и Александрійскомъ) уѣздахъ Херсонской г. Руководствомъ служила программа, изданная къ Одесскому археологическому съѣзду. Мѣстность, въ которой собирались материалы составляла нѣкогда часть Запорожскихъ Вольностей, сдѣлалась потомъ главнымъ пунктомъ колонизаціи сербовъ (Новая Сербія) и другихъ народностей. Сербы исчезли въ настоящее время; совѣтская же жизнь другихъ народностей способствуетъ выработкѣ нового типа малорусской народности—новороссійского. Записи изданы тщательно, съ возможными соблюдениемъ діалектическихъ особенностей, съ указаніемъ на извѣстные ранѣе варианты. Содержаніе ихъ распадается на два главные отдѣла. Суевія и обряды, сказки и легенды. Оно можетъ послужить предметомъ для особой обширной статьи; мы же укажемъ только вкратцѣ главнѣшіе отдѣлы материаловъ. Представленія о вѣщемъ кірѣ характеризуются цѣлымъ рядомъ замѣчаній, рассказовъ о природѣ, землѣ, солнцѣ и т. д., о животныхъ, лѣченіи болѣзней животныхъ, народномъ календарѣ. Представленія о человѣкѣ характеризуются суевіями, связанными съ разными вѣшними его дѣйствіями, поступками, взглядомъ на народную медицину, вѣдѣмъ и другихъ враговъ человѣка, повѣрьями о бремениности, первыхъ дняхъ жизни ребенка, заговорами, наконецъ обрядами при свадьбѣ, похоронахъ, играми дѣтей и т. д. Не менѣе важны легенды объ отношеніяхъ Бога къ чорту, о посвѣщении Богомъ земли, о женскомъ господствѣ, о концѣ свѣта и т. д., бытовыя сказки, небылицы, прибаутки, рассказы о разныхъ народностяхъ (о жидахъ, цыганахъ, молдаванахъ, литовцахъ). Наконецъ, около 100 преданій о разныхъ мѣстностяхъ и мѣстныхъ объясненій топографическихъ ихъ названій.

Арк. Л-нко.

Свѣдѣнія о литовскихъ рукописяхъ.

(Продолженіе) ¹⁾.

Юцевичъ Людовикъ собиралъ литовскія сказки, затѣмъ переводилъ ихъ съ литовскаго на польскій языкъ, и такимъ образомъ составилъ сборникъ: «Zbiór klechd litewskich». Юцевичъ родился въ 1810 г., умеръ въ 1846 г. въ Лесслѣ. (Karlowicz. Lit. język, рукописи № 6).

Стихотвореніе на литовскомъ языкѣ въ честь Павла Пузыны, написанное крестьяниномъ Ковенской губерніи. Рукопись у г. Меч. Довойна-Сильвестровича.

Довконъ Симонъ. Pasakojimas aroj weikalus Lietuviu tautos senowie, kuri trumpai apraszia Simonas Daukantas rasztinikas pilozopijos magistras, metuse, 1850, 8°, 730 стр. Повѣствованіе о дѣяніяхъ литовскаго народа кратко написанное. Послѣ предисловія на 8-ой страницѣ написано: «Non est generosorum hominum res alienas quaerere et pati tuas per ignorantium amitti. Dionysius Halicarnasensis histor. Lib. V». Исторический разсказъ доведенъ до 1285 года и на послѣдней страницѣ написано: «Galas pirmosmes dales» — конецъ первой части. Надо полагать, что эта рукопись писана рукою Довконта, такъ какъ тамъ имѣются поправки этимъ-же почеркомъ. Рукопись у В. А. Петтера, уѣзданого врача въ Устюжнѣ, и свѣдѣнія объ этой рукописи сообщилъ Петтеръ. О другихъ рукописяхъ Довконта было уже сообщено въ обзорѣ трудовъ его, смотри Живая Старина кн. III 1893 стр. 408.

Ивинскій Лаврентій Августовичъ, учитель приходскихъ училищъ, много писалъ на литовскомъ языкѣ, многие изъ его трудовъ остались не напечатаны. 1) Słownik polsko-litewski «на буквы А. В. С. въ листъ и буква S. 8° составляеть толстый томъ. Рукопись у г. Петра Краучунаса. Другія буквы этого словаря у князя Огинскаго. Полагаютъ, что и грамматика литовскаго языка Ивинскаго тоже у князя Огинскаго. Свѣдѣнія, сообщилъ П. Краучунасъ.

2) Budas gydymo žmoniui ir giwoliu ligc. Способъ лѣченія болѣзней человѣка и животныхъ. Это сочиненіе окончено и къ печати приготовлено. Извлеченія изъ этой рукописи были печатаны въ календаряхъ Ивинскаго.

3) Milton's. Pragaiszintas rojus. Потерянный рай Мильтона. Трудъ совершенно приготовленный къ печати и съ цензурнымъ пропускомъ 1863 года.

4) Iung Stiling. Naktis. Ночи Юнга Штилинга. 3-я пѣснь «Sudna diena» страшный судъ, была напечатана въ литовскомъ календарѣ Ивинскаго въ 1862 г., стр. 48.

5) Kaip auginti arklians O коневодствѣ.

6) Apie žemetras, surašzas mineralogiszku daliku Žemaitijos. О ископаемыхъ, описание минеральныхъ предметовъ Жемайтіи.

7) Nekurie wardai botaniszki. Нѣкоторыя названія растеній. Рукописи Ивинскаго № 1—7 приобрѣтены Петромъ Краучунасомъ, бывшимъ учителемъ Маріампольской гимназіи.

8) Nomenkatura zoologiszka. Зоологический словарь.

9) Aprasymas gribu. Описаніе грибовъ, съ изображеніемъ грибовъ. Названія грибовъ на литовскомъ, латинскомъ и русскомъ языкахъ. Эта рукопись была выстав-

¹⁾ Начало см. вып. I стр. 98.

лена въ 1876 г. на сельско-хозяйственной выставкѣ въ г. Шавляхъ, но не известно гдѣ она теперь. Чертовикъ этой рукописи у г. М. Довоинио-Сильвестровича.

10) Naudingi pamokinimai dei žmoniū apsejimuoose su giwoleis. Полезныя наставления, какъ обходиться съ животными. Неизвестно гдѣ рукопись.

11) Patarles žemaicziu. Пословицы жемайтовъ. Эта рукопись удостоена серебряной медали Императорскаго Русскаго Геогр. Общ. См. отчетъ общества за 1871 г. стр. 138. Auszra 1883 стр. 82.

Нердихъ Карлъ Самуиловичъ, пасторъ въ Кейданахъ, умирая въ 1860 г., оставилъ много проповѣдей на литовскомъ языкѣ и грамматику литовскаго языка. Рукописи остались у его супруги въ Кейданахъ, которая затѣмъ вышла за другаго мужа. (Auszra 1883, стр. 215).

Чудло Йосифъ кс. Krótkie pomysły o prawidłach gramatycznych języka żmudzkiego, oraz uwagi nad mitologią litewską, 4 д. 88 стр. Эта рукопись приготовлена къ печати въ 1855 г. Г. Карловичъ видѣлъ эту рукопись у книгоиздателя Завадзкаго въ Вильнѣ, но безъ дополненія «Uwagi nad mitologią litewską». Кроме того Чудло оставилъ въ рукописахъ много оригинальныхъ и переводныхъ съ польского стихотвореній на литовскомъ языкѣ. (Karlowicz. O języku lit. № 5 рукоп.).

Юшкевичъ, бернардинецъ, написалъ литовскій словарь, но неизвестно гдѣ рукопись этого словаря. Объ этой рукописи говорить г. Микудкій въ своемъ отчетѣ Имп. Академіи Наукъ, 1855, II, стр. 9.

Акелевичъ Михаиль: 1) «Słownik litewsko-polski» 300 писаныхъ листовъ. Эта словарь былъ въ продажѣ у г. Зенкевича въ Вильнѣ. (Край 1893, № 13, стр. 12).

2) Słownik porównawczy z językami: słowiańskim, greckim, gockim, łacinskim i sanskrickim. Неизвестно гдѣ рукопись этого словаря.

3) Skaitimai szwentadieninej, kurūs surasze lankiszka kug. K. Antenewicze o j lietuviszka kalbā iszgulde. M. Akeleicze. Акелевичъ родился въ 1828 г. въ Сувалкской губерніи, умеръ въ 1887 г. въ Парижѣ. См. Вѣд. 1883. № 34, Тиг. Illustr. 1888, X, стр. 292, 294, Liet. Raštiniakai, Przewod. Bibliogr. 1887, № 11, стр. 222.

Нессельманъ Г. Ф., профессоръ Кенигсбергскаго университета. Litauscher sprach-schatz, vermehrt, berichtet und alphabetisch geordnet von G. H. Nesselmann, второе заглавіе: Wörterbuch der litauisches Sprache und alphabetisch geordnet etc. Эта красива написанная рукопись, состоять изъ 53 тетрадей по 4 листа г°, однако словарь неоконченъ, обрывается словомъ «u e p a s» на 860 стр. Объ этой рукописи смотри ст. «Probe aus Manuskript der neuen Bearbeitung des Nesselmannschen Wörterbuchs въ Mitt. L. L. G. I, p. 278—280).

Уганскій Андрей Онуфриевичъ профессоръ Импер. Казанскаго университета написалъ литовско-русскій словарь, заключающій въ себѣ до 100,000 литовскихъ словъ. Рукопись осталась у его наследниковъ. Уганскій умеръ въ 1870 г. въ Казани. Liet. Bads 1888.

Менштовичъ, кс. Литовско-латышско-русскій словарь. Рукопись въ библиотекѣ Имп. Русск. Геогр. Общ. см. Отчетъ Общества за 1874 г., стр. 81.

Kalbamokslis lietuviszkos kalbos 1878 ma. sausio 20 dën. Petesburgos. 4°, 77 стр. Грамматика литовскаго языка. Рукопись начинается предисловіемъ. «Граматика», изъ которой видно, что грамматика состоять изъ 4-хъ частей или разделовъ. I. Raszyba. Письмо или учение о буквахъ, о произношениі буквъ и ихъ сочетаніи. II. Žodžugei. Словообразование. III. Lankstimai. Слоенія и спряженія. IV. Sudarymas. Словосочиненіе. Однако грамматика не полна, обрывается спряженіями глаголовъ: следовательно четвертой части недостаетъ, какъ было сказано въ предисловіи. Изъ сего можно заключить, что это списокъ съ другой рукописи полной грамматики, и вѣроятно списанный воспитанниками Ковенской духовной Рим.-католич. семинарія съ рукописи профессора Кс. Явниса.

Linkmeniszkiu lietuviu paproczei, burtas, gidimo dalikai. Литовскихъ литовцевъ нравы, повѣрія, медицинскія средства и т. д. описаны кс. Гніжевскимъ, см. предварит. Отчетъ Э. А. Вольтера, стр. 9.

Statrašas lietuviškos kalbos. Правописаніе литовскаго языка. Въ сенидесятыхъ годахъ нѣсколько списковъ этой рукописи ходило по рукамъ.

Кузнецъ болтунь. Kalvis melagis, raszytas laikrasztis tarp studentu Petro-pileje 1877—1878 г. Писанный журналъ студентами С.-Петербургскаго университета въ 1877—78 г. На первой страницѣ съ изображеніемъ кузнца. (Auszra. 1883, стр. 289).

О домашнихъ и дикихъ овцахъ. Ape namines ir laukines avis išnevsta iš maskoliškos kalbos. Переводъ съ русскаго на литовскій языкъ. Рукопись изъ 22 листовъ.

Ape naudiugus ir bledingus givius kaimiškoi ukei i lietuvišką kolbą išverte S. B. О полезныхъ и вредныхъ животныхъ для сельского хозяйства Глогера на литовскій языкъ перевель С. Б. Рукопись у князя Огинскаго. Эта рукопись была на сельскохозяйственной выставкѣ въ Ратовѣ Ковенской губ. въ 1881 году, си. Wiekr, 1881, № 236.

Пчела, ея жизнь и главныя правила пчеловодства Бутлерова. Bitis, jos givatas ir pamokslas bitukistes i lietuvišką kolbą išverte. S. B.

Малиновскій Францъ Ксаверій. Написалъ грамматику литовскаго языка на польскомъ языкѣ. «Grammatyka języka litewskiego opracowana podług Schleichera i painówzych zródeł» и «Słownik języka litewskiego». Рукопись въ Библиотекѣ Общества друзей наукъ въ Познани. (Bibl. Warsz. 1881, I, p. 483—488. Kalend. Warsz. Ilustr. 1881, стр. 22).

Градецкій А. И. Литовскія пѣсни, записанныя въ Мариампольскомъ уѣздѣ Сувалкской губерніи. Рукопись въ библиотекѣ Имп. Русск. Географ. Общ. См. отчетъ Общ. за 1892 г., стр. 47.

Образцы мелодій литовскихъ народныхъ пѣсень Виленской губерніи записаны Э. А. Вольтеромъ. Рукопись въ библиотекѣ Имп. Русск. Географ. Общ.

У Эдуарда Александровича Вольтера есть около двадцати рукописей литовскихъ различного содержанія.

Современныя Извѣстія 1884 г. № 98 обнародовали списокъ литовскихъ рукописей, именно:

1) Apibriežimas nusidavimu Didžioses kunigaikštistes Lietuvos. Antanėvičes profesoriaus Kievos universiteto, Очеркъ исторіи Великаго Княжества Литовскаго Антоновича, профессора Киевскаго университета.

2) De-Marki. Don Karlino, pasakoimas iš Italijonu givenimo. Де-Марки Доњ Карлино, разсказы изъ итальянской жизни.

3) Erismian. Visutina gigijena. Эрисманъ, Всеобщая гигиена.

4) Geitler. Lietuva ir Lietuvei, perstatita iš čekiškos kalbos. Гейтлеръ. Литва и Литовцы, переводъ съ чешскаго языка.

5) Gilferding. Lietuva ir Žemaitei, perstatita iš gudiškos kalbos. Гильфердингъ. Литва и Жемайты, переводъ съ русскаго языка.

6) Glogau. Lietuva ir Lietuvei, perstatita iš vokiškos kalbos. Глогауа. Литва и Литовцы, переводъ съ нѣмецкаго.

7) Gogol. Taras Bulba. Perversta iš maskoliškos kalbos iš sutrumpinto išdavimo del tautos. Гоголь. Таракъ Бульба. Переводъ съ русскаго съ сокращеннаго изданія для народа.

8) Götthe. Reinike Lape. Гёте. Рейнike-Лисъ, переводъ съ нѣмецкаго.

9) Keletas pasakojimu Garšino ir Marko Vovčko. Нѣсколько разсказовъ Гаршина и Марка-Вовчка.

10) Kojalovič. Skaitmai iš istorijes Vakarines Moskolijos, iš maskoliškos kalbos. Коаловичъ. Чтенія изъ исторіи Западной Россіи, переводъ съ русскаго.

11) Lietuvos pagira. Perstatimas keleto straipsniu iš gudiškos kalbos. Литовское польсие. Переводъ съ русского иѣсколькою статей изъ Живописной Россіи, III-го т., части I.

12) Senkiewicze. Škicai Anglu ir Jonas muzykontas. Сенкевичъ. Очерки Англичанъ и Вана скрипачъ.

Въ упомянутомъ спискѣ значится: Kraszewskis—Kunigas. Крашевскій—Кунигасъ, переводъ съ польского. Mickiewicz. «Konradas Valenrodas ir Gražina», съ польского, и Robinzonas Kruze—Робинзонъ Крузе. Эти три послѣднія сочиненія были из-печатаны на литовскомъ языке; но неизвѣстно, съ этихъ ли рукописей и переводовъ.

Ziniu nešeje. Rasztas iszeinās kaž nedeldieni. Вѣстникъ новостей. Еженедѣльный рукописный журнальчикъ 1885, 8° листа обыкновенной писчей бумаги № 1—10. Содержаніе № 1: 1) Šžanga. Вступленіе. 2) Upiā. Унія, литовская газетка въ Америкѣ. 3) Isz Vilniaus Viestniko. Изъ Виленского вѣстника. 4) Apie Ledesmą. О Ледесмѣ или о катехизисѣ, издаваемомъ Академіею Наукъ ... № 2: 1) Bobržynskis apie Lietuvius. Бобржинскій о литовцахъ. 2) Tilžes Kelejvio duma. Мнѣніе Тильзитскаго путника. 3) Krajaus žinios išr Tilžes. Извѣстія изъ Тильзита въ газ. «Kraj». 4) Sugivenimas Lietuviu su Latveis. Сожительство литовцевъ съ латышами. 5) Krajaus apie Lietuvius Londone. Крај о литовцахъ въ Лондонѣ. 6) Paska epié žasinavicze. Сказка о Жансиновичѣ. 7) Apie lietuviu vakarušką. О вечерянѣ литовцевъ. Примѣленіе. Apie lankstimą. О склоненіяхъ. Другихъ понеровъ не удалось видѣть. На обложкѣ каждой тетрадки нарисованъ гербъ литвинъ на конѣ верхомъ.

Виштеловскій написалъ поэму на литовскомъ языке «Kastite ir Iurate». «Кастите и Юрите». Изъ литовскихъ преданий. Liet. Balsas 188, p. 218.

Дирикисъ Андрей умеръ въ 1887 г. Онъ написалъ грамматику литовского языка. «Leischu gramatika un Leischu-latweschu wardnlice». Vienybe Liet. 1892, № 14, 1894, стр. 303.

Спудулисъ Иванъ Ивановичъ врачъ, будучи еще студентомъ въ Имп. Военно-Медиц. Академіи въ С.-Петербургѣ написалъ грамматику литовского языка на литовскомъ языке. Рукопись этой грамматики у г. Матулонаса.

Дѣвица Урсилія Тамошюнасъ написала много стихотвореній на литовскомъ языке, преимущественно о временахъ года и крестьянскихъ сельскихъ работахъ. Рукопись у г. врача Спудулиса. Одно стихотвореніе изъ этого сборника было напечатано въ «Ausztr'ѣ», именно «Žirgakalnis», Тамошюнасъ крестьянская дѣвушка самоучка.

Довойна-Сыльвестровичъ Мечиславъ, членъ-сотрудникъ Имп. Русск. Г. Общ., составилъ сборникъ литовскихъ народныхъ пѣсень, собранныхъ въ окрестностяхъ г. Россіенъ. Рукопись въ Библіотекѣ И. Русск. Г. Общ. см. Отчетъ Общ. за 1891 г.

2) Литовско-русскій ботаническій словарь. 375 литовскихъ названій растеній Ковенской губ. Россіенскаго и Шавельскаго уѣздовъ.

3) Suraszas vardu vietu lietuviszku su nekure statistika. Списокъ названій мѣстностей на литовскомъ языке со статистическими данными.

4) Suraszas lietuviszku pilių, pilekalnių mišinkarių ir kitų arkeologiskų vietų. Списокъ литовскихъ городищъ, урочищъ, могилъ и другихъ археологическихъ мѣстъ.

5) Lietuviškos pasakos arba teikos. Литовскія сказки и легенды около 600. (Переводъ на польскій языкъ напечатанъ въ Краковѣ въ 1894 г.).

6) Priežodzei lietuviški. Литовскія пословицы.

6) Aprasymas lietuviszku szokių ir instrument del griežišco. Описаніе литовскихъ народныхъ танцевъ и музыкальныхъ инструментовъ. Рукопись у автора въ Минавѣ.

ОТДѢЛЪ IV.

СМѢСЬ.

О происхождении названия г. Изборска и древняго населенія его окрестностей.

Приступая къ производству слова Изборскъ, мы прежде всего исходимъ изъ того положенія, что древнѣйшія названія мѣстностей во Псково-Печерскомъ краѣ чудскаго происхожденія, и что слѣдовательно есть основаніе предполагать, что и название древнѣйшаго политическаго центра этого края, Изборскъ, также чудскаго происхожденія. Затѣмъ другое основаніе этого предположенія лежитъ въ древнѣйшей исторіи, именно лѣтописи говорятъ, что одинъ изъ призванныхъ Чудью и славянами князей сѣлъ въ Изборскѣ, слѣдовательно, до половины IX в. Изборскъ уже существовалъ, и Труворъ занялъ уже прежде укрѣпленный пунктъ, иосившій название Изборска.

Оставляя въ сторонѣ разныя производства этого названія изъ русскаго языка, какъ мало обоснованныя и произвольныя (напр. отъ слова «сбираться»), я приступаю прямо къ доказательству его чудскаго происхожденія.

Русское «Изборскъ» произносится нынѣ у мѣстныхъ Эстовъ (полувѣрцевъ) Irboska, Irbосki, Irborska, въ немецкихъ хроникахъ Iseburg, Isenburg, Isaborg, Isborg, Isburg. Разсмотримъ прежде всего вторую половину этого названія—borg, burg borska, boska, boski, борскъ. Которое изъ сихъ окончаній должно считать за первоначальное?

Извѣстно, что финскимъ народностямъ трудно произносить слова, оканчивающіяся на двѣ согласныя, изъ которыхъ послѣдняя придыхательная; въ такомъ случаѣ послѣдняя буква выбрасывается, какъ напр. у Эстовъ Peterbor (Петербургъ), turi (торгъ).

Этимъ и объясняется, почему у финновъ нѣтъ словъ, которыхъ бы оканчивались на h. Что касается окончанія ska, ka, то это ни болѣе ни менѣе, какъ излюбленная у Псковскихъ эстовъ (полувѣрцевъ) приставка, такъ напр. Wōboska (Wōboski), Metkoska, Talatska. Такимъ образомъ остается чистымъ окончаніе «borg», «burg», сохранившееся у ливонскихъ хрониковъ и писателей. Окончаніе это готскаго происхожденія и означаетъ «замокъ». Это не единственное слово готскаго или шведскаго происхожденія у Балтійскаго побережья. Еще въ XIII в., до завоеванія германскими выходцами Ливоніи, на берегу были замки, получившіе по всей вѣроятности начало отъ Готовъ или скандинавовъ. Таковы именно Ашераденъ,—по русски «рядъ ясеней», и Кокенгутенъ—«варильный домъ», Леневарденъ—«тихое убѣжище», Гольмъ—«островъ», Аа—«рѣка» и т. п.

Первая половина слова—Is, Ise, Isa, должна на общемъ основаніи способа происхожденія названій замковъ въ съсѣднихъ областахъ, принадлежать той мѣстности, на которой замокъ находится. Какъ на примѣръ общаго закона наименованія замковъ можно указать на Aldeigiaborg (замокъ при Ладогѣ), Dünaburg (замокъ при Двинѣ). Точно также и въ словѣ Isborg, Isaborg, первая половина должна быть названіемъ рѣки, озера и т. п. Дѣйствительно, рѣка Едехъ, берущая начало у Изборска, въ древности носила название Isa (см. карту Лоттера), что значитъ на нарѣчіяхъ западныхъ финновъ отецъ. Такъ называлась слѣдовательно эта небольшая рѣчка сравнительно съ «Imafogi, Suur Ima» = матерью—рѣкою (р. Великая). Замѣчательно, что одинъ притокъ р. Великой также носить название Иса (отецъ). Такимъ образомъ первоначальная форма слова Изборскъ должна была быть Isaborg т. е. замокъ при р. Из. Названія мѣстностей, начинающіяся съ Isa, встрѣчаются также въ Эстляндіи.

А вопросъ, почему русскіе называютъ его Изборскомъ, а не Изабургомъ, какъ слѣдовало бы, объясняется по моему тѣмъ, что они заимствовали название это отъ населявшей прежде эту мѣстность чудской народности. Что первоначальная форма Изаборгъ столь сильно исковеркана въ устахъ нынѣшихъ обитателей этой мѣстности, полуобрустившихъ Эстовъ, это не должно давать повода къ сомнѣнію въ правильности нашего объясненія производства этого слова, ибо въ устахъ тамошнихъ Эстовъ заимствованные собственныя имена поразительно искажены. Такъ напр. русскія личныя имена измѣнились къ устахъ полуѣрцевъ до неузнаваемости.

Есть еще побочныя данныя, говорящія скорѣе за чудское происхожденіе слова Изборскъ, чѣмъ за русское: это окрестныя названія мѣстностей. Гора, на которой построенъ Изборскъ, наз. жеравія (упом. въ лѣтописи въ 1330 г.) ср. Жеравецъ, жеравль—журавль; а въ Эстляндіи пустынныя песчаныя горы нерѣдко наз. Журавлиною горою (Kige mägi). Этотъ доводъ впрочемъ не вѣрный. Но за то подобныя названія какъ «Славянское поле», (урочище близъ Изборска, на немъ древнія могилы), и «Славянские ключи» (вытекающіе изъ горы и настолько сильные, что приводятъ въ движеніе мельницу) рѣшительно подтверждаютъ за Изборскомъ и его окрестностями чудской характеръ. Въ противномъ случаѣ было бы довольно странно, почему ключи и поле при этой крѣпости названы славянскими. При изученіи географическихъ наименованій порубежныхъ земель, населенныхъ финскими народностями и русскими, подобныя названія мѣстностей, указывающія прямо на извѣстную народность, служатъ несомнѣннымъ доказательствомъ смѣшанного населенія. Затѣмъ название озера близъ самого Изборска Городищенскій даетъ понять, что нѣкогда здѣсь до сооруженія Изборска былъ замокъ или укрѣпленіе съ другимъ названіемъ. Можетъ быть это самое древнѣе укрѣпленіе называлось Чудскимъ Городищемъ, какъ нѣкоторыя другія городища Псково-Печерского края.

Едва-ли когданибудь возможно будетъ опредѣлить, кѣмъ построилъ Изборскъ, который Труворъ, братъ Рюрика, избралъ своей столицей. Однако, признавая его готское происхожденіе, можно думать, что оно сооружено въ IV в. Готами, король которыхъ Германарихъ покорилъ себѣ и Чудъ. Вѣроятнѣе всего разумѣтъ подъ Чудью, которая была подвластна Германариху, именно юго-западную вѣтву финскихъ племенъ, т. е. Эстовъ, которые въ то время занимали еще страны за Пейпусомъ и за Великой.

На основаніи сопоставленія мѣстныхъ названій въ окрестностяхъ Изборска съ такими же названіями въ болѣе отдаленныхъ предѣлахъ Балтійского побережья, я пришелъ къ тому заключенію, что населеніе юго-западнаго побережья Чудскаго озера должно было въ доисторическое время сплошною массою выселиться отсюда къ сѣверу. Если эта смѣлая гипотеза справедлива, то остается, какъ дальнѣйшая посылка къ ней, думать, что причиной этого массового выселенія могли быть великия событія, каковыми въ древности служили большую частью пораженія однихъ племенъ другими. Въ данномъ случаѣ поводомъ къ таковому выселенію могла именно служить побѣда Германариха надъ Пейпусской Чудью.

Въ Вироніи, Эстляндской губ., по южному побережью Финскаго залива, мы находимъ названія тожественные съ названіями древней Изборской области. Къ таковыимъ названіямъ можно отнести Isen (нынѣ у нѣмцевъ Iesenhof, Alt und Neu, у Эстовъ Purtse).

Isen есть ничто иное какъ родитъ падежъ отъ финскаго *isa*—отецъ (ср. въ Гарріи названія дер. Isenkande въ 1412 г., нынѣ *Isakööpno*). Ивенгофъ находится также при рѣкѣ, которая однако носить нынѣ имя отъ деревни—*Purtse*. Какъ она называлась въ древности, мы не беремся здѣсь уѣшать. Вотъ еще слѣдующія параллели.

Исковская область.

Виронія.

Мала (Малы), дер. Изб. волости.	Malla.
Вастицы (Васцы), дер. Изб. волости.	Waskethe (въ XIII в. нынѣ нѣм. <i>Waschel</i> , эст. <i>Wasta</i>).
Вастицы, 2 дер. Остен. волости.	
Бадалово, дер. Изб. волости.	Padaga (Pada).
Бадаловское озеро Изб. волости.	
Солодовъ, дер. Вид. волости.	Soldino.
Солтаново, дер. Изб. волости.	
Выдоръ, дер. Логаз. вол.	Udria (Udriase).
Выдоръ (Выдра), дер. Сидор. вол.	
Лакно (Локно), пог. Палк. вол.	Lagena.
Выголово, сел. Вид. вол.	Wihula.
Лапинъ Конецъ, дер. Логоз. вол.	Lapiotsa.
Уиковичи (Уиковичи), дер. Печерс. вол.	Ontika.
Анохово, дер. Логоз. вол.	Unukse.
Анохново, пуст. Изб. вол.	
Анохцово (Ветлицы), пог. Слоб. вол.	Toila.
Тайлово, дер. Печерск. вол.	
Пыжово, дер. Изб. вол.	Pühs (Piiss).
Пушкинъ боръ, пуст. Печерск. вол.	Puhkowa.
Шухово, дер. Зabor. вол.	
Шмыры (Шырица), Слоб. и Жук. вол.	Peeri (древн. Pyari).
Родкино, пуст. Остен. вол.	Rotka (въ XIII в. Rodike).
Варагоново, пуст. Палк. вол.	Warangu, въ XIII в. Warangole.
Варгушино, дер. Медех. вол.	Warudi, въ XIII в. Waradas.
Толкуши (Мельникъ), пуст. Жук. вол.	Tolsi, нѣм. Tolks, др. Tolkas нѣм. Podawes (Podwes, Podes).
Будовежъ (ичи), дер. Слоб. вол.	ест. Kalwi (нѣм. Podowes).
Кальвино, дер. и пуст. Паник. вол.	Türsel (ест. Türsowa, Türsalo).
Тюршино (Курвичи), дер. Изб. вол.	Türpsal (ест. Järwa).
Тюршалово, пуст. Ост. вол.	
Кошеляха, рѣчка, Изб. вол.	дер. и рѣка Kohala.
Кошели—Изб. вол.	
Кошелки, дер. Изб. вол.	дер. Kohtla, или Kohtel.
Авдашево, дер. Изб. вол.	
Авдаши, дер. Остен. вол.	Awanduse, древн. Awendays.
Кокорино, 2 дер. Медех. вол.	Kukruse (Kukers).
Обижка, рѣчка, впад. въ Исковск. оз.	Obja дер. и имѣніе, въ XIII в.
Обижа, дер. Ост. вол.	Ubias).

По нѣкоторымъ названіямъ можно судить вообще о движении населенія съ южнаго побережья Пейнуса на сѣверъ. Представляютъ ли эти названія слѣды движенія

независимо отъ предполагаемаго впереди массового движения, или же находятся съ ними въ связи, трудно решить. Во всякомъ случаѣ они указываютъ на однородность населенія въ этихъ мѣстностяхъ. Таковы:

Логозови́чи, пог. и дер. у южн. по- бережья Пейпуса.	Lohosu, дер. на съверо-западн. берегу Пейпуса.
Ховани, дер. Гдовск. узв.	Uando, дер. и мыза въ Виронії.
Вороній остр. при Лисъѣ.	Варя́я дер., Вороній камень, близь устья Омовжи съ съвера.
Выбовка (Лыбовка, Эст. Wobs) при р. Воо въ Лифляндіи на западн. бе- регу Пейпуса	der. Выбъсъ при р. Наровѣ.
Wasknagwa (по Моллеру деревня у устья Пивжи?)	Wasknagwa (русск. Сыренецъ, въ устьѣ Наровы).
Воо, река, впадаетъ при Выбовкѣ въ Чудск. оз.	Wow название деревни при церкви св. Иакова въ XIII в.
Кусва, пог. и дер. Логоз. вол.	Кохова, дер. Слободск. вол.
Кухва, притокъ р. Великой.	

При сравненіі этихъ географическихъ названій не должно смущаться несходствомъ большей части окончаний, такъ какъ названія Псковской области измѣнены по соотвѣтствующимъ фонетическимъ законамъ русскаго языка и съ другой стороны тѣ же названія въ Эстляндской губ. также должны были съ течениемъ времени измѣняться соотвѣтственно съ развитиемъ рѣчи.

Въ данномъ мѣстѣ справедливѣ разумѣть подъ нимъ по параллелизму мысли отдаленную мѣстность въ Вироніи, а не родную страну пѣвца, древнюю Угаунію, какъ некоторые думаютъ. Что дѣйствительно въ области Вироніи есть слѣды двойственности населенія, это я попытаюсь обосновать въ другомъ мѣстѣ. Теперь же укажу только

на одинъ доводъ, а именно: въ Писцовой книжѣ Ижорской земли мы находимъ деревню Калвіево; отбросивъ русское окончаніе эво, мы получаемъ Калви, что можетъ представлять родит. падежъ отъ личнаго имени Kalew или именит. падежъ, на подобіе другихъ именъ обитателей Ижорской земли (Alui, Lembi, Jlui, деревня Албіево и т. п.).

Какъ этотъ, такъ и другіе подобные примѣры показываютъ, что часть Вироніи заселялась съ востока. Лингвистика и этнографія вѣроятно также дадутъ подтвержденія этого мнѣнія.

Менѣе вѣроятное предположеніе можно дѣлать относительно той чудской народности, которая нѣкогда заселяла Псковскую область и которая слѣдовательно имѣла дѣло съ Готами. Говорю менѣе правдоподобное потому, что при обосновываніи его приходится также прибѣгать къ рискованному вообще толкованію значенія географическихъ названій. Въ географическихъ названіяхъ есть данные, указывающія на новидимому на доисторическое существование Ливовъ въ Псковской области. Сопоставимъ сперва одинаковыя названія мѣстностей, указывающія на однородность населенія. Извѣстныхъ въ XIII в. названій Ливскихъ деревень въ Ливоніи, нѣкоторыя встречаются въ Псковской области.

Ливонія.

Псковская область.

Kubesile . . .	Кувшельы (Кувтелы), дер. Паник. вол.
	Выдорь, дер. Логоз. вол.
Vidersile . . .	Выдорь, (Выдра), дер. Сидор. вол.
Morikas . . .	{ Мариха, дер. Видел. вол. Мариха, пуст. Славк. вол.
Vitesile . . .	Виделибы, пог. и дер. при р. Черехѣ.
Pabasile . . .	Бабино, 4 дер. въ Слоб., Палк., Сидор. и Мелех. вол.
Nundrisile. ¹⁾	Нутрецовъ, дер. Палк. вол.
Olikenkule . . .	{ Ольгина Роща, пуст. Паник. вол. Ольгино поле, дер. Остр. вол. Ольха (Ольхи), 5 дер. Логез. Остен., Мелех. вол.
Salats . . .	Жолчаны. дер. Паник. вол.
Rumbula . . .	Рюмолово, сельцо Паник. вол.

Нѣкоторыя изъ географическихъ названій въ Псковской области могутъ быть объяснены изъ Ливскаго языка, напр. Обижа—лив. obös (abös)—осина (ср. Осиновичи, 2 деревни Видел. и Палк. волости). Деревня Осиновичи Докат. вол. носить другое название, Куродымы—лив. kuordim—верхній (ср. Верхній мостъ, дер. и пог. Дакат. вол. при р. Черехѣ; Верхнее Устье, пог. близъ Псковскаго озера; Верхнія Галковичи, дер. Торопецк. вол.; пог. Верховны и многія другія названія). Выдорь—лив. vildörg—вымпель, флюгеръ. Бабино—лив. bâb, bôb — старая женщина. Падорь, дер. Сидор. вол.—лив. ratot—молитва, Аисово, 2 дер. Докат. и Пруд. вол.—лив. Asso (имя старшины XIII в.). Ведчи, пуст. Зabor. вол.—лив. Vietzo (имя старшины въ XIII в.). Жолчаны—лив. и латышск. sala—островъ (ср. Кирхгольмъ, у русскихъ Салотъ). Чирски, пог. при р. Многѣ—лив. tsur—жаворонокъ ²⁾ (ср. дер. Жаворониково, Забер. волости). Самулино, дер. Палк. вол.—лив Samli — эзелецъ, можетъ быть прежде Финнъ. Корлы, погость Логаз. вол.—лив. o=a, напр. Korl—русск. Карль; отсюда название этой мѣст-

¹⁾ Ливское окончаніе sile значить «въ» «внутрь»; сѣд. и у Ливовъ мѣстныя названія употреблялись обыкновенно на вопросъ: куда?

²⁾ Загадочное название птицы въ эстонскомъ эпосѣ Kalewi paeg. fiuru lind, очевидно, означаетъ жаворонка.

ности, Карельская губа: Виделибье—лив. Liibe, Liib, какъ себя именовали Ливы. Бу-
довежъ, дер. Слоб. вол.—лив. pudas vēž—чистая вода. Псковъ, древнее Piskawa—смоля-
ная вода. Кроме, Кремъ, древнее название того мѣста, гдѣ нынѣ стоять каѳедральный
соборъ во Псковѣ—лив. Kruum—кустарникъ. Казалось бы на основаніи выше сказан-
наго, что Ливы нѣкогда населяли сѣверную часть системы р. Великой. Но если Ливскіе
элементы сохранились въ этой области, то они должны были бы сохраниться и въ
восточной части Лифляндской губ.. черезъ которую они должны были переселиться къ
Балтійскому поморью. Изъ здѣшнихъ слѣдовъ я указу на название бывшаго въ Вер-
роскомъ уѣздѣ замка Kigipre, эст kigera. Вставочная буква «т» есть знакъ родит.
падежа предъ согласною р, взамѣнъ п, обычный въ географическихъ названіяхъ XIII в.
въ Эстоніи. Въ Ливскомъ языкѣ kigi—топоръ, kigera—обухъ. Русскіе лѣтописцы
называютъ этотъ замокъ Кирепецкимъ, Кирепеге (на вопросъ: куда?) Нынѣшніе эсты
называютъ его Kigera, т. е. оба близко къ ливскому происхождению. Затѣмъ назва-
ніе страны въ верховьяхъ Лифляндскаго Аа—руск. Очела (нѣм. Adsel)—лив. oldse. ла-
тышское odza—этъя.

Что заставило Ливовъ подвинуться на западъ, и находится ли это движение въ
связи съ постройкой Изборска—это должно остаться во мракѣ неизвѣстности. Можно
только предполагать, что русскіе заимствовали название Изборска отъ смежныхъ съ
ними эстовъ (setu), ибо ливы могутъ легко произносить окончаніе rg (напр. лив.
torg, turg—рынокъ). Въ противномъ случаѣ это окончаніе у русскихъ не измѣнилось
бы въ-рскъ. По географическому расположению русскихъ, эстовъ и ливовъ можно бы
предположить, что послѣдніе были вытѣснены Псковскими эстами; но древнѣйшая исто-
рия края въ XIII в. не знаетъ вражды между ними; лишь Эзельцы явились неприми-
римными врагами Псковскихъ Эстовъ. Если держаться того мнѣнія, что не только рус-
скіе лѣтописцы, но и западный писатель Йориандъ дѣяль различіе между чудью и
ливами, то приходится думать, что Ливы переселились къ Балтійскому поморью еще
до покоренія Готами Чуди, и что замокъ Изборгъ служилъ оплотомъ набѣговъ Эзель-
цевъ, Куроицъ и Ливовъ на Псковскую Чудь.

Ю. Трусманъ.

Оглавлениe 18 выпускoвъ «Живой Старины» за четыре года.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

BUNNICK, L.

ОГЛАВЉЕНИЕ.

1. Предложение нѣсколькихъ членовъ въ Отдѣленіи этнограф. И. Р. Г. О. объ изданіи журнала «Живая Старина»
 2. Списокъ членовъ И. Р. Г. О. и нѣкоторыхъ постороннихъ лицъ, изъявившихъ желаніе подписатьсь на журналъ «Живая Старина»
 3. Объясненіе о подписаніи на журналъ «Живая Старина».
 4. Отъ Редактора
 5. Программа И. Р. Г. О. для собирания свѣдѣній по этнографіи
 6. Памяти Проф. И. П. Мишаева (1840—1890). Лекція въ И. Соб. Университетѣ Доц. Г. Ф. Ольденбурга.

Отъѣздъ I.

Ізслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Письма о князе Михаиле И. Н. Жданова
 2. Полувёрды Пеково-Печорского края. Ю. Труслана .
 3. Три года в Якутской области (этнограф. очерки). В. Л. Приклионскую . . .
 4. Путевые письма и заметки Срезневского о Сербо-Лужицанах .
 5. Старое и новое. Н. Савченкова .

Стр.	6.	Повѣрья крестьянъ Тамбовской губ. (очеркъ). <i>Б. Бондаренко</i>	151
Стр.	7.	Замѣтки о литовской свадьбѣ. <i>Н. Рисова</i>	122
Стр.	8.	Къ видѣнію. Амфиолога. <i>А. Н. Веселовская</i>	124
III	9.	Груша и Дуна. <i>А. И. Соловьевская</i>	126
III	10.	Декамеронъ. X. 3. <i>А. Н. Веселовская</i>	128
III	11.	Къ истории народныхъ праздниковъ въ Великой Руси	130
V			
IX		Отдѣль II.	
XI		Памятники языка и народной словесности.	
XLVII			
LIII	1.	Три былины изъ стариннаго рукописнаго сборника. <i>Л. Майкова</i>	1
LIII	2.	Пѣсни крестьянъ села Молодова, Гродненской губ., Кобринскаго уѣзда. Г-жи Саковичъ	5
LIII	3.	Катрушинскій лемезень (условный языкъ шерстобитовъ М. Дрибина). <i>Е. Романова</i>	9
LIII	4.	Лопарская сказки, легенды и сказанія, записанныя въ Пазрѣцкомъ погостѣ, пограничномъ съ Норвегіей. Священ. <i>Шкодина</i>	17
31	5.	Якутскіе загадки (Прилож. къ этнограф. очерку «Три года въ Якутской области»).	26
63	6.	Якутская пѣсни о водкѣ	30
84	7.	О народныхъ забавахъ въ Москве, въ другихъ городахъ и мѣстахъ въ Духовъ день	34
103			

Отдѣль III.
Критика и библіографія.

1. Пешоль О. Народовѣденіе. — 2. Пыпинъ А. Исторія русской этнографіи. — 3. О Schrader. Sprachvergleichung und Urgeschichte. — 4. P. v. Braadke. Ueber Methode und Ergebnisse der arischen Alterthumswissenschaft. — 5. Веске, М. Н. Славяно-финская культурные отношения по даннымъ языка. — 6. Труды 7-го Археологического съѣзда въ Ярославлѣ 1887 г. — 7. Этнографическое обозрѣніе. — 8. Смирновъ. Вотаки. Историко-этнографический очеркъ. — 9. Историческая записка о фѣтальности И. М. Арх. Общ. за первый 25 л. — 10. Латкинъ. Красноарскій округъ Енис. губ. очеркъ. — 11. Майковъ. Материалы и изслѣдованія по старинной русской литературы. — 12. Чтонія въ историческомъ Общ. Нестора Лѣтописца. — 13. Материалы для наученія быта и языка русского населения съверо-западнаго края. — 14. А. Сапуновъ. Двинскіе или Борисовы камни. — 15. В. Науменко. Обзоръ фонетическихъ особенностей мѣло-русской рѣчи. — 16. Идановъ. Пѣсни о князѣ Романѣ. — 17. Луныакъ, И. И. О происхожденіи именъ Чехъ, Лохъ, Русь и Славяно. — 18. Gopcevic. Makedonien und Alt-Serbien. — 19. Vlastnik Hrvatsko-Arkoologickoga Družtva. — 20. Свадебные обычаи у Бѣлыхъ Краинцевъ. — 21. Словаки въ Бачской и Срѣмской столицахъ. — 22. Wista T. IV. — 23. Обзоръ трудовъ по Литовской этнографіи (1879—1890). Чл. С. Э. А. Вольтера

1—42

Стр.

- Taulen—Корча, или Вихорь Н. Кузнецова. — 3. Ловля снятка тагасомъ въ Бѣломъ озерѣ. Н. Лейцингера. — 4. Описаніе игры Литовскихъ пастуховъ подъ назван. «Калуте». Арминайтиса. — 5. Литовцы поэты: М. Гильса. — 6. Некрологи М. Н. Веске. — 7. О. Колбергъ. — 8. Дѣрь Ифуль. — 9. С. И. Мукуцкій

Стр.

1—24

Бытпускъ II.

1. Списокъ членовъ И. Р. Г. О. и нѣкоторыхъ постороннихъ лицъ, изъявившихъ желаніе подписьаться на журналъ «Лѣвая Старина».

I—IV

Отдѣль I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Пѣсни о князѣ Михаилѣ И. Н. Жданова 1
2. Три года въ Илутской области (этнографич. очерки). В. Д. Григорьевская 24
3. Сербо-Лужицкій народный календарь. (Изъ бумагъ И. И. Срезневского) 55
4. Сербо-Лужицкія народныя поэты. (Изъ бумагъ И. И. Срезневского) 57
5. Умирѣніе крови въ Гробѣ, въ южно-Адриатическомъ Приморѣ 27-го августа 1890 г. (Наблюденія и разсужденія очевидца). П. А. Ровинская 63
6. Мариупольскіе Греки Ф. А. Брауна 78
7. Замѣтки о собственныхъ именахъ въ Велико-русскихъ былинахъ А. И. Соболевского 93
8. Письма И. И. Прейса къ М. С. Кутогрѣ, И. И. Срезневскому, П. О. Шафарику, Куршату и др. (1836—1846) Съ предисловіемъ В. И. Ламинской 108
9. Отчего канунъ Иванова дни (23 июня) назыв. купальницею и считается днемъ урочными? М. И. Соколова 137
10. Огонь на свадьбѣ 138

Отдѣль IV.

Смѣсь.

1. Дѣтскія игры. К. М. Петрова и Т. Е. Рѣнникова —

Отдѣль II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Волынкорусская народная легенда. Сообщ. Ив. Мамакинъ
2. Пѣсни крестьянъ села Молодово, Гродненск. губ. Боринского уѣзда. Сообщ. Г-жею М. А. Саковичъ
3. Болгарская народная пѣсни. (Изъ Приѣзда)
4. Болгарская народная сказки. (Изъ Приѣзда)
5. Лопарская сказки, легенды и сказания, записанные въ Пазрѣцкомъ погостѣ, пограничномъ съ Норвегіей. Св. Щеколдина
6. Икутская народная повѣрья и сказки. Сообщ. В. Л. Приклонскимъ

Отдѣль III.

Критика и библиографія.

1. Обзоръ трудовъ по Литовской этнографіи (1879—1889). Чл. сотр. Э. А. Вольтера. — 2. Этнографическое обозрѣніе. Н. В. — 3. А. Павловъ. Неизданный памятникъ русского церковного права XII вѣка Н. Волкова. — 4. Максимовъ, С. В. Крылатыя слова. Не спроста, не спуста слово молвится и до вѣку не сломится. А. С-скаго. — 5. Miklosich, Franz. Die Darstellung in slavischen Volksproben. А. С-скаго. — 6. «Мелузина» (Melusine), поэтический сборникъ мифологии, народной литературы, предавий и обычаевъ. О. Б. — 7. Bibliografia litewska od roku 1547 do 1701 г. przedstawił Manryku Stankiewicz (Литовская библиографія съ 1547 по 1701 г., представилъ Мавриній (Станкевичъ). Б-са. — 8. Darmestetter. James Chants populaires des Afghans recueillis par C. O. — 9. Geiger. W. Das Jatkari Zariran und sein Verhaltniss zum Tah name. C. O. — 10. Das Ausland Wo-

Стр.

Стр.	чеснсchrift fur Erd - und Volkerkunde Д. К-скаго.— 11 Tr. Krauss, dr. Volks-glaube und reliгioser Brauch der Sudslaven. А. Л.—12. Легенда о св Алексѣѣ въ сирійской и славяно-русской редакціяхъ его житія. А. Пономарева.—13. Narodno pesni kogozhkih slovencev. Zbral in na svetlo dal I. Scheinig. С. К. Gymn. profv. celovci. Ю. Попивски.— 14. В. Томашекъ. Разборъ древнѣйшихъ извѣстій о скіфскомъ сѣверѣ А. К. Васильева. — 15. Извѣстія Восточно-Сибирскаго Отдѣла И. Р. Г. О.; подъ редакцією Правителя дѣль Ир. П-на. — 16. Записки Восточно-Сибирскаго Отдѣла И. Р. Г. О. Томъ второй, вып. 2 и 3 (подъ редакціей правителя дѣль) Ир. П-на. — 17. Пыпинъ, А. Н. Исторія Русской этнографіи. Т. II. Общий обзоръ изученій народности и этнографіи волынкорусской. В. Ламанская	Стр.
139		
141		
147		
154		
158		
169		

233

Отдѣль IV.

1. Вопросы и отвѣты

231

Отдѣль V.

Смѣсь.

1. Журналъ Засѣданія Отдѣленія Этнографіи 12-го октября 1890 г. Объявленія .

1—2

Выпускъ III.

Списокъ членовъ И. Р. Г. О. и вѣкоторыхъ постороннихъ лицъ, извѣстившихъ желаніе подписаться на журналъ «Живая Старина».

1—11

Отдѣль I.

Изслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

1. Письма П. И. Прейса М. С. Кутургѣ, И. И. Срезнев-

Стр.	Стр.
стданий Отдѣлений Этнографіи 28 ноября 1890 г.—18. Журналъ Заѣднанія Огдѣлений Этнографіи 21 декабря 1890 г.—19. Записки по Отдѣлению Этнографіи Чип. Русск. Геогр. Общества. — 20. Содержаніе первыхъ трехъ выпускъ «Живой Старины» 213—268 Объявленія	(изъ армянской книжной сказочной литературы). Н. Н. Марра 149—155 6. Отрывки изъ Киргизского сказанія о Идыге, изъ записокъ Ч. Валиханова, сообщ. Г. И. Цотакина 156—163

Выпускъ IV.

Списокъ членовъ П. Р. Г. О. и иѣкоторыхъ постороннихъ лицъ, изъявившихъ желаніе подписанія на журналъ «Живая Старина».

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Письма П. И. Прейса М. С. Кутогрѣ, И. И. Срезневскому, П. О. Шафарику, Куршату и др. (1856—1846)	3—42
2. Три года въ Якутской области (Этнографические очерки) В. Л. Приклонскаго	43—66
3. Стародавняя жизнь Остяковъ и ихъ богатыри по былинамъ и сказаніямъ. С. К. Цотаканова	67—108
4. Мусульманство Рустема Достановича. В. А. Дуковскаго	109—17

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Пересказы иѣкоторыхъ неизданныхъ Джатакъ Цалійскаго канона. (Изъ бумагъ шокийнаго И. П. Минаева) 118—121	
2. Угро-руssкіе заговоры и заклинанія начала XVIII в. Сообщ. А. Л. Петрова съ замѣчаніемъ О. А. Петрушевича	122—130
3. Свадебный обрядъ въ Угрской Руси. (Окончаніе)	131—138
4. Якутскіе народныя сказки. Сообщ. В. Л. Приклонскому	139—148
5. Лиса и волкъ въ западнѣ	

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія

1. Отъ редактора (съ иѣсколькими письмами П. О. Шафарика И. И. Срезневскому) 164—174	
2. Рецензія Ш. И. Срезневскаго на книгу Шафарика Slovanský Národopis	174—187
3. Шаакаревъ. Сборникъ отъ болгарски народни умотворенія. Часть прва. К. Я. Г. 187—191	
4. Zibr, C. Dr. Listy z ceských dejin kulturnich. Прага 1891. loc. Караська	191—195
5. Комаровъ. Новая збирка малорусскихъ приказокъ. Одесса 1890 г. Арк. Л-нка	195—196
6. Замѣтки В. И. Григоровича о нарѣчіяхъ и говорахъ болгарскихъ	196—197
7. Vrcesić. Narodne pripovjosti iz života po Boki Kotorskoj. Herzegovini i Crnoj Gori. А. Л	198

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

1. Праздники Рязанск. губ. Данковск. уѣзда О. Н. Семеновой	199—202
2. Ладвінскій или Масовскій языкъ	202—203
3. Крестьянскіе игры въ Минской губ. М. Довнара Запольскаго	203—208
4. Сонъ и сновидѣнія въ народныхъ вѣрованіяхъ. А. Балюса	208—213
5. Народная дѣтская игра въ «сѣно». Ив. Махакина	214
6. Игры и пѣсенки дореволюціонскихъ ребяти Лайшевскаго уѣзда, Казанской губ. И. Нечеева	214—226
7. Минусинскій Публичный Мѣстный Музей. И. В.	226—227
8. Филологическая замѣтка. Я. Грома	228—229

Стр.	Стр.		
9. Изъ вновь открытаго древнерусскаго поученія до монгольской эпохи. Сооб. А. И. Соболевскаго	229	3. Dr. W. Junker. Reisen in Afrika. Проф. Э. Н. Петри. 105—107	
10. И. Коперницкій. Некрологъ. 229—230 Объясненія.		4. Ядринцевъ, Н. М. Сибирские инородцы, ихъ бытъ и современное положеніе. Н. В.—аго.	
		5. А. Н. Лисовскій. Опытъ изученія малорусскихъ думъ. Арк. Л.—ико	
		6. Чешкі лід I. А. Липовскаго.	109
			110

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Выпускъ I.

Отдѣль I.

Изслѣдованія наблюденія, разсужденія.

1. Очеркъ Русской діалектологии. I. А. Южно-вѣнѣнко-русскіе говоры, проф. А. И. Соболевскаго	1— 24
2. Балтійские Готы и Гута-Сага. Ст. порт. С. Н. Сиромятникова	25— 10
3. Сага-Гутовъ. Переводъ С. Н. Сиромятникова	41— 48
4. Путевыя письма И. И. Срезневскаго къ матери его Еленѣ Ивановнѣ Срезневской (1839—1842 г.). Съ предисловіемъ редактора и примѣчаніями Вс. И. Срезневскаго	49— 77

Отдѣль II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Малорусскіе разсказы и повѣрья (Екатеринославской губ.). Зап. Ив. Манжурою.	78— 80
2. Болгарскія народныя сказки (изъ Прилѣпа).	81— 88
3. Болгарскія народныя пѣсни (изъ Прилѣпа)	83— 84

Отдѣль III.

Критика и библіографія.

1. Zbior wiadomości do antropologii Krajowej. Ир. Поль-на	89— 98
2. Обзоръ трудовъ по чешской этнографіи за послѣднее десятилѣтие (1880—90). Ю. И. Поляки	99—104

Отдѣль IV.

Смѣсь.

1. Отчеты кавд. С.-Петербургскаго унів. 1. Катанова, отправленного для этнографического изслѣдованія тюркскихъ племенъ въ Восточную Сибирь, Монголію и Сѣв. Китай	111—122
2. Бурятская легенда объ озерьѣ Балъдзы. Г. Н. Потанина	122—126
3. Некрологъ А. А. Потебни. В. И. Ламаншаю	126—136
4. Памяти А. А. Потебни. Б. М. Ляпуновъ	136—149
5. Памяти А. А. Потебни. М. Халанскаю	150
6. Замѣтка (изъ Ярославскихъ губ. Вѣд. № 6). Е. И. Якушина	151
7. Записки И. Р. Г. О. по отданію этнографіи	151—152

Выпускъ II.

Отдѣль I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Очеркъ русской діалектологии. I. Б. Сѣверо-вѣнѣнко-русское, или окающее поднѣрѣчіе. Проф. А. И. Соболевскаго	1— 26
2. Путевыя письма И. И. Срезневскаго къ матери его Еленѣ Ивановнѣ Срезневской (1839—42 г.), съ примѣчаніями Вс. И. Срезневскаго	27— 70
3. Троячина (бытовой очеркъ). С. Шустикова	71— 91

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

	Стр.
1. Остяцкая былина про богатырей города Эйдера. С. К. Напканова	92—97
2. Мордовская свадьба. Е. М. Есьева	98—117

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

1. О типѣ Ильи Муромца. А. Соболевская	118—122
2. Словарь русского языка. А. С-каю	122—125
3. Памятная книжка А. С-каю	125
4. Харьковский сборник. А. С-каю	126
5. Календарь Вятской губ. на 1892 г. А. С-каю	—
6. Zbiór wiadomości do antropologii Krajowej m. XIII Ipr. II.	127—137
7. Listy z českých dějin kulturních. Е. Пельхугова	137—139
8. Изъ старыхъ книгъ. В. Каллаша	139—142
9. Библиографические этюды по литературѣ сказочныхъ схемъ и истицъ. І. Ленора (женщина или братъ мертвъ). П. Шемякинъ судъ. В. Каллаша	142—145
10. Обзоръ трудовъ по чешской этнографии за послѣднее десятилѣтие (1880—90 г.). Ю. Позеки	146—152

Отдѣлъ IV.

Вопросы и отвѣты. А. Соболевская	153
--	-----

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

1. Расколь въ Каргопольскомъ краѣ. Е. А. Докучаева-Баскакова	154—162
--	---------

	Стр.
2. Игра со вьюномъ	162—167
3. О. О. (Некрологъ). Ф. И. Переволыбъ	— 168

Выпускъ III.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Очерки русской діалектологии. Н. Бѣлорусское на-рѣчіе. А. И. Соболевская	3—30
2. О побратимствѣ и посо-стрииствѣ. Очеркъ изъ обычнаго права Болгаръ. С. Бобчева.	31—42
3. Путевыя письма И. И. Срез-невскаго къ матери его Еленѣ Ивановнѣ Срезнев-ской (1830—1842)	43—105
4. Трончина Кадниковскаго уѣзда (бытовой очеркъ). Окончаніе. А. Шустикова.	106—138

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. О прнчтніяхъ и плачахъ, записанныхъ въ Олонецкой и Архангельской губ. Ф. Истомина.	139—145
2. Заговоръ отъ ружья (Тоб. губ.). Сообщ. С. К. Напканова	146—147
3. Купли, продажа скота; за-говоръ отъ лихорадки, какъ окуриваютъ новотелыхъ ко-ровъ. Побасенка (Нижегор. губ.). Сообщ. И. Мамаки-ныхъ	148—149
4. Заговоръ отъ присухи (Пермск. губ.). Сообщ. И. А. Шилковы	149—151
5. Проводки и проводочные пѣсни въ Ростовскомъ уѣз-дѣ. Н. Б.	151—156
6. О говорѣ жителей Карго-польского края. Як. Солт-лова	156—164

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

1. Игра въ тура. В. Мошкова.	164—170
--------------------------------------	---------

Отдѣлъ I.

Выпускъ IV.

Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Очерки Русской діалекто-
логіи. III. Малорусское на-
рѣчіе. Д. Чл. А. И. Собо-
ревъкало
2. Путевые письма И. П.
Срезневского къ матери его
Еленѣ Ивановнѣ Срезнев-
ской (1839—1842).

Стр.

1—61
62—96

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народ-
ной словесности.

- О відлінії корельского язы-
ка на русский въ предѣ-
лахъ Олонецкой губерніи.
Н. Луксова

97—103

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

1. Караказскій обычай, какъ
источникъ изученія перво-
бытнаго права: замѣтки по
поводу сочиненія Проф. М.
М. Ковалевскаго «Законъ и
обычай на Кавказѣ». Мос-
ква, 1890, т. I и II 104—120
2. Семья по возвращенію Рус-
скаго народа, выраженный
въ пословицахъ и другихъ
произведеніяхъ народно-по-
этическаго творчества. Исто-
рико-литературный очеркъ
А. Желобовскаго 16^о 63 стр.
Воронежъ. 1892 (Отд. отт.
изъ Фил. Зап.).
3. Kobieta w pieśni ludowej Na-
pisała Kazimira Skrzynska
12^о, 100 стр. Warszawa.
(«Biblioteka Wisły», t. VIII).
4. Современный великорусъ
въ его свадебныхъ обычаяхъ
и семейной жизни. Л. Ве-
сина («Русская Мысль».
1891. Сент. и Окт.). В. А.
Перетца 120—124

Отдѣлъ IV.

Вопросы и отвѣты.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

1. Бытовыя черты Русинки
Холмскаго края. К. Яроц-
кало 125—134
2. Отчетъ кандидата И. Спб.
Университета г. Катанова,
отправленнаго въ экспеди-
цію для этнографическаго
исслѣдованія тюркскихъ пис-
менъ въ Восточную Сибирь,
Монголію и Сѣв. Китай . 134—137
- Объявленія объ изданіи
«Живой Старины» и др.
журналовъ въ 1893 году.
Оглавленіе 8 выпусковъ
«Живой Старины» за
первые два года.

Стр.

ГОДЪ ТРЕТИЙ.

Выпускъ I.

Отдѣлъ I.

Исслѣдованія, наблюденія,
разсужденія.

1. Замѣтки о Бѣлорусскихъ
говорахъ: И. Говоръ Ново-
Сверженской волости Мин-
скаго уѣзда. М. Довнара-
Запольскаго 3—19
2. Путевые письма. И. И.
Срезневская 20—63
3. О происхожденіи Корсі-
(Куронъ). Юрія Труслана.
4. Объ источникахъ сказки «О
рыбакѣ и рыбѣ». Пушки-
на. Сл. П. Р—ва 64—91
- 91—95

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной
словесности и живой ста-
рины.

- Ритуаль сибирской свадьбы.
И. О. Осипова. 96—114

Отдѣлъ III.

Стр.

Критика и библіографія.

1. Къ вопросу о финскомъ вліяніи на великорусское племя. *А. И. Соболевская* 115—122
2. *Plesni ludu, zebrał Zygmunt Gloger* (w latach 1861—1891), muzyce opracował Zygmunt Nośkowski. Kraków. *B. II. Церетца* 122—124
3. Календарь Вятской губерніи на 1893 г. *А. И—скатъ* 124—125
4. Brandstetter R. Charakterisirung der Epike der Malaien. *Luuzern. C. O.* 125—
5. Zemirich, Johannes. Toteninseln und verwandte geographische Mythen. *C. O.* 125—126
6. Nöldke Th. Das arabische Märchen von Doctor und Garkoch. *C. O.* 126—127

Отдѣлъ IV.

Вопросы и отвѣты.

- Отвѣтъ на вопросъ, предложеніи. г. Соболевскому.
Ивана Мамакина 128

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

1. Особенности языка олонецкихъ былинъ, сказанийъ И. Т. Рябининъ. *Н. Волкова* 128—133
2. Поклоненіе дереву. *В. Ламанская* 133—135
3. Днина рѣка. *Ю. Трусланова* 135—
4. Ворожея XVII в. *Н. Тупикова*
5. Отзывъ медальной комиссіи о трудахъ Д. Члена Проф. А. И. Соболевского по истории и географии Русского языка 136—7
6. Объявленія.

Стр.

Выпукъ II.

Стр.

Отдѣлъ I.

Иаслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Путевые письма. *И. И. Срезневская* 139—177
2. Нидерландскія народныя пѣсни. Проф. Амстердамскаго Университета *К. Ульбека* 178—210

Отдѣлъ II.

Памятники языка, народной словесности и живой страны.

- Мордовская свадьба (продолжение) 211—219
Народная свадьба въ Толвуйскомъ приходѣ, Петрово-заводского уѣзда, Олонецкой губ. *Л. Пыжина* 219—248

Отдѣлъ III.

- Нѣсколько словъ о малорусскихъ думахъ 248—253
Богатырь-казакъ Илья Муромецъ, какъ историческое лицо 253—254
Къ вопросу о древне-русскихъ скоморохахъ 254—255
Къ діалектологіи великорусскихъ народъ. *А. Соболевская* 255—256
Памятная книжка Воронежской губ. на 1893 г. *Н. Т—ова* 256—257
Острумовъ. Сарты. *А. Липовская* 257—263
Записки товариства имени Шевченка 263—264
Самарово село Тобольской губ. и округа. *А. Л. Ляшенко* 264—265
Волынскія Губернскія Вѣдомости въ 1838—1888 гг. Состав. *Аркадій Ляшенко* 265—278

Отдѣль IV.	Стр.	Стр.
Вопросы и отвѣты.		
I. Бѣлоруссы, П. Латыши, III. Поляки	279—280	Mikkola. Berührungen zwischen den westfinnischen und slavischen Sprachen. A. I. — 399—400
О т дѣлъ V.		
Смѣсь.		
Бесѣдныя игры, тетера, въ гуси, въ кони. <i>Илл. Нерет-ша</i>	281—282	P. R. бар. Штакельбергъ. Ирано-финская лексикальные отношения. A. И. С—каю
Замѣтки по бѣлорусской этнографіи. M. Довнара-Запольского	283—296	Черны Ad. Mythiske bytosce lužiskich Sorbow. B. Церем-ша
Выпускъ III.		
Отдѣль I.		
Изслѣдованія, наблюденія, разоужденія.		Лоцаревъ. X. М. Слово о святомъ «патріархѣ Феости-рикѣ». Н. Т.
Этнографическія наблюденія въ Абхазіи. Н. М. Альбова	297—329	Н. Ф. Сумцовъ. Легенда о грѣшной матери. Н. Т.
Путевые письма И. И. Срезневской	330—373	Н. Ф. Сумцовъ. Быдни о Добрѣнѣ и Маринѣ и родственныя имъ сказки о же-нѣ волшебницѣ. Н. Т.
Отдѣль II.		
Памятники языка, народной словесности и живой ста-рины.		Е. О. Карский. Къ вопросу о разработкѣ старого западно-русского нарѣчія. Н. Т.
Говорь южной части Череповецкаго уѣзда Новгоро-дской губ. М. Гераси-мова	374—388	Н. Ф. Сумцовъ. Современ-ная малорусская этногра-фія. Н. Т.
Говорь сѣверо-восточной части Вытегорского уѣзда, Олонецкой губ. А.е-кспира Мельника	388—392	Л'е Cris de Londres au XVII si��cle. Г. А. Виссендорфа
Говорь Велико-Устюжскаго уѣзда, Вологодской губ. А. Дмитриева	392—395	И. Созоновичъ. Ленора Бюр-гера и родственныя ей сю-жеты въ народной поэзіи европейской и русской.
Отдѣль III.		
Критика и библіографія.		Пр. Д.
Яблоновскій. Населеніе Ук-раины въ XVI вѣкѣ. А. И. Соболевская	396—399	Списокъ печатныхъ тру-довъ Довкonta. С. Балтра-майтиса
Отдѣль V.		
Смѣсь.		
Представлія корелаковъ о нечистой силѣ. И. Лис-кова	415—419	
Замѣтки по этнографіи бѣ-лоруссовъ. П. М. Довнара-Запольского	419—425	
Молитвы, заговоры и заклинанія, записанные въ Поще-хонскомъ уѣзѣ Ярославской губерніи	425—428	
Какому святому и въ ка-комъ случаѣ должно мо-литься	428	
Легенды о чудесахъ отъ св. иконъ	428—429	
Сказаніе Арсенія иноса Се-луни града о Іерусалимѣ	429—430	

	Стр.
Сказание о преподобной Осодорѣ, оia же память 11 сентябрь. <i>Л. Балова</i>	430—431
Докладъ о поѣздкѣ въ Олонецкую губернію въ лѣтомъ 1892 года. <i>Н. Лѣскова</i>	432—436
<i>Latvju dainas</i>	— 436
Отъ редакціи	— 436
Объявленія	1 4

Выпукъ IV.

Отдѣль I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Названія населенныхъ мѣстъ и ихъ значеніе для русской исторической этнографіи. <i>А. И. Соболевская</i>	437—439
2. Древнѣйшая русская двуосновная личная имена и ихъ уменьшительныя. <i>Г. Г. Гинкенъ</i>	440—461
3. Путевые письма <i>И. И. Срезневскаго</i> къ матері его Еленѣ Ивановнѣ Срезневской (1839—1842) (Окончаніе)	462—506

Отдѣль II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Народный говоръ въ Пощинскомъ уѣздѣ Ярославской губ. <i>Л. В. Балова</i>	507—513
2. Говоръ Нальновской волости Могилевскаго уѣзда. <i>Андр. Романова</i>	513—518
3. Жмудскія пѣсни, записанныя <i>Мечиславомъ Довой-ка-Сильвестровичемъ</i> съ переводомъ и примѣчаніями <i>А. Л. Погодина</i>	519—531
4. Загадки Король Олонецкой губ., записанныя <i>Н. Ф. Лѣсковыемъ</i>	532—540
5. Пословицы Корельскія, записанныя <i>Н. Ф. Лѣсковыемъ</i>	540
6. Корельская пѣсня, записанная и переведенная <i>Н. Ф. Лѣсковыемъ</i>	541—553

Стр. Отдѣль III.

Критика и библиографія.

1. В. Мочульскій. Стѣмы народной библіи въ славянской и древно-русской письменности. Одесса 1893. <i>Вл. II-а</i>	554
2. Мотивы свадебныхъ пѣсень Пинчуковъ. Этнографический этюдъ <i>М. Довнара-Запольского</i> . Гродна. 1893. 16. 69 стр. <i>Вл. II-а</i>	556
3. Сборникъ Харьковскаго Историко-Филологического Общества Т. 5. Харьковъ. 1893, <i>Арк. I-ма</i>	556—557
4. Памятная книжка Гродненской губерніи на 1893 г. <i>Т. 557</i>	
5. Памятная книжка Ковенской губерніи на 1893 г. <i>Т. 557</i>	

Отдѣль IV.

Вопросы и отвѣты. 558

Отдѣль V.

Смѣсь.

1. Сагайскіе татары Минусинскаго округа Енисейской губерніи, по статистическимъ, собраннымъ въ 1889 г. <i>Н. Ф. Китанова</i> . 559—570	
2. Варіантъ пѣсни о сестрѣ отравительнице. Сообщ. <i>Арк. Лященка</i>	570—571
3. Нѣсколько словъ о Куро-нахъ. <i>А. Л. Погодина</i>	571—572
Объявленія.	

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Выпукъ I.

Отдѣль I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Деревни Будагоша и ея про-данія. <i>В. Н. Перетца</i>	2—18
--	------

Стр.	Стр.		
2. Отчетъ о поездкѣ къ Олонецкимъ Кореламъ лѣтомъ 1893 года. <i>Н. Ф. Лѣскова</i> , съ замѣчаніемъ автора	19—36	2. Отчетъ о поездкѣ въ Ковенскую губ. лѣтомъ 1893 г. <i>А. Погодина</i>	114—119
3. Изъ года въ годъ. Описаніе круговорота крестьянской жизни въ селѣ Усть-Ницинскомъ Тюменского округа. <i>Филиппа Забнина</i>	37—64	3. О происхожденіи названія г. Пскова. <i>Ю. Труслана</i>	120—122
4. Русь и Асы въ Китаѣ, на Балканскомъ полуострѣ, въ Румыніи и Угоршинѣ. (Въ XIII — XIV в.). Замѣтки професс. Палладія, д-ра Брест-Шнейдера, архімандр. Руварца	65—77	4. Къ исторіи сувѣрій. Сообщ. <i>Е. Коз-скій</i>	122—123
		5. Изъ области народныхъ вѣрованій. <i>А. Балова</i>	123—
		6. Аллитерации въ народномъ языке. <i>А. Балова</i>	123—124
		7. Къ народному словарю въ области пѣсенного искусства. <i>Ф. Истомина</i>	124—125
		8. По поводу холеры. Сообщилъ <i>А. Баловъ</i>	125—126
		9. О русскомъ языке въ Обдорскомъ краѣ. <i>В. Бартенева</i> . 126—129	
		10. Замѣтка о нѣкоторыхъ сло-вахъ, употребляемыхъ въ селѣ Самаровѣ Тобольской губ. и округа. <i>Хр. Лопа-рева</i>	130
		Объявленія.	

Отдѣль II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Новая «повѣсть» обѣ Ильѣ Муромцѣ. Сообщилъ <i>Ми-хаилъ Протопоповъ</i>	78—82
2. Веснянки, Петровки и Купальныя пѣсни. Сообщилъ <i>В. В. Бояновскій</i>	83—89
3. Очеркъ литовскихъ свадебныхъ оракулъ. <i>А. Погодина</i>	90—97
4. О свадебныхъ обычаяхъ въ селѣ Корбанѣ, Кадниковскаго уѣзда Родогодской губерніи. <i>А. Балова</i>	98—99

Отдѣль III.

Критика и библіографія.

1. Свѣдѣнія о литовскихъ рукописяхъ. <i>С. Балтрамай-тика</i>	98—104
2. Русскіи былины старой и новой записи. Москва 1864 г. <i>А. Погодина</i>	104—107
3. Систематический указатель статей исторического журнала «Древняя и Новая Россія». Спб. 1893 г. <i>В. Б. Б.</i> 107	

Отдѣль IV.

Смѣсь.

1. Замѣтки по белорусской этнографіи. <i>М. Довнара-За-польского</i>	108—114
--	---------

Выпускъ II.

Отдѣль I.

Ізслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Отчетъ о поездкѣ въ Сувалкскую губ. <i>Г. Г. Гин-кена</i>	133—142
2. Нѣсколько словъ о говорахъ Лукояновскаго уѣзда Нижегородской губерніи. <i>Бор. Липунова</i> (съ картою)	143—177
3. Письма А. О. Гильфердинга — Кукулевичу — Сакчинскому. Сообщено проф. <i>П. А. Ку-лаковскимъ</i>	178—190
4. Одескіи скопцы. (Исто-рико-бытов. очеркъ). Ст. перв. 191—203	

Отдѣль II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Народныя сказанія о самоубійцахъ. Сообщилъ <i>В. Н. Добровольскій</i>	204—211
2. Рекрутчина. <i>А. Мельни-каю</i>	215—221
3. Сватки въ Корелѣ. <i>Н. Ф. Лѣскова</i>	222

Стр.	Стр.		
4. Мудрый Маччи. <i>Н. Ф. Льскова</i>	224	2. О народныхъ пѣсняхъ Татаръ, Башкиръ и Тенгтирай. <i>С. Рыбакова</i>	325—364
5. Шуть Григорій. <i>Н. Ф. Льскова</i>	226—229	3. Икутская свадьба. <i>В. Сирошевского</i>	365—374
6. Пастухи и дьяволъ. <i>Н. Ф. Льскова</i>	230—232	4. Объ обычаяхъ и обрядахъ при родахъ инородческихъ женщинъ Сибири и Средней Азии. Сообщилъ Докторъ <i>А. К. Бѣллиовский</i>	375—390
7. Приложение къ отчету <i>А. Л. Погодина</i> о поездкѣ въ Консекную губернию въ 1893 года. <i>А. Л. Погодина</i> . 233—258		5. Опытъ выясненія этническаго состава киргизъ-казаковъ большой орды и кара-киргизовъ на основаніи родословныхъ сказаний и сѣдѣй о существующихъ родовыхъ дѣлніяхъ и о родовыхъ тамгахъ, а также историческихъ данныхъ и начинаяющихся антропологическихъ изслѣдованій. <i>Н. Аристова</i>	391—486
Отдѣль III.			
Критика и библіографія.			
1. Замѣтки по изученію современной народной пѣсни. <i>В. Н. Перетцъ</i> Современная народная пѣсня. Сравнительные этюды. <i>Аркадій Ляшенко</i>	259—275	Отдѣль II.	
2. О трудахъ <i>А. Н. Веселовскаго</i> . <i>И. И. Жданова</i>	282	Памятники языка и народной словесности.	
3. О трудахъ <i>Е. Ф. Карского</i> . <i>А. И. Соболевская</i>	283	1. Материалы по литовской этнографіи. <i>Г. Г. Гинкена</i> . 487—498	
4. О переводахъ <i>П. С. Попова</i> . Сочиненія Мань-гу-ю-музи. <i>Н. И. Веселовская</i>	284	2. Корольская свадьба. <i>Н. Льскова</i>	499—511
5. Календарь и памятная книжка Вятской губерніи на 1894 годъ	285	3. Погребальные обряды корсаковъ. <i>Н. Льскова</i>	511—517
6. Памятная книжка Курской губ. на 1893 годъ	285	4. Китаби-Коркудъ. <i>В. Бартоломеа</i>	517—523
Отдѣль IV.			
Смѣсь.			
1. Пѣсни Рязанской губерніи. Сообщ. <i>О. Н. Семенова</i>	286—293	Отдѣль III.	
2. Наброски изъ міра народной педагогики. <i>Ие. Мам'кина</i>	294—298	Критика и библіографія.	
3. Любопытная находка. Письмо къ Редактору о рукописи сборникъ Кирши Данилова, принадлежавшемъ Малиновскому <i>Н. Чехова</i> . 299—300		1. Какъ давно Русскіе живутъ въ Карпатахъ и за Карпатами? <i>А. Соболевская</i>	524—526
Выпускъ III и IV.			
Отдѣль I.			
Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.			
1. Олекминскіе скопы. (Историко-бытовой очеркъ). Ст. втор. и посл. I-на.	301—324	2. О такъ называемой народной этимологіи. <i>А. Соболевская</i> . 526—528	
		3. О сравнительной миоологии Макса Мюллера. <i>А. Соболевская</i>	529
		4. Новые книги. <i>А. Погодина</i> . 530—540	
		5. Мелочи по киргизской и сартской этнографіи за 1894 г. <i>А. Липовская</i>	540—542
		6. Zur Geschichte russischer Hochzeitsbräuche von Gregor Krek. <i>А. Л.</i>	543
		7. Пѣсни Сѣверо-Восточной Россіи. <i>Арк. Линка</i>	543—544

Стр.	Отдѣлъ V.	Стр.
8. Лѣтопись историко-филологического общества. <i>Лрк.</i> <i>Л-ка</i>	Смѣсь.	
9. Свѣдѣнія о латовскихъ рукописяхъ. (Продолженіе). <i>C. Балтрамайтиса</i>	1. О происхожденіи названія г. Изборска и древняго на- селенія его окрестностей. <i>Ю. Трусмана</i>	
544	545 - 548	549 - 554